

ПАВЕЛ СУДОПЛАТОВ

Владимир
Антонов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Талантливый разведчик-нелегал, легендарный руководитель подразделений специального назначения органов государственной безопасности нашей страны в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период, он всегда действовал надежно и эффективно, защищая свою Родину, верность которой пронес через все испытания. Преданный и оболганный на пике своей карьеры, генерал Судоплатов провел 10 лет во Владимирской тюрьме, ожидая справедливой и полной реабилитации. В книге раскрываются некоторые неизвестные страницы жизни и деятельности выдающегося представителя отечественных спецслужб.

- [Владимир Антонов](#)
  - [Гроссмейстер разведки](#)
  - [Глава первая](#)
    - [Семья](#)
    - [Город детства](#)
    - [Революционные события. Гражданская война](#)
  - [Глава вторая](#)
    - [Переломный год](#)
    - [Перевод в Харьков](#)
  - [Глава третья](#)
    - [Необходимое отступление по поводу](#)
    - [Переход на работу в ИНО](#)
    - [Разведчик-нелегал](#)
  - [Глава четвертая](#)
    - [Подготовка операции](#)
    - [Реализация операции](#)
  - [Глава пятая](#)
    - [Несколько слов о природе репрессий](#)
    - [На грани ареста](#)
  - [Глава шестая](#)
    - [«Выслать из пределов СССР»](#)
    - [Операция «Сынок»](#)

- «Цель — ликвидация...»
- Глава седьмая
  - Переход на военное время
  - Особая группа НКВД СССР
  - Операция по дезинформации противника
  - Второй отдел НКВД СССР
  - Четвертое управление НКВД СССР
  - Операция «Монастырь»
  - Командировка на Кавказ
  - Операция «Березино»
  - Ялтинская конференция
- Глава восьмая
  - Операция «Энормоз»
  - Отдел «С» НКГБ СССР
  - Во главе Бюро № 2
- Глава девятая
  - Годы холодной войны
  - Поездка в Чехословакию
  - Командировка во Львов
- Глава десятая
  - Смерть Сталина
  - Арест Берии
  - Арест и следствие
  - Владимирская тюрьма
  - На свободе
- Глава одиннадцатая
- Основные даты жизни и деятельности П. А. Судоплатова
- Приложения
  - Приложение 1
  - Приложение 2
  - Приложение 3
  - Приложение 4
- Литература
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

- [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
-

Владимир Антонов
Павел Судоплатов

Гроссмейстер разведки

Если бы в разведке могли жить легенды, Павел Анатольевич Судоплатов непременно был бы героем одной из них. Но разведка не хранит преданий...

Леонид Шебаршин, начальник внешней разведки КГБ СССР в 1989–1991 годах

Деятельность генерал-лейтенанта государственной безопасности Павла Анатольевича Судоплатова, одного из талантливейших разведчиков-нелегалов, ставшего впоследствии заместителем начальника внешней разведки и руководителем ряда специальных подразделений органов государственной безопасности нашей страны, была связана с разработкой и осуществлением разведывательно-диверсионных операций с конца 1930-х до начала 1950-х годов, включая весь период Великой Отечественной войны.

Как и все его поколение, Судоплатов прошел сквозь перипетии первых послереволюционных лет, борьбы с врагами молодой Советской республики и тяготы Великой Отечественной. С первых дней войны он активно участвовал в чекистских операциях, шаг за шагом приближая Великую Победу.

«Это последний римлянин советской разведки, — писал о Судоплатове через год после его смерти журнал «Кто есть кто». — Его жизнь — роман о революционном потрясении страны и кровавой работе по устройству социалистической державы. Он взрывал, организовывал убийства, создавал партизанские отряды в годы Великой Отечественной войны, обеспечивал ценнейшей информацией советских ученых-атомщиков».

А известная российская журналистка Ольга Гарбуз в 2007 году, когда отмечался 100-летний юбилей Судоплатова, подчеркивала: «Сегодня рядом с именем этого выдающегося разведчика, совершенно в духе времени, легко встретить эпитеты “сталинского палача”, “гения террора” или даже “исполнителя злой воли кровожадных тиранов”. Считать террористами людей, подобных Судоплатову, многие годы рисковавших жизнью ради защиты нашего государства, могут лишь те

враги СССР, с которыми бесстрашные советские разведчики в конечном итоге и боролись».

Так кто же Судоплатов в конечном итоге: злодей или гений?

На этот вопрос сам Павел Анатольевич ответил в предисловии к своей книге воспоминаний: «Никаким террористом я, конечно, не был. Во всяком случае, никогда себя таковым не считал. Я был и остаюсь профессиональным революционером.

С риском для жизни я боролся против руководителей фашистской террористической организации ОУН в Европе и на Западной Украине, против террористов — подручных Гитлера — Коновальца и Шухевича, уничтоживших тысячи моих соотечественников.

Моя работа как раз и была направлена на противодействие террору, преступным элементам, которые вели тайную вооруженную борьбу с нашим обществом. Эти террористы действовали, как правило, под лозунгами борьбы с советским государством».

С первых дней Великой Отечественной войны Судоплатов занимался организацией всей диверсионно-разведывательной деятельности в тылу фашистских армий и на оккупированной советской территории. Будучи руководителем 4-го управления НКВД СССР, защищал кавказские нефтепромыслы, участвовал в стратегических радиоиграх с абвером и гестапо, курировал деятельность партизанских отрядов, информировал советских ученых о достижениях США и Англии в области разработки атомного оружия. За выполнение каждого из этих заданий он был удостоен правительственных наград, его ставили в пример как образец инициативного руководителя разведки.

Павел Судоплатов уже при жизни считался гроссмейстером сталинской политической разведки. Но судьба распорядилась так, что его имя на долгие годы было вычеркнуто из истории отечественных органов государственной безопасности.

Ратные дела и активная работа легенды советской разведки — генерала Судоплатова были отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, орденами Суворова II степени и Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, в том числе — боевой медалью «Партизану Отечественной войны» I степени, пользовавшейся особым уважением у населения нашей страны в военный и послевоенный периоды,

высшей ведомственной наградой — нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД» и... 15-летним тюремным заключением с последующим поражением в политических правах на три года.

В 1953 году Судоплатов был несправедливо арестован как «ближайший пособник Берии» и отсидел в камере знаменитой Владимирской тюрьмы весь срок, как говорится, «от звонка до звонка». Лишь в феврале 1992 года бывший генерал-чекист был полностью реабилитирован. А в октябре 1998 года, через два года после его смерти, семье генерала возвратили заслуженные им боевые награды.

Деятельность генерал-лейтенанта Павла Анатольевича Судоплатова в органах государственной безопасности нашей страны отражена в экспозиции Зала истории внешней разведки России. Его именем названы улицы в городах Смоленске и Гагарине.

В предлагаемой читателю книге мы попробуем более подробно остановиться на некоторых моментах боевой биографии Судоплатова и попытаемся ответить на волнующий нас вопрос: почему на склоне лет, уже после развала Советского Союза, разведчик признавался, что тяжелые личные испытания, выпавшие на его долю, не убили в нем преданности стране, за которую он был готов отдать жизнь?

Глава первая

Мелитополь. Детские и юношеские годы

*Мы все спешим за чудесами,
Но нет чудесней ничего,
Чем та земля под небесами,
Где крыша дома твоего...*

Михаил Пляцковский

Семья

Павел Анатольевич Судоплатов родился в 1907 году на Украине, в городе Мелитополе. Мать его, Феодосия Терентьевна Палыга, была молдаванкой из Тирасполя, отец — украинцем.

Точного дня своего рождения, судя по всему, Павел Анатольевич не знал. Хотя позже он отмечал его 7 июля, эта дата могла быть и условной. Незадолго перед смертью Судоплатов вспоминал, что его крестили в русской православной церкви на день Петра и Павла. По всей вероятности, день его рождения был недалек от даты крещения, отсюда и имя — Павел.

Отец Павла Анатолий Судоплатов часто менял профессии: был разнорабочим, мельником, пекарем, булочником, поваром, официантом. Мать вела домашнее хозяйство, занималась многочисленным семейством. Однако после смерти мужа она была вынуждена стирать чужое белье на дому. В семье было пятеро детей — четыре мальчика и девочка. Жили Судоплатовы небогато, с трудом сводя концы с концами. У семьи не было никакой собственности. Родители арендовали маленькую двухкомнатную квартиру в небольшом одноэтажном доме, принадлежавшем частному домовладельцу.

До десяти лет у Павла было обычное детство: мелитопольская городская школа с изучением Нового и Ветхого Завета и основ русского языка, поскольку в царское время преподавание украинского языка в школах запрещалось. Пользовались им лишь в качестве разговорного, на бытовом уровне. Кстати, уже в зрелом возрасте дома Павел Анатольевич иногда разговаривал со своими сыновьями на украинском языке. В шутку называя их «хохлятскими детьми», он разучивал с сыновьями украинские песни, иногда сам напевал по-украински, когда укладывал их спать.

В год революции и прихода к власти большевиков умер от туберкулеза отец Павла. Заботы о семье легли на плечи матери и его старшей сестры. Детство героя нашей книги закончилось.

Как уже отмечалось, в семье Судоплатовых кроме Павла было еще четверо детей, он был по возрасту четвертым. Старшая среди детей —

сестра Надежда. После войны она работала бухгалтером в системе Министерства медицинской промышленности, проживала в Москве вместе с престарелой матерью. Павел Анатольевич постоянно поддерживал их материально. Со слов его родственников, Павел вообще был человеком с очень обостренными родственными чувствами и всегда стремился помочь, чем мог, своим близким.

Старший брат Николай, оказавший наибольшее влияние на Павла, в 1918 году добровольно вступил в Красную армию. Через два года он стал бойцом в отряде ЧК, а затем почти непрерывно участвовал в боях на разных фронтах. В 1922 году Николай погиб на польской границе, исполняя служебный долг.

Другой брат, Григорий, также служил в Красной армии. После демобилизации в январе 1946 года он находился на хозяйственной работе, являлся директором Киевского консервного завода.

Младший брат Константин по примеру Павла работал в органах государственной безопасности, однако большой карьеры не сделал. Многие годы он являлся рядовым сотрудником в аппарате МГБ Московской области, откуда и был уволен в 1953 году.

Город детства

Мелитополь, в котором Павел появился на свет, несмотря на то что располагался в богатом фруктами регионе, представлял собой унылое зрелище. Один из прогрессивных деятелей конца XIX — начала XX века оставил потомкам такой отзыв о городе того времени: «Проездом посетил Мелитополь. Самая настоящая дыра. Изо всех достопримечательностей — пожарная каланча. Пренеприятнейшее местечко, хуже его на Украине разве что Жмеринка».

Первые населенные пункты на месте Мелитополя (Киз-Яр и Новоалександровка) возникли в 1785–1814 годах. В 1842 году село Новоалександровка, располагавшееся на правом берегу реки Молочной^[1], было переименовано в город Мелитополь и стало центром Мелитопольского уезда. В конце XIX века благодаря торговле зерном город богател, разрастался и уже в начале XX века стал важным промышленным центром региона.

Следует отметить, что земли, расположенные на месте впадения Молочной реки в Молочный лиман и относившиеся ранее к территории Крымского ханства, по манифесту Екатерины II от 8 апреля 1783 года вошли в состав Российской империи. Этому способствовал, в частности, ряд военных поражений, нанесенных в XVII веке Российской империей Крымскому ханству и Османской империи.

Как утверждают историки, топоним Мелитопольский возник на карте 2 февраля 1784 года, когда на месте Крымского ханства указом Екатерины II была учреждена Таврическая область, один из уездов которой был назван Мелитопольским. Однако из-за слабой заселенности края уезд долгое время не имел столицы. Лишь в 1796–1797 годах столицей уезда стало селение Большой Токмак, а с 1801 года — Орехов.

До сих пор называются разные даты основания Мелитополя: от 1785 до 1814 года. В эти годы на территории будущего города существовали лишь небольшие населенные пункты. Так, когда в 1796 году на Молочные Воды пришли новые поселенцы, в существовавшем уже селении Киз-Яр было всего семь хат.

В 1807–1808 годах на правом берегу Молочной реки ненадолго поселились ногайцы Едисанской и Буджакской орд, пришедшие из Бессарабии. Ногайский аул Киз-Яр, расположенный по обе стороны Кизиярского ручья, значительно расширился. В дальнейшем образовавшееся здесь село Кизияр было включено в состав Мелитополя на правах исторического района города.

В конце XIX века мелитопольский чиновник Павел Дзякович записал старинную ногайскую легенду о происхождении названия «Киз-Яр» («Кизияр»). В ней, в частности, говорится:

«Давным-давно, еще до прихода татар в Крым, в балке Киз-Яр, которая в то время была покрыта лесом, жило племя женщин-амазонок. Воительницы были храбрыми, хорошо стреляли из лука, рубились мечом, ездили верхом и часто в сражениях побеждали мужчин соседнего племени. Пленные становились мужьями амазонок. Их судьба была тяжелым испытанием: черная работа, частые травмы, а когда избранником были недовольны — его убивали. Из новорожденных в живых оставляли только девочек.

Руководила амазонками, водила их в бой прекрасная девушка-воительница. Так было до тех пор, пока она не попала в плен. Воительница влюбилась в царевича мужского племени, но не захотела подчиняться общей участи всех женщин и выйти замуж. Выкупив себя, царица вернулась в родное племя, но не смогла перебороть свою любовь. Она собрала всех своих соплеменниц и приказала сжечь себя на костре. С тех пор и появилось название балки Киз-Яр («киз» — «девушка», «яр» — «балка»).

Легенда об амазонках, живших на территории Мелитополя, нашла подтверждение в 1948 году, когда на территории силикатного завода, находившегося как раз в Кизиярской балке, было найдено захоронение женщины-воительницы. Ее голова была украшена золотой диадемой, на груди, руках и ногах также были драгоценные украшения, а рядом находились меч, котел и конское седло, украшенное накладными золотыми бляхами.

После того как Россия и Османская империя в 1812 году заключили Бухарестский мирный договор, многие ногайцы воспользовались правом вернуться в Османскую империю. По некоторым данным, около трех тысяч ногайцев покинули тогда

территорию Мелитопольского уезда. Освободившиеся земли начали заселяться государственными крестьянами.

26 июня 1813 года таврический губернский землемер Мухин получил из Таврической казенной экспедиции документ, в котором отмечалось, что «в губернское Правление обратилось 334 души мужского пола крестьян из села Тимошевки с просьбой о переселении, в связи с недостатком воды в селе, на землю, оставшуюся в Мелитопольском уезде пустопорозжею, в урочище Кизияре, где имели место жительства отправившиеся за границу буджакские татары».

В 1814 году Таврическая казенная экспедиция направила землемеру Мухину указ № 3943 от 10 августа, в котором отмечалось, что «Мелитопольский земской суд назначил в урочище Кизияр место, где церкви и домам быть, и позволил селиться там из числа тимошевских жителей первым 95 душам крестьян, кои для поселения там на основании указа сей экспедиции уже прибыли и зачали строиться». Этим же указом Мухину было велено «земли отдать под поселение слободы с наименованием Кизияр тамошним жителям».

С 1814 года население Кизияра стало быстро расти. Вскоре поселение было названо Новоалександровкой, хотя старое название Кизияр также продолжало использоваться.

В 1815 году жители Новоалександровки выступили с прошением построить в селении деревянную церковь в честь святого Александра Невского, и в 1816 году храм был построен.

В 1834 году Новоалександровка располагалась по обе стороны от Кизиярской балки и включала 297 дворов. В селе стояла деревянная церковь во имя Александра Невского, работало шесть лавок и два питейных дома. Начиная с 1821 года в селе трижды в год проходили ярмарки: в неделю Христова воскресенья, 29 июня — в день апостолов Петра и Павла и в день святого Николая в декабре. Торговали на ярмарках скотом, шелковыми и бумажными товарами.

16 апреля 1838 года по проекту графа Воронцова было принято решение «для Мелитопольского уезда учредить уездным городом казенное село Новоалександровку, переименовав оное в город Мелитополь».

Хотя на документе рукой Николая I было написано «Исполнить», осуществление проекта затянулось, и только 7 января 1842 года

Николай I подписал указ «О новом устройстве полицейского управления северной части Таврической губернии», по которому Новоалександровка переводилась в разряд городов, назначалась центром Мелитопольского уезда и переименовывалась в Мелитополь. В город были переведены уездное управление, уездный суд, земский суд, уездное казначейство, созданы городское управление, городская полиция, тюрьма. Проектирование и строительство новых зданий для присутственных мест затянулось, и долгое время они размещались в арендуемых домах.

До 1867 года городом управляли руководитель городской полиции — городничий (до 1863 года) и исправник (1863–1867 годы). В мае 1867 года в Мелитополе было введено упрощенное городское хозяйственное управление, и во главе города стал городской староста. После принятия Городового положения 16 июня 1870 года Мелитополем управлял городской голова, избираемый городской думой.

В 1897 году в городе насчитывалось около пятнадцати с половиной тысяч человек (русских — 43 процента, евреев — 40 процентов, украинцев — 9 процентов).

В 1907–1908 годах мелитопольский предприниматель Илья Стамболи (1871–1954) построил в городе Зимний театр, первый кинотеатр (как его тогда называли — электробиограф), летний сад с эстрадой и лодочной станцией на берегу Молочной реки.

В 1869, 1879 и 1898 годах в Мелитополе проходили крупные сельскохозяйственные выставки.

Революционные события. Гражданская война

Революция пришла в Мелитополь с опозданием — об отречении Николая II жители узнали значительно позже свершившегося факта, и виной тому была плохо налаженная связь. Но постепенно и здесь стали проводиться митинги социал-демократов, избирались представители в местный Совет. В целом до Октябрьской революции в городе текла мирная жизнь.

Биограф Павла Судоплатова санкт-петербургский писатель Виктор Степаков отмечал: «Известие об отречении от престола Николая II в Мелитополе встретили достаточно сдержанно, если не сказать равнодушно. Больше разговоров было вокруг Временного правительства. А в городской школе, где учился десятилетний Павел, о конце самодержавия напоминал лишь учитель естествознания по фамилии Нуйкин. Он ходил, нацепив на грудь красный бант размером с арбуз, напевал “Марсельезу” и дерзко поглядывал на директора школы, монархиста и старого дурня».

Более подробно об обстановке в городе в тот период рассказал позже местный историк Борис Михайлов. В своей довольно обширной и интересной работе «Мелитополь: природа, археология, история» он писал: «Известия о бурных событиях на фронте и в Петрограде из-за отсутствия надежной связи с центром доходили в Мелитополь с большим опозданием. Февраль 1917 года в городе прошел спокойно, и, когда пришла телеграмма об отречении от престола императора Николая II, местная Дума растерялась...

Только 4 марта 1917 года по инициативе социал-демократов были организованы митинги на мелитопольских предприятиях. На них рабочие выбирали своих представителей, по одному депутату от 50 человек, в местный Совет. Руководителями первого Совета стали меньшевики: председателем был избран А. Бархатов, а заместителем — Н. Пахомов.

После выборов на улицы города вышли многочисленные толпы народа с транспарантами “Долой войну”, “Да здравствует свобода” и направились на базарную площадь. Здесь перед Александро-Невским собором прошел митинг, главной темой которого было свержение

русского царизма и поддержка Временного правительства в Петрограде. Затем депутаты Мелитопольского Совета посетили воинские части, расквартированные в городе, провели переговоры с солдатами о присоединении их к революционному народу и о выборе делегатов от солдат в местный Совет».

Также 4 марта Совет избрал исполнительный комитет, которому были поставлены задачи по организации рабочих, солдат и крестьян, улаживанию конфликтов между рабочими и предпринимателями, ослаблению эксплуатации рабочих, созданию продовольственных комитетов, обезоруживанию полиции и замене ее милицией из рабочих.

Однако планы, намеченные Советом рабочих и солдатских депутатов, осуществлялись достаточно вяло. Социал-демократы (большевики и меньшевики), эсеры, либералы и другие партии вели в Совете в основном борьбу за портфели. Директивы Временного правительства практически не доходили до исполнения, и влияние центральной власти на события в городе оказывалось минимальным.

«Известие об октябрьском перевороте 1917 года в Петрограде, — отмечал Борис Михайлов, — пришло в Мелитополь утром 26 октября (8 ноября). Вечером того же дня в зимнем театре Стамболи собрался Совет рабочих и солдатских депутатов, на котором с информацией о политическом моменте выступил Н. Пахомов, к тому времени поменявший свои политические взгляды, став на путь большевизма...

Зал театра не вмещал всех желающих. Пахомов, открывший заседание, проинформировал собравшихся о падении буржуазного Временного правительства... После выступлений нескольких ораторов была однозначно одобрена резолюция, которая провозгласила, что с 26 октября (8 ноября) 1917 года в Мелитополе власть принадлежит Совету рабочих и солдатских депутатов, а городская управа и земство распускаются».

Меньшевики и эсеры не решились оказать новому режиму открытое сопротивление. Среди населения, особенно его беднейших слоев, возник революционный подъем, который, однако, по вине провокаторов, пьяных хулиганов и солдат-дезертиров вылился в уличные беспорядки, закончившиеся поджогами, погромами и расхищением заводской продукции. Так, уже вечером 26 октября

произошел пожар на винокуренном заводе Хохловкина, а уцелевшие от огня бутылки со спиртными напитками были разворованы.

27 октября среди пьяных хулиганов, дезертиров и солдат появились агитаторы, призывавшие толпу к грабежам и еврейскому погрому. В этот же день на гарнизонном собрании Совета активизировались сторонники захвата государственной власти, неповиновения начальству и ареста офицеров.

28 октября военнослужащие располагавшегося в Мелитополе 42-го запасного полка, прибывшие из Симферополя две роты 34-го запасного полка, отряд Красной гвардии и солдаты мотоциклетной команды попытались остановить погром и навести в городе порядок. Были задержаны 95 зачинщиков беспорядков, в том числе 23 уголовных преступника и 13 солдат-дезертиров.

Только утром 30 октября на улицах Мелитополя было установлено относительное спокойствие. В тот же день в город прибыл отряд из 376 военных моряков под командованием Н. Пожарова, но их помощь в подавлении беспорядков уже не потребовалась.

20 декабря 1917 года Мелитопольский совет полностью перешел под контроль большевиков. В январе 1918 года в Мелитополе были созданы военно-революционный трибунал и военно-революционный штаб. С 21 по 23 января прошли съезды городского и уездного Советов.

Тем временем в Киеве власть захватила Центральная рада, объявившая себя высшим органом Украинской народной республики (УНР). А собравшийся в конце декабря 1917 года в Харькове 1-й Всеукраинский съезд Советов объявил Центральную раду вне закона.

На Украине началась вооруженная борьба между воинскими формированиями националистической рады и революционными частями. 8 февраля 1918 года революционные части при поддержке восставших рабочих завода «Арсенал» заняли Киев. К концу месяца власть большевиков утвердилась на всей территории Украины за исключением Волыни, куда бежала Центральная рада.

Вспоминая о том периоде, Павел Судоплатов писал: «Мое восприятие событий того времени можно считать типичным для семей с низким достатком, которым нечего было терять. Вполне естественно, я всей душой поверил, прочтя написанную Бухариным “Азбуку революции”, что общественная собственность будет означать

построение справедливого общества, где все будут равны, а страной будут управлять представители крестьянства и рабочего класса в интересах простых людей, а не помещиков и капиталистов».

По примеру старшего брата, который добровольно вступил в ряды Красной армии, Павел в 12 лет дважды убежал из дома, чтобы с оружием в руках защищать власть рабочих и крестьян. Но по малолетству его возвращали домой.

Между тем к лету 1918 года на Украине при поддержке германских и австро-венгерских интервентов была вновь установлена власть Центральной рады, которую вскоре сменило правительство гетмана Скоропадского. Войска Красной армии под руководством Владимира Антонова-Овсеенко ввиду своей малочисленности были вынуждены отступать по всем направлениям. В губерниях и населенных пунктах для борьбы с оккупантами и гайдамаками было организовано большевистское подполье. По официальным данным, в повстанческом движении, охватившем Киевскую, Черниговскую, Херсонскую, Полтавскую, Екатеринославскую и другие губернии, участвовало в общей сложности до трехсот тысяч человек.

Круговерть Гражданской войны не обошла стороной и провинциальный Мелитополь. В начале апреля 1918 года в город на бронепоезде «Свобода или смерть» ворвались анархисты. Вскоре он был оккупирован отрядами белогвардейцев. 20 мая 1918 года Мелитополь был занят объединенными австро-немецкими войсками.

Хотя мелитопольская буржуазия, часть интеллигенции и особенно немецкие колонисты уезда приветствовали новый режим, сопротивление ему также было значительным. В городе активно работала подпольная большевистская группа, занимавшаяся пропагандой и боевыми акциями.

Юный Павел Судоплатов был свидетелем всех этих событий. У него на глазах входили в город колонны кайзеровских солдат в тяжелых стальных шлемах. Интервенты, озабоченные наведением дисциплины и порядка, по ночам расстреливали в Волчьей балке местных жителей, заподозренных в связях с большевиками или в саботаже. Сменившие германских вояк гайдамаки гетмана Скоропадского, клявшиеся в своей любви к Украине и ненавидевшие кацапов-москалей, большевиков и жидов, сразу же устроили в городе еврейский погром. Жизнь в Мелитополе была беспокойной и опасной.

29 ноября 1918 года в Мелитополь вошла Добровольческая армия генерала Деникина. Первым ее действием стала мобилизация молодых людей в армию, которая натолкнулась на сопротивление населения. Даже расстрелы активных отказников не дали результата. Попытка провести мобилизацию в селах лишь спровоцировала народные волнения.

4 января 1919 года по постановлению Реввоенсовета Республики на базе войск Украинской советской армии был образован Украинский фронт под командованием Антонова-Овсеенко. Его войскам противостояли воинские формирования правительства украинской Директории^[2], сменившей в ноябре 1918 года режим гетмана Скоропадского, войска генерала Деникина и Антанты^[3], захватившие Крым и ряд южных губерний Украины.

В конце февраля 1919 года части Харьковской группы войск Украинского фронта перешли в наступление. В марте бойцы Украинского фронта вошли в Мелитополь. Им активно помогали подпольщики-большевики. Подавляющее большинство населения города встречало красноармейцев с ликованием. На улице Павел Судоплатов случайно познакомился с одним из организаторов большевистского подполья в городе, активным борцом за советскую власть Игнатом Васильевичем Булыгой, работавшим в местных механических мастерских. Это знакомство окончательно определило дальнейшую судьбу юноши.

С приходом красных Булыга возглавил боевой отряд, сформированный из рабочих механических мастерских, перед которым была поставлена задача поддерживать революционный порядок в городе и охранять важные городские объекты. Павел стал порученцем при командире. Целыми днями он носился по городу, передавая устные и письменные распоряжения Игната Булыги, часто даже ночевал в штабе, чтобы всегда быть у него под рукой.

Между тем войска Украинского фронта развивали наступление по двум направлениям: основные силы Киевской группы — на запад, Харьковской группы — на юг. Правда, не всегда им сопутствовал успех. Так, с серьезными трудностями столкнулись части Киевской группы в районе Коростеня, встретившись со скрытно переброшенными туда двумя дивизиями стрелцов Коновальца. Положение спасли 1-я Украинская советская дивизия Н. А. Щорса и

ряд боеспособных частей, отозванных из Харьковской группы. К началу апреля положение в районе Коростеня было восстановлено.

В то же время Верховный совет Антанты, вынужденный признать бесперспективность дальнейшего пребывания французских экспедиционных сил на Украине, принял решение о их эвакуации морем. Вскоре войска Антанты ушли из Одессы, прихватив с собой 122 транспортных судна с награбленным имуществом. 6 апреля в Одессу вошли части Красной армии.

Приказом командующего Украинским фронтом Харьковская группа войск и оперативная группа войск одесского направления были преобразованы соответственно во 2-ю и 3-ю Украинские советские армии, а на базе Крымской ударной группы была развернута Крымская советская армия.

К маю 1919 года в ходе успешного наступления войск Украинского фронта от белогвардейцев и интервентов были освобождены большая часть Украины и Крым. Однако серьезные ошибки командования Украинского фронта привели одновременно к осложнению боевой обстановки в Донбассе. 4 мая белогвардейцы заняли Луганск, учинив кровавую расправу над рабочими и ранеными красноармейцами.

7 мая 1919 года в тылу Украинского фронта поднял мятеж командир формируемой 6-й Украинской советской дивизии Н. А. Григорьев^[4]. Мятежники захватили Екатеринослав^[5] и устремились к Полтаве. 10 мая Совет обороны Украины объявил предателя и авантюриста Григорьева вне закона. 17 мая советским войскам удалось блокировать район мятежа. К 31 мая после упорных кровопролитных боев григорьевцы были разгромлены. Общее командование операцией осуществлял нарком внутренних дел Украины Климент Ворошилов.

Однако отвлеченные на подавление мятежа силы не смогли своевременно оказать действенную помощь войскам фронта против белогвардейцев. В начале мая группировка генерала В. З. Май-Маевского внезапным ударом прорвала оборону Южного фронта. Противник ввел в сражение свежую Кавказскую армию генерала Врангеля. Имея почти двойное превосходство в силах, белогвардейцы захватили инициативу и перешли в наступление по всему фронту.

В эти тревожные дни в Мелитополе был объявлен набор добровольцев в Красную армию. Председатель комиссии по приему добровольцев Игнат Булыга ходил мрачнее тучи: городские обыватели к этому мероприятию отнеслись равнодушно, а проникшие в руководство города предатели сумели помешать призыву представителей пролетариата.

В середине июня через Мелитополь потянулись отступающие части 2-й Украинской советской армии. А 26 июня вместе с отступающими красноармейцами из города уходил и рабочий отряд под командованием Игната Булыги. Вместе с командиром город покинул и Павел Судоплатов, зачисленный полноправным бойцом Мелитопольского рабочего отряда.

Как признавался значительно позже сам Павел Анатольевич в беседе с московскими тележурналистами, свой жизненный выбор раз и навсегда он сделал 26 июня 1919 года, и для него этот выбор был верным.

Знаменательно, что Судоплатов присоединился к большевикам не во время их наступательных успехов, а в момент отступления и трагического развала Украинского фронта летом и осенью 1919 года. Это, как нам представляется, говорит о многом. Впрочем, он уже и раньше дважды убежал из дома, чтобы вступить в Красную армию: один раз сам вернулся, в другой — его вернули: ведь в то время ему едва минуло 12 лет. А сам Павел Анатольевич в автобиографии писал: «Я, до этого дважды удиравший из дома с целью поступления в Красную Армию, решил еще раз попытать счастья и снова удрал из дома. На этот раз я ушел из города вместе с уходившими мелитопольскими рабочими. Километрах в 30 от города, в селе Веселое, комиссар сделал было попытку вернуть меня домой, но из этого ничего не получилось. Я удрал от него в роту, и бойцы оставили меня у себя. Так дошел вместе с рабочими до города Никополя Запорожской области».

В Никополе был сформирован 1-й Мелитопольский рабоче-крестьянский полк, вскоре переименованный в 1-й ударный. Его основу составили рабочие-мелитопольцы. В одной из стрелковых рот полка, которой командовал Игнат Булыга, начал свою службу Павел Судоплатов.

29 июня 1919 года в Мелитополь вновь вошла Добровольческая армия Деникина. Большевики снова ушли в подполье. Вскоре деникинцев сменили анархисты Повстанческой армии Нестора Махно. В первых числах января 1920 года бойцы Красной армии освободили город, захватив вражеский бронепоезд и много другой военной техники.

Летом 1920 года дислоцированная в Крыму белогвардейская Русская армия под командованием барона Врангеля развернула боевые действия против Красной армии. В начале июня солдаты корпуса генерала Слащева вновь захватили Мелитополь.

Лишь в конце 1920 года советская власть на Мелитопольщине установилась окончательно. Начался советский этап в развитии города и района, в котором пришлось принимать непосредственное участие и Павлу Судоплатову. Но об этом мы поговорим чуть позже. А пока вернемся в город Никополь, где формировался 1-й ударный полк, в котором он официально начал свою военную службу.

Итак, только что сформированный в Никополе 1-й ударный полк в районе Карнауховских хуторов вступил в боевое столкновение с частями 3-го кубанского казачьего корпуса генерала Шкуро и... был разгромлен. Зашедшая в тыл полка казачья сотня лавой обрушилась на плохо вооруженных и неопытных красноармейцев, которые, не выдержав удара, обратились в паническое бегство.

Вместе со всеми бежал и Павел Судоплатов. От неминуемой гибели его спасло то, что с небольшой группой однополчан он успел спрятаться в глубоком овраге, заросшем густым кустарником. Преследуя основную массу красноармейцев, казаки пронеслись мимо их убежища. Однако вскоре вернулись и захватили прятавшихся в овраге в плен. Правда, опьяненные легкой победой, казаки были настроены неагрессивно. Вместо жестокой расправы над красноармейцами они погнали пленных на хутор и заперли в амбаре.

Той же ночью казаки устроили грандиозную пьянку, к которой присоединились и караульные. Воспользовавшись отсутствием охраны, пленные сделали подкоп, выбрались из сарая и скрылись в степи. Кстати, в ноябре 1938 года кратковременное пребывание двенадцатилетнего Судоплатова в плену у казаков атамана Шкуро едва не сыграло в его судьбе роковую роль. Но об этом речь впереди.

Отбившись от своих в ночной темноте, Павел остался один. Утром, определив нужное направление, он отправился в Никополь, надеясь там присоединиться к остаткам своего полка. По дороге он столкнулся с группой красноармейцев, также пробиравшихся в город. От одного из однополчан Павел узнал о гибели своего командира Игната Булыги.

В Никополе Судоплатова зачислили во 2-й ударный полк 5-й Заднепровской дивизии, который вскоре был переброшен в Николаев, а оттуда — в Одессу, где вошел в состав городского гарнизона.

В начале августа 1919 года противник высадил мощный десант в районе Сухого лимана и начал наступление на Одессу. Ликвидировать белый десант не удалось. Вскоре город был взят белыми.

Судоплатову не удалось покинуть Одессу вместе с отступавшими красными войсками. Из-за крупозного воспаления легких он лежал с высокой температурой в переполненной палате городской больницы. Белые, искавшие в больнице раненых красноармейцев, не обратили на мальчишку никакого внимания.

В первых числах сентября Павел выписался из больницы. Несколько месяцев беспризорничал, подрабатывая на жизнь в порту и на базаре.

В начале 1920 года группа красных армий Юго-Западного фронта перешла в наступление, чтобы освободить от белогвардейских войск южную часть Правобережной Украины. В ночь на 7 февраля кавалерийская бригада Котовского и стрелковые части 41-й дивизии начали наступление на Одессу. Одновременно в городе началось вооруженное выступление рабочих, которым руководил подпольный ревком. Павел Судоплатов принимал участие в уличных боях: подносил патроны, перевязывал раненых, помогал вылавливать спрятавшихся по подвалам и чердакам белогвардейцев.

К утру 8 февраля 1920 года красные освободили Одессу. Судоплатов вновь вступил в ряды Красной армии. Его определили в роту связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии. Вместе с бригадой он был направлен на фронт и оставался там вплоть до окончания советско-польской войны. Уже в наши дни сын Судоплатова Андрей, изучавший боевой путь дивизии в тот период, рассказывал: «41-я дивизия участвовала в разгроме войск Деникина в нижнем течении реки Днестр, затем в обороне Черноморского побережья

и Днестра. Затем дивизия была переброшена на Польский фронт, в апреле — июне 1920 года участвовала в боях с белополяками в районе среднего течения реки Днестр, а также в боях против отрядов украинских националистов во главе с Тютюнником; в июне — июле — в наступлении в районе Волоческ — Кременец — Каменец-Подольский; в июле — августе — в форсировании рек Збруч, Серет, Золотая и Гнилая Липа, освобождении городов Теремовль, Чертков, Галич, Рогатин. Однако после поражения советских войск под Варшавой дивизия отошла в район Каменец-Подольского.

В ноябре 1920 года 41-я дивизия участвовала в ликвидации петлюровских партизанских отрядов и освобождении городов Могилев-Подольский и Каменец-Подольский. 21 декабря того же года дивизия была сведена в бригаду и влита в 44-ю дивизию 12-й армии, а с января 1921 года вошла в состав Киевского военного округа. В это время бойцам дивизии приходилось вести ожесточенную борьбу с отрядами украинских националистов, а также с махновскими бандами, совершавшими рейды по Правобережной Украине».

Глава вторая

Становление чекиста

Молодость — это мечта. Это — вера. Это — тяготение к подвигу. Это — лирика и романтика. Это — большие планы на будущее. Это — начало всех перспектив.

Константин Ушинский

Переломный год

1921 год стал переломным в жизни Павла Судоплатова. К этому времени 44-я стрелковая дивизия была переведена в город Житомир, являвшийся тогда центром Волынской области. В политотделе дивизии обратили внимание на молодого смышленного красноармейца с приличным по тем временам образованием и решили направить его в Киев на ускоренные курсы политработников.

Павел дал согласие на учебу, однако стать политработником ему не довелось. При выполнении оперативного мероприятия сотрудники Особого отдела дивизии попали в засаду, устроенную украинскими националистами. Многие из чекистов погибли. «В Особом отделе, понесшем тяжелые потери, — рассказывал позже Судоплатов, — срочно потребовался телефонист, он же — шифровальщик. Так я был послан на работу в органы государственной безопасности. Это было началом моей службы в ВЧК — КГБ.

В дивизии, где я служил, вместе с нами сражались поляки, австрийцы, сербы и даже китайцы. Последние были очень дисциплинированы и дрались до последней капли крови. Борьба шла жестокая, и случалось, что целые деревни оказывались уничтоженными украинскими националистами и бандформированиями: всего в ходе гражданской войны на Украине погибло свыше миллиона человек. Мое поколение вскоре привыкло к жестокостям этой войны, потерям и лишениям. Мы считали все это вполне естественным. В состоянии войны страна находилась с 1914 года, и трагедия России заключалась в том, что до самого конца Гражданской войны, то есть до 1922 года, создать стабильное общество, опирающееся на нормальные, гуманистические ценности, не представлялось возможным».

Как нам представляется, здесь необходимо отметить, что Особый отдел ВЧК был образован в январе 1919 года под руководством видного революционера Михаила Кедрова. Подчиненные ему особые отделы создавались при всех фронтах, армиях, дивизиях, а также в губернских ЧК. Они занимались выявлением вражеской агентуры в Красной армии, ее штабах, на фронтах и в тылу, борьбой с

саботажем и диверсиями на железных дорогах, в продовольственных и других организациях, имевших отношение к обороне республики. Поскольку в годы Гражданской войны советское правительство привлекло на службу в Красную армию до сорока тысяч бывших царских генералов и офицеров, среди которых оказалось немало белогвардейских агентов, сотрудники особых отделов выявляли их, тайно внедряясь в штабы Красной армии и вербуя осведомителей в армейских частях. О их принадлежности к особым отделам знал ограниченный круг лиц. Сотрудники особых отделов вели также разведку за линией фронта и в ближайшем тылу, внедрялись в белогвардейские организации и в штабы армий интервентов, так как в тот период в ВЧК еще не было Иностранного отдела. Особисты входили в состав военных трибуналов РККА, рассматривавших дела об измене и вредительстве, а также «в отношении всех преступлений, направленных против военной безопасности Республики».

О том, какое значение приобрели особые отделы в годы Гражданской войны, свидетельствует тот факт, что 18 августа 1919 года решением ЦК РКП(б) начальником Особого отдела ВЧК был назначен Ф. Э. Дзержинский, одновременно являвшийся председателем ВЧК. В июле 1920 года на этом посту его сменил будущий председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский. Заслуги Особого отдела ВЧК в борьбе с военным шпионажем и вредительством были отмечены приказом Реввоенсовета республики от 20 декабря 1922 года, наградившим его орденом Красного Знамени.

В начале своей чекистской деятельности четырнадцатилетний Павел Судоплатов занимался в основном различной технической работой. Он был письмоводителем, регистратором, машинистом-систематизатором. Кроме того, опыт, приобретенный при выполнении обязанностей телефониста, а затем шифровальщика, оказался полезен. Павел печатал документы с грифом «секретно», направляемые командованию, и расшифровывал телеграммы, получаемые руководством Особого отдела непосредственно от главы ВЧК Феликса Дзержинского. Постепенно Судоплатова стали привлекать к выполнению боевых чекистских операций.

Главной задачей Особого отдела дивизии в то время было оказание помощи местному ЧК в проникновении в бандитское подполье украинских националистов, руководимых Петлюрой

и Коновальцем. Вооруженные банды националистов-подпольщиков вели активную диверсионную работу против органов советской власти на местах. Чекистам удалось установить диалог с их руководителями и провести с ними ряд неофициальных переговоров. Судоплатов выступал содержанием явочной квартиры, где проводились эти переговоры, и обеспечивал их безопасность. «Опыт общения с главарями формирований украинских националистов, — подчеркивал Судоплатов, — помог мне в дальнейшем. На своей собственной шкуре испытал я, каково иметь дело с заговорами в подполье». Следует отметить, что во время службы в Житомире в начале 1923 года Павел вступил в комсомол.

Не менее важным направлением деятельности Особого отдела, в которой принимал участие молодой чекист Судоплатов, являлось проведение контрразведывательных операций, направленных против шпионов и диверсантов.

Война с украинскими националистами продолжалась почти два года и закончилась компромиссом: их главари приняли амнистию, которую дало им правительство советской Украины. «Произошло это лишь после того, — отмечал в своих воспоминаниях Павел Анатольевич, — как кавалерийский отряд в две тысячи сабель, посланный Коновальцем в Житомир, был окружен частями Красной Армии и сдался. Банда Коновальца потерпела сокрушительное поражение. В этих боях погиб мой старший брат Николай, служивший в погранвойсках на польской границе. Я же подал рапорт о переводе в Мелитополь, чтобы быть поближе к семье и иметь возможность помогать ей».

Рапорт был удовлетворен. В конце сентября 1923 года Павел Судоплатов вернулся домой.

Как нам представляется, причиной возвращения Судоплатова домой явилась не только усталость от продолжавшихся третий год непрерывных боевых действий, в которых ему пришлось принимать непосредственное участие, тоска по семье и родному городу, но и то обстоятельство, что в Украинском ГПУ, как и по всей стране, началось сокращение чекистского аппарата и резкое уменьшение его бюджета.

По возвращении домой Судоплатов находился в основном на комсомольской работе. Таким образом, его чекистский стаж был прерван на полтора года. Первоначально он трудился в аппарате

Мелитопольского окружкома ЛКСМУ, являясь заведующим информационным отделом окружкома и членом его правления. Затем был назначен комендантом клуба рабочей молодежи. В 1924 году Павла избрали секретарем сельской ячейки ЛКСМУ в селе Ново-Григорьевка Генического района Запорожской области. В начале 1925 года — секретарем ячейки ЛКСМУ завода имени Воровского в Мелитополе. Одновременно он был учеником слесаря на этом же заводе.

В феврале 1925 года окружком ЛКСМУ направил Судоплатова снова на работу в органы ОГПУ. В течение последующих полутора лет пребывания в Мелитополе он являлся младшим оперативным сотрудником учетно-статистического отделения окружного отдела ГПУ и отвечал за работу осведомителей, действовавших в греческом, болгарском и немецком поселениях. Судоплатов работал инициативно и продуктивно, оперативные сведения, получаемые им в ходе встреч с осведомителями, всегда представляли интерес для руководства окружного отдела ГПУ. За активную и продуктивную работу Судоплатов был награжден серебряными часами.

Перевод в Харьков

В 1927 году Павел Судоплатов получил повышение по службе и был переведен в Харьков, являвшийся в 1917–1934 годах столицей советской Украины, где стал работать уполномоченным Информационно-осведомительного отдела (ИНФО) ГПУ УССР. Там же окончил два курса рабфака.

В Харькове Судоплатов встретился со своей будущей женой Эммой Карловной Кагановой (в девичестве — Суламифь Соломоновна Кримкер), также служившей в органах государственной безопасности. Павлу было 20 лет, ей на два года больше. В свое время она приехала на Украину из белорусского города Гомеля.

Рассказывая о своей жене, Павел Анатольевич писал в своих мемуарах: «Эмма была способной, и ей удалось поступить в гимназию, где для евреев существовала ограничительная норма. Она окончила несколько классов гимназии и позднее стала работать секретарем-машинисткой у Менделя Хатаевича, секретаря гомельской губернской организации большевиков. Когда ее начальника перевели в Одессу, где он возглавил партийную организацию города, она последовала за ним. Именно в Одессе Эмма и перешла в местное ГПУ. Ей поручили вести работу среди проживавших в городе немецких колонистов. Голубоглазая блондинка, она говорила на близком к немецкому идише и вполне могла сойти за немку.

В Харьков ее перевели за год до того, как я туда перебрался. Эмма занимала в ГПУ УССР более весомое положение, чем такой новичок, каким я тогда был. Как образованной и привлекательной женщине, к тому же начитанной и чувствовавшей себя вполне свободно в обществе писателей и поэтов, ей доверили руководить деятельностью осведомителей в среде украинской творческой интеллигенции — писателей и театральных деятелей. Мы встретились с ней на службе, и меня поразили ее красота и ум. Отец Эммы, сплавщик леса, умер, когда ей было всего десять лет. Она начала работать и одна содержала всю семью, где было восемь детей. Так что у нас с Эммой было много общего: и я, и она являлись опорой для семьи и должны были в силу обстоятельств рано повзрослеть».

Несмотря на то что вся жизнь молодых людей была заполнена работой, Эмма побудила Судоплатова заняться изучением права в Харьковском университете. Но в университете ему удалось побывать всего на десяти лекциях и сдать один экзамен — по экономической географии. На большее у Павла просто не хватило времени. Его рабочий день начинался в десять часов утра и заканчивался в шесть вечера с коротким перерывом на обед. После этого начинались встречи с осведомителями на явочных квартирах. Встречаться со своими осведомителями в дневное время было не положено. Было известно, что Сталин засиживается допоздна, и сотрудники ГПУ Украины работали в таком же режиме. Вот почему встречи с осведомителями проходили по вечерам и продолжались до одиннадцати вечера. Затем Судоплатов возвращался на службу, чтобы доложить начальству о полученных оперативных материалах.

Из характеристики на Судоплатова того периода, подготовленной Аттестационной комиссией ГПУ УССР:

«Судоплатов П. А. работает уполномоченным информационно-осведомительного отдела, с работой справляется. Методы работы усваивает хорошо. Проявляет широкую инициативу по налаживанию информационной работы, усидчив, энергичен, дисциплинирован, за последний ряд месяцев ведет проработку след[ственных] дел для судебной тройки, имеет значительный опыт по изучению и оценке след[ственных] материалов. Занимаемой должности соответствует».

Но вернемся вновь к Эмме Карловне.

«Для меня Эмма была идеалом настоящей женщины, — подчеркивал позже Судоплатов, — и в 1928 году мы поженились, хотя официально зарегистрировали наш брак лишь в 1951 году. Так жили многие из моих товарищей, годами не оформляя своего брака».

Что касается жены Павла Анатольевича, то добавим следующее.

Девичьи имя, отчество и фамилию ей, видимо, поменяли в Одессе при поступлении на работу в местное ГПУ, как часто делали в те годы. При этом следует учитывать, что ей предстояло работать в среде немецких колонистов.

Родилась она 1 мая 1905 года в Гомеле в мелкобуржуазной еврейской семье. Ее отец, сплавщик леса, вел активную торговлю тканями, получаемыми из-за рубежа. Скончался в 1915 году.

Она окончила гомельскую женскую гимназию с золотой медалью.

На работу в Харьков перевелась в 1926 году. Первым ее мужем был сотрудник украинского ГПУ Гранский Виктор Исидорович. Супруги развелись незадолго до ее знакомства с Судоплатовым. В 1937 году Гранский был уволен из органов.

Между тем работа Судоплатова в центральном аппарате ГПУ Украины шла своим чередом. Благодаря положению своей жены и ее деловым знакомствам в украинских партийных кругах Судоплатов несколько раз встречался со Станиславом Косиором, тогдашним генеральным секретарем ЦК Компартии Украины. Эти встречи проходили в неформальной обстановке на квартире Менделя Хатаевича — второго секретаря ЦК КП Украины, куда супругов Судоплатовых приглашали в качестве гостей. Безусловно, молодым людям льстило, что такие люди, как Косиор и Хатаевич, разговаривают с ними как с товарищами по партии.

20 февраля 1928 года Павлу Судоплатову был вручен партийный билет члена ВКП(б) за № 1872162.

В середине 1930 года Судоплатов был выведен в резерв назначения ГПУ Украины и вскоре получил новую должность и ответственное задание, которое находилось на контроле у руководства ОГПУ и партийных органов Украины. Как перспективного чекиста его назначили заведующим культурно-воспитательной частью, а вскоре — комиссаром трудовой коммуны (спецколонии) ГПУ УССР для малолетних правонарушителей и беспризорных детей, которая располагалась недалеко от города Прилуки в селе Ладан.

После Гражданской войны подобные трудовые коммуны создавались в стране по инициативе органов государственной безопасности, чтобы покончить с беспризорностью детей-сирот, которых голод и невыносимые условия жизни вынуждали становиться на путь преступности. На содержание этих коммун каждый чекист должен был отчислять десять процентов своей заработной платы. При коммунах создавались мастерские и группы профессиональной подготовки: трудовой деятельности ребят придавалось тогда решающее значение. Иными словами, бывшие беспризорники и правонарушители получали в трудовых коммунах образование и основы рабочих профессий.

О своей работе в детской трудовой коммуне Судоплатов (Анатолий Андреев) рассказал в конце 1970-х годов в книге

«Горизонты», написанной им в соавторстве с Ириной Гуро (Раисой Соболев). Чтобы понять, насколько важной для того времени была подобная работа, приведем небольшой отрывок из этой книги: о коммуне беседуют первый секретарь КП(б)У Станислав Косиор и заместитель председателя ГПУ Украины Карл Карлсон:

«По примеру Болшевской трудкоммуны, где впервые началась работа с малолетними правонарушителями и беспризорниками, украинские чекисты создали такую же коммуну в Харькове, а затем в Прилукском округе. Несколько сот мальчиков, взятых из мест заключения и с улицы, учились там и работали в мастерских.

Сейчас Карлсон рассказал, что, выезжая в Прилукский округ по оперативным делам, побывал в селе Ладан, где в помещениях бывшего монастыря расположена коммуна.

— Хорошо развивается дело. Никаких побегов больше, никаких серьезных нарушений. Все кладовые, ларьки открыты. И эти бывшие воришки и беспризорники и не помышляют взяться за старое. Чертовски способные ребята... Учатся прекрасно.

— А что? Они жизни хлебнули, к сожалению, она их не баловала. А опыт — дала, — вставил Косиор. — У них там семилетка?

— Да. И мастерские, в которых они работают четыре часа в день.

— А что выпускают? Какую продукцию?

— Спортивный инвентарь, хозяйственную посуду, — все там на месте расхватывается... Летом они помогают на полевых работах, а мальчишки постарше даже ремонтируют сельскохозяйственный инвентарь.

— И население относится к ним... ничего? С доверием?

— Сначала боялись их как чумы. А сейчас привыкли.

— Это же все ребята без родных. Отдых у них бывает какой-нибудь?

— Прошлым летом они ездили по маршруту Прилуки — Харьков — Севастополь, пешком до Ялты, оттуда на знаменитом теплоходе «Крым» до Одессы... Вот так.

— И ни один не смотался? Даже в Одессе? — засмеялся Косиор.

— Ни один. В Одессе чекисты организовали им торжественную встречу, возили их всюду. И оставили отдыхать на детском курорте под Одессой.

— А какие-нибудь таланты особые выявляются?

— Очень даже! Видел журнал ихний. Не берусь судить насчет стихов, но показывали Микитенко, так он говорит, надо поощрить, толк из них будет.

Карл Мартынович почувствовал, что секретарю ЦК не хочется отрываться от этой темы, и понимал его: он сам, как и многие работники ГПУ, находил в делах коммуны какую-то отдушину, какое-то окно в мир будущего, воплощенного в этих детях, спасенных от самой горькой участи».

Вскоре Прилукская трудовая коммуна стала одной из лучших на Украине. Комиссар коммуны Павел Судоплатов пользовался у своих подопечных безоговорочным авторитетом. Ему даже удалось организовать в коммуне фабрику по производству огнетушителей, которая стала приносить серьезный доход. Комиссия ГПУ УССР, инспектировавшая коммуны, в докладе С. В. Косиору подчеркивала, что «процесс перековки бывших уголовников и беспризорников в советских людей развивается успешно».

Тем не менее карьера Павла Судоплатова как педагога-наставника так и не состоялась. В середине 1931 года руководитель украинских чекистов Всеволод Аполлонович Балицкий был назначен заместителем председателя ОГПУ при СНК СССР. Отбывая в Москву к новому месту службы, он пригласил на работу в центральный аппарат ОГПУ нескольких перспективных сотрудников ГПУ Украины, в том числе и Павла Анатольевича Судоплатова.

В феврале 1932 года Судоплатов был переведен на работу в Москву. В управлении кадров центрального аппарата госбезопасности, куда его определили, он был назначен на должность старшего инспектора, курировавшего перемещения по службе и новые назначения в Иностранном отделе (внешней разведке) ОГПУ.

В начале следующего года в Москву была переведена и Эмма Карловна, супруга Судоплатова. Она получила назначение в Секретно-политический отдел ОГПУ. С 1934 года в ее обязанности входила работа с сетью осведомителей в только что созданном Союзе писателей СССР, а также в среде московской творческой интеллигенции.

Глава третья

Сотрудник внешней разведки

В декабре 1920 года в ВЧК был создан Иностраннный отдел, превратившийся со временем в один из эффективных разведывательных органов государства. И если сегодня Служба внешней разведки России по праву входит в число лучших разведок мира, то в этом, без сомнения, есть заслуга и первых поколений советских разведчиков.

Очерки истории российской внешней разведки. Т. 2

Необходимое отступление по поводу

Внешняя разведка — это необходимый и обязательный механизм любой страны, его четкая и слаженная работа помогает решить целый ряд важнейших государственных задач. Нужна или не нужна разведка — вопрос чисто риторический. Ни одно государство не может обойтись без нее. Это доказала история. Это доказывает и современность. Ведь основной задачей внешней разведки является добывание для высшего руководства своей страны достоверной, во многом упреждающей информации по тем вопросам, которые могли бы нанести ущерб ее интересам.

В результате Октябрьской революции 1917 года на огромной территории земного шара возникло новое независимое государство — Советская Россия. Первая мировая война, крах монархии в России, неспособность Временного правительства удержать ситуацию под контролем, переход власти в руки Советов привели к тому, что в результате революционного процесса в стране распались или были разрушены старые социально-политические структуры.

С первых шагов советская власть была вынуждена отражать удары внешних и внутренних врагов, отстаивать независимость и территориальную целостность нового государства, выводить его из изоляции. Для защиты национальных интересов наряду с другими государственными органами создавались и новые спецслужбы, в том числе внешняя разведка. В соответствии с декретом Совета народных комиссаров 20 декабря 1917 года была образована Всероссийская чрезвычайная комиссия при Совете народных комиссаров по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК). Возглавил ее Ф. Э. Дзержинский.

Чекистам сразу же пришлось столкнуться со сложной ситуацией, угрожавшей существованию советской власти: ведущие мировые державы — Англия, Франция, Италия, Япония и США — организовали заговор против Советской России, предусмотрев, в частности, арест советского правительства и убийство В. И. Ленина. «Заговор послов» был успешно ликвидирован чекистами благодаря энергичным мерам, предпринятым Дзержинским. Затем последовали

вооруженная интервенция, которую страны Антанты предприняли против своей бывшей союзницы, Гражданская война. Советская Россия сумела выстоять в этих сложных условиях, разгромить интервентов и изгнать их из страны, ослабить внутреннюю контрреволюцию.

Зарождение советской внешней разведки относится к 1918 году, когда органы ВЧК в ходе Гражданской войны и интервенции вели острую и напряженную борьбу с многочисленными врагами Советского государства. На базе армейских чрезвычайных комиссий и органов военного контроля был создан Особый отдел ВЧК. В его задачи входили борьба против контрреволюции и шпионажа в армии и на флоте, против контрреволюционных формирований, а также организация агентурной работы за границей и в оккупированных иностранными державами или занятых белогвардейцами областях молодой республики. Безусловно, эта борьба носила в основном силовой характер. Однако в ходе ее применялись и методы разведывательной деятельности (агентурное проникновение во враждебные организации, добывание информации о их планах и кадровом составе, разложение контрреволюционных структур изнутри). В 1918 году председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский издал приказ, регламентирующий деятельность закордонных агентов ВЧК и их взаимодействие с российскими дипломатическими представительствами за рубежом.

Уже с первых месяцев существования ВЧК предпринимались попытки вести разведывательную работу за кордоном. Приведем несколько примеров такой разведывательной деятельности.

В начале 1918 года лично Дзержинский привлек к работе на патриотической основе в качестве секретного сотрудника при президиуме ВЧК бывшего банкира и издателя газеты «Деньги» Алексея Фроловича Филиппова. Он несколько раз выезжал в Финляндию для сбора информации о политическом положении в стране, планах финских политических кругов и Белой гвардии в отношении Советской России. Филиппову удалось убедить командование находившегося в финских портах Балтийского флота и российских гарнизонов перейти на сторону советской власти и передислоцироваться в Кронштадт. Это был первый вывод сотрудника

разведки ВЧК за границу для выполнения ответственных заданий Центра.

В феврале 1919 года в Турцию для организации разведывательной работы с территории этой страны был направлен Султанов (имя и отчество его до сих пор неизвестны). Дзержинский лично его инструктировал, а также направил советскому представителю в Стамбуле письмо с просьбой оказать разведчику всяческое содействие.

Весь длительный и сложный период борьбы за становление советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке занимался активной разведывательной деятельностью бывший царский профессиональный разведчик штабс-капитан Алексей Николаевич Луцкий. Он вскрыл в Харбине заговор начальника КВЖД генерала Хорвата и информировал об этом советское правительство в Петрограде, добывал через агентуру и сообщал в Центр ценные сведения о продвижении к Харбину японских войск. С февраля 1920 года являлся членом Военного совета Приморья.

В ночь на 5 апреля 1920 года японские солдаты внезапно окружили все правительственные учреждения Владивостока и, ворвавшись в здание Военного совета, арестовали находившихся там членов совета Сергея Лазо, Всеволода Симбирцева и Алексея Луцкого.

Больше месяца их допрашивали и пытали в застенках японской военной контрразведки. Не сломив волю мужественных патриотов, японские интервенты и белоказаки атамана Бочкарева в конце мая вывезли их из Владивостока и сожгли в паровозной топке на станции Муравьев-Амурская.

Особую опасность для советской власти представляли тайные контрреволюционные организации внутри страны и за рубежом, большая часть которых была связана с иностранными разведками, опиралась на их помощь и поддержку и тесно с ними сотрудничала. Именно взаимосвязь между внутренней и внешней угрозами вынудила советское руководство активизировать контрразведывательную и разведывательную работу ВЧК.

Для совершенствования разведывательной работы в апреле 1920 года внутри Особого отдела ВЧК было создано специальное подразделение — Иностранно-осведомительное бюро. При особых отделах фронтов, армий и флотов, а также в некоторых губернских ЧК

были сформированы иностранные отделения. Одновременно была разработана и вступила в действие инструкция для Иностранно-осведомительного бюро, в которой оговаривались условия создания и функционирования в капиталистических странах «легальных» резидентур с целью «агентурного проникновения в разведываемые объекты: учреждения, партии, организации». Инструкция предусматривала, что в страны, не имевшие дипломатических отношений с РСФСР, агентура органов ВЧК должна направляться нелегально.

Первым руководителем первого штатного подразделения внешней разведки Особого отдела ВЧК стал Людвиг Францевич Скуйскубре.

Таким образом, советская внешняя разведка, созданная в недрах Особого отдела ВЧК, до декабря 1920 года не имела самостоятельного статуса и действовала внутри структур армейской контрразведки.

1920 год стал годом окончания Гражданской войны на европейской территории России. На Дальнем Востоке боевые действия продолжались еще два долгих года. Завершилась Гражданская война полной победой Красной армии.

Но в тех же временных рамках Гражданской войны проходили «локальные» войны против интервентов — стран Антанты и некоторых других государств. Среди них по масштабу военных действий и последствиям для Советского государства следует выделить советско-польскую войну 1920 года. Во-первых, это была война упущенных для Советской России и ее вооруженных сил возможностей. Во-вторых, она стала единственной войной, которую за всю свою историю Красная армия проиграла. В результате подписания с Польшей крайне невыгодного для Советской России мирного договора Россия потеряла более 52 тысяч квадратных километров своей территории, а также признала независимость Литвы, Латвии и Эстонии, провозглашенную ими в условиях германской оккупации.

Война с Польшей, сложный комплекс взаимоотношений с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией со всей остротой поставили вопрос о необходимости более полного и качественного обеспечения руководства страны разведывательной информацией. В сентябре 1920 года, рассмотрев на своем заседании причины поражения в польской кампании, Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о кардинальной реорганизации внешней разведки. В нем, в

частности, говорилось: «Слабейшим местом нашего военного аппарата является, безусловно, постановка агентурной работы, что особенно ясно обнаружилось во время польской кампании. Мы шли на Варшаву вслепую и потерпели катастрофу.

Учитывая ту сложившуюся международную обстановку, в которой мы находимся, необходимо поставить вопрос о нашей разведке на надлежащую высоту. Только серьезная, правильно поставленная разведка спасет нас от случайных ходов вслепую».

Для выработки документов, связанных с созданием самостоятельного разведывательного подразделения, была образована комиссия, в которую вошли И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов и Ф. Э. Дзержинский.

В соответствии с решением Политбюро ЦК РКП(б) и материалами комиссии председатель ВЧК Ф. Э. Дзержинский 20 декабря 1920 года издал приказ № 169 об организации Иностранного отдела (ИНО) ВЧК как самостоятельного разведывательного подразделения. Временно исполняющим обязанности начальника Иностранного отдела ВЧК был назначен Яков Христофорович Давтян, профессиональный революционер и дипломат, ответственный сотрудник Наркомата иностранных дел. В целях конспирации он руководил разведкой под фамилией Давыдов.

Штат ИНО составил 70 человек. Приказ об организации ИНО явился административно-правовым актом, оформившим создание советской внешней разведки, правопреемницей которой в наши дни является Служба внешней разведки Российской Федерации.

6 февраля 1922 года ВЦИК РСФСР упразднил ВЧК и образовал Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. Внешняя разведка (ИНО) вошла в состав ГПУ. В связи с образованием Союза Советских Социалистических Республик (30 декабря 1922 года) постановлением ЦИК СССР 2 ноября 1923 года было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР, в которое вошел и Иностранный отдел (штат: 122 человека в центральном аппарате и 62 — за границей).

Создание самостоятельной внешнеполитической разведки пришлось на период становления советской власти, а следовательно, ее история органически связана со всеми этапами развития Советского государства.

Так, в первые годы своего существования усилия внешней разведки были направлены прежде всего на борьбу с белой эмиграцией за границей и различными националистическими организациями, которые представляли большую опасность для Советской России как база для подготовки контрреволюционных групп. Важное значение имело и получение сведений о планах подрывной деятельности иностранных государств против нашей страны.

За три-четыре года с момента своего создания Иностранному отделу удалось организовать «легальные» резидентуры в сопредельных с СССР странах, а также в главных капиталистических государствах Европы — Англии, Франции и Германии. Было положено начало ведению разведки с нелегальных позиций, образована солидная агентурная сеть в кругах белоэмигрантов и важных правительственных учреждениях ряда стран.

11 января 1923 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение об учреждении при ГПУ Особого бюро по дезинформации (Дезинфбюро) «в целях систематизации работы по введению в заблуждение иностранных государств относительно внутренней и внешней политики СССР, а также состояния его вооруженных сил и мероприятий по обороне Республики». На него возлагалась задача разработки и информационного обеспечения акций тайного влияния, направленных на политическую и военно-стратегическую дезинформацию правительств и командования вооруженных сил иностранных государств.

С осени 1925 года внешняя разведка приступила к добыванию научно-технической информации, необходимой для нужд обороны и народного хозяйства СССР.

Активная наступательная деятельность внешней разведки на первых этапах ее становления помогла сорвать агрессивные планы противников Страны Советов и тем самым способствовала созданию благоприятных условий для экономического строительства и укрепления обороноспособности государства.

В 1930-е годы с установлением нацистского режима в Германии начался период резкого обострения международной обстановки. И в Центре, и в резидентурах сотрудникам приходилось работать в очень сложных условиях. Однако именно в это время закладывались идейно-

патриотические основы разведки, накапливался опыт и оттачивалось профессиональное мастерство.

30 января 1930 года было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О приоритетных направлениях деятельности ИНО ОГПУ». В нем впервые на высоком политическом и государственном уровне были определены приоритетные направления разведывательной работы: «Выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций; вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР; руководство деятельностью закордонных резидентур».

2 ноября 1932 года начальник ИНО ОГПУ А. Х. Артузов подписал распоряжение о реорганизации внешней разведки. В нем, в частности, говорилось: «Перестроение всей агентурно-оперативной деятельности провести на основе возможного переключения всей работы в случае каких-либо осложнений с “легальных” рельс исключительно на подполье». Необходимость такой реорганизации была вызвана тем, что после относительно благоприятной обстановки для деятельности советских учреждений в Европе в предшествовавшее десятилетие в ряде европейских стран наметилась тенденция к ужесточению режима пребывания работников советских представительств, в том числе и сотрудников внешней разведки.

Переход на работу в ИНО

Павел Судоплатов серьезно и добросовестно относился к своим обязанностям по комплектованию кадров внешней разведки. Ему часто приходилось общаться с начальником Иностранного отдела Артуром Христиановичем Артузовым и его заместителем Абрамом Ароновичем Слуцким. С последним у Судоплатова даже сложились дружеские отношения.

В апреле 1933 года сотрудница Иностранного отдела Кулинич, руководившая работой по украинским националистам и отслеживавшая деятельность их эмиграции на Западе, подала рапорт об отставке по состоянию здоровья. Узнав, что Судоплатов родом с Украины и имел опыт работы с украинскими националистами, в том числе и в условиях подполья, Артузов предложил ему перейти непосредственно в Иностраный отдел. При этом также учитывалось умение молодого чекиста общаться с иностранцами (вспомним о его агентурной работе в поселениях иностранцев на Украине).

Своим назначением в Иностраный отдел Судоплатов был также обязан одному из наиболее талантливых и образованных чекистов того времени, тоже переведенному в центральный аппарат ОГПУ с Украины и с 1933 года занимавшему руководящие должности во внешней разведке — Валерию Михайловичу Горожанину.

В своей книге «Горизонты» Судоплатов пишет о своем коллеге и старшем товарище по украинской ЧК:

«Как в Москве, так и на Украине руководящие работники Государственного политического управления были главным образом, как стали выражаться позднее, “интеллигентами в первом поколении”, попросту говоря, они происходили из рабочих или сами были рабочими. Но как в Москве, так и на Украине имелись среди них и коренные интеллигенты, люди того типа, о которых писал когда-то Ленин: интеллигенты, связавшие себя до конца с рабочим классом.

Валерий Михайлович Горожанин и принадлежал к ним, что было ясно с первого взгляда на его невысокую хрупкую фигуру с красиво посаженной крупной головой в шапке густых волнистых волос с уже заметной проседью. У него был низкий голос приятного тембра, а

мягкость речи контрастировала с решительностью и категоричностью высказываемых суждений.

Горожанин со студенческой скамьи вошел в революционное движение и вынужден был покинуть Россию, не найдя применения своим знаниям языков и правовой науки. Он отправился в Швейцарию, а затем в Париж. Здесь он занялся журналистикой и влился в среду русской политической эмиграции. Через Анатолия Васильевича Луначарского он был принят в круг социал-демократов — большевиков. Через него же познакомился с Роменом Ролланом и Анатолем Франсом, проявившими интерес к талантливому русскому журналисту, которому покровительствовал блестящий, энциклопедически образованный Анатолий Луначарский.

Вскоре после свержения самодержавия Горожанин вернулся на родину.

Среди командного состава ЧК было немало людей, оставивших любимое дело, любимую профессию для деятельности, которая представлялась им в данный момент наиболее важной. Горожанин принес свой литературный дар в жертву государственной необходимости: он посвятил себя делу борьбы с контрреволюцией. На Украину Горожанин был послан Москвой. Именно Феликс Дзержинский, глубоко понимавший, как интеллигентность, вдумчивость, политическое чутье и неказенный подход к человеку нужны в важном деле борьбы с украинской националистической контрреволюцией, выбрал Валерия Михайловича и не ошибся. Горожаниным было сделано очень многое не только для раскрытия преступлений активных антисоветчиков, но и для привлечения на сторону советской власти заблуждавшихся людей».

Судоплатов ответил согласием на предложение руководства Иностранного отдела. Сотрудники ИНО вели против украинских националистов напряженную борьбу, стараясь выявить их антисоветскую деятельность и сорвать террористические намерения в отношении советских представителей за рубежом.

В 1931 году сотрудникам резидентур советской внешней разведки в Праге и Брюсселе удалось проникнуть в Организацию украинских националистов (ОУН) и постоянно быть в курсе их террористических планов.

ОУН была создана еще в годы Первой мировой войны на деньги австрийского генштаба. До своего разгрома в 1918 году австрийская военщина вынашивала планы отторжения от России ряда районов Волыни, Подолии, Бессарабской губернии и Русской Польши. На реализацию планов создания «самостийной», а на самом деле зависимой от Вены Украины австро-венгерский генштаб выделил 50 миллионов крон. После краха Австро-Венгерской империи украинские националисты нашли покровителей сначала в Англии и Франции, а затем — нацистской Германии. Проникновение советской разведки в штабы ОУН позволяло ей постоянно быть в курсе их подрывных и террористических планов в отношении СССР и успешно противодействовать созданию «независимой» Украины под протекторатом Германии.

В середине 1933 года резидентуре советской внешней разведки ОГПУ в Брюсселе стало известно, что главари украинского профашистского националистического объединения планируют террористический акт в отношении наркома иностранных дел СССР Максима Максимовича Литвинова во время его предстоящего визита в Соединенные Штаты Америки.

Этому предшествовали следующие события. В 1932 году, когда кандидатура Ф. Рузвельта была выдвинута на пост президента США, в местных дипломатических кругах стали усиленно поговаривать о возможном установлении дипломатических отношений с СССР. Однако противодействие этому усиливалось. Наибольшую активность в этом деле проявила фашистская разведка, целиком и полностью державшая в своих руках Организацию украинских националистов и их представительства в разных странах Европы и Америки. После победы Ф. Рузвельта на президентских выборах 1933 года вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР вошел в практическую плоскость. Вот тут-то сразу же активизировалась германская разведка. Коновальцу, одному из лидеров ОУН, было поручено сорвать возможные переговоры, совершив покушение на Литвинова.

Было известно, что за океан Литвинов проследует через ряд европейских стран, а затем пересядет на пароход. Как и предполагалось, в ходе визита наркому предстояло обсудить с американскими представителями конкретные шаги по установлению

дипломатических отношений между двумя странами (обмен дипломатическими миссиями между США и СССР был осуществлен в начале 1934 года).

Планы боевиков ОУН были вскрыты советским разведчиком Иваном Каминским, внедренным чекистами в руководство организации.

Разведчик присутствовал на специальном совещании террористов в Брюсселе, которое состоялось на квартире архитектора Дмитрия Андриевского. Помимо самого Андриевского на совещании присутствовали члены Центрального провода (руководства) ОУН Коновалец, Богуш и Сциборский. Осуществление террористического акта возлагалось на «пятерку» украинских боевиков во главе с Лукой Мишугой. Террористы получили подробные инструкции и были обеспечены необходимым оружием. В октябре 1933 года группа Мишуги прибыла в США из Западной Европы.

На совещании в Брюсселе украинские националисты обсуждали также вопрос о том, как известить население Украины об убийстве советского наркома.

Угрозы со стороны украинских националистов были вполне реальными. Незадолго до этого, в том же 1933 году, внешняя разведка ОГПУ сорвала их планы организовать взрыв советского полпредства в Варшаве, осуществить который было поручено членам ОУН Сциборскому и Ляхойну.

Аналогичную информацию о планах Русского общевоинского союза (РОВС) совершить теракт в отношении М. М. Литвинова во время его проезда через Францию получила резидентура ИНО ОГПУ в Париже.

Исходя из имевшейся информации, чекисты-разведчики предприняли меры по усилению охраны наркома Литвинова. Вся агентура резидентур ОГПУ в Польше, Германии, Бельгии и Франции, через территории которых пролегал его путь, была приведена в боевую готовность. Советская внешняя разведка через официального представителя Амторга в Нью-Йорке оповестила власти США о готовящемся заговоре.

Президент США Ф. Рузвельт принял энергичные меры по предотвращению покушения: по его распоряжению ФБР взяло под плотный контроль всех членов группы Мишуги. К 7 ноября 1933 года,

когда теплоход «Беренгардия» прибыл в Нью-Йорк, все украинские террористы были обезврежены.

На теплоходе советского наркома охраняли восемь крепких телохранителей-американцев, которые не отходили от него ни на шаг. Все передвижения Литвинова по стране проходили только на автомашине, маршруты движения которой держались в секрете до последнего момента. За все дни пребывания в США советская делегация пешком ходила всего дважды.

Вот как описывал советский журналист-международник Зиновий Шейнис обстановку в Нью-Йорке в то время:

«В Нью-Йорке Литвинова поместили на квартире советника НКВД СССР Бориса Сквирского (в то время — дипломатический агент НКВД СССР в США, работавший с позиций Амторга. — *В. А.*). Дом, в котором остановился Литвинов, был оцеплен невероятным количеством полиции... Были всякие слухи о покушениях, даже одного человека арестовали.

Просматривая ежедневные крупные вашингтонские и нью-йоркские газеты, Литвинов видел, как активизировались не только американские противники признания Советского государства, но и многочисленная белогвардейская эмиграция. Вся контрреволюционная нечисть, выметенная Октябрем и нашедшая пристанище в Америке, тогда еще чувствовала себя весьма сильной и лелеяла надежду на реставрацию в России если не монархии, то уж капитализма наверняка».

Переданное Советскому Союзу здание бывшего посольства императорской России, в котором останавливались в Вашингтоне члены советской делегации, было также окружено плотным кольцом охраны. Переговоры прошли успешно. 16 ноября 1933 года в Вашингтоне между СССР и США была достигнута договоренность о начале процедуры по восстановлению дипломатических отношений. 25 ноября нарком иностранных дел СССР Литвинов благополучно покинул США. План покушения на него украинскими террористами провалился.

Позже в ИНО была получена информация, что один из лидеров ОУН Евгений Коновалец «был взбешен провалом операции и собственноручно избил всю “пятерку” боевиков, на которых возлагалось убийство советского дипломата».

В том же 1933 году от агентуры советской внешней разведки в ОУН была получена своевременная информация о предстоящем взрыве в здании советского полпредства в Варшаве. Для организации намеченной диверсии в Варшаву выехали члены закордонного Центрального провода ОУН: Евгений Ляхович из Оттавы по канадскому паспорту и Николай Сциборский из Франции по литовскому паспорту. Принятыми советской разведкой мерами злодеяние удалось предотвратить.

Однако советской разведке не всегда удавалось действовать на опережение. Так, 21 октября 1933 года во Львове, принадлежавшем тогда Польше, был убит сотрудник ИНО ОГПУ Андрей Павлович (по документам прикрытия — Алексей Петрович) Майлов, работавший там под дипломатическим прикрытием секретаря советского генерального консульства.

Убийство было совершено членом возглавляемого С. Бандерой террористического отделения ОУН (общее руководство осуществлял Е. Коновалец) Николаем Лемиком. Жертвой покушения должен был стать генеральный консул СССР. Лемик предварительно записался к нему на прием. Однако в тот день консул отсутствовал и прием посетителей вел секретарь консульства Майлов. Поскольку Лемик консула в лицо не знал, войдя в кабинет, он выстрелил в Майлова.

По некоторым сведениям, Андрей Павлович Майлов дружил с Павлом Анатольевичем Судоплатовым, который позже назвал одного из своих сыновей Андреем в память о погибшем товарище.

После трагического убийства советского дипломата председатель ОГПУ Вячеслав Менжинский издал приказ о разработке плана действий по нейтрализации террористических акций украинских националистов. К этому времени украинскому ГПУ удалось внедрить в подпольную военную организацию ОУН своего проверенного и надежного агента В. Лебеда, который к тому же был лично знаком с самим Е. Коновальцем.

Разведчик-нелегал

Для работы по украинским националистам, на которую нацеливал чекистов В. Р. Менжинский, необходимы были кадры. А. А. Слуцкий, занявший к тому времени пост начальника Иностранного отдела, предложил Судоплатову стать разведчиком-нелегалом и работать за рубежом по украинской линии.

«Сначала это показалось мне нереальным, — вспоминал Судоплатов, — поскольку опыта работы за границей у меня не было и я ничего не знал об условиях жизни на Западе. К тому же мои знания немецкого, который должен был мне понадобиться в Германии и Польше, где предстояло работать, равнялись нулю.

Однако чем больше я думал об этом предложении, тем более заманчивым оно мне представлялось. И я согласился. После чего сразу приступил к интенсивному изучению немецкого языка — занятия проходили на явочной квартире пять раз в неделю. Опытные инструкторы обучали меня также приемам рукопашного боя и владению оружием. Исключительно полезными для меня были встречи с заместителем начальника Иностранного отдела ОГПУ — НКВД Шпигельглазом. У него был большой опыт работы за границей в качестве нелегала — в Китае и Западной Европе. В начале 1930-х годов в Париже “крышей” ему служил рыбный магазин, специализировавшийся на продаже омаров, расположенный возле Монмартра.

После восьми месяцев обучения я был готов отправиться в свою первую зарубежную командировку в сопровождении Лебеда, “главного представителя” ОУН на Украине, а в действительности нашего тайного агента на протяжении многих лет».

К этому времени жена Судоплатова Эмма Карловна также была переведена в Иностранный отдел и прошла специальный курс подготовки. Ей предстояло под видом студентки из Женевы поддерживать связь мужа с Центром, периодически встречаясь с ним в европейских странах.

Так началась новая жизнь Павла Судоплатова — советского разведчика-нелегала. Перед ним была поставлена конкретная задача:

под видом «племянника» Лебеда Павла Яценко сблизиться с представителями ОУН в европейских странах, пройти у них необходимую проверку и в конечном итоге попытаться войти в окружение Коновальца.

Следует отметить, что внедренный в ОУН агент ОГПУ Лебедь был старым другом Коновальца. В годы Первой мировой войны он вместе с ним воевал в качестве офицера австро-венгерской армии против России на Юго-Западном фронте. В 1915–1918 годах находился в лагере для военнопленных под Царицыном. В Гражданскую войну стал заместителем Коновальца и командовал пехотной дивизией, сражавшейся против частей Красной армии на Украине. После бегства Коновальца в Польшу Лебедь был направлен им на Украину для организации подпольной сети ОУН. Там он был арестован, а затем завербован органами ОГПУ. Выбор перед ним был простой: или работать на ОГПУ, или умереть. Однако необходимо подчеркнуть, что он сотрудничал с советскими органами государственной безопасности исключительно добросовестно, неоднократно выезжал с конкретными заданиями ОГПУ за границу и, видимо, никогда не помышлял о побеге.

Вскоре Судоплатов прибыл вместе с Лебедем в Финляндию. Лебедь передал своего «племянника» на попечение главному представителю ОУН в этой стране Кондрату Полуведько и сразу же возвратился в Харьков через Москву.

В Хельсинки Судоплатов-Яценко провел два месяца. Все это время представитель Коновальца внимательно изучал молодого националиста, ведя с ним многочисленные беседы. Перед представителем ОУН была поставлена конкретная задача: прощупать «племянника» на возможную подставу и сделать вывод о его лояльности.

Здесь следует отметить, что Полуведько, в свою очередь, работал на советскую разведку, однако не был посвящен в истинные цели приезда в Хельсинки Судоплатова-Яценко. Но и Судоплатов не знал, что Полуведько является агентом НКВД. Разведчик так здорово и правдоподобно играл роль убежденного и «упертого» националиста, что Полуведько проникся к нему яростной антипатией и даже подумывал о его ликвидации. «Заведу его в темное место да и тяпну по

башке кирпичом», — предлагал он на встрече с советским резидентом в Финляндии Борисом Рыбкиным.

Агенту было категорически запрещено предпринимать какие-либо несанкционированные действия против молодого националиста, но от этого его отношение к Судоплатову-Яценко не изменилось. К сожалению, эта неприязнь вылилась в лишение молодого человека карманных денег. «Родственнику» Лебеда Полуведько выделял всего десять финских марок в день на обед, из которых тот должен был еще каждый вечер платить за отопление и пользование газовой плитой. В итоге в Хельсинки, ожидая связных от Коновальца, Павел влачил полуголодное существование. Доходило до того, что на редких встречах резидент ИНО Борис Рыбкин и его заместитель и жена Зоя Рыбкина вынуждены были подкармливать его бутербродами и шоколадом.

Наблюдая, с какой жадностью молодой разведчик поглощает еду, Рыбкин вслух размышлял:

— Расшифровывать вас перед Полуведько не следует, так будет лучше для дела, поэтому придется потерпеть.

— Я готов, — отвечал с набитым ртом Судоплатов.

— Ну, вот и отлично, — соглашался Рыбкин, переглядываясь с женой.

«А перед моим уходом они всегда тщательно просматривали содержимое моих карманов, чтобы убедиться, что я не взял с собой никакой еды: ведь это могло провалить нашу “игру”», — рассказывал позже Судоплатов.

Наконец после двух месяцев ожидания в Хельсинки прибыли связные от Коновальца: Омелян Грибивский, представлявший ОУН в Праге, и Дмитрий Андриевский — представитель ОУН в Брюсселе. Вскоре вся компания, к которой присоединился и Кондрат Полуведько, отправилась пароходом в Стокгольм.

Пребывание в Стокгольме затянулось на неделю. Полуведько с Грибивским беспорядочно пьянствовали, а Андриевский тщательно изучал Павла, подробно расспрашивая его о «дяде» и жизни на Украине. Убедившись, что Павел на самом деле тот, за кого себя выдает — «племянник» Лебеда, — Андриевский проникся к нему доверием и проинформировал об этом Берлин.

Итак, проверка в Стокгольме завершилась. Поставленная перед нелегалом Судоплатовым задача по внедрению в ряды борцов за «самостийную Украину» была успешно решена. Впереди разведчика ждала Германия и встреча с лидером ОУН Евгением Коновальцем.

Глава четвертая

Ликвидация Коновальца

Это не акт мести. Наша цель — обезглавить движение украинского фашизма накануне войны и заставить этих бандитов уничтожать друг друга в борьбе за власть.

Иосиф Сталин

Подготовка операции

В 1918 году после заключения Брестского мира германский кайзер создал «независимую Украину» под германским протекторатом. Было образовано правительство, которое возглавил до этого неизвестный русский кавалерийский генерал Павел Петрович Скоропадский. Генерал, не знавший ни слова по-украински, получил титул гетмана Украины.

На Украине шла Гражданская война, в которой перемешались Петлюра, Махно, красные, немцы, белые, зеленые, Котовский, Щорс, анархисты, французы, эсеры, Директория... Территорию страны делили между собой регулярные войска, партизанские отряды, бандитские шайки. Одной из них командовал Евгений Коновалец.

Евгений Михайлович Коновалец родился 14 июня 1891 года в селе Зашков Львовского уезда (в то время — Австро-Венгрия).

С малых лет он отличался страстной любовью ко всему украинскому, знал наизусть почти все стихи Тараса Шевченко, имена народных героев и гетманов, играл на домре и лучше всех в селе отплясывал гопака.

В 1909 году Евген (на украинский манер) окончил львовскую академическую гимназию и поступил на юридический факультет Львовского университета, активно участвовал в студенческих волнениях националистического толка.

В 1912 году Коновалец был избран секретарем львовского филиала общества «Просвита» («Просвещение») и регулярно публиковался в его ежемесячном бюллетене. В 1913 году был избран членом главного правления Украинского студенческого союза. В том же году он вступил в Украинскую национально-демократическую партию.

В начале Первой мировой войны Коновалец был мобилизован в австро-венгерскую армию в качестве офицера корпуса сечевых стрельцов^[6]. Воевал против России на Юго-Западном фронте в составе 19-го полка Краевой обороны Львова. По мнению Коновальца, «победа в войне германского и австро-венгерского оружия должна была принести Украине долгожданную свободу и независимость».

В мае 1915 года в ходе боев на горе Маковка в Карпатах Коновалец попал в русский плен и до сентября 1917 года содержался в лагерях для военнопленных в Черном Яре и в районе Царицына. После Февральской революции занимался активной националистической агитацией среди военнопленных-украинцев, а в сентябре 1917 года бежал из лагеря.

Обосновавшись на Украине, Коновалец приступил к формированию из бывших пленных галичан Галицийско-Буковинского отряда сечевых стрельцов и в январе 1918 года стал его командиром.

В январе — феврале 1918 года сечевые стрельцы сражались против большевиков под Киевом, а в марте при поддержке немецкой армии заняли город. В этот период Коновалец «прославился» кровавой расправой над рабочими завода «Арсенал».

Однако уже в конце апреля, после разгона немцами Центральной рады и прихода к власти гетмана Скоропадского, полк сечевых стрельцов Коновальца был расформирован. Впрочем, сам Коновалец, оставшись в Киеве, вскоре получил от Скоропадского разрешение на формирование нового отряда сечевых стрельцов с дислокацией в Белой Церкви.

Еврейские, политические и просто уголовные погромы стали методом «борьбы» Коновальца за самостоятельную Украину. Бывший председатель Директории В. К. Винниченко заявлял, что правительство будто бы даже боролось с ним. «Когда первый раз в Киеве был разгромлен профсоюз отрядом Коновальца, — вспоминал Винниченко, — я немедленно вызвал тех, кто производил погром... Но за первым погромом последовал второй, за ним третий...» У Коновальца на Украине появилась репутация бандита и насильника. Тем не менее в кругах ярых националистов его имя приобрело политический вес и все чаще упоминалось наряду с Петлюрой.

После того как отряд Коновальца, окруженный под Житомиром частями Красной армии, потерпел сокрушительное поражение и сдался, главарь бандитов принял амнистию, объявленную правительством Украины. Покидая страну, Коновалец прихватил с собой два чемодана с награбленным золотом, серебром и драгоценными камнями.

С лидером Национал-социалистической партии Германии Адольфом Гитлером Коновалец познакомился еще в 1922 году. Они

неоднократно встречались и сразу почувствовали симпатию друг к другу. Оба вынашивали планы захвата Украины в будущей войне. По предложению Гитлера сторонники Коновальца проходили обучение в нацистской партийной школе в Лейпциге. Под руководством германской разведки Коновалец создал «Организацию украинских националистов» (ОУН), объединив «под одной крышей» «Украинскую военную организацию» (УВО), «Союз украинской национальной молодежи» и «Легию украинских националистов», в которую входил, в частности, «Союз украинских фашистов».

Эмиссары ОУН стали появляться всюду, где имелись значительные группы украинского населения — в СССР, Франции, Румынии, Чехословакии, Польше, Южной Америке, Канаде, США, — и создавали там ячейки организации. Одновременно оуновское руководство начало усиленно искать союзников по антисоветской деятельности в националистических движениях в разных странах, в первую очередь — в Литве и Германии

В Германии для членов ОУН были открыты особые школы, где слушатели основательно изучали технику разведки, диверсий и террора. Первая такая школа была создана германским военным министерством в Данциге в 1928 году. Преподавали в ней офицеры германской разведки.

В конце 1920-х — начале 1930-х годов члены ОУН, окончившие данцигскую школу, совершили ряд диверсионных и террористических актов в Польше. Особенно активизировались они после того, как во Львове был убит советский дипломат Майлов, а в Варшаве — польский министр Перацкий^[2].

Как уже отмечалось, советская разведка с помощью внедренного в ОУН агента ОГПУ Лебеда начала операцию по подводу к Коновальцу разведчика-нелегала Павла Судоплатова.

Итак, в июне 1936 года Судоплатов-Яценко прибыл из Стокгольма в Берлин и был представлен Коновальцу. Рассказывая о их первой встрече, петербургский писатель Виктор Степаков отмечал: «Встреча с лидером ОУН состоялась на конспиративной квартире, расположенной в здании Музея этнографии. Павел внутренне готовил себя к ней, проигрывал различные варианты, но Коновалец спутал все карты. Он встретил Судоплатова с распростертыми объятиями и напыщенными словами.

— Рад, рад приветствовать на дружественной германской земле пана Яценко, племянника моего боевого соратника, ведущего борьбу за свободу неньки Украины!

— Хай живе вильна Украина! — с ходу подыграл “племянник”.

Коновалец был в восторге».

Разведчику удалось установить с лидером ОУН неплохие личные отношения. В сентябре 1936 года Павла на три месяца направили на учебу в нацистскую школу в Лейпциге. Во время учебы он имел возможность познакомиться с некоторыми представителями руководства ОУН. «В общении со своими коллегами по нацистской партийной школе, — рассказывал позже Судоплатов, — я держался абсолютно уверенно и независимо: ведь я представлял головную часть их подпольной организации на Украине, в то время как они являлись всего лишь эмигрантами, существовавшими на немецкие подачки. Я имел право накладывать вето на их предложения, поскольку выполнял инструкции своего “дяди”».

Между тем систематические встречи Павла с Коновальцем продолжались, их беседы раз за разом становились все серьезнее. Судоплатов выяснил планы Коновальца по подготовке административных органов для ряда областей Украины, которые предполагалось «освободить» в ближайшее время с помощью немцев. Также разведчику стало известно, что в распоряжении Коновальца уже имеются две бригады бойцов общей численностью около двух тысяч человек. Удалось узнать о подготовке оуновцами ряда террористических актов в европейских странах и о том, что эта подготовка финансируется разведкой и контрразведкой вермахта.

Со своей стороны Судоплатов пытался убедить Коновальца в том, что террористическая деятельность ОУН на Украине не имеет никаких шансов на успех, так как власти немедленно разгромят небольшие очаги сопротивления. Он настаивал, что надо держать все силы и подпольную сеть в резерве, пока не начнется война между Германией и Советским Союзом, и только в этом случае их использовать.

Кроме того, Судоплатов стал свидетелем начавшейся в ОУН борьбы за власть, которая шла между двумя главными группировками — «стариков» и «молодежи» — и в которую его пытались вовлечь. Первую группировку представляли Коновалец и его заместитель Мельник, а вторую возглавляли Бандера и Костарев. Как-то Павел

даже стал свидетелем конфиденциального разговора между молодыми украинскими националистами — слушателями нацистской партийной школы и Костаревым. Последний утверждал, что Коновалец слишком стар, чтобы руководить организацией, и его следует использовать лишь в качестве декоративной фигуры. Разведчик рассказал об этом разговоре Коновальцу, чем значительно упрочил отношения с ним. А Костарев позже был уничтожен.

Однажды, когда Судоплатов гулял по Берлину с Коновальцем, их сфотографировал уличный фотограф, который тут же передал пленку Коновальцу, заплатившему за нее две марки. Разведчику стало ясно, что берлинское руководство ОУН хочет иметь его фотографию в своем досье, чтобы потом, когда понадобится, разыскать его. На протест Павла по данному поводу Коновалец отделался заявлением, что в этом нет ничего страшного и беспокоиться незачем.

«Позднее я убедился, что был прав, — констатировал в своих воспоминаниях Судоплатов. — В годы войны СМЕРШ захватил двух лазутчиков в Западной Украине. У одного из них была эта фотография. Когда его спросили, зачем она ему нужна, он ответил: “Я не имею понятия, кто этот человек, но мы получили приказ ликвидировать его, если обнаружим”».

Это был, пожалуй, единственный неприятный эпизод в работе разведчика, так как Коновалец с каждым днем относился к нему все лучше и доверял все больше. Их отношения постепенно перерастали в «дружеские».

Коновалец настолько привязался к Павлу, что даже предложил, чтобы он сопровождал его в инспекционной поездке в Париж и Вену, куда он собирался, чтобы проверить положение дел в украинских эмигрантских кругах, поддерживавших лидера ОУН. Поездку щедро оплачивали немцы. В Париже Коновалец и Судоплатов находились три недели.

В один из дней Павел встретился в Париже с курьером из Центра. Как было обговорено заранее, он должен был в кафе познакомиться с девушкой, которая и являлась курьером. Выйдя на условленное место встречи, разведчик увидел... собственную жену! Одетая по последней моде, она сидела за столиком кафе и медленно пила черный кофе. По легенде она была студенткой Женевского университета и проводила каникулы в Париже. Павел через Эмму передал в Центр важную

информацию о положении дел в украинских эмиграционных кругах и той значительной поддержке, которую они получали от Германии. В тот же день Эмма выехала поездом в Берн, а оттуда — в Москву.

Во время пребывания в Париже Коновалец пригласил Павла посетить вместе с ним могилу Симона Петлюры, который после разгрома его войск частями Красной армии бежал в столицу Франции, где в 1926 году был убит. Позже Судоплатов рассказывал: «Коновалец боготворил этого человека, называя его “нашим знаменем и самым любимым вождем”. Он говорил, что память о Петлюре должна быть сохранена. Мне было приятно, что Коновалец берет меня с собой, но одна мысль не давала покоя: на могилу во время посещения положено класть цветы. Между тем мой кошелек был пуст, а напоминать о таких мелочах Коновальцу я не считал для себя возможным. Это было бы просто бестактно по отношению к человеку, занимавшему столь высокое положение, хотя, по существу, заботиться о цветах в данном случае надлежало ему, а не мне. Что делать? Всю дорогу до парижского кладбища Монпарнас меня продолжала терзать эта мысль.

Мы прошли через все кладбище и остановились перед скромным надгробием на могиле Петлюры. Коновалец перекрестился, я последовал его примеру. Некоторое время мы стояли молча, затем я вытащил из кармана носовой платок и завернул в него горсть земли с могилы.

— Что ты делаешь?! — воскликнул Коновалец.

— Эту землю с могилы Петлюры отвезу на Украину, — ответил я, — мы в его память посадим дерево и будем за ним ухаживать.

Коновалец был в восторге. Он обнял меня, поцеловал и горячо похвалил за прекрасную идею. В результате наша дружба и его доверие ко мне еще более укрепились».

От себя добавим, что это событие стало переломным моментом в отношениях Коновальца с Судоплатовым. Именно после посещения могилы Петлюры лидер украинских националистов окончательно решил, что после возвращения на родину Судоплатов станет там его представителем.

В период пребывания в Вене Судоплатов вновь встретился с курьером из Центра. На этот раз им был его куратор и наставник по работе в Москве, опытный разведчик Петр Зубов. Судоплатов

подробно информировал Зубова о деятельности Коновальца и получил указания относительно своей дальнейшей работы.

Возвратившись из Вены в Берлин, Судоплатов принимал участие в «бесполезных», по его мнению, переговорах о возможном развертывании сил подполья на Украине в случае начала войны.

Тем временем «дядя» Лебедь через Финляндию прислал распоряжение о скорейшем возвращении Павла на Украину, поскольку появилась возможность оформить «племянника» радистом на советское судно, регулярно заходившее в иностранные порты. По мнению Лебеда, это дало бы Павлу возможность поддерживать постоянную связь между подпольем ОУН на Украине и националистическими организациями за рубежом. Коновальцу такая идея очень понравилась, и он согласился с возвращением Павла в Советский Союз.

Реализация операции

Выполнив первую часть задания, Судоплатов вернулся на родину. Успешная командировка в Западную Европу изменила его положение в разведке. В кабинете начальника внешней разведки А. А. Слуцкого, где Судоплатов докладывал о деталях своей деятельности в командировке, присутствовали начальник Особой группы при наркоме НКВД Серебрянский и сотрудник секретариата Сталина Васильев.

О результатах работы Судоплатова за границей было доложено И. В. Сталину, секретарю ЦК Коммунистической партии Украины С. В. Косиору и председателю ЦИК УССР Г. И. Петровскому.

В 1937 году Судоплатов был награжден орденом Красного Знамени, который вручил ему глава государства М. И. Калинин. Интересная деталь: вместе с Павлом Судоплатовым орден Красного Знамени в Кремле получил и возвратившийся из командировки выдающийся в дальнейшем советский разведчик-нелегал Василий Зарубин. Разведчики тогда встретились в первый раз. Позднее они сблизились, и их дружба продолжалась всю оставшуюся жизнь, хотя Зарубин был значительно старше Судоплатова.

Как нам представляется, здесь следует обратить внимание читателя еще на один интересный факт, характеризующий героя книги.

После вручения в Кремле наград тридцатилетнему Судоплатову и его старшему коллеге Зарубину начальник внешней разведки Абрам Слуцкий пригласил награжденных к себе домой на товарищеский ужин. В своих воспоминаниях Павел Судоплатов рассказал следующее: «Во время дружеского ужина на квартире Слуцкого мне пришлось выпить — второй раз в жизни — стопку водки. Впервые это случилось в Одессе, когда мне было пятнадцать лет. Хотя я и был физически здоровым человеком, врачи определили, что мне противопоказаны алкогольные напитки крепостью выше двенадцати градусов. Однако Слуцкий и Шпигельглаз приказали принять “норму” за боевой орден, и на следующий день я лежал пластом. Реакция организма была ужасной: нестерпимая головная боль и рвота».

Между тем оперативная игра советской внешней разведки с ОУН продолжалась. В 1937–1938 годах Судоплатов неоднократно выезжал

на Запад в качестве курьера: он был оформлен радистом на торговое судно, капитан которого якобы «сочувствовал» националистам. Поступавшая от него информация относительно планов лидеров ОУН внимательно изучалась в Кремле.

А в личном деле разведчика появилась запись: «Обладает незаурядной выдержкой, в сложных ситуациях не теряет и принимает правильные решения».

В ноябре 1937 года, после празднования двадцатилетия Октябрьской революции, Павел Судоплатов вместе с Абрамом Слуцким был вызван к наркому внутренних дел Николаю Ежову. Беседа относительно предстоящих встреч Судоплатова с украинскими националистами продолжалась около получаса. Затем Ежов неожиданно предложил Судоплатову сопровождать его в Кремль. Когда машина въехала на территорию Кремля, Ежов объявил, что их примет лично товарищ Сталин. Позже Судоплатов подчеркивал, что «первая в его жизни встреча с вождем» произвела на него неизгладимое впечатление. Касаясь самой встречи, он отмечал: «Мне было тридцать, но я так и не научился сдерживать свои эмоции. Я был вне себя от радости и едва верил тому, что руководитель страны захотел встретиться с рядовым оперативным работником. После того как Сталин пожал мне руку, я никак не мог собраться, чтобы четко ответить на его вопросы. Улыбнувшись, Сталин заметил:

— Не волнуйтесь, молодой человек. Докладывайте основные факты. В нашем распоряжении только двадцать минут.

— Товарищ Сталин, — ответил я, — для рядового члена партии встреча с вами — величайшее событие в жизни. Я понимаю, что вызван сюда по делу. Через минуту я возьму себя в руки и смогу доложить основные факты вам и товарищу Ежову.

Сталин, кивнув, спросил меня об отношениях между политическими фигурами в украинском эмигрантском движении. Я вкратце описал бесплодные дискуссии между украинскими националистическими политиками по вопросу о том, кому из них какую предстоит сыграть роль в будущем правительстве. Реальную угрозу, однако, представлял Коновалец, поскольку он активно готовился к участию в войне против нас вместе с немцами. Слабость его позиции заключалась в постоянном давлении на него и возглавляемую им организацию со стороны польских властей, которые

хотели направить украинское национальное движение в Галиции против Советской Украины.

— Ваши предложения? — спросил Сталин.

Ежов хранил молчание. Я тоже. Потом, собравшись с духом, я сказал, что сейчас не готов ответить.

— Тогда через неделю, — заметил Сталин, — представьте свои предложения.

Аудиенция окончилась. Он пожал нам руки, и мы вышли из кабинета».

После этой беседы по указанию Сталина был разработан план оперативных мероприятий по интенсивному внедрению в ОУН, прежде всего — на территории Германии. В частности, планировалось направить трех сотрудников украинского НКВД в качестве слушателей в нацистскую партийную школу. Вместе с ними предлагалось послать для подстраховки одного подлинного украинского националиста, желательно при этом не слишком сообразительного. Другая часть плана предусматривала проникновение в абвер через украинские националистические каналы. План был согласован с Первым секретарем ЦК КП(б)У Станиславом Косиором и председателем Всеукраинского ЦИК Григорием Петровским. Для этого Судоплатов специально выезжал в Киев. Оба украинских руководителя проявили большой интерес к разрабатываемой «двойной игре».

Когда план докладывался Сталину, присутствовавший в его кабинете Г. И. Петровский заметил, что на Украине Коновалец заочно приговорен к смертной казни за тягчайшие преступления против украинского народа: он отдал приказ и лично руководил казнью революционных рабочих киевского «Арсенала» в январе 1918 года.

Реакция Сталина последовала незамедлительно. Судоплатову было приказано лично ликвидировать Коновальца. «За все время беседы Ежов не проронил ни слова, — рассказывал позже Судоплатов. — Прощаясь, Сталин спросил меня, правильно ли я понимаю политическое значение поручаемого мне боевого задания.

— Да, — ответил я и заверил его, что отдам жизнь, если потребуется, для выполнения задания партии.

— Желаю успеха, — сказал Сталин, пожимая мне руку».

Получив приказ о ликвидации Коновальца, Слуцкий, Шпигельглаз и Судоплатов приступили к разработке операции, получившей кодовое

наименование «Ставка».

Было рассмотрено несколько вариантов. В частности, предполагалось застрелить Коновальца в упор из пистолета. Но от этого варианта отказались. Затем предполагалось вручить Коновальцу «подарок» с вмонтированным в него взрывным устройством и часовым механизмом. Этот вариант показался наиболее приемлемым.

Замечательный инженер, сотрудник Отдела оперативно-технических средств НКВД Александр Тимашков изготовил взрывное устройство, помещенное в коробку шоколадных конфет, которые очень любил Коновалец. Стоило перевести коробку из вертикального положения в горизонтальное — включался часовой механизм, взрыв должен был произойти через полчаса, что давало возможность разведчику покинуть место встречи.

Руководитель операции Сергей Шпигельглаз, заместитель начальника внешней разведки, намекнул Судоплатову, что в случае провала операции и угрозы захвата противником он должен поступить как настоящий мужчина, то есть покончить жизнь самоубийством. Судоплатову вручили сезонный железнодорожный билет, действительный на всей территории Западной Европы, фальшивый чехословацкий паспорт, три тысячи американских долларов и посоветовали после «ухода» с места встречи с Коновальцем изменить внешний вид: купить в ближайшем магазине шляпу и плащ.

Судоплатов отбыл из Ленинграда в качестве радиста на грузовом судне «Шилка». Из Норвегии он позвонил Коновальцу и договорился о встрече в Роттердаме, в ресторане «Атланта». Ресторан был удобен тем, что находился всего в десяти минутах ходьбы от вокзала. Тимашков, сопровождавший Судоплатова в поездке, зарядил устройство, перед тем как Павел сошел на берег. Сам он остался на борту судна. Капитан получил указание: в случае если Судоплатов не вернется до четырех часов дня, отплыть без него.

Позже Александр Эрастович Тимашков стал начальником отдела оперативной техники НКВД. Именно он сконструировал магнитные мины, одной из которых в 1943 году был убит фашистский гауляйтер Белоруссии Вильгельм Кубе.

23 мая 1938 года в 11.5 °Судоплатов и Коновалец встретились в ресторане «Атланта». Встреча «соратников» была непродолжительной. Судоплатов сказал, что обязан вернуться на судно, однако в пять часов

вечера они смогут побеседовать «по-настоящему». Договорились о следующей встрече. Павел, достав из кармана «подарок с Украины», положил его перед Коновальцем и покинул ресторан, едва сдерживая желание поскорее убежать.

В первом же магазине он купил шляпу и светлый плащ, а при выходе из магазина услышал слабый хлопок, напоминающий звук лопнувшей шины, и увидел, как в сторону ресторана побежали люди. На ближайшем поезде он отправился в Париж.

На следующее утро на станции метро Судоплатов встретился с работником парижской резидентуры Иваном Агаянцем и передал ему текст телеграммы, которую следовало отправить в Москву: «Подарок вручен. Посылка сейчас в Париже, а шина автомобиля, в котором я путешествовал, лопнула, пока я ходил по магазинам». Агаянец, естественно, ничего не понял из этой абракадабры, да ему это и не требовалось. Но в Москве всё поняли правильно.

Около двух недель Судоплатов скрывался на явочной квартире в Париже, а затем по подложным польским документам отправился в Барселону. В Испании он оставался в течение трех недель как польский доброволец в составе руководимой НКВД интернациональной партизанской части при республиканской армии.

В Барселоне Судоплатов впервые встретился с Рамоном Меркадером дель Рио — молоденьким лейтенантом, только что возвратившимся после выполнения партизанского задания в тылу франкистов. Тогда Судоплатов и предположить не мог, что впоследствии Меркадер станет одной из центральных фигур чекистской операции «Утка», руководить которой предстояло ему.

В первые дни после ликвидации Коновальца Центр насторожило, что эмигрантские русские газеты, издаваемые в Европе, ничего не сообщили о событии в Роттердаме. Однако вскоре появились статьи о странном происшествии: украинский националистический лидер Коновалец, путешествовавший по чужому паспорту, погиб при взрыве на улице. Его личность оставалась не выясненной полицией до позднего вечера.

Позже разведкой было установлено, что, после того как Судоплатов покинул ресторан, Коновалец забрал коробку конфет и вышел на улицу, где и сработало взрывное устройство. Коновалец погиб на месте.

На следующий день после взрыва голландская полиция, узнавшая от сотрудников Коновальца о том, что он должен был встретиться со своим другом, радистом советского судна, провела проверку экипажей всех советских судов, находившихся в Роттердамском порту. Опознание проводилось по той самой фотографии Судоплатова, что сделал когда-то уличный фотограф в Берлине.

В газетных сообщениях выдвигались три версии ликвидации Коновальца: его убили либо большевики, либо соперничающая группировка украинцев, либо, наконец, убрали поляки — в отместку за убийство генерала Перацкого. Однако стопроцентными фактами и уликами для раскрытия истинных причин гибели Коновальца не располагали ни голландская полиция, ни абвер, ни ОУН.

Впоследствии американские журналисты Майкл Сейерс и Альберт Кан в книге «Тайная война против Америки» выдвинули свою версию ликвидации Коновальца. В частности, они утверждали: «В том же (1938-м. — В. А.) году Гитлер и полковник Николай^[8] решили, что главарь ОУН Коновалец знает слишком много тайн германского правительства и приобрел такие международные связи, что в дальнейшем может оказаться трудным держать его в руках. По этим соображениям они организовали вручение Коновальцу, находившемуся в то время в Роттердаме на съезде украинских националистов, особого “подарка”.

У входа в зал заседаний один из помощников Коновальца, доверенный агент гестапо, подал своему шефу сверток, сказав, что это предназначено лично ему. Позже, когда Коновалец развернул сверток, находившаяся в нем бомба разорвала его на куски. Таким образом, Коновалец стал “мучеником” украинского националистического движения. Высокопоставленные нацисты после этого не раз говорили, и по всей вероятности искренно, что после смерти полковник Коновалец оказался им еще полезнее, чем при жизни».

Ликвидация Коновальца имела большой резонанс среди украинских националистов. Как и предполагалось, смерть лидера повлекла за собой усиление внутреннего противостояния среди членов ОУН, что, в свою очередь, привело к расколу организации. Тем не менее прекратить деятельность националистической организации путем устранения Коновальца не удалось.

Официальным преемником погибшего главы ОУН стал Андрей Мельник, являвшийся мужем родной сестры жены Коновальца. В ходе борьбы за власть внутри ОУН между Бандерой и Мельником погибло около четырехсот боевиков-мельниковцев и более двухсот бандеровцев.

Окончательное размежевание организации произошло в апреле 1941 года, когда Бандера собрал в Кракове общий сбор представителей различных группировок, после которого ОУН распалась на ОУН-М (мельниковцы) и ОУН-Б (бандеровцы).

«Я считал ликвидацию Коновальца оправданной со всех точек зрения и гордился тем, что при взрыве не пострадали невинные люди, — писал Павел Судоплатов. — Цель была достигнута: накануне войны фашистская ОУН оказалась без единого лидера, что вызвало раскол в организации».

Ликвидация Павлом Судоплатовым Евгения Коновальца многими ветеранами советских спецслужб расценивается как идеально проведенная операция.

Так, бывший заместитель командира группы спецназа «Вымпел» полковник в отставке Евгений Савинцев назвал устранение Коновальца «оперативной классикой». «Он [Судоплатов] был рожден для таких операций», — подчеркнул ветеран.

Глава пятая

В годы репрессий

Я ожидал, что меня арестуют в конце января или, в крайнем случае, в начале февраля 1939 года. Каждый день я являлся на работу и ничего не делал — сидел и ждал ареста.

Павел Судоплатов

Несколько слов о природе репрессий

Необоснованные репрессии 1937–1939 годов в органах государственной безопасности унесли жизни свыше половины работавших в то время в них разведчиков и контрразведчиков. Однако начались они гораздо раньше, практически сразу после убийства члена Политбюро ЦК ВКП(б) Сергея Мироновича Кирова, и продолжались в той или иной форме вплоть до кончины Сталина в 1953 году.

Как же отразились репрессии на закордонной деятельности внешней разведки и ее сотрудниках в предвоенные годы?

1 декабря 1934 года в 16 часов 37 минут в Смольном был убит друг и ближайший соратник И. В. Сталина, член Политбюро ЦК ВКП(б), первый секретарь Ленинградского обкома партии С. М. Киров. По установленной версии, смертельную рану нанес ему на почве личной неприязни ревнивец Леонид Николаев, человек психически неуравновешенный. Вопреки домыслам и спекуляциям всякого рода на этот счет Сталин ни прямого, ни косвенного отношения к убийству Кирова не имел. Он полностью доверял своему другу и даже планировал перевести его в Москву на более ответственный пост. К слову сказать, когда вышла в свет книга Сталина «Вопросы ленинизма», он преподнес ее Кирову с дарственной надписью: «Моему дорогому другу, брату моему любимому от автора». Этот автограф отражал истинное отношение Сталина к своему соратнику и не являлся политической мимикрией генсека, к которой он впоследствии, особенно после гибели Кирова, неоднократно прибегал в борьбе против своих действительных и мнимых политических противников.

Сталин был потрясен трагической гибелью близкого друга. По свидетельству очевидцев, он все время повторял: «Что же происходит? Неужели они уже убивают нас?» Они, по мнению Сталина, — это троцкистско-зиновьевская оппозиция.

Мысль о том, что убийство Кирова было организовано «троцкистско-зиновьевским блоком», пришла Сталину в голову не случайно. В первых донесениях ОГПУ об обстоятельствах убийства Кирова отмечалось, что в середине 1920-х годов Л. В. Николаев

голосовал за платформу Зиновьева, был исключен из партии. Через свою жену Мильду Драуле, работавшую официанткой при секретариате Кирова в Смольном, он обратился к Сергею Мироновичу с апелляцией, был восстановлен в партии и даже назначен на работу в один из райкомов на периферии. Однако ехать «в глубинку» не захотел, к тому же приревновал к Кирову свою жену. 1 декабря 1934 года Николаев по партийному билету прошел в Смольный для «решительного объяснения» с Кировым. Находясь в состоянии сильного возбуждения, он «для храбрости» взял с собой пистолет. При объяснении Николаева с Кировым охрана последнего, догадываясь о конфиденциальном характере беседы, отошла в сторону. Тут нервы Николаева сдали и он выстрелил в Сергея Мироновича. Выстрел оказался смертельным.

Получив известие о смерти Кирова, Сталин вместе с Молотовым, Ворошиловым и Ягодой в тот же день выехал в Ленинград. Сталин сразу отстранил от занимаемых должностей начальника Управления НКВД по Ленинграду и Ленинградской области Ф. Д. Медведя и его первого заместителя И. В. Запорожца, который с августа болел, а в день убийства находился на излечении в Сочи. Оба чекиста были арестованы, обвинены в «преступно-халатном отношении к своим обязанностям по обеспечению госбезопасности» и осуждены на три года лишения свободы, а затем направлены начальниками лагерей в системе ГУЛАГа в Магадан. В 1937 году они были отозваны в Москву, вновь арестованы и расстреляны.

По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР Л. В. Николаев был расстрелян 29 декабря 1934 года. Семья Николаева — жена Мильда Драуле и ее мать — была расстреляна спустя два месяца после смерти Кирова. Высшие чины НКВД знали о личной версии трагической гибели Кирова, однако были вынуждены молчать об этом, поскольку Сталин объявил, что Кирова убили враги партии.

Сразу после убийства Кирова ВЦИК принял решение об упрощенном рассмотрении дел, связанных с террором. Слушание этих дел отныне проходило без участия прокурора, осужденные не могли подавать кассационных жалоб на решение суда и ходатайств о помиловании. Приговор к высшей мере наказания приводился в исполнение немедленно. Фактически это было возрождением «чрезвычайных» столыпинских законов о военно-полевых судах.

С января 1935 года в соответствии с распределением обязанностей в Политбюро Сталин лично курировал органы государственной безопасности. Это означало, что ни одно назначение на номенклатурную должность в НКВД не могло состояться без его санкции. Не исключено, что именно по указанию Сталина нарком внутренних дел Генрих Ягода приступил к чистке органов государственной безопасности, устраняя тех, кто в прошлом поддерживал оппозицию и голосовал за ее платформу. Ведь в 1920-е годы, когда в партии существовала относительная свобода мнений и по наиболее важным вопросам велись активные внутренние дискуссии, платформа оппозиции набирала до сорока процентов голосов чекистов. К тому же в самом начале деятельности ВЧК в ней работали также левые эсеры, которые имели свое мнение относительно работы этой организации.

Здесь уместно, на наш взгляд, коснуться роли личности председателя ВЧК — ОГПУ Феликса Эдмундовича Дзержинского. Сегодня некоторые «правозащитники» утверждают, что Дзержинский был основателем ГУЛАГа. Но Дзержинский скончался 20 июля 1926 года, а Главное управление исправительно-трудовых лагерей и колоний (ГУЛАГ) НКВД СССР было создано лишь в 1931 году. Резкий же рост репрессий произошел во второй половине 1930-х годов при Ежове.

Неверным также является утверждение «правозащитников», что «красный террор» в нашей стране был развязан по инициативе Дзержинского. На самом деле он был развязан в 1918 году Яковом Свердловым и Львом Троцким после убийства эсером Леонидом Канегиссером председателя ЧК Петроградской коммуны Моисея Урицкого и в ответ на «белый террор» контрреволюции. В ходе «красного террора» было расстреляно около пятисот человек — представителей старого режима, в то время как за время «белого террора» лишь за июнь — декабрь 1918 года и только на территории тринадцати губерний, занятых белыми, по неполным данным, было расстреляно 23 тысячи человек. И не случайно известный идеолог Белого движения и монархист Василий Шульгин позже отмечал, что они «начинали борьбу почти что святые, а кончили — почти что разбойники».

Защитники собственных прав начисто игнорируют тот факт, что в 2000 году Главным управлением исполнения наказаний (ГУИН) Министерства юстиции Российской Федерации (ныне — Федеральная служба исполнения наказаний) была издана брошюра «Карательная политика России на рубеже тысячелетий». В ней приводится статистика, показывающая, какое число заключенных находилось в исправительных учреждениях России за 100 лет — с 1898 по 1999 год. Приведем несколько данных из этого документа.

1922 год. Ф. Дзержинский в это время являлся наркомом внутренних дел и председателем ВЧК. Общее количество лиц, находившихся под стражей и отбывавших наказание, составляло 70 тысяч человек (на 100 тысяч человек населения приходилось 67 заключенных). И это в конце ожесточенной Гражданской войны, явившейся результатом иностранной интервенции и сопровождавшейся «белым террором», контрреволюционными заговорами и мятежами!

В 1909 году, когда министром внутренних дел России был «великий реформатор» Петр Столыпин, в тюрьмах и на каторге содержалось 180 тысяч заключенных (140 узников на 100 тысяч населения). Вспомним, кстати, основные составляющие столыпинской реакции: карательные отряды для подавления крестьянских восстаний; военно-полевые суды; расстрелы и виселицы (не случайно удавки для приговоренных к повешению называли тогда «столыпинскими галстуками»).

По данным упомянутой выше брошюры, в 1999 году в исправительных учреждениях России содержалось более миллиона человек (708 узников в расчете на 100 тысяч населения, иными словами, в 10 раз больше, чем при Дзержинском и в 5 раз больше, чем при Столыпине).

Но вернемся к теме нашего исследования.

Генрих Ягода уволил из органов госбезопасности 8100 человек, заподозренных в нелояльности к политике Сталина. Начались громкие судебные процессы над лидерами антисталинской оппозиции.

25 сентября 1936 года Сталин, находившийся вместе со Ждановым на отдыхе в Сочи, направил в Москву членам Политбюро телеграмму следующего содержания:

«Считаем абсолютно необходимым и срочным назначением тов. Ежова на пост наркомвнутдела. Ягода явным образом оказался не на высоте своей задачи в деле разоблачения троцкистско-зиновьевского блока. ОГПУ опоздало в этом деле на четыре года. Об этом говорят все партработники и большинство областных представителей НКВД».

Уже 26 сентября, на следующий день после получения телеграммы, наркомом внутренних дел стал секретарь ЦК ВКП(б) Николай Ежов. По совместительству за ним сохранялись посты секретаря ЦК и председателя Комитета партийного контроля. Одним из первых шагов Ежова на посту наркома стало указание о том, что органы госбезопасности должны развернуть чистку начиная с самих себя.

18 марта 1937 года Ежов выступил на собрании руководящих работников Наркомата внутренних дел, на котором заявил, что «шпионы» заняли в НКВД ключевые посты, и потребовал «твердо усвоить, что и Дзержинский испытывал колебания в 1925–1926 годах, и он проводил иногда колеблющуюся политику». Это был сигнал о том, что репрессии коснутся и ближайших соратников Дзержинского. Вскоре волна арестов в НКВД захлестнула и его руководящих работников. Прежде всего это коснулось лиц польской национальности. Руководством страны было выражено политическое недоверие внешней разведке.

В своих мемуарах Павел Судоплатов писал:

«Когда арестовывали наших друзей, все мы думали, что произошла ошибка. Но с приходом Деканозова (начальник внешней разведки со 2 декабря 1938 года по 13 мая 1939 года. — В. А.) впервые поняли, что это не ошибка. Нет, то была целенаправленная политика. На руководящие должности назначались некомпетентные люди, которым можно было отдавать любые приказания. Впервые мы стали опасаться за свои жизни, оказавшись под угрозой самоуничтожения собственной же системой. Именно тогда я начал размышлять над природой системы, которая приносит в жертву людей, служащих ей верой и правдой.

Я считаю Ежова ответственным за многие тяжкие преступления. Больше того, он был еще и профессионально некомпетентным руководителем...»

Репрессии, охватившие страну в конце 1930-х годов, нанесли огромный ущерб и советской внешней разведке, серьезно подорвав ее успешную в целом работу в предшествующие годы. К 1938 году были ликвидированы почти все нелегальные резидентуры, оказались утраченными связи с ценнейшими источниками информации. Некоторые из них были потеряны навсегда. Порой в «легальных» резидентурах оставалось всего один-два работника, как правило молодых и неопытных. Аресты создавали в коллективах обстановку растерянности, подозрительности, недоверия.

За годы «ежовщины» были арестованы практически все бывшие и действующие руководители ИНО и многие ведущие разведчики.

Так, 13 мая 1937 года был арестован выдающийся организатор контрразведки и разведки нашей страны Артур Артузов. 15 июня 1937 года — Станислав Мессинг, руководивший разведкой в 1929–1931 годах, а тогда работавший в Наркомате внешней торговли. 21 ноября 1937 года — первый начальник советской внешней разведки Яков Давтян (Давыдов). 23 ноября 1938 года — Меер Трилиссер, возглавлявший разведку в 1922–1929 годах, а к тому времени являвшийся ответственным сотрудником Исполкома Коминтерна.

Возглавивший разведку после Артузова комиссар госбезопасности 2-го ранга Абрам Слуцкий, с которым у Судоплатова установились хорошие личные отношения, 17 февраля 1938 года скоропостижно скончался в кабинете первого заместителя наркома внутренних дел М. Фриновского. А уже в апреле того же года его посмертно исключили из партии как «врага народа».

После смерти Слуцкого исполняющим обязанности начальника внешней разведки был назначен майор госбезопасности Сергей Шпигельглаз, с которым Судоплатов активно взаимодействовал при решении важных оперативных вопросов. Но и он продержался в этой должности менее четырех месяцев. 9 июня 1938 года его сменил старший майор госбезопасности Зельман Пассов. А судьба Шпигельглаза была решена: 2 ноября 1938 года он был арестован, а 12 февраля 1940 года — расстрелян. Пассова эта же участь постигла спустя три дня — 15 февраля.

В это же время подверглись репрессиям и многие ведущие разведчики. Среди них: резиденты в Лондоне Адольф Чапский, Григорий Графпен и Теодор Малли, в Париже — Станислав Глинский

и Георгий Косенко, в Риме — Моисей Аксельрод, в Берлине — Борис Гордон, в Нью-Йорке — Петр Гутцайт, выдающиеся разведчики-нелегалы Дмитрий Быстролетов, Борис Базаров, Григорий Сыроежкин, заместитель начальника ИНО Валерий Горожанин и другие.

Были арестованы и брошены в тюрьмы Ян Буйкис, Игорь Лебединский, Яков Серебрянский, Раиса Соболев, близкие друзья Судоплатова Иван Каминский, Петр Зубов и сотни других разведчиков. Некоторым из них, правда, с помощью Судоплатова удалось все же выйти из заключения и успешно работать в годы Великой Отечественной войны.

Как отмечает в своем исследовании историк советских органов государственной безопасности Д. Прохоров, «в результате так называемых “чисток” в 1937–1938 годах из 450 сотрудников внешней разведки (включая заграничный аппарат) были репрессированы 275 человек, то есть более половины личного состава».

Разгром разведки привел к печальным последствиям. В результате со многими ценными агентами была прервана связь, восстановить которую удавалось далеко не всегда. Более того, в 1938 году в течение 127 дней крику из центрального аппарата внешней разведки руководству страны не докладывалось вообще никакой информации. Случалось, что сообщения на имя Сталина некому было подписывать и они отправлялись за подписью рядовых сотрудников аппарата разведки.

Вскоре после февральско-мартовского 1937 года пленума ЦК ВКП(б), принявшего решение о развертывании масштабных чисток, были арестованы почти все начальники управлений и отделов НКВД и их заместители. Волна репрессий коснулась не только ветеранов ВЧК, но и выдвиженцев Ягоды. Кстати, определенный интерес для читателя может представить рассказ о выступлении Ежова на февральско-мартовском пленуме, который привел в своей книге «Сталин и разведка» историк Игорь Дамаскин:

«Обсудив вопрос о вредительстве, пленум перешел к рассмотрению вражеской деятельности в самом наркомвнутделе. Обсуждение проходило на закрытом заседании, в отсутствие приглашенных на пленум лиц.

Начало доклада Ежова было довольно спокойным. Он даже заявил о сужении “изо дня в день вражеского фронта” после ликвидации

кулачества, когда отпала необходимость в массовых арестах и высылках, которые производились в период коллективизации.

Затем нарком перешел к нападкам на существующую тюремную систему для политзаключенных (так называемые политизоляторы). Он привел цитату относительно обследования Суздальского политизолятора: “Камеры большие и светлые, с цветами на окнах. Есть семейные комнаты, проводятся ежедневные прогулки мужчин и женщин по 3 часа” (смех Берии: “Дом отдыха!”). Упомянул Ежов и спортивные площадки, полки для книг в камерах, усиленный паек, право отбывать наказание вместе с женами (сейчас трудно поверить, что в начале 1937 года в изоляторах для политзаключенных действительно существовали такие условия. — В. А.). Указал он и на практику смягчения наказаний, отметив, например, что из 87 осужденных в 1933 году по делу Смирнова девять человек — выпущены на свободу, а для шестнадцати — тюрьма заменена ссылкой.

Ежов заявил, что с момента своего прихода в НКВД он арестовал 238 работников наркомата, ранее состоявших в оппозиции. Другим контингентом арестованных чекистов были “агенты польского штаба”...

Резолюция по докладу Ежова повторяла формулировку телеграммы Сталина и Жданова из Сочи о запоздании с разоблачением троцкистов на четыре года и указывала, что “НКВД уже в 1932–1933 годах имел в своих руках все нити для того, чтобы полностью вскрыть чудовищный заговор троцкистов против советской власти”.

Резолюция требовала ужесточить режим содержания политзаключенных и обязала НКВД “довести до конца дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов фашизма с тем, чтобы подавить малейшие проявления антисоветской деятельности”».

В связи с тем, что большая группа работников НКВД была отмечена правительственными наградами за активное участие в кампании 1937 года по борьбе с «врагами народа», Н. Ежов заявил: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания». На смену старым чекистам были выдвинуты молодые кадры, не имевшие опыта работы, от которых требовалось безоговорочное выполнение указаний наркома.

Уже в первые месяцы «великой чистки» аппарат НКВД на местах был значительно расширен. Одновременно руководство страны позаботилось о том, чтобы улучшить материальное положение чекистов.

Следует, однако, отметить, что среди новобранцев НКВД «сталинской волны» было немало людей, которых буквально ошеломила обстановка беззакония и произвола, царившая в органах госбезопасности. Многие сотрудники НКВД, участвовавшие в «большой чистке», сами погибли в вакханалии «ежовщины». За 1934–1939 годы 21 тысяча 800 сотрудников Наркомата внутренних дел были репрессированы по обвинению в «контрреволюционных преступлениях», в том числе сотни разведчиков.

В августе 1938 года первым заместителем наркома внутренних дел и одновременно начальником Главного управления государственной безопасности, в состав которого входила и внешняя разведка, был назначен Лаврентий Берия, являвшийся первым секретарем Тбилисского горкома КП(б) Грузии, а до этого длительное время работавший в органах ВЧК — ГПУ Закавказья.

17 ноября 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило на своем заседании секретное постановление СНК и ЦК ВК(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», явившееся, по сути, предвестником конца «ежовщины». В документе, в частности, отмечалось:

«Массовые операции по разгрому и выкорчевыванию вражеских элементов, проведенные органами НКВД в 1937–1938 годах при упрощенном ведении следствия и суда, не могли не привести к ряду крупнейших недостатков и извращений в работе органов НКВД и прокуратуры.

Работники НКВД настолько отвыкли от кропотливой, систематической агентурно-осведомительской работы и так вошли во вкус упрощенного порядка производства дел, что до самого последнего времени возбуждают вопросы о предоставлении им так называемых лимитов для производства массовых арестов. Глубоко укоренился упрощенный порядок расследования, при котором следователь, как правило, ограничивается получением от обвиняемого признания своей вины и совершенно не заботится о подкреплении этого признания необходимыми документальными данными. Нередко

показания арестованных записываются в виде заметок, а затем спустя продолжительное время составляется общий протокол, причем совершенно не выполняется требование о дословной, по возможности, фиксации показаний арестованного. Очень часто протокол допроса не составляется до тех пор, пока обвиняемый не признается в совершенных им преступлениях».

Постановлением от 17 ноября 1938 года органам НКВД и прокуратуре запрещалось проводить какие-либо массовые аресты и выселения, а сами аресты предписывалось осуществлять в соответствии с Конституцией страны только по постановлению суда или с санкции прокурора. В центре и на местах ликвидировались судебные «тройки». В то же время в документе подчеркивалось, что «очистка СССР от многочисленных шпионских, террористических, диверсионных и вредительских кадров должна продолжаться, но с использованием более совершенных и надежных методов».

23 ноября в кабинете Сталина Ежов написал заявление в Политбюро ЦК ВКП(б), в котором просил освободить его от должности наркома внутренних дел СССР. Просьба Ежова была удовлетворена. Новым наркомом внутренних дел стал Лаврентий Берия.

Репрессии против чекистских кадров пошли на убыль, но полностью не прекратились. Еще будучи первым заместителем наркома внутренних дел, Берия запросил у председателя Военной коллегии Верховного суда СССР Ульриха данные о деятельности этого судебного органа. В полученном ответе говорилось:

«За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного Суда СССР и выездными сессиями коллегии в 60 городах осуждено:

к расстрелу — 30 514 человек;

к тюремному заключению — 5643 человека.

Всего — 36 157 человек».

Колоссальный урон был нанесен репрессиями и Красной армии. 29 ноября 1938 года нарком обороны Ворошилов на заседании Военного совета признал, что только за 1937–1938 годы из армии было вычищено свыше сорока тысяч человек. Объективности ради скажем, что не все они были расстреляны. Накануне и в ходе войны в строй было возвращено свыше тридцати тысяч «вычищенных» офицеров.

Какова же численность жертв Большого террора? Обратимся к официальному документу, подготовленному 1 февраля 1954 года для Н. С. Хрущева:

«Секретарю ЦК КПСС тов. Хрущеву Н. С.

В связи с поступающими в ЦК КПСС сигналами от ряда лиц, в соответствии с вашими указаниями о необходимости пересмотреть дела на лиц, осужденных за контрреволюционные преступления и ныне содержащихся в лагерях и тюрьмах, докладываем:

С 1921 года по настоящее время за контрреволюционные преступления было осуждено 3 777 380 человек, в том числе к высшей мере — 642 980 человек, к содержанию в лагерях и тюрьмах на срок от 25 лет и ниже — 2 369 220 человек, в ссылку и высылку — 765 180 человек.

Из общего количества осужденных, ориентировочно, осуждено:

2 900 000 человек — Коллегией ОГПУ, “тройками” НКВД и Особым совещанием, 877 000 человек — судами, военными трибуналами, Спецколлегией и Военной коллегией.

Генеральный прокурор

Р. Руденко

Министр внутренних дел

С. Круглов

Министр юстиции

К. Горшенин».

Цифры, близкие к приведенным в этом документе, впервые были обнародованы в 1990 году руководством тогдашнего КГБ СССР: 3 778 234 репрессированных, в том числе 786 098 расстрелянных.

Разумеется, даже один расстрелянный невинный — это много. Каждый невинно пострадавший от политических репрессий — часть великой трагедии нашей страны.

Уже в первые месяцы своего пребывания на посту наркома внутренних дел Берия расставил на ключевые посты своих людей, прибывших вместе с ним из Грузии. Кроме того, им была проведена «чистка» ежовских кадров, занимавших руководящие посты в НКВД как в центре, так и на местах. Помимо Николая Ежова, расстрелянного 4 февраля 1940 года, такая же участь постигла Михаила Фриновского, Бориса и Матвея Берманов, Станислава Реденса, Леонида Заковского,

Семена Жуковского, Александра Радзивиловского, Льва Бельского и других руководящих сотрудников наркомата.

В то же время новый нарком пошел на некоторые послабления: в течение 1939 года из лагерей были выпущены 223 тысячи 800 осужденных, из колоний-поселений вернулись 103 тысячи 800 человек. Среди освобожденных были будущий Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский, будущий Герой Советского Союза генерал армии Александр Горбатов, вице-адмирал Георгий Холостяков, академик и адмирал Аксель Берг, академик Лев Ландау, ряд бывших сотрудников разведки и контрразведки НКВД.

Однако необоснованные репрессии не прекратились. Были произведены новые аресты и во внешней разведке. Для подготовки смены репрессированным разведчикам Берия объявил призыв в НКВД «лучших комсомольцев». Новые руководители пришли в разведку по партийному набору. Среди них были партийные активисты, выпускники Академии РККА имени М. В. Фрунзе, гражданских вузов. Накануне войны именно эти «новобранцы» в условиях полного разгрома органов внешней разведки воссоздавали ее. Молодые лейтенанты и капитаны, призванные по комсомольскому и партийному наборам во внешнюю разведку, обеспечивали в годы Великой Отечественной войны ее успешную деятельность.

Был среди них и будущий начальник внешней разведки — 32-летний старший майор госбезопасности Павел Фитин, который руководил ее работой все годы военного лихолетья.

В направленном руководству НКГБ отчете о работе внешней разведки в 1939–1941 годах Павел Михайлович Фитин писал:

«К началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время Иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке. Ни о какой разведывательной работе за кордоном при этом положении не могло быть и речи. Задача состояла в том, чтобы, наряду с созданием аппарата самого отдела, создать и аппарат резидентур за кордоном».

Чтобы восстановить кадровый состав внешней разведки, требовалось организовать специальную подготовку молодых сотрудников. Жизнь диктовала необходимость создания специального учебного заведения, и 3 октября 1938 года нарком внутренних дел

издал приказ об организации Школы особого назначения (ШОН) для централизованной подготовки разведывательных кадров.

В воспоминаниях П. М. Фитина, опубликованных после его смерти, по этому поводу говорится:

«В соответствии с решением Центрального Комитета партии от 1938 года “Об улучшении работы Иностранного отдела НКВД” нам пришлось значительно перестраивать деятельность разведки.

Данное решение было вызвано создавшимся ненормальным положением в органах государственной безопасности, и в первую очередь в разведке. В 1930-х годах сложилась обстановка недоверия и подозрительности ко многим чекистам, главным образом к руководящим работникам, не только центрального аппарата, но и резидентур Иностранного отдела за кордоном. Их обвиняли в измене Родине и подвергали репрессиям. В течение 1938–1939 годов почти все резиденты ИНО за кордоном были отозваны в Москву и многие из них — репрессированы.

Обстановка настоятельно требовала принятия неотложных мер по перестройке всей работы внешнеполитической разведки. В марте 1938 года в органы государственной безопасности Центральный Комитет партии мобилизовал около 800 коммунистов с высшим образованием, имевших опыт партийной и руководящей работы. После обучения на ускоренных курсах Школы особого назначения их направили как в центральный аппарат, так и в периферийные органы. Большая группа выпускников ускоренных курсов, в которой находился и автор этих строк, была отобрана для работы в 5-м (разведывательном) отделе ГУГБ НКВД СССР.

Влившиеся в разведку новые кадры вместе с оставшимися на работе чекистами-разведчиками образовали монолитный сплав опыта и молодого задора. Их задача состояла в том, чтобы улучшить разведывательную работу за кордоном.

В результате принятых мер в предвоенные годы удалось укомплектовать около 40 резидентур за кордоном и направить в них более 200 разведчиков, а также вывести на нелегальную работу многих кадровых чекистов. Это сразу же сказалось на результатах».

Новое руководство внешней разведки действительно предприняло энергичные меры по восстановлению заграничных аппаратов, деятельность которых была парализована в результате многочисленных чисток, и

укреплению центрального аппарата разведки. За короткий предвоенный срок Фитину удалось не только залечить раны, нанесенные разведке репрессиями, но и значительно активизировать ее деятельность, в первую очередь — за рубежом, сосредоточив внимание на подборе руководителей резидентур. В 1939–1940 годах за рубеж были направлены такие опытные разведчики, как Михаил Аллахвердов, Исхак Ахмеров, Василий и Елизавета Зарубины, Александр Коротков, Борис Рыбкин, Зоя Воскресенская-Рыбкина, Дмитрий Федичкин.

К середине 1940 года в центральном аппарате разведки в Москве работали уже 695 человек, а 242 разведчика были командированы за границу. Наиболее крупными из сорока укомплектованных резидентур были резидентуры в США, Финляндии, Германии.

Однако завершать реорганизацию разведки, создавать условия для ее работы в боевых условиях, чем занимался еще в начале 1930-х годов выдающийся организатор разведки Артур Артузов, Павлу Фитину пришлось уже в ходе войны. Молодые сотрудники, пришедшие во внешнюю разведку накануне войны, с честью справились с этой нелегкой задачей, снабжая высшее советское руководство необходимой политической, военной и научно-технической информацией. Они сумели переиграть нацистские спецслужбы и внесли свой вклад в Великую Победу над гитлеровской Германией.

Из сказанного выше можно сделать обоснованный вывод, что разгром внешней разведки незадолго до начала Второй мировой войны нанес серьезный урон государственной безопасности нашей страны. После отстранения Ежова от должности наркома внутренних дел в НКВД была направлена специальная проверочная комиссия из ЦК ВКП(б). Она была призвана выяснить, как разоблачаются «изменники и авантюристы», проникшие во внешнюю разведку и «обманывавшие партию и государство». Каждый сотрудник разведки подлежал тщательной проверке. Члены комиссии во главе с новым начальником разведки В. Г. Деканозовым интересовались в первую очередь связями сотрудников с троцкистами и другими «врагами народа».

На грани ареста

В июле 1938 года торговое судно, на котором Павел Судоплатов благополучно отбыл из Западной Европы, ошвартовалось в ленинградском порту. В тот же день ночным поездом он выехал в Москву. На Ленинградском вокзале столицы Судоплатова встречали только что назначенный начальником Иностранного отдела Зельман Пассов, заместитель начальника ИНО, старший товарищ и учитель Павла Сергей Шпигельглаз и Эмма Карловна.

На следующий день Павел Судоплатов вместе с Пассовым был вызван к новому начальнику Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД Лаврентию Берии, которому подчинялась внешняя разведка и который являлся первым заместителем Н. И. Ежова. Павел Анатольевич вспоминал: «Моя первая встреча с Берией продолжалась, кажется, около четырех часов. Все это время Пассов хранил молчание. Берия задавал мне вопрос за вопросом, желая знать обо всех деталях операции против Коновальца и об ОУН с начала ее деятельности.

Спустя час Берия распорядился, чтобы Пассов принес папку с литературным делом “Ставка”, где были зафиксированы все детали этой операции. Из вопросов Берии мне стало ясно, что это высококомпетентный в вопросах разведывательной работы и диверсий человек. Позднее я понял: Берия задавал свои вопросы для того, чтобы лучше понять, каким образом я смог вписаться в западную жизнь...

Одет он был, помнится, в весьма скромный костюм. Мне показалось странным, что он без галстука, а рукава рубашки, кстати довольно хорошего качества, закатаны. Это обстоятельство заставило меня почувствовать некоторую неловкость, так как на мне был прекрасно сшитый костюм: во время своего краткого пребывания в Париже я заказал три модных костюма, пальто, а также несколько рубашек и галстуков. Портной снял мерку, а за вещами зашел Агаянц и отослал их в Москву дипломатической почтой.

Берия хорошо говорил по-русски с небольшим грузинским акцентом и по отношению ко мне вел себя предельно вежливо. Однако ему не удалось остаться невозмутимым на протяжении всей нашей

беседы. Так, Берия пришел в сильное возбуждение, когда я рассказывал, какие приводил аргументы Коновальцу, чтобы отговорить его от проведения ОУН террористических актов против представителей советской власти на Украине».

После встречи с Берией Судоплатов получил краткосрочный отпуск, чтобы навестить мать, проживавшую в Мелитополе, и родителей жены в Харькове. Предполагалось, что, возвратившись в Москву, он получит должность помощника начальника Иностранного отдела.

Во время поездки жена рассказала Судоплатову о трагических событиях, которые происходили как в самой стране, так и в органах безопасности. В частности, о том, что жертвами репрессий стали многие их друзья, которым они полностью доверяли и в преданности которых не сомневались.

Возвратившись в Москву, Судоплатов узнал от Пассова и Шпигельглаза, что вопрос о назначении его на должность помощника начальника внешней разведки решен. Но назначение подлежало еще утверждению ЦК партии, поскольку речь шла о руководящей должности. И хотя приказа о его новой должности не последовало, с августа по ноябрь 1938 года Судоплатов фактически исполнял обязанности помощника начальника внешней разведки.

Во второй половине 1938 года атмосфера на Лубянке была буквально пронизана страхом, в ней чувствовалось что-то зловещее. Вспоминая об этом, Судоплатов писал: «Шпигельглаз, заместитель начальника закордонной разведки НКВД, с каждым днем становился все угрюмее. Он оставил привычку проводить воскресные дни со мной и другими друзьями по службе. В сентябре Ильицкий, секретарь Ежова, тогдашнего главы НКВД, застрелился в лодке, катаясь по Москве-реке. Это для нас явилось полной неожиданностью. Вскоре появилось озадачившее всех распоряжение, говорящее: ордера на арест без подписи Берии, первого заместителя Ежова, недействительны... На Лубянке люди казались сдержанными и уклонялись от любых разговоров. В НКВД работала специальная проверочная комиссия из ЦК».

2 ноября 1938 года в четыре часа утра Судоплатова разбудил настойчивый телефонный звонок: звонил начальник секретариата

внешней разведки Козлов. «Голос звучал официально, — рассказывал позже Судоплатов, — но в нем угадывалось необычное волнение.

— Павел Анатольевич, — услышал я, — вас срочно вызывает к себе первый заместитель начальника Управления госбезопасности товарищ Меркулов. Машина уже ждет вас. Приезжайте как можно скорее. Только что арестованы Шпигельглаз и Пассов.

Жена крайне встревожилась. Я решил, что настала моя очередь.

На Лубянке меня встретил сам Козлов и проводил в кабинет Меркулова. Тот приветствовал меня в своей обычной вежливой, спокойной манере и предложил пройти к Лаврентию Павловичу. Нервы мои были напряжены до предела. Я представил, как меня будут допрашивать о моих связях со Шпигельглазом. Но, как ни поразительно, никакого допроса Берия учинять мне не стал. Весьма официальным тоном он объявил, что Пассов и Шпигельглаз арестованы за обман партии и что мне надлежит немедленно приступить к исполнению обязанностей начальника отдела закордонной разведки. Берия подчеркнул, что я должен буду докладывать непосредственно ему по всем наиболее срочным вопросам. На это я ответил, что кабинет Пассова опечатан и войти туда я не могу.

— Снимите печати немедленно, а на будущее запомните: не морочьте мне голову такой ерундой. Вы не школьник, чтобы задавать детские вопросы.

Через десять минут я уже разбирал документы в сейфе Пассова».

Павел Анатольевич Судоплатов исполнял обязанности начальника советской внешней разведки ровно месяц — со 2 ноября по 2 декабря 1938 года. Именно в это время он обнаружил в сейфе бывшего начальника ИНО подписанное Ежовым представление в ЦК ВКП(б) и Президиум Верховного Совета СССР о награждении его орденом Красного Знамени за выполнение «важного правительственного задания за рубежом в мае 1938 года» (речь шла о реализации операции «Ставка»), которое так и не было отправлено по адресу. Там же находился и неподписанный приказ о его назначении на должность помощника начальника Иностранного отдела.

Исполняя обязанности начальника Иностранного отдела, Судоплатов глубоко изучил и его структуру, и все тонкости организации и проведения разведывательных операций за рубежом.

Это ему очень помогало в дальнейшем. В это же время Судоплатов близко познакомился с Яковом Серебрянским, возглавлявшим Особую группу при наркомате внутренних дел. Особая группа была глубоко законспирирована и находилась в подчинении непосредственно наркомата. В ее задачу входило создание резервной сети нелегалов для проведения диверсионных операций в тылах противника в Западной Европе, на Ближнем Востоке, в Китае и США в случае войны. Непосредственно перед Великой Отечественной войной Серебрянский и часть его сотрудников были арестованы. В 1941 году по инициативе Судоплатова многие из них были освобождены, возвратились на службу и блестяще проявили себя на оперативной работе.

Как уже отмечалось, в конце 1938 года в НКВД начала работать специальная комиссия по проверке всех оперативных работников разведки. Она должна была выяснить, «как разоблачаются изменники и авантюристы, обманывающие Центральный комитет партии». В работе комиссии принимал активное участие Л. Берия. Касаясь одного из эпизодов этой проверки, Павел Судоплатов отмечал: «В беседе с каждым сотрудником Берия пытался выведать, не является ли он двойным агентом, и говорил, что под подозрением сейчас находятся все. Моя жена была одной из четырех женщин — сотрудниц разведслужбы. Нагло смерив ее взглядом, Берия спросил, кто она такая: немка или украинка. “Еврейка”, — к удивлению Берии, ответила она. С того самого дня жена постоянно предупреждала меня, чтобы я опасался Берии и держался подальше от него и его окружения. Дальновидность моей жены оказалась пророческой».

Именно в период работы проверочной комиссии на партийном собрании 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, как с сентября 1938 года стало именоваться подразделение внешней разведки органов государственной безопасности, неожиданно выступил сотрудник отдела Гукасов, сослуживец Судоплатова еще по Харькову. Он предложил партийному бюро отдела обратить внимание на связи Судоплатова с разоблаченными «врагами народа». По так называемому «делу Судоплатова» была создана комиссия партбюро, результаты работы которой должны были быть рассмотрены на его очередном заседании.

Историки отечественных спецслужб К. Дегтярев и А. Колпакиди обнаружили в архивах любопытный документ — Протокол № 15

заседания партийного бюро 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР, которое состоялось 23 ноября 1938 года и на котором слушалось персональное дело П. А. Судоплатова.

Итак, как следовало из протокола, секретарь партбюро Анатолий Леоненко зачитал обвинения, предъявленные Судоплатову.

Путанные ответы при заполнении анкетных данных: в частности, Судоплатов якобы не упомянул в анкете, что находился в плену у казаков генерала Шкуро (на самом деле двенадцатилетний Павел был схвачен казаками и на следующий день бежал от них). Более серьезные по тем временам обвинения касались личных связей Судоплатова и его жены с разоблаченными «врагами народа». Интересно, что в этот список попали совершенно разные люди, начиная от высокопоставленных сотрудников органов госбезопасности и заканчивая разведчиками-нелегалами. В первую очередь это относилось к Всеволоду Балицкому — бывшему руководителю украинских чекистов, который при назначении заместителем председателя ОГПУ и переезде в Москву предложил Судоплатову работу в центральном аппарате органов госбезопасности. Балицкий был арестован и расстрелян в 1937 году.

Коллега Судоплатова Раиса Соболев, по рекомендации которой он перешел на работу в Иностраннный отдел, была арестована в 1938 году по подозрению в шпионаже и осуждена на восемь лет. К тому же она была близкой подругой жены Павла Анатольевича. В сентябре 1941 года освобождена из тюрьмы с прекращением дела. До мая 1945 года служила в органах государственной безопасности, затем уволилась в запас. Капитан государственной безопасности.

Валерий Горожанин являлся сослуживцем Судоплатова по работе в ГПУ Украины. Правда, трудились они в разных отделах: Горожанин возглавлял секретно-политический отдел ГПУ УССР. С 1930 года он находился на руководящих должностях в центральном аппарате ОГПУ, а с 1933 года — во внешней разведке. В августе 1937 года арестован по делу «о заговоре в НКВД УССР», а в августе 1938-го — расстрелян. Полностью реабилитирован в 1957 году.

Друг Судоплатова Иван Каминский в Иностранном отделе работал с 1922 года. Являлся разведчиком-нелегалом. Именно он начинал оперативную разработку Е. Коновальца. С июля 1936 года занимал должность начальника 1-го отделения Иностранного отдела

(Германия, Польша, Венгрия, Чехословакия). В конце 1938 года был арестован и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. В 1941 году по ходатайству Судоплатова был освобожден из тюрьмы, восстановлен в звании майора государственной безопасности и откомандирован в распоряжение 4-го управления НКВД СССР.

Старший коллега по работе в разведке и один из ее руководителей, поддерживавший с Судоплатовым дружеские отношения, Сергей Шпигельглаз был арестован 2 ноября 1938 года за «измену Родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа». В январе 1940 года расстрелян. Полностью реабилитирован в 1956 году.

С разведчиком-нелегалом Дмитрием Быстролетовым пути Судоплатова пересеклись в центральном аппарате разведки. По мнению комиссии, Судоплатов «в течение долгого времени скрывал компрометирующий материал на него». В сентябре 1938 года Быстролетов был арестован по обвинению в шпионаже и связях с «врагами народа». Приговорен к двадцати годам тюрьмы и исправительно-трудовых лагерей. Полностью реабилитирован в 1956 году.

Еще одно обвинение заключалось в «использовании Судоплатовым служебного положения для получения из-за границы вещей для себя и своей жены под видом оперативных надобностей в сентябре 1938 года».

«Накал страстей на заседании партийного бюро, — подчеркивал биограф Судоплатова В. Н. Степаков, — оказался чрезвычайно высок. В своих выступлениях члены в выражениях не стеснялись, о чем свидетельствует все та же выписка из протокола».

Приведем некоторые выдержки из этих выступлений:

«Тов. Благутин. По приходе в отдел из беседы с отдельными товарищами я получил о Судоплатове характеристику как о холуе. Отсюда, я считаю, все его последующие положения в коллективе. Посмотрите связи Судоплатова с врагами народа Горожаниным, Соболев и другое поведение Судоплатова во время прошлых событий; его отношение к ныне разоблаченным врагам, нужно сказать прямо, обывательское. Судоплатов никогда не выступал с разоблачением врагов, он не высказывал своего мнения, у него нет ничего партийного...

Факт тот, что враг народа Шпигельглаз делился с Судоплатовым об имеющихся на него показаниях, говорит о тех взаимоотношениях, которые существовали у Судоплатова с бывшим руководителем отдела. Посещение Судоплатовым вечеринок у Слуцкого и т. д. — все это является не случайным. Факты говорят о прямой связи Судоплатова с ныне разоблаченными врагами народа, и здесь именно кроется причина того, что Судоплатов не выступал с их разоблачением.

Я предлагаю исключить товарища Судоплатова из партии как не оправдавшего доверия партии...

Тов. Дудукин. Судоплатов попал в отдел по рекомендации врага Соболя. Его тянул на работу Слуцкий, кто такой Слуцкий, нам известно. Для Судоплатова создавались особые условия, которые никто из нас не имеет. И дальше, в 1938 году Судоплатов намечается на должность помощника начальника отдела, и, еще не будучи утвержденным в этой должности, он пользуется особыми привилегиями (речь идет о периоде со 2 ноября по 2 декабря 1938 года, когда он исполнял обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. — В. А.). Эти довольно странные явления, по-моему, вытекают из тех взаимоотношений, которые Судоплатов имел с бывшим руководством отдела.

Возьмите окружение Судоплатова: враг народа Соболев — его лучший друг, о чем не скрывает и сам Судоплатов, но когда арестовывают Соболя, он не считает своим долгом члена партии довести до сведения парторганизации об этом аресте. Судоплатов знал очень многих из ныне разоблаченных врагов народа, соприкасался с ними в быту. Для многих из них он был лучшим другом. Казалось бы, Судоплатов должен был оказать громадную помощь партии по очистке отдела от врагов.

Но Судоплатов не сделал этого, он не помогал партии разоблачать врагов, а своими отдельными выступлениями на партийных собраниях он выступал в их защиту. Этим своим поведением Судоплатов не оправдал звания члена партии, и ему не место в ней.

Тов. Черnoneбов. Судоплатова нужно рассматривать с точки зрения его партийности в нашей организации. Судоплатов не принимал никакого участия в разоблачении врагов народа, он молчал, и этим молчанием он укрывал их. И это не случайно, товарищи, ибо Судоплатов был связан с целым рядом ныне разоблаченных врагов, он

сросся с ними и был для них удобным человеком. Судоплатов игнорировал отдельных членов партии, выступавших с разоблачением врагов народа, а когда мы выступили с разоблачением врага народа Соболя, то большинство из ныне разоблаченных врагов народа обвинили нас в клевете, в том числе были Судоплатов и Каганова. Мне кажется, что у Судоплатова была тесная связь с врагом Горожаниным, который принимал участие в переброске Судоплатова на работу в Москву».

В конце своего выступления ЧерNONEBOB коротко сообщил о «факте получения Судоплатовым вещей из-за границы для личного пользования» и предложил исключить его из партии.

Затем слово взял Максим Борисович Прудников, в то время начальник отделения, а в 1939–1941 годах — заместитель начальника внешней разведки:

«Объяснения Судоплатова совершенно неудовлетворительны. Все факты обвинения Судоплатов отрицает и, как наивный ребенок, приходит в недоумение, что он этого ничего не знал, так как был занят на серьезной работе и признает только то, что был в приятельских взаимоотношениях с Соболю. О Судоплатове как о члене партии у меня сложилось определенное мнение. Откуда у Судоплатова появился такой гонор? Очевидно, это явление было вызвано тем, что он чувствовал за собой руку начальника отдела и его замов...

Поведение Судоплатова как члена партии в деле Горожанина, в защиту которого он выступал, наглядно показывает его лицо, лицо не члена партии...

Вражеское руководство отдела в лице Пассова старалось втянуть Судоплатова в свое болото, приблизить его к себе, для чего Судоплатову создавались привилегии. Он был на особом положении у врагов.

Вокруг Судоплатова и его жены Кагановой группировались все бывшие работники отдела, ныне разоблаченные враги, и создавали этим самым круг особых лиц, не переваривавших новых товарищей, пришедших на работу в отдел.

Судоплатов был на особом положении у Слуцкого, ибо он был нужен Слуцкому. Слуцкий тянул на работу в отдел Судоплатова, и, несомненно, это было неспроста. Судоплатов посещал вечеринки на квартире у Слуцкого, где собирались все ныне разоблаченные враги.

Судоплатов ничем не оправдал звание члена партии, и ему не место в партии».

Заместитель начальника отделения 5-го отдела ГУГБ Василий Иванович Иудин, один из опытнейших советских разведчиков, в своем выступлении отметил, что «защита троцкиста Горожанина Судоплатовым не случайна. Не может быть, чтобы Судоплатов, будучи членом парткома ГПУ УССР, не знал о троцкистском прошлом Горожанина. Он должен был знать это, и он, безусловно, знал Горожанина как троцкиста, ибо не зря Горожанин принимал такое горячее участие в переброске Судоплатова на работу в Москву. В этом вопросе Судоплатов неискренен.

Взаимоотношения Судоплатова со Слуцким довольно странные. Возьмите его участие во встрече Нового года на квартире у Слуцкого, которая, по существу, просто явилась прикрытием для сбора врагов. Мы знаем, что на этих встречах Слуцкий высказывал свое удовлетворение подбором аппарата и его сработанностью, а кто же остался из этих участников встреч на сегодняшний день? Никого. Все они оказались врагами народа.

У Судоплатова нехорошие отношения с работниками отдела Сенькиным и Нагибиным. Спрашивается, почему? Почему Судоплатов не мог сработаться с этими товарищами, присланными на работу из ЦК? Почему у Судоплатова чиновничье отношение к этим товарищам? Очевидно, Судоплатов стремится к тому, чтобы скомпрометировать этих товарищей и убрать их из отдела...

Делая вывод, я должен сказать, что у Судоплатова нет ничего партийного, он не ведет никакой партийной работы, он не оправдал звание члена партии, и я думаю, что ему не место в партии».

Затем выступил сотрудник отдела Хрипунов:

«Объяснение Судоплатова, что его длительная командировка явилась причиной притупления его бдительности в деле разоблачения врагов народа, не соответствует действительности. Судоплатов вполне политически развит и легко мог бы ориентироваться в этом деле.

Для меня, например, теперь становится совершенно ясным, почему Судоплатова выдвинули на должность помощника начальника отдела, почему ему создавали особые условия. Потому что Судоплатов был удобным для них человеком».

Другой коллега Судоплатова, Одинцов, в своем выступлении заявил:

«Обсуждая дело Судоплатова, мы должны учесть всю его жизнь. Детство Судоплатова наше, но чем дальше он шел в жизнь, тем больше он начинал портиться, и, наконец, мы видим его опутанным связью врагов народа, с которыми Судоплатов жил, общался и для некоторых из них был лучшим другом.

Это падение Судоплатова ускорила его женитьба на Кагановой. Каганова крепко держит в руках Судоплатова, через нее он попал в круги врага Соболя и других. Он попал под влияние своей жены, и она втянула его в эти враждебные круги, в это болото».

В том же духе были выдержаны речи и других ораторов.

После выступления коллег по работе слово было предоставлено Судоплатову. В протоколе кратко зафиксировано:

«О троцкистском прошлом Горожанина узнал только на собрании, раньше об этом ничего не знал. Перед партией был и есть чист. Своей виной признает то, что не включился активно в разоблачение врагов народа, так как был занят подготовкой к большому оперативному делу. Но это заявление отнюдь не снимает с него ответственности перед партией.

Заявил, что никогда никаких преступных связей с врагами народа не имел. С Слуцким был связан исключительно делом, которое он [Судоплатов] проводил, и у него на квартире был два раза, один раз на встрече Нового года и второй раз по делу, когда Слуцкий был болен. Для партии был честен и предан ей. Никаких преступлений перед партией не совершал. Оставался и остается честным и преданным партии и для партии человек не потерянный».

Однако проект решения партбюро был суров:

«Постановили:

за притупление большевистской бдительности, выразившейся в том, что:

1). Судоплатов, работая на протяжении ряда лет в отделе, находясь в близких взаимоотношениях с бывшим начальником отдела Слуцким, бывшим заместителем начальника отдела Шпигельглазом, бывшей сотрудницей 5-го отдела Соболя и ее мужем Ревзиным, — не пытался и не сумел разоблачить их как врагов народа.

2). Находился в близких отношениях с ныне разоблаченным врагом народа Горожаниным, с которым работал до прихода в ИНО на Украине, и когда парторганизация разоблачила Горожанина как скрытого троцкиста, Судоплатов выступил в защиту Горожанина.

3). Не принял мер к разоблачению эсера-белогвардейца Быстролетова, материалы о котором находились у Судоплатова с 1933 года, и он, Быстролетов, в 1937 году работал в отделе и привлекался Судоплатовым к оформлению стенгазеты.

4). За то, что Судоплатов не принимал активного участия в борьбе парторганизации за очищение отдела от предателей и шпионов, пробравшихся в отдел.

5). За использование служебного положения в личных целях:

Судоплатова П. А. из рядов ВКП(б) исключить».

Партийное бюро приняло это решение при одном воздержавшемся. Павел Фитин, недавно назначенный на должность заместителя начальника внешней разведки, воздержался при голосовании, потому что, по его словам, Судоплатов был ему совершенно неизвестен.

Честность и порядочность Фитина, весьма необычные в тех обстоятельствах, не повредили его карьере: с мая 1939 года по июнь 1946-го он являлся начальником советской внешней разведки.

Позже в своих воспоминаниях Судоплатов писал: «Я не держу зла на Гукасова (инициатор рассмотрения «дела Судоплатова». — В. А.). Пару лет спустя Гукасов, будучи советским консулом в Париже, проснулся, когда гестаповцы штурмом брали здание, где он находился. Наша шифровальщица Марина Сироткина начала сжигать кодовые книги, а когда один из гестаповцев сорвал со стены портрет Сталина, Гукасов использовал это как предлог, чтобы начать драку. Его жестоко избили, но за это время все шифры были уничтожены. Гукасова немцы депортировали в Турцию для обмена на сотрудников германской дипломатической миссии в Москве. Позднее Гукасову поручили руководить отделом по разработке репатриантов и эмигрантов».

Кстати, еще один из резко выступавших на партийном бюро — Василий Пудин — с началом Великой Отечественной войны по линии подразделения, которое возглавлял Судоплатов, был направлен руководителем диверсионной группы в Белоруссию. После ранения

остался на подпольной работе, снабжал партизан разведывательными данными.

Что касается причин возникшего вдруг «дела Судоплатова», то, по мнению многих историков отечественных спецслужб, основным мотивом явилась заурядная травля со стороны завистливых коллег: молодой, перспективный сотрудник, в 31 год назначен исполнять обязанности руководителя советской внешней разведки, успешно работал в нелегальных условиях, награжден боевым орденом...

Да и сам Судоплатов позже писал: «Жена была обеспокоена моим быстрым повышением по службе еще в 1938 году. Она предпочитала, чтобы я оставался на незаметной должности, и была права, так как травля меня началась именно из-за этого, хотя назначение носило сугубо временный характер. Я был не “врагом народа”, а врагом завистливых коллег — таков был заурядный мотив для травли в годы “чисток”».

А в конце 1938 года над Павлом Анатольевичем нависла серьезная угроза. Если бы решение партбюро отдела было реализовано, то это фактически означало для него не только конец карьеры в органах госбезопасности, но и длительное тюремное заключение или даже расстрел. Судоплатов был уверен, что на него уже есть сфабрикованный компромат, который незамедлительно будет пущен в дело, как только решение партбюро от 23 ноября 1938 года утвердит общее партийное собрание 5-го (разведывательного) отдела, назначенное на начало 1939 года.

Здесь необходимо отметить, что еще в середине 1930-х годов ИНО получил право самостоятельно проводить следствие по политическим делам в отношении своих сотрудников. Другими словами, в роли следователей и обвиняемых могли выступать сотрудники одного подразделения. А это означало, что в дальнейшем судьбу Судоплатова могли вершить, в частности, те, кто выступал на заседании партийного бюро и голосовал за исключение его из партии.

2 декабря 1938 года Судоплатов был освобожден от временно занимаемой им должности руководителя внешней разведки и понижен до помощника начальника отделения. Начальником внешней разведки был назначен руководитель проверочной комиссии ЦК Владимир Деканозов. А Судоплатов каждый день приходил на работу и сидел за столом у себя в кабинете, но ничего не делал. Новые сотрудники не

решались общаться с ним, боясь скомпрометировать себя. «Помню, — рассказывал Судоплатов, — начальник моего отделения Гаранин, беседуя со своим заместителем в моем присутствии, переходил на шепот, опасаясь, что я могу подслушать. Чтобы чем-нибудь заняться, я решил пополнить свои знания и стал изучать дела из архива, ожидая решения своей участи».

И тут произошло неожиданное. Назначенное на январь 1939 года партийное собрание, которое должно было утвердить исключение Судоплатова из партийных рядов, отложили на неопределенное время. В декабре 1938 года Ежова отстранили от обязанностей наркома внутренних дел, а вскоре арестовали. Руководителем НКВД стал Берия.

Забегая вперед отметим, что в июле 1939 года заседание бюро парткома НКВД СССР, рассмотрев дело о партийных нарушениях П. А. Судоплатова, не утвердило решение об исключении его из рядов ВКП(б). За «притупление политической бдительности» Судоплатову был объявлен выговор с занесением в личную карточку. 18 января 1941 года на своем заседании бюро парткома НКВД СССР утвердило решение первичной партийной организации № 5 от 27 декабря 1940 года о снятии с П. А. Судоплатова партийного взыскания — «выговора с занесением в учетную карточку, объявленного в июле 1939 года».

В один из мартовских дней 1939 года Судоплатов был вызван к наркому НКВД Л. П. Берии. Предоставим слово самому Павлу Анатольевичу: «Неожиданно для себя я услышал упрек, что последние два месяца я бездельничаю. “Я выполняю приказ, полученный от начальника отделения”, — сказал я. Берия не посчитал нужным как-либо прокомментировать мои слова и приказал сопровождать его на важную, по его словам, встречу. Я полагал, что речь идет о встрече с одним из агентов, которого он лично курировал, на конспиративной квартире. В сентябре 1938 года я дважды сопровождал его на подобные мероприятия. Между тем машина доставила нас в Кремль, куда мы въехали через Спасские ворота. Шофер остановил машину в тупике возле Ивановской площади. Тут я внезапно осознал, что меня примет Сталин. Вход в здание Кремля, где работал Сталин, был мне знаком по прошлым встречам с ним».

Этот визит в Кремль оказался переломным в дальнейшей судьбе Павла Судоплатова. Вопрос о его неблагонадежности, видимо, тоже был снят.

О самом визите в Кремль и о беседе со Сталиным Судоплатов рассказал следующее: «Поскребышев^[9] ввел нас в кабинет Сталина и затем бесшумно закрыл за нами дверь.

В этот момент я испытал те же чувства, что и в прежние встречи со Сталиным: волнение, смешанное с напряженным ожиданием, и охватывающий всего тебя восторг. Мне казалось, что биение моего сердца могут услышать окружающие.

При нашем появлении Сталин поднялся из-за стола. Стоя посередине кабинета, мы обменялись рукопожатиями, и он жестом пригласил нас сесть за длинный стол, покрытый зеленым сукном. Рабочий стол самого Сталина находился совсем рядом в углу кабинета. Краем глаза я успел заметить, что все папки на его столе разложены в идеальном порядке, над письменным столом — портрет Ленина, а на другой стене — Маркса и Энгельса. Все в кабинете выглядело так же, как в прошлый раз, когда я здесь был. Но сам Сталин казался другим: внимательным, спокойным и сосредоточенным. Слушая собеседника, он словно обдумывал каждое сказанное ему слово, похоже, имевшее для него особое значение. И собеседнику просто не могло прийти в голову, что этот человек мог быть неискренним.

Было ли так на самом деле? Не уверен. Но Берию Сталин действительно выслушал с большим вниманием.

— Товарищ Сталин, — обратился тот к нему, — по указанию партии мы разоблачили бывшее руководство закордонной разведки НКВД и сорвали их вероломную попытку обмануть правительство. Мы вносим предложение назначить товарища Судоплатова заместителем начальника разведки НКВД, с тем чтобы помочь молодым партийным кадрам, мобилизованным на работу в органы, справиться с выполнением заданий правительства...

Он ни словом не обмолвился о моем назначении, но попросил Берию вкратце рассказать о главных направлениях разведывательных операций за рубежом. Пока Берия говорил, Сталин встал из-за стола и начал мерить шагами кабинет. Он двигался медленно и совершенно неслышно в своих мягких кавказских сапогах.

По словам Берии, закордонная разведка в современных условиях должна изменить главные направления своей работы. Ее основной задачей должна стать не борьба с эмиграцией, а подготовка резидентур к войне в Европе и на Дальнем Востоке. Гораздо бóльшую роль, считал он, будут играть наши агенты влияния, то есть люди из деловых правительственных кругов Запада и Японии, которые имеют выход на руководство этих стран и могут быть использованы для достижения наших целей во внешней политике. Таких людей следовало искать среди деятелей либерального движения, терпимо относящихся к коммунистам. Между тем, по мнению Берии, левое движение находилось в состоянии серьезного разброда из-за попыток троцкистов подчинить его себе. Тем самым Троцкий и его сторонники бросали серьезный вызов Советскому Союзу. Они стремились лишить СССР позиции лидера мирового коммунистического движения. Берия предложил нанести решительный удар по центру троцкистского движения за рубежом и назначить меня ответственным за проведение этих операций. В заключение он сказал, что именно с этой целью и выдвигалась моя кандидатура на должность заместителя начальника внешней разведки, которой руководил тогда Деканозов. Моя задача состояла в том, чтобы, используя все возможности НКВД, ликвидировать Троцкого.

Возникла пауза. Разговор продолжил Сталин:

— В троцкистском движении нет важных политических фигур, кроме самого Троцкого. Если с Троцким будет покончено, угроза Коминтерну будет устранена.

Затем Сталин посуровел и, чеканя слова, словно отдавая приказ, проговорил:

— Троцкий, или, как вы его именуєте в ваших делах, “Старик”, должен быть устранен в течение года, прежде чем разразится неминуемая война. Без устранения Троцкого, как показывает испанский опыт, мы не можем быть уверены, в случае нападения империалистов на Советский Союз, в поддержке наших союзников по международному коммунистическому движению. Им будет очень трудно выполнить свой интернациональный долг по дестабилизации тылов противника, развернуть партизанскую войну.

Далее он перешел к вопросу, непосредственно касающемуся меня. Мне надлежало возглавить группу боевиков для проведения операции

по ликвидации Троцкого, находившегося в это время в изгнании в Мексике. Сталин явно предпочитал обтекаемые слова вроде “акция” (вместо “ликвидация”), заметив при этом, что в случае успеха акции “партия никогда не забудет тех, кто в ней участвовал, и позаботится не только о них самих, но и обо всех членах их семей”.

Я попросил разрешения привлечь к делу ветеранов диверсионных операций в гражданской войне в Испании.

— Это ваша обязанность и партийный долг находить и отбирать подходящих и надежных людей, чтобы справиться с поручением партии. Вам будет оказана любая помощь и поддержка. Докладывайте непосредственно товарищу Берии и никому больше, но помните: вся ответственность за выполнение этой акции лежит на вас. Вы лично обязаны провести всю подготовительную работу и лично отправить специальную группу из Европы в Мексику. ЦК санкционирует представлять всю отчетность по операции исключительно в рукописном виде.

Аудиенция закончилась, мы попрощались и вышли из кабинета. После встречи со Сталиным я был немедленно назначен заместителем начальника разведки. Мне был выделен кабинет на седьмом этаже главного здания Лубянки под номером 755 — когда-то его занимал Шпигельглаз».

На следующий день, как только Судоплатов пришел в свой новый рабочий кабинет, ему позвонил из дома его товарищ и коллега по работе во внешней разведке Наум Эйтингон, недавно вернувшийся из-за границы.

— Павлуша, я уже десять дней как в Москве, ничего не делаю. Оперативный отдел установил за мной постоянную слежку. Уверен, мой телефон прослушивается. Ты ведь знаешь, как я работал. Пожалуйста, доложи своему начальству: если они хотят арестовать меня, пусть сразу это и делают, а не устраивают детские игры.

«Я ответил Эйтингону, — рассказывал Судоплатов, — что первый день на руководящей должности и ни о каких планах насчет его ареста мне не известно. Тут же я предложил ему прийти ко мне, затем позвонил Меркулову и доложил о состоявшемся разговоре. Тот, засмеявшись, сказал:

— Эти чудаки берут Эйтингона и его группу под наружное наблюдение, а не понимают, что имеют дело с профессионалами.

Через десять минут по прямому проводу мне позвонил Берия и предложил: поскольку Эйтингон — подходящая кандидатура для известного мне дела, к концу дня он ждет нас обоих с предложениями.

Когда появился Эйтингон, я рассказал ему о замысле операции в Мексике. Ему отводилась в ней ведущая роль. Он согласился без малейших колебаний».

Здесь следует подчеркнуть, что, по словам самого Судоплатова, Наум Исаакович Эйтингон оказал на него большое влияние с самой первой их встречи. Впоследствии на протяжении десятилетий их судьбы тесно переплетались.

По свидетельству Судоплатова и других людей, близко знавших Эйтингона, Наум Исаакович был по-настоящему одаренной личностью и, не стань он разведчиком, наверняка преуспел бы на государственной службе или сделал научную карьеру^[10].

В то же время, признавался Павел Анатольевич, Эйтингон куда более реалистично оценивал тогдашние порядки, чем он. Эйтингон часто говорил, например, что партия больше не является отрядом единомышленников, преданных социалистическим идеям и принципам справедливости, а стала всего лишь машиной для управления страной.

Глава шестая

«Утка» для Троцкого

Сталин и Троцкий противостояли друг другу, прибегая к преступным методам для достижения своих целей, но разница заключается в том, что в изгнании Троцкий противостоял не только Сталину, но и Советскому Союзу как таковому. Эта конфронтация была войной на уничтожение.

Павел Судоплатов

«Выслать из пределов СССР»

После смерти Ленина в январе 1924 года основным противником Сталина в его борьбе за власть оказался Троцкий. Он являлся ближайшим сподвижником Ленина и пользовался в партии большим авторитетом и популярностью. Достаточно напомнить, что Троцкий в 1918–1924 годах был народным комиссаром по военным и военно-морским делам и одновременно возглавлял Революционный военный совет Республики, то есть фактически руководил Красной армией. До конца октября 1926 года он входил в состав Политбюро ЦК ВКП(б).

Используя свое положение генерального секретаря партии, Сталин сумел свести влияние Троцкого к минимуму. В январе 1925 года пленум ЦК ВКП(б) освободил Троцкого от должности председателя Реввоенсовета Республики. А уже 23 октября 1926 года на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) его вывели из состава Политбюро.

В начале лета 1926 года Троцкий объединился в единый блок с Зиновьевым и Каменевым, которые были недовольны укреплением позиций Сталина в партии и государстве. Сторонники Троцкого создали в Москве конспиративный центр «объединенной оппозиции», который возглавили сам Троцкий и Зиновьев. Работа центра велась достаточно активно, лидеры проводили подпольные заседания, имели своих людей в ЦК ВКП(б), ряде наркоматов, а также среди представителей высшего военного руководства. Центр создал даже специальную группу в армии. В нее входили комкоры Примаков и Путна, расстрелянные в 1937 году как участники так называемого «заговора генералов». Имел своих сторонников Троцкий и в ОГПУ. Еще в 1923 году, когда он навязал партии дискуссию о роли профсоюзов, примерно 40 процентов чекистов голосовали за его платформу.

Подобные конспиративные центры были также организованы в Ленинграде, Киеве, Харькове, Свердловске и других городах. Деятельность «объединенной оппозиции» вызывала серьезную озабоченность у сторонников Сталина, так как троцкисты все больше скатывались на антисоветские позиции.

Окончательную победу над Троцким Сталин одержал в 1927 году. В октябре Троцкого вывели из состава ЦК ВКП(б), а 14 ноября за организацию демонстрации оппозиции в Ленинграде в десятую годовщину Октябрьской революции исключили из партии. На XV съезде ВКП(б), который состоялся в декабре 1927 года, троцкизм был поставлен вне закона.

Троцкий отказался признать свое поражение и в январе 1928 года был сослан в Алма-Ату. Однако и в Казахстане он не прекратил активную оппозицию Сталину и борьбу с партией, рассылал телеграммы, письма и возвания к своим скрытым сторонникам. 16 декабря 1928 года Троцкому было передано требование коллегии ОГПУ «категорического обязательства прекращения контрреволюционной деятельности». В послании указывалось, что в противном случае он будет выслан за границу.

Следует отметить, что еще в 1922 году ВЦИК наделил ГПУ правом высылать из страны лиц, занимающихся антисоветской деятельностью. Троцкий тогда активно поддержал это решение. Но на сей раз официально заявил, что не будет подчиняться ультиматуму ОГПУ. Через месяц Политбюро ЦК ВКП(б) большинством голосов приняло решение о высылке Троцкого за границу. А 18 января 1929 года Особое совещание при коллегии ОГПУ постановило: «За контрреволюционную деятельность, выразившуюся в организации нелегальной антисоветской партии, деятельность которой за последнее время направлена к провоцированию антисоветских выступлений и к подготовке вооруженной борьбы против Советской власти, гражданина Троцкого Льва Давидовича выслать из пределов СССР».

10 февраля 1929 года Троцкий, его жена Наталья Ивановна Седова и их старший сын Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, были доставлены специальным поездом в Одессу, а 13 февраля они отбыли на пароходе «Ильич» в Турцию — единственную страну, согласившуюся временно их принять.

Однако высылка Троцкого за границу не ослабила его влияния среди членов оппозиции и сподвижников в СССР. Их деятельность носила целенаправленный антигосударственный характер. Одновременно стали появляться и активно действовать троцкистские группы в ряде зарубежных компартий (США, Германии, Греции

и Испании). Только наметившийся разгром троцкистов в рядах ВКП(б) явился стимулом для изгнания их из других компартий.

А в СССР Сталин и его сторонники в руководстве страны продолжили непримиримую борьбу с Троцким. 20 февраля 1932 года Лев Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства. Турция решила избавиться от нежелательных изгнанников.

Летом 1933 года Троцкий с семьей переехал во Францию, под Париж, а осенью того же года — в небольшой курортный городок Сен-Пале. Здесь он становится объектом слежки белогвардейской эмиграции. Руководство Русского общевойскового союза во главе с генералом Евгением Миллером приняло решение об организации убийства Троцкого во время его поездки в курортный городок Руайян. В том же городе в то же время на лечении находился и нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов. Было решено убрать обоих. Однако в дело вмешались французские масоны и предупредили Троцкого, имевшего довольно мощную охрану, о готовящемся покушении. Масоны также оказали давление на французские власти, чтобы те подвергли аресту белогвардейских террористов.

Известно, что Троцкий до революции был масоном и входил во французскую ложу «Искусство и труд» («Art et travail»), однако через некоторое время порвал с масонством. На IV конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в 1922 году, он выступил с докладом о несовместимости членства в масонской ложе с пребыванием в компартии, как это имело место во Французской коммунистической партии. Характерно, что председатель Коминтерна Зиновьев, впоследствии создавший с Троцким единый антисталинский блок, при голосовании резолюции по данному вопросу воздержался.

Французский период Троцкого длился недолго. Уже летом 1935 года он отправился в Норвегию. Норвежское правительство предоставило Троцкому вид на жительство при условии, что он не будет заниматься политической деятельностью. Но Троцкий проигнорировал это требование, и... 19 декабря 1936 года был посажен на торговое судно «Рут», взявшее курс на Мексику.

9 января 1937 года Троцкий вместе с женой и внуком прибыл в мексиканский порт Тампико. Оттуда на специальном поезде путешественников доставили в Мехико. Некоторое время они жили на

вилле известного живописца Диего Риверы, симпатизировавшего троцкистам. Но вскоре Троцкий арендовал, а затем и купил большой дом в предместье мексиканской столицы Койоакане на улице Вены. Дом был обнесен высокой стеной со сторожевыми площадками. Все, кто желал посетить Троцкого в его «крепости», должны были проходить через железные ворота под бдительным оком охранников — американских троцкистов.

Тем временем оставшийся в Париже Лев Седов начал издавать «Бюллетень оппозиции», в котором активно печатался его отец. Одновременно он установил надежную связь со сторонниками отца в СССР. А в Мексике Троцкий стал поддерживать тесный контакт с сотрудниками американского консульства. Необходимо также упомянуть, что Троцкий активно сотрудничал с «Комитетом по расследованию антиамериканской деятельности» палаты представителей Конгресса США (так называемый «Комитет Дайса»). В октябре 1939 года этот «пламенный революционер» дал показания на ряд лидеров компартии США, обвиняя их в антиамериканской деятельности. Оказавшись в Мексике, Троцкий стал передавать представителям американской разведки «конфиденциальные меморандумы» на известных ему деятелях международного коммунистического движения, активистов Коминтерна, агентов советской внешней разведки в США, Франции, Испании, Мексике и других странах. Таков был его вклад в «мировую революцию».

Разумеется, для западных спецслужб антисоветская деятельность Троцкого была «подарком», а троцкистская оппозиция — благодатной агентурной базой. Так, видный руководитель испанской троцкистской партии ПОУМ Хулиан Горкин был завербован американской контрразведывательной службой ФБР, а по прибытии во Францию в 1938 году предложил свои услуги генеральному директору французской контрразведки ДСТ Вибо, заявив, что имеет разведывательную сеть во всем мире. Услуги троцкиста были, разумеется, приняты с благодарностью.

Следует подчеркнуть, что, находясь за границей, Троцкий открыто излагал свои антисоветские взгляды, резко выступал против первого пятилетнего плана, индустриализации и коллективизации, в 1930-е годы предрекал «неизбежное поражение» СССР в войне с фашистской Германией.

Естественно, активная деятельность Троцкого все больше раздражала Сталина. В конце концов он решил, что только смерть «трибуна революции» может положить конец его антисоветской деятельности. В этой связи отметим, что в решении пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося в феврале — марте 1937 года и обсуждавшего деятельность Троцкого и его последователей, в частности, подчеркивалось:

«Обязать Наркомвнудел довести дело разоблачения и разгрома троцкистских и иных агентов до конца, с тем чтобы подавить малейшее проявление их антисоветской деятельности. Укрепить кадры ГУГБ, Секретно-политического отдела надежными людьми. Добиться организации надежной агентуры в стране и за рубежом. Укрепить кадры разведки».

В НКВД приняли к исполнению указание партии.

На международном уровне первый удар был нанесен по испанским троцкистам. Как известно, в ходе состоявшихся в Испании 16 февраля 1936 года парламентских выборов к власти в стране пришло правительство Народного фронта, в который кроме коммунистов входили анархистская Народная конфедерация труда, социалисты и Рабочая партия марксистского объединения (ПОУМ). Потерпевшие поражение правые партии поддержали вооруженный мятеж генерала Франко. Началась кровопролитная гражданская война. Но если в стане правых имелось полное единство, то лагерь республиканцев раздирали межпартийные противоречия. И закоперщиком в этом выступали поумовцы и их лидер Андреас Нин, находившийся в начале 1920-х годов в России и являвшийся ближайшим соратником Троцкого. Возвратившись в 1930 году в Испанию, Нин возглавил местных троцкистов, а в 1935-м основал ПОУМ, которая вошла в Народный фронт. Когда же началась гражданская война, Нин и другие лидеры партии отвергли линию Коминтерна на укрепление Народного фронта и перешли на позицию открытой борьбы с ним. 3 мая 1937 года ПОУМ и анархисты подняли в Барселоне вооруженный мятеж против республиканского правительства Народного фронта. Ожесточенные бои в стане республиканцев продолжались три дня. Троцкисты призывали каталонских рабочих покончить с марксистами и мирно соединиться с

войсками Франко. Мятеж был подавлен лишь тогда, когда в Барселону были введены части, снятые с фронта.

Историк Н. А. Васецкий в своей работе «Троцкий: опыт политической биографии», в частности, отмечал: «Более бессмысленной акции, чем это восстание, трудно представить. В разгар гражданской войны, многочисленных жертв на фронтах, лишений в тылу анархо-троцкисты подняли путч. Правительство вынуждено было снять дивизию с фронта на подавление восстания. Бои шли в течение трех (!) суток с применением танков, артиллерии, минометов. С двух сторон погибло больше тысячи человек. Стоит ли удивляться, что после барселонского мятежа к троцкистам и анархистам стали относиться так же, как к фашистам».

После подавления мятежа ПОУМ была запрещена, ее имущество конфисковано, а лидеры арестованы...

В середине 1937 года деятельность НКВД по борьбе с троцкизмом была перенесена во Францию.

Операция «Сынок»

Париж облюбовали не только главари белогвардейской эмиграции, монархисты и националисты различных мастей, эмигрировавшие из России после Октябрьской революции. «Столицу мира» полюбили также и троцкисты. Здесь размещался Международный секретариат создаваемого Львом Троцким IV Интернационала. С 1935 года в Париже проживал также сын Троцкого Лев Седов, возглавлявший этот секретариат. Одновременно он установил надежную связь со сторонниками отца в СССР. Троцкий и Седов явились организаторами так называемого IV (троцкистского) Интернационала, учредительный съезд которого открылся 3 сентября 1938 года под Парижем и на котором присутствовал 21 делегат из одиннадцати стран, что свидетельствовало об определенном влиянии троцкистов на международное коммунистическое движение.

С 1936 года разработкой Седова, проходившего в материалах ОГПУ — НКВД под псевдонимом «Сынок», занималась специальная агентурная группа внешней разведки во главе с разведчиком-нелегалом болгаринем Борисом Афанасьевым, перед которой была поставлена задача проникнуть в руководящее звено троцкистской организации.

Одному из агентов Афанасьева удалось войти в доверие к Седову и даже получать от него интересующую руководство нашей страны информацию.

Однако самым важным агентом в ближайшем окружении Льва Седова был Марк Зборовский. Ровесник Седова, он родился в состоятельной семье на Украине, в 1920 году эмигрировал в Польшу, а летом 1934 года был привлечен к сотрудничеству с советской разведкой резидентом ИНО ОГПУ в Париже Станиславом Глинским.

Первоначально у Седова были определенные подозрения в отношении связей Зборовского с ОГПУ, однако впоследствии резидентуре удалось их рассеять. Как писал Глинский в оперативном письме в Центр в 1936 году, «Седов извинился перед Зборовским и попросил у него прощения за то, что в начале их знакомства подозревал его в том, что он агент ГПУ».

Зборовский, имевший в троцкистских кругах подпольную кличку «Этьен», получил доступ к документам Седова и имел возможность информировать резидентуру ОГПУ о всех действиях, планах и намерениях Троцкого и его сторонников. Поскольку агент имел непосредственное отношение к выпуску «Бюллетеня оппозиции», советская разведка через него заблаговременно получала номера этого издания, которые Сталин читал раньше самого Троцкого.

Борис Афанасьев руководил Марком Зборовским (оперативные псевдонимы «Мак», «Тюльпан») весь период своей командировки. Зборовскому удалось внедриться в Международный секретариат IV Интернационала, занять место одного из руководителей его русской секции, стать своего рода личным секретарем Льва Седова, с которым он встречался практически ежедневно, и даже подружиться с его женой Жанной Молинье.

В августе 1936 года, когда уехавший на время из Парижа Лев Седов поручил ведение всех дел Зборовскому, разведка получила списки адресов приверженцев Троцкого как в СССР, так и в странах Европы. Зборовский также выяснил, что Троцкий передал часть своего архива в Институт исторических исследований в Париже. Узнав об этом из информации разведки, Сталин распорядился вывезти архив в Москву.

В ночь на 7 ноября 1936 года группа разведчиков-нелегалов под руководством Афанасьева с помощью одного из агентов, имевшего прочные связи в управлении парижской полиции, успешно выполнила задание Сталина. Вскоре на Лубянку через полпредство дипломатической почтой был направлен так называемый «архив Троцкого»: огромное количество рукописей, статей и писем общим весом около 80 килограммов.

Лев Седов, полностью разделявший политические взгляды отца, в 1937 году приступил к подготовке первого съезда IV Интернационала. А в Москве начали разработку операции по похищению Седова.

Проведение операции было поручено специальному подразделению НКВД, которым руководил Яков Серебрянский и которое подчинялось непосредственно наркому внутренних дел. Серебрянский был направлен Ежовым в Париж со специальным заданием.

Позже Серебрянский писал: «В 1937 году я получил задание доставить “Сынка” в Москву. Речь шла о бесследном исчезновении “Сынка” из Парижа без шума и доставки его живым в Москву».

Как же планировалось провести операцию? В архивных документах внешней разведки об этом говорится следующее: «План похищения Седова был детально разработан и предусматривал его захват на одной из парижских улиц. Предварительно путем наблюдения были установлены время и обычные маршруты передвижения Седова в городе. На месте проводились репетиции захвата. Предусматривалось два варианта его доставки в Москву.

Первый — морем. В середине 1937 года было приобретено небольшое рыболовецкое судно, приписанное к одному из северных портов страны. На окраине города-порта сняли домик — место временного укрытия, куда поселили супружескую пару сотрудников специальной группы Серебрянского.

Подобрали экипаж. Только до капитана довели легенду, что, возможно, придется совершить переход в Ленинград с группой товарищей и взять там снаряжение для республиканской Испании.

Капитан изучил маршрут, имел достаточный запас угля, воды, продовольствия. В ожидании команды экипаж судна совершал регулярные выходы в море за рыбой.

Второй вариант — по воздуху. Группа располагала собственным самолетом с базой на одном из аэродромов под Парижем. Летчик — надежный агент. В авиационных кругах распространили легенду: готовится спортивный перелет по маршруту Париж — Токио. Пилот начал тренировки, доведя беспосадочное время пребывания в воздухе до 12 часов. Расчеты специалистов показывали, что в зависимости от направления и силы ветра самолет мог бы без посадки долететь из Парижа до Киева за 7–8 часов».

В подготовке оперативного мероприятия участвовали семь сотрудников нелегальной группы Серебрянского. Активная роль в операции отводилась самому Серебрянскому и его жене. Однако судьба распорядилась иначе.

Поскольку Зборовскому так и не удалось завлечь Седова и его жену в такое место, откуда их можно было бы легко похитить, приказа на реализацию этой операции не поступило.

8 февраля 1938 года у Седова случился приступ аппендицита. Он был помещен в небольшую частную парижскую клинику русских врачей-эмигрантов и в тот же вечер успешно прооперирован. Однако через несколько дней его состояние резко ухудшилось. Была сделана повторная операция, но 16 февраля 1938 года в возрасте тридцати двух лет Лев Львович Седов скончался.

В третьем томе «Очерков истории российской внешней разведки», являющихся официальным изданием Службы внешней разведки Российской Федерации, о смерти Седова говорится:

«Многие историки и публицисты высказывали предположения, что в его смерти повинна “рука Москвы”. Мы посчитали необходимым обратиться к архивам, чтобы проверить, насколько обоснованна эта версия.

Резидентура НКВД, несомненно, проявляла интерес лично к Седову и его сподвижникам. Помимо разведчика-нелегала Б. М. Афанасьева “разработкой” окружения Седова занимался “Тюльпан”. Он стал ближайшим помощником сына Троцкого. В 1936–1937 годах была установлена техника подслушивания телефонов на квартирах Седова и его доверенного лица и любовницы Лилии Эстриной. Через завербованных почтовых служащих просматривалась текущая корреспонденция Седова и его окружения.

Разумеется, сам Седов был в центре внимания разведки. Его довольно беспорядочный образ жизни способствовал бы сравнительно легкому осуществлению покушения на него, если бы такая цель была поставлена. Он не прочь был “широко гульнуть”, рискнуть в игре в рулетку, выезжая иногда в Монте-Карло. Сохранился живописный рассказ “Тюльпана” о том, как они однажды в 1937 году после вечеринки до глубокой ночи бродили по различным питейным заведениям, а затем Седов направился... в публичный дом.

Уже к концу 1937 года Седов часто чувствовал недомогание: побаливало сердце, мучила бессонница. На несколько приступов аппендицита он, видимо, не обратил внимания, и медицинская помощь опоздала. Смерть наступила после двух операций, проведенных одна за другой. По заключению врачей, причиной ее стали послеоперационные осложнения и низкая сопротивляемость организма. Один авторитетный врач, друг семейства Троцких, изучив медицинскую документацию, согласился с выводами коллег из

парижской клиники. Однако жена Седова стала решительно возражать, утверждая, что эта смерть — “дело рук агентов ГПУ”. Она потребовала полицейского расследования, которое, тем не менее, доказательств преднамеренного убийства не нашло.

Как видно из архивных документов, советская разведка действительно не имела отношения к смерти Седова».

После смерти Льва Седова главной целью НКВД оставался сам Троцкий.

«Цель — ликвидация...»

А теперь настало время рассказать о проведенной разведкой особо засекреченной операции.

Руководить группой боевиков по ликвидации Троцкого предстояло Павлу Судоплатову. Сталин подчеркнул, что группе будет оказана любая помощь и поддержка. О всех мероприятиях Судоплатов должен докладывать лично Берии. Всю отчетность по операции «Утка» вести только в рукописном виде.

Кодовое название операции дал Наум Эйтингон, который принимал в ней активное участие. Имелось в виду, что Троцкий распространял ложные сведения о положении дел в СССР и ВКП(б), а такая информация в обиходе называется «уткой».

9 июля 1939 года руководство разведки утвердило «План агентурно-оперативных мероприятий по делу “Утка”». В нем, в частности, говорилось:

«Цель: ликвидация “Утки”».

Методы: агентурно-оперативная разработка, активная группа.

Средства: отравление пищи, воды, взрыв в доме, взрыв автомашины при помощи тола, прямой удар — удушение, кинжал, удар по голове, выстрел. Возможно вооруженное нападение группы.

Люди: организатор и исполнитель на месте “Том” (Н. И. Эйтингон)».

В плане определялись способы изучения ближайшего окружения Троцкого и обстановки вокруг его дома.

Смета расходов на шесть месяцев составляла 31 тысячу долларов (по современному курсу это примерно в 10–12 раз больше).

Документ подписали начальник внешней разведки П. М. Фитин, его заместитель П. А. Судоплатов и заместитель Судоплатова — Н. И. Эйтингон, но без упоминания их должностей и воинских званий.

К реализации плана были подключены две группы. Они действовали автономно, и люди, входившие в одну группу, не были знакомы с членами другой группы.

Первую группу возглавлял известный мексиканский художник Давид Сикейрос. В нее входили проверенные бойцы из числа агентуры

советских органов госбезопасности, действовавшие в Испании в период гражданской войны, а затем эмигрировавшие в Мексику. Членами второй группы являлись «Мать» и ее сын «Раймонд».

Из дела агентурной разработки:

«Каридад Меркадер дель Рио, она же — Мария Каридад, она же — агент советской внешней разведки “Мать”.

Год рождения — 1894.

Национальность — испанка.

Член компартии Испании с 1922 года.

Свободно владеет итальянским, французским и английским языками.

Привлечена к сотрудничеству с советской внешней разведкой в 1937 году “Томом”.

В Париже руководила агентурной группой».

К этому следует добавить, что Каридад родилась в Сантьяго-де-Куба в семье губернатора острова. Ее прадед был послом Испании в России. Отец Каридад первым в истории острова издал указ об освобождении чернокожих рабов, благодаря чему пользовался огромным уважением в стране. Специальным указом ему и членам его семьи было разрешено до конца своих дней проживать на Кубе. Однако семью тянуло на родину, и в начале XX века она возвратилась в Испанию. Каридад училась в привилегированной школе, вела аристократический образ жизни, занималась верховой ездой. Достигнув совершеннолетия, вышла замуж за миллионера, владельца текстильной фабрики Пабло Меркадера из Барселоны. Брак был счастливым, муж обожал ее, у них родилось пятеро детей: сыновья Пабло, Рамон, Хорхе, Луис и дочь Монсеррат.

Однако семейная жизнь была не для Каридад. Молодая миллионерша всерьез увлеклась политикой и модными в то время идеями эмансипации. В итоге Каридад сблизилась с анархистами. Муж пытался повлиять на нее, однако безуспешно. Каридад разошлась с ним и уехала во Францию. В скором времени она вступила во французскую коммунистическую партию. В 1934 году участвовала в восстании в Барселоне. С началом гражданской войны в Испании в 1936 году ушла на фронт и сражалась на стороне республиканцев. В 1937 году была привлечена Наумом Эйтинггоном к сотрудничеству с советской внешней разведкой.

Сразу же после утверждения плана операции «Утка» стало ясно, что для внедрения своих людей в ближайшее окружение Троцкого потребуется определенное время. Для ускорения выполнения задания было решено совершить налет на его жилище. Группа Сикейроса, имевшая подробный план виллы Троцкого, стала усиленно готовиться к операции. Штурм начался около четырех часов утра 24 мая 1940 года.

Примерно 20 человек в форме полицейских и военнослужащих напали на дом Троцкого, обнесенный высоким каменным забором, разоружили и связали полицейских наружной охраны. Затем проникли в дом и открыли перекрестный огонь из ручного пулемета и стрелкового оружия по спальне Троцкого. Троцкому и его жене удалось спрятаться под кроватью и остаться невредимыми. Покидая дом, нападавшие оставили в нем зажигательный снаряд и взрывное устройство. Однако взрывное устройство не сработало, а начавшийся пожар Троцкий и его жена смогли потушить.

О неудачном покушении на Троцкого Эйтингон доложил лично Берии, отправив в Центр донесение:

«О нашем несчастье Вы знаете из газет подробно. Отчет Вам будет дан позже.

Пока все люди целы, и часть уехала из страны.

Если не будет особых осложнений, через 2–3 недели приступим к исправлению ошибки, так как не все резервы исчерпаны.

Принимая целиком на себя вину за этот кошмарный провал, я готов по первому Вашему требованию выехать для получения положенного за такой провал наказания.

30 мая. «Том»».

В середине июня Берия и Судоплатов были вызваны к Сталину. Они доложили генсеку подробности несостоявшегося покушения. Сталин был спокоен и предложил осуществить альтернативный план. Он подчеркнул, что акция против Троцкого будет означать полное крушение всего троцкистского движения, и дал указание направить Эйтингону телеграмму с выражением полного доверия.

Из Москвы в Мехико полетел приказ продолжить операцию. Теперь к ней подключалась вторая группа.

Здесь следует сказать, что «Мать» принимала непосредственное участие в подготовке операции «Утка» с первого дня ее разработки.

«Том» и «Мать» хорошо понимали, что для успешной реализации выработанного плана необходимо найти надежного исполнителя. После долгих поисков и сомнений «Мать» предложила на роль главного исполнителя этой рискованной операции... своего собственного сына.

Из дела агентурной разработки:

«Рамон Меркадер дель Рио Эрнандес Хайме родился 7 февраля 1914 года в Барселоне в многодетной семье владельца текстильной фабрики. В 1925 году родители развелись. Рамон с молодых лет принимал активное участие в революционном движении — являлся одним из комсомольских лидеров Каталонии, членом компартии.

С октября 1936 года участвовал в гражданской войне в Испании в качестве комиссара 27-й бригады на Арагонском фронте, майор. В боях был ранен.

В 1938 году был привлечен резидентом НКВД в Испании «Томом» к сотрудничеству с советской разведкой. С февраля 1939 года задействован в операции по организации физического устранения Троцкого».

Под видом богатого плеябоя, сына бельгийского дипломата, занимающегося спортивной фотожурналистикой, и по документам на имя Жака Морнара «Раймонд» (оперативный псевдоним Меркадера) нелегально приехал в Париж, где познакомился с находившейся там на отдыхе гражданкой США Сильвией Агелофф, родители которой были выходцами из России, а старшая сестра — личным секретарем Троцкого. У новой приятельницы «Раймонда» были репутация старой девы и безупречное прошлое. Но самое главное — она также периодически исполняла обязанности секретаря и переводчика Троцкого.

Вслед за возлюбленной «Раймонд» отправляется в Мексику. После отпуска Сильвия возвращается к работе у Троцкого. Роман, завязавшийся под небом Франции, приобретает все более серьезные формы. «Раймонд» предлагает Сильвии руку и сердце и на правах жениха входит в дом Троцкого.

О том, что произошло позже, узнал весь мир. Сталин свел счеты со своим многолетним ненавистным врагом...

Итак, 20 августа 1940 года «Раймонд» выполнил задание Центра, но был арестован.

В ходе предварительного следствия, несмотря на пытки, а затем и на судебном процессе убийца, имевший документы на имя Жака Морнара, бельгийца по национальности, не назвал своего настоящего имени, объясняя, что пошел на преступление, приревновав к Троцкому свою невесту.

Следствие требовало от арестованного чистосердечного признания и не могло его добиться. В отношении «Раймонда» стали применять меры морально-психологического и физического воздействия. В официальном меморандуме, представленном в судебные инстанции его адвокатом в августе 1946 года, указывалось:

«Сразу после ареста, будучи в бессознательном состоянии вследствие нанесенных охранниками ран, арестованный был направлен в полицейский участок, где истязания продолжались несколько недель. В ходе предварительного следствия 7 месяцев он содержался в подвале, являясь объектом неслыханных издевательств и унижений. По причине изоляции он был на грани потери зрения. В марте 1941 года его перевели в городскую тюрьму, в которой держали 3 года. Выводили на прогулку один раз в день на 20 минут в связке с надзирателем».

После длительных юридических процедур в мае 1944 года суд федерального округа Мехико вынес окончательный приговор — 20 лет тюремного заключения (высшая мера наказания в стране).

Мексиканские спецслужбы усиленно искали в убийстве Троцкого советский след и пытались выяснить подлинное имя арестованного. Однако никакие допросы не смогли заставить его признаться в связях с советской разведкой. Лишь спустя много лет один из бывших активистов испанской компартии и участник гражданской войны в Испании предал его, сообщив мексиканским спецслужбам, что в тюрьме находится Рамон Меркадер. Мексиканцы смогли получить на него из испанских полицейских архивов подробное досье.

Когда личность Жака Морнара была установлена, перед лицом неопровержимых улик он признал, что на самом деле является Рамоном Меркадером и происходит из богатой испанской семьи. В то же время до последнего дня заключения он отрицал, что убил Троцкого по заданию советской разведки. Во всех своих заявлениях Меркадер неизменно подчеркивал личный мотив убийства.

Из воспоминаний заместителя начальника внешней разведки генерала П. А. Судоплатова: «В августе 1940 года, спустя два-три дня после ликвидации Троцкого, когда я направил короткий рапорт Берии, было принято решение о том, что Эйтингон и Каридад вернутся домой самостоятельно. А оставшиеся деньги, которые были выделены на проведение операции, намечалось использовать для поддержания Рамона Меркадера, находившегося в тюрьме, для оплаты адвокатам.

Именно тогда Сталин произнес фразу: “Мы будем награждать всех участников этого дела после возвращения домой. Что касается товарища, который привел приговор в исполнение, то высшая награда будет вручена ему после выхода из заключения. Посмотрим, какой он в действительности профессиональный революционер, как он проявит себя в это тяжелое для него время”».

И. В. Сталин исключительно высоко оценил заслуги всех участников операции «Утка».

«Сов. секретно

6 июня 1941 года.

ЦК ВКП(б).

СНК СССР.

Тов. Сталину И. В.

Группой работников НКВД в 1940 году было выполнено специальное задание.

НКВД СССР просит наградить орденами Союза ССР шесть товарищей, участвовавших в выполнении этого задания.

Прошу вашего разрешения.

Народный комиссар внутренних дел

Л. Берия».

Резолюция Сталина на документе была краткой: «За (без публикации)».

17 июня 1941 года Эйтингон, Каридад Меркадер и Судоплатов были приглашены в Кремль, но не в Свердловский зал, как обычно, а в кабинет Калинина, где тот вручил им коробочки с орденами. Каридад Меркадер и Наум Эйтингон получили ордена Ленина. Павла Судоплатова наградили орденом Красного Знамени. Ордена также получили члены боевой оперативной группы Лев Василевский, Иосиф Григулевич и Павел Пастельняк, принимавшие непосредственное участие в реализации операции.

По крайней мере дважды поднимался вопрос о досрочном освобождении «Раймонда» под залог. Но один из высших судебных авторитетов Мексики заявил в доверительной беседе: «Единственный путь к освобождению — его полное признание во всем». Но «Раймонд» продолжал упорно отрицать связь с советской разведкой.

Отбыв в заключении 19 лет 8 месяцев и 14 дней, Рамон Меркадер вышел из тюрьмы 6 мая 1960 года.

После освобождения он женился на мексиканке Рокелии Мендоса и вместе с женой был переправлен в Советский Союз. В Москве он получил советское гражданство и документы на имя Рамона Ивановича Лопеса. 31 мая 1960 года «за выполнение специального задания и проявленные при этом героизм и мужество» Р. И. Лопесу было присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». 8 июля 1960 года награды ему вручил тогдашний председатель КГБ А. Н. Шелепин.

В докладной записке КГБ на имя Н. С. Хрущева о Рамоне Лопесе было сказано: «В силу своей безграничной преданности делу коммунизма и Советскому Союзу в период следствия и судебного разбирательства, а также на протяжении почти 20-летнего пребывания в тюрьме в условиях не прекращавшейся против него кампании угроз и провокаций, проявил смелость, стойкость и высокую идейность, присущие настоящему коммунисту, и сохранил в тайне свою связь с органами государственной безопасности Советского Союза».

В Москве Меркадер работал старшим научным сотрудником в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Являлся членом авторского коллектива четырехтомной истории гражданской войны в Испании. Его жена работала диктором в испанской редакции Московского радио. Супруги взяли на воспитание мальчика одиннадцати лет и семимесячную девочку, мать которых умерла, а отец, испанский коммунист, погиб во франкистской Испании.

В октябре 1974 года Меркадер с семьей переехал на Кубу, где в звании генерала работал советником в кубинском министерстве внутренних дел. Скончался в Гаване 18 октября 1978 года от саркомы. Согласно завещанию, урна с его прахом была перевезена в СССР и захоронена в Москве на Кунцевском кладбище.

За семьей Меркадера сохранили установленную ему пенсию с выплатой в валюте: Рокелии — пожизненно, детям — до достижения

совершеннолетия. После смерти мужа вдова возвратилась с дочерью в Мексику. Сын остался на Кубе, окончил мореходное училище, служил капитаном в системе торгового флота. Рокелия пережила своего мужа на 11 лет. Скончалась после тяжелой болезни в 1989 году.

После освобождения сына из заключения Карикад Меркадер жила в Москве, позднее выехала из СССР. Получала за границей пенсию от советского правительства. Умерла в Париже в 1975 году.

Завершить рассказ об операции «Утка» хотелось бы словами из воспоминаний генерала Судоплатова: «Нам удалось не просто обезглавить троцкистское движение, но и предопределить его полный крах. Сторонники Троцкого быстро теряли остатки своих позиций в международном рабочем движении. Их деятели оказались в ситуации почти враждебного недоверия друг к другу, многие перешли на конспиративное сотрудничество с полицейскими органами США и агентурным аппаратом германской разведки, руководствуясь желанием всячески мстить компартиям США, Франции, Италии...

В то же время мне совершенно ясно, что сегодняшние моральные принципы не совместимы с жестокостью, характерной и для периода борьбы за власть, которая следует за революционным переворотом, и для гражданской войны».

А известный российский публицист и общественный деятель Александр Хинштейн писал в газете «Московский комсомолец» от 10 декабря 1999 года:

«Я не берусь оправдывать ни Эйтингона, ни других чекистов, причастных к убийству Льва Давидовича. Убийство — оно и есть убийство, даже если совершено оно людьми военными, по приказу сверху.

Я лишь хочу заметить, что в реальности Троцкий был совсем не так безобиден, как его пытаются представить сегодня. Вот что, например, писал он во время советско-финской войны: «Сталин может получить помощь извне, поэтому необходимо, чтобы союзники вступили в войну против него. Такая война поставит вопрос перед народом СССР не о судьбе сталинской диктатуры, а о судьбе страны» («Санди экспресс», 10 марта 1940 года). С волками жить — по-волчьи выть...

Но отвлечемся от стороны моральной. С чисто профессиональной точки зрения операция «Утка» была проведена блестяще — это

признано всеми».

После успешного завершения операции «Утка» авторитет Павла Судоплатова среди руководителей внешней разведки, НКВД и государства значительно вырос. Этому способствовали и обстоятельства, о которых мы подробно говорили выше. Подведем некоторую черту под периодом деятельности Судоплатова непосредственно во внешней разведке. Итак, в июле 1938 года, будучи в звании майора государственной безопасности, он был назначен помощником (а фактически — заместителем) начальника 5-го отдела Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР, как тогда называлась внешняя разведка. В ноябре — декабре того же года исполнял обязанности начальника советской внешней разведки.

13 мая 1939 года начальником внешней разведки органов государственной безопасности был назначен 31-летний выпускник ускоренных курсов НКВД Павел Михайлович Фитин (кстати, успешно проработавший на этой должности до 15 июня 1946 года). Судоплатов продолжал оставаться одним из его заместителей. Но, учитывая, что и сам Фитин, и другие его заместители — партийные выдвиженцы Николай Мельников и Максим Прудников — являлись пока неопытными руководителями, Судоплатов более трех лет фактически находился у руля советской внешней разведки.

Поэтому не стоит удивляться, что именно Судоплатову Сталин поручил руководить самой важной для него операцией — ликвидацией Льва Троцкого.

В феврале 1941 года последовала очередная реорганизация органов государственной безопасности нашей страны. 3 февраля 1941 года Судоплатов был назначен заместителем начальника Первого (разведывательного) управления НКГБ СССР — внешней разведки.

Непосредственно накануне Великой Отечественной войны со всей остротой дала о себе знать нехватка профессиональных кадров как в разведке, так и в общей системе государственной безопасности. С позиций своей новой должности Судоплатов поставил перед руководством НКГБ СССР вопрос о пересмотре дел некоторых осужденных сотрудников внешней разведки НКВД — НКГБ СССР, ссылаясь на неизбежность войны с Германией и настоятельную необходимость их немедленного включения в борьбу против

предстоящего врага. Благодаря настойчивости Судоплатова, которого поддержал Фитин, этот вопрос начал решаться положительно. Так, на работу в органы государственной безопасности вернулись: ожидавший расстрела Яков Серебрянский, ранее уволенные Наум Белкин, Георгий Мордвинов, Вильям Фишер, Рудольф Абель, находившийся в Лефортовской тюрьме НКГБ Петр Зубов и приговоренный к длительному сроку тюремного заключения Иван Каминский. В период Великой Отечественной войны они блестяще проявили себя, руководя подготовкой и заброской в тыл противника специальных разведывательно-диверсионных групп.

Среди вышедших на свободу чекистов была и бывшая сотрудница Судоплатова Раиса Соболев, осужденная в 1938 году на восемь лет по подозрению в шпионаже по показаниям своего мужа М. Е. Ревзина, с которым она прожила 13 лет. Соболев была опытной разведчицей, владела несколькими иностранными языками, в том числе немецким. Ручаясь за нее, Судоплатов, разумеется, даже не подозревал, что через четверть века эта талантливая женщина сыграет важную роль в его судьбе.

Глава седьмая

В годы военного лихолетья

*Так было в России с далеких времен,
Чем выше давление, тем крепче бетон.
И если Державе опасность грозит,
Становится Родина как монолит.*

Олег Газманов

*Я имел главное право, не командное —
моральное право посылать людей на опасную
работу, потому что узнал на своей судьбе, что
такое нелегальный труд.*

Павел Судоплатов

Переход на военное время

В суровые годы Великой Отечественной войны работа советской внешней разведки была всецело подчинена борьбе с фашистской Германией и ее союзниками. Разведка сумела в кратчайшие сроки перестроиться в соответствии с требованиями военного времени, сохранить ценную агентуру и наладить с ней надежную связь.

30 июня 1941 года «ввиду создавшегося чрезвычайного положения и в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу, напавшему на нашу Родину», постановлением Президиума Верховного Совета СССР, Совета народных комиссаров СССР и Центрального комитета ВКП(б) был создан Государственный Комитет Оборона (ГКО) в составе: И. В. Сталин — председатель, В. М. Молотов — заместитель председателя, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия — члены комитета.

Этим же постановлением предписывалось сосредоточить в руках ГКО всю полноту власти в государстве, а всех граждан и все партийные, советские, комсомольские и военные организации обязать беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. Постановления ГКО имели силу законов военного времени.

Большое внимание ГКО уделял руководству борьбой советского народа в тылу врага. Во многих городах прифронтовой полосы были образованы местные чрезвычайные органы — городские комитеты обороны, объединившие под своим руководством всю гражданскую и военную власть.

3 февраля 1942 года в состав ГКО были введены А. И. Микоян и Н. А. Вознесенский, 20 февраля — Л. М. Каганович.

Таким образом, Государственный Комитет Оборона руководил в годы войны деятельностью всех ведомств и учреждений, направлял их усилия на всемерное использование материальных, духовных и военных возможностей страны для победы над врагом.

За период с 30 июня 1941 года (дня образования) по 4 сентября 1945 года (дня упразднения) Государственным Комитетом Оборона было принято около десяти тысяч постановлений и распоряжений.

Уже на одном из первых заседаний только что созданный Государственный Комитет Обороны СССР рассмотрел вопрос о внешней разведке и уточнил ее задачи. Они были подчинены одной цели — скорейшему разгрому врага.

Внешняя разведка в этот период строила свою работу по двум основным направлениям. Первое из них — активизация деятельности «легальных» и нелегальных резидентур для своевременного получения важной политической и военной информации, а также результативного проведения активных мероприятий.

Разведывательные аппараты внешней разведки органов госбезопасности в США, Англии, Турции, Швеции, Иране, Китае и ряде других стран были нацелены на сбор сведений по Германии, Италии, Японии и оккупированным ими странам. Главная задача — создание агентурных возможностей в правительственных учреждениях, промышленных и научных организациях, разведывательных и контрразведывательных службах этих государств.

В период Великой Отечественной войны в США действовали четыре «легальные» и две нелегальные резидентуры советской внешней разведки. Только в правительственных учреждениях страны они имели около тридцати источников ценной документальной информации.

В Великобритании резидентура НКВД поддерживала надежную связь с членами «Кембриджской пятерки». В годы войны они работали в самых секретных ведомствах страны и являлись для советской разведки самыми продуктивными источниками документальной информации. Только за 1941–1945 годы от «пятерки» было получено более восемнадцати тысяч секретных и совершенно секретных документов.

В годы войны в Китае действовали 12 резидентур. Их сотрудники на регулярной основе получали надежную информацию о деятельности в стране спецслужб США и Англии.

С началом Великой Отечественной войны Иран с его незамерзающим Персидским заливом и пересекающей всю его территорию железнодорожной магистралью стал стратегическим путем для поставок в нашу страну по ленд-лизу вооружений, боеприпасов, продовольствия, медикаментов и иных необходимых грузов.

Хотя после начала Второй мировой войны правительство Ирана заявило о своем нейтралитете, на деле оно открыто следовало прогерманскому курсу. В августе 1941 года Москва и Лондон приняли решение о вводе в Иран своих войск. 17 сентября советские и английские части вошли в иранскую столицу.

В Тегеране действовала главная резидентура советской внешней разведки, которую возглавлял Иван Иванович Агаянц. Ему подчинялись восемь периферийных резидентур и разведпункты в различных иранских городах.

Активно вели разведку на территории Ирана подразделения НКВД Азербайджана и Узбекистана, создавшие в ряде городов свои нелегальные резидентуры. Так, в январе 1942 года был направлен в Южный Азербайджан и назначен резидентом в Тебризе опытный сотрудник НКВД Азербайджанской ССР Агасалим Ибрагим-оглы Атакишиев. Возглавляемая им резидентура успешно решала задачи по нейтрализации деятельности немецкой агентуры и обеспечению безопасности советских войск в этом районе страны.

Вторым основным направлением деятельности внешней разведки в период Великой Отечественной войны являлись формирование и заброска на оккупированные советские территории разведывательно-диверсионных отрядов и групп.

Для руководства зафронтной работой органов государственной безопасности в составе НКВД были последовательно созданы Особая группа при наркомате внутренних дел СССР, 2-й отдел НКВД СССР и 4-е управление НКВД СССР. Руководитель этих подразделений старший майор государственной безопасности Павел Анатольевич Судоплатов одновременно являлся заместителем руководителя советской внешней разведки. Костяк руководителей этих подразделений составляли кадровые сотрудники внешней разведки.

Особая группа НКВД СССР

Еще в мае 1941 года Наум Исаакович Эйтингон, назначенный одним из заместителей начальника 1-го управления НКГБ СССР, как тогда именовалась внешняя разведка, получил личное указание Берии создать Особую группу для проведения диверсий в тылу вероятного противника. Он должен был установить связь с Генштабом Красной армии и пограничными округами, чтобы договориться о совместных действиях.

Однако кадровые и структурные реорганизации, начавшиеся в то время как в наркомате, так и в аппарате внешней разведки (20 июля 1941 года наркоматы госбезопасности и внутренних дел были объединены в единый Наркомат внутренних дел СССР), помешали реализации этих планов.

За несколько дней до нападения нацистской Германии на Советский Союз вновь был поставлен вопрос о создании Особой группы при наркомате госбезопасности — но уже перед старшим майором госбезопасности Павлом Анатольевичем Судоплатовым. Наума Эйтингона планировали назначить его заместителем.

Вспоминая об этом, Судоплатов писал: «Берия, вызвав меня к себе, отдал приказ об организации особой группы из числа сотрудников разведки в его непосредственном подчинении, которая должна была осуществлять разведывательно-диверсионные акции в случае войны. На тот момент нашим первым заданием было создание ударной группы из числа опытных диверсантов, способных противостоят любой попытке использовать провокационные инциденты на границе как предлог для начала войны. Берия подчеркнул, что наша задача — не дать немецким провокаторам возможности провести акции, подобные той, что была организована против Польши в 1939 году, когда они захватили радиостанцию в Гляйвице на территории Германии. Немецкие провокаторы вышли в эфир с антигерманскими заявлениями, а затем расстреляли своих же уголовников, переодетых в польскую форму, так что со стороны все выглядело так, будто бы на радиостанцию действительно напало одно из подразделений польской армии».

Выполняя поручение наркома, Судоплатов и его заместитель Эйтингон немедленно приступили к подбору кадров для ударной группы, которую можно было экстренно перебросить на границу. Официальное же оформление Особой группы последовало лишь 5 июля 1941 года, причем с некоторым пересмотром поставленных перед ней задач. В связи с нападением Германии на Советский Союз это специальное подразделение должно было уметь действовать как на линии фронта, так и в районах, оккупированных войсками противника.

В приказе НКВД СССР № 00882 от 5 июля 1941 года, подписанном народным комиссаром внутренних дел Союза ССР генеральным комиссаром государственной безопасности Л. П. Берией, в частности, говорилось:

«1. Для выполнения специальных заданий создать Особую группу НКВД СССР.

2. Особую группу подчинить непосредственно народному комиссару.

3. Начальником Особой группы назначить старшего майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А.

Заместителем начальника Особой группы назначить майора государственной безопасности тов. Эйтингона Н. И.».

Помимо Эйтингона, являвшегося, по сути, первым заместителем начальника Особой группы, заместителями Судоплатова были также назначены ответственный сотрудник подразделения внешней разведки НКВД СССР старший майор госбезопасности Николай Дмитриевич Мельников и заместитель наркома внутренних дел Грузинской ССР майор госбезопасности Варлам Александрович Какучая.

Начальниками ведущих направлений по борьбе с немецкими вооруженными силами, вторгшимися в Прибалтику, Белоруссию и на Украину, стали видные сотрудники советской внешней разведки Яков Исаакович Серебрянский, Исидор Борисович Маклярский, Виктор Александрович Дроздов, Петр Ильич Гудимович, Петр Иванович Масся, Александр Эрастович Тимашков, Георгий Иванович Мордвинов.

Начальники всех служб и подразделений НКВД приказом по наркомату были обязаны оказывать Особой группе содействие людьми, техникой, вооружением для развертывания разведывательно-диверсионной работы в ближних и дальних тылах немецких войск.

Сегодня хорошо известно, что в годы Великой Отечественной войны на всей советской территории, временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками, развернулось широкое партизанское движение. В партизанские отряды и группы вступали рабочие, колхозники, представители интеллигенции, коммунисты, комсомольцы и беспартийные, военнослужащие Советской армии, вышедшие из окружения или бежавшие из плена. С первых дней войны самое активное участие в организации этой работы принимали сотрудники Особой группы при наркомате внутренних дел.

8 августа 1941 года народный комиссар внутренних дел СССР Берия направил в ГКО оперативную записку, подготовленную аппаратом Судоплатова и касающуюся создания партизанских отрядов и диверсионных групп для действий в тылу противника.

Одновременно с работой Особой группы НКВД СССР нарком предлагал активизировать деятельность управлений внутренних дел Украинской, Белорусской, Карело-Финской и Молдавской ССР, а также Ленинградской, Мурманской, Калининской и Смоленской прифронтовых областей.

На документ были наложены следующие резолюции: «Согласен. Сталин»; «т.т. Серову, Петрову, Аполлонову^[Ш], Судоплатову. Отработайте и представьте свои предложения 10 августа 1941 года. Л. Берия»; «Созданы 4-е отделы по организации и руководству истребительными батальонами, партизанскими отрядами и диверсионными группами. 21 августа 1941 года. И. Серов».

Предложения НКВД СССР по дальнейшему развитию партизанского движения на занятой противником территории позволили усилить боеспособность партизанских отрядов и диверсионных групп, расширить зоны их действия, повысить эффективность борьбы с немецко-фашистскими оккупантами, установить тесное взаимодействие с частями Красной армии.

Для организации и руководства партизанским движением на местах в органах УНКВД были созданы 4-е отделы.

Уже к концу 1941 года на Украине действовали 883 отряда и свыше 1700 диверсионных и разведывательных групп. На территории Белоруссии к середине августа 1941 года действовало более 230 партизанских отрядов. В Карело-Финской ССР в августе 1941 года было сформировано 15 партизанских отрядов. В ноябре 1941 года там

же была создана партизанская бригада, в которую вошли девять отрядов. Партизанские отряды Карелии вели оборонительные бои совместно с частями Красной армии. Летом и осенью 1941 года на оккупированной территории Молдавии сражались 14 подпольных организаций и групп.

На оккупированной территории Ленинградской области к осени 1941 года действовали 287 партизанских отрядов, шесть партизанских полков, 125 подпольных партийных и комсомольских организаций.

Всего к концу 1941 года на оккупированной врагом территории действовали около 3500 партизанских отрядов и групп, насчитывавших 90 тысяч человек.

За первые шесть с половиной месяцев войны только партизаны Калининской, Смоленской, Московской, Тульской, Орловской и Курской областей истребили более тридцати тысяч гитлеровцев, уничтожили свыше двух тысяч автомашин с военными грузами, более двухсот танков и бронемашин, около семисот орудий, 66 самолетов, подорвали 170 складов с оружием, боеприпасами и продовольствием, более четырехсот мостов на коммуникациях противника, пустили под откос 40 эшелонов с живой силой и техникой.

В то же время главными задачами руководимой генералом Судоплатовым Особой группы НКВД СССР являлись: ведение разведывательных операций против Германии и ее сателлитов, организация партизанской войны, создание агентурной сети на оккупированных территориях, руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой для дезинформации противника.

Начальный период войны был особенно трудным для советского народа. Гитлеровская Германия, покорившая всю Европу, использовала ее военный потенциал, чтобы уничтожить Советское государство. Красная армия отступала с кровопролитными боями...

Здесь следует подчеркнуть, что 27 июня 1941 года, еще до официального оформления Особой группы, Политбюро ВКП(б) и СНК СССР приняли важное решение: создать специальные войска Особой группы при Народном комиссариате государственной безопасности — отряды особого назначения, предназначенные для выполнения специальных заданий Верховного командования на фронте и в тылу врага.

А родилась эта идея так.

Опытный чекист, почетный работник ВЧК, капитан госбезопасности запаса Дмитрий Николаевич Медведев в первый день войны подал рапорт на имя народного комиссара государственной безопасности СССР, в котором, в частности, говорилось: «В ноябре 1939 года после двадцатилетней оперативной работы в органах ВЧК — ОГПУ — НКВД я был из органов уволен.

В первые же дни войны как с польскими панями, так и с финской белогвардейщиной я обращался к Вам, полный готовности на любую работу, на любой подвиг.

Теперь, глубоко осознавая свой долг перед Родиной, я снова беспокою Вас, товарищ народный комиссар, своим непреодолимым желанием отдать все свои силы, всего себя на борьбу с фашизмом.

Жду Вашего приказа. Медведев. 22 июня 1941 года».

Одновременно Дмитрий Николаевич направил личное письмо Сталину, в котором изложил концепцию партизанской войны в тылу врага и роли спецотрядов НКГБ в сборе разведывательной информации о противнике и нанесении по нему диверсионных ударов.

Письмо опытного чекиста-ветерана Сталину понравилось. Его предложение о заброске в тыл врага небольших разведывательно-диверсионных групп было принято.

Для проведения операций в тылу немецких оккупантов в октябре 1941 года приказом наркома НКВД сформированные ранее отряды особого назначения были сведены в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР — легендарный спецназ периода Великой Отечественной войны, прославившийся своими операциями в тылу врага.

Перед ОМСБОН ставились следующие задачи: оказание помощи Красной армии посредством разведывательных, диверсионных, военно-инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла; выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций.

В ОМСБОН брали только добровольцев, которые проходили специальную подготовку для диверсионной работы и выполнения заданий особой важности. Бригада состояла из двух полков (восемь

батальонов), а также включала специальные подразделения: четыре отдельные роты (саперно-подрывная, связи, автомобильная и парашютно-десантная), разведывательно-диверсионный отряд, школу младшего начсостава и специалистов.

В разное время бригадой командовали начальник Себежского военного училища НКВД полковник Михаил Федорович Орлов и кадровый сотрудник внешней разведки полковник Вячеслав Васильевич Гриднев. В составе бригады особого назначения в разное время находилось до двенадцати тысяч солдат и офицеров. Исполком III Коммунистического Интернационала направил в войска Особой группы около двух тысяч политических эмигрантов (немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар, румын) из числа бывших интербригадовцев, имевших опыт гражданской войны в Испании. В ОМСБОН входили и лучшие советские спортсмены: штангист Николай Шатов, конькобежец Анатолий Капчинский, стайеры Серафим и Георгий Знаменские, гребец Александр Долгушин, боксер Сергей Щербаков, дискболы Леонид Митропольский и Али Исаев, велосипедист Виктор Зайпольд, гимнаст Сергей Коржуев, борец Григорий Пыльнов, лыжница Любовь Кулакова, группа футболистов минского «Динамо» и другие. Они стали основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага. В первые годы

войны не каждая стрелковая дивизия могла сравниться с ОМСБОН по численности и обученности.

Местом формирования бригады стал Центральный стадион «Динамо», расположенный в старинном Петровском парке. На подмосковном стрельбище «Динамо» в Мытищах бойцы особого назначения изучали минное дело, подрывную технику, овладевали тактикой действий небольшими группами, приемами ведения ночной разведки, топографией, радиodelом, совершали марш-броски, прыжки с парашютом. Короче, учились всему, что необходимо на войне.

Несколько ранее, 18 июля 1941 года, было принято постановление ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск», в котором партийным организациям и органам государственной безопасности предписывалось «создать невыносимые условия для германских интервентов, срывать все их мероприятия, уничтожать захватчиков и их пособников, помогать созданию

партизанских отрядов, диверсионных истребительных групп». В постановлении подчеркивалось, что важную роль в организации партизанского движения, боевых дружин и диверсионных групп должны играть органы государственной безопасности.

Позже генерал Судоплатов вспоминал: «При отборе чекистов на должности командиров партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп нами прежде всего учитывалась их прошлая деятельность. В первую очередь назначали командиров, имевших боевой опыт. Будущие Герои Советского Союза Прокопюк, Рабцевич, Ваупшасов, Орловский — все они не только участвовали в партизанской войне против белополяков в 1920-е годы, но и сражались в Испании. В резерве была большая группа, воевавшая на Дальнем Востоке».

Особая группа НКВД СССР немедленно приступила к подготовке разведывательных и диверсионных резидентур для выполнения специальных заданий за линией фронта, а также в отдельных городах и районах СССР на случай угрожаемого положения. Среди них были: оперативные группы «Форт» Владимира Молодцова и «Местные» Виктора Лягина, действовавшие, соответственно, в Одессе и Николаеве с июля 1941 года; нелегальная резидентура в Киеве, возглавляемая Иваном Кудрей (оперативный псевдоним «Максим»), действовавшая с сентября 1941 года, и другие.

Вскоре в тыл врага ушли опергруппы Медведева, Флегонтова, Зуенко, Кумаченко и Филоненко.

С сентября 1941-го по январь 1942 года капитан госбезопасности Дмитрий Медведев руководил специальным оперативным отрядом «Митя», а для немногих посвященных — разведывательно-диверсионной резидентурой № 4/70 Особой группы при наркомне НКВД СССР. Помимо командира в отряд входили 34 человека.

Районом действий отряда была определена родина Медведева — Брянщина, которая по тогдашнему административному делению входила в Орловскую область. Иными словами, воевать отряду чекистов предстояло на одном из важнейших стратегических направлений наступления гитлеровских войск на Москву. Во время рейда бойцы отряда «Митя» и их командир проявили чудеса смелости и находчивости.

23 августа к вечеру на трех потрепанных полуторках отряд выехал на фронт. Путь к фронту лежал через Брянск. Город встретил чекистов заревом пожарищ — Брянск и Орджоникидзеград (так тогда называлась Бежица) пылали после очередного налета фашистской авиации.

Наконец отряд прибыл в окрестности районного центра Жуковка. Здесь он должен был перейти линию фронта.

Первые пять попыток проникнуть в тыл врага закончились неудачей: выбирали самое глухое время ночи, продвигались, можно сказать, не дыша, но едва углублялись на 20–30 шагов во вражеское расположение, как немцы поднимали осветительные ракеты и обрушивали шквальный огонь по каждой замеченной цели. Тогда Медведев решил перейти линию фронта... днем! И отряд перешел ее без единого выстрела!

Расчет командира был построен на том, что педантичные немцы обедают точно в полдень и снимают на это время часть постов, уверенные, что в ясный день никто и на пушечный выстрел не приблизится к их позициям. Местом перехода Медведев выбрал деревню Белоголовль, разделенную на две части речушкой. По одну сторону водной преграды держали оборону красноармейцы, по другую — немцы.

Вот как рассказывал о переходе отряда «Митя» через линию фронта 7 сентября 1941 года его комиссар Георгий Кулаков:

«Занятая врагом часть деревни как вымерла — все жители убежали на нашу сторону, а гитлеровцы там жить боялись — только изредка делали вылазки на пасеку за медом. Единственной переправой служила полуразрушенная плотина у мельницы, пристрелянная гитлеровскими пулеметчиками.

Мы дождались 12 часов дня, когда у пунктуальных гитлеровцев началась раздача обеда, и бесшумно по противотанковому рву подошли к мельнице. Теперь надо было терпеливо ждать...

Солнце поднялось высоко, приблизилось к зениту. У противника все замерло. Видимо, приступили к обеду. Пора... Ползком, друг за другом, мы стали переправляться через плотину. Скользкие мокрые бревна так и норовили выскользнуть из-под тел. Но все благополучно перебрались. Бесшумно переползли пустую улицу, через пасеку в овраг, затем в лес...»

Остановимся еще на одном эпизоде, связанном с деятельностью отряда «Митя».

Как уже отмечалось, первые разведывательно-диверсионные отряды специального назначения формировались из бойцов и офицеров Особой группы при наркомате госбезопасности. Ядро этих отрядов составляли опытные чекисты, командиры внутренних и пограничных войск, а также знаменитые советские спортсмены.

Одним из первых в бригаду пришел выдающийся боксер Николай Королев — многократный чемпион СССР в тяжелом весе, абсолютный чемпион Советского Союза, победитель Всемирной рабочей олимпиады 1937 года в Антверпене. Именно он был принят в отряд специального назначения «Митя», в котором стал адъютантом Медведева.

Незадолго до окончания рейда в районе населенного пункта Клетня отряд попал в окружение. В бою с карателями Медведев был в очередной раз ранен. Николай Королев пытался вынести командира из-под огня, но неожиданно столкнулся с немцами. Разведчиков ждала неминуемая гибель. Однако Николай пошел на хитрость: он опустил командира на землю и поднял руки вверх. Солдаты под охраной проводили Королева к землянке, где находились немецкие офицеры. Неожиданными ударами Николай послал трех охранников в глубокий нокаут и бросил в землянку гранату. Воспользовавшись замешательством противника, бойцы отряда вырвались из кольца. Королев много километров нес Медведева на себе.

Рейд спецотряда «Митя» был успешным. Вернувшиеся на Большую землю в конце января 1942 года бойцы как о чем-то обычном рассказывали своим сослуживцам о разведке, ночных нападениях на врага, пущенных под откос поездах, а о своем командире говорили с восторгом, граничившим с обожанием: «Отважен и фантастически находчив!»

Весь период рейда отряд осуществлял активную боевую, диверсионную и разведывательную деятельность. Его бойцы чуть ли не ежедневно нападали на гарнизоны и автоколонны врага, сжигали и взрывали мосты, склады, узлы связи, уничтожали живую силу противника.

Помимо выполнения разведывательно-диверсионных задач чекисты отряда Медведева принимали непосредственное участие в

выявлении вражеской агентуры, внедренной в местные партизанские формирования, а также в ликвидации лжепартизанских отрядов, которые создавали немецкие спецслужбы для борьбы с советскими партизанами.

13 февраля 1942 года народный комиссар внутренних дел Л. Берия направил председателю ГКО И. В. Сталину сообщение № 191/Б об организации и деятельности в тылу противника партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп. О действиях специального оперативного отряда «Митя» в документе указывалось:

«В сентябре 1941 года НКВД СССР выброшен в тыл противника партизанский отряд, состоявший из сотрудников НКВД в количестве 34 человек, во главе с капитаном госбезопасности Медведевым. Район действий отряда — Орловская и Смоленская области. За 4 месяца пребывания в тылу противника отряд за счет выходящих из окружения с оружием командиров и бойцов Красной Армии увеличился до 230 человек.

Отряд провел 50 боевых операций, уничтожив при этом 425 солдат и офицеров, из них 2-х генералов, сбил и сжег 9 самолетов противника, из них 6 с экипажами, подорвал 10 автомашин, 4 паровоза, 30 вагонов, 10 мостов, вывел из строя 6 заводов и много военного имущества. Отрядом организовано крушение 3-х воинских эшелонов.

При налете отряда на города Жиздра и Хотимск Орловской области были разгромлены немецкие комендатуры и самоуправления бургомистров. В течение нескольких дней отряд Медведева держал в руках эти города, а затем, ликвидировав изменников и предателей из числа местного самоуправления, снабдился необходимым для отряда продовольствием, забрал 600 тысяч советских денег и 3800 немецких марок и ушел для организации дальнейших операций в леса.

За время боевых операций, проведенных отрядом Медведева, имелись потери в количестве 8 человек убитыми, в числе их начальник штаба инженер 3 ранга войск НКВД Староверов Д. Д. и политрук группы воентехник 2 ранга войск НКВД Боголюбов А. Ф., которые героически дрались до последнего патрона.

Из 16 человек раненых 12 человек выздоровело и находятся в строю.

После боевых действий отряд в январе 1942 года прибыл в Москву в полном составе — 230 человек».

В том же феврале 1942 года газета «Правда» сообщала:

«Из глубокого тыла возвратился партизанский отряд, которым командовал Д. Медведев. Отряд пробыл на территории, занятой гитлеровцами, четыре месяца и совершил за это время немало славных дел».

За успешные действия в тылу врага Дмитрий Николаевич Медведев в феврале 1942 года был награжден орденом Ленина. В представлении к награждению начальник 4-го управления НКВД СССР П. А. Судоплатов подчеркивал:

«Во время боя с 576-м саперным батальоном уничтожен штаб батальона и захвачено знамя. Наиболее крупные операции тов. Медведев возглавлял лично сам. В боях с фашистами был дважды ранен...»

После доклада об обстановке на оккупированной фашистами территории Медведев письменно изложил свои соображения о развитии партизанского движения во вражеском тылу.

Главное, что извлек Медведев из рейда своего отряда, был опыт и сделанный на его основании вывод: в условиях жесточайшего, продуманного до мелочей оккупационного режима гитлеровцев действия небольших разведывательных групп и тем более отдельных разведчиков предельно затруднены и успешная, систематическая, глубокая и надежная деятельность разведки возможна только при наличии прочной базы, каковой должны быть сильные, достаточно крупные партизанские отряды.

Именно такой базой явился разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Победители», которым Медведев командовал с июня 1942-го по апрель 1944 года и который действовал в Ровенской и Львовской областях. За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника и проявленные при этом мужество и героизм Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Дмитрию Николаевичу Медведеву было присвоено звание Героя Советского Союза.

Сотруднику внешней разведки старшему лейтенанту госбезопасности Михаилу Филоненко с бойцами разведывательно-диверсионного отряда «Москва» предстояло совершить рейд

по Подмоскovie в самый сложный период обороны Москвы. Зона действий отряда была очерчена на штабных картах населенными пунктами Апрелевка, Рогачево, Ахматово, Дорохово, Петрищево, Бородино, Верея, Крюково. В ходе рейда, который продолжался 44 дня, командир отряда вел оперативный дневник, фиксируя ежедневную боевую работу своих подчиненных. К счастью, этот дневник сохранился в архивах внешней разведки. Думается, что читателям будет интересно узнать некоторые подробности этого беспримерного рейда:

«День первый — 3 декабря 1941 года. Среда. Температура минус 25–30 градусов. Метель, ветер северный.

Утром построил отряд: пятьдесят воинов-чекистов. Больше половины из них фашистов еще в глаза не видели. Напомнили с комиссаром Анатолием Ермолаевым, что рейд тяжелый и опасный, есть возможность отказаться. Никто не вышел из строя.

— Если кто стесняется товарищей, — сказал я, — то после индивидуальных бесед будет полное построение. Неуверенные в себе в строй могут не становиться.

Через час построились все пятьдесят. Я еще пробовал отговаривать восемнадцатилетнюю медсестру Тамару Малыгину, которая пришла добровольцем в отряд. Впрочем, здесь все добровольцы. Тамара отличная спортсменка-лыжница, прекрасно владеет автоматом, пистолетом. Но не женское ведь дело в снежной лесной чаще устраивать ночлег, быть в холоде и голоде. Тамара сказала твердо:

— Я выносливая. За меня вам краснеть не придется.

Подали три автомашины, и мы выехали в Останкино. Здесь получили и подогнали на всех лыжи. В двенадцать часов выехали в Апрелевку, оттуда в Рогачево.

Поздно вечером отряд миновал боевые порядки танковой дивизии полковника Ротмистрова, перешел линию фронта и растворился в снежных лесах.

Шли всю ночь. Утром начался сильный снегопад, наши следы замело пургой.

День второй — 4 декабря. Минус 25. Пасмурно, сплошная облачность, метель.

Утром, когда гасили костры, прибежал Федор Сафонов с двумя своими разведчиками:

— Идет немецкий обоз в десять подвод. Фрицы закутаны с ног до головы. По-моему, сопротивления особого не окажут.

Я принял решение: дать внезапный скоротечный бой. Старшине Сафонову с группой захвата приказал взять одного-двух офицеров в плен, остальных уничтожить.

Гитлеровцы даже не успели поднять оружие, как двенадцать из них полегли на месте, двух офицеров взяли в плен. Отряд на трофейных подводах углубился в лес.

Убито 14 фашистов, из них 4 офицера и 3 унтер-офицера. Захвачено 18 автоматов, 3 винтовки, 4 пистолета, 5000 патронов, 16 карманных часов, 10 000 рублей, пять ящиков боеприпасов, десять ящиков гранат, много продовольствия. Наших потерь нет. Раненых и обмороженных тоже нет.

Ночевали в лесу. Разгребли метровый снег до земли, наломали хвойных веток, настелили на землю, накрыли плащ-палаткой. Ложались по пять-десять человек, прижимались друг к другу, накрывались второй плащ-палаткой, затем снова ветками и снегом. Минут через тридцать в таком снежном “шалаше” становилось тепло. Но через каждый час дежурные будили людей и переворачивали на другой бок, чтобы не замерзли. Часовые менялись через час, на каждом посту — двое. Подходы к месту ночлега заминировали.

День третий — 5 декабря. Минус 22, ночью — 28–30 градусов мороза. Пасмурно, метель, ветер умеренный.

С комиссаром и комсоргом отряда поздравили всех с днем советской Конституции, пожелали удачного рейда и быстрейшего изгнания фашистов с нашей земли.

У населенного пункта Ахматово Сафонов вместе с Михаилом Задковым и Иваном Грачевым вышли в поиск. На окраине села без шума захватили повозку с унтер-офицером. Пленный дал хорошие сведения: их рота находится на отдыхе, половина личного состава обмороженные и больные. Указал, в каких домах они разместились.

К Ахматово отряд вышел внезапно, с трех сторон. Сняли часовых, перерезали провода связи, забросали гранатами дома, где располагались фашисты. Весь гарнизон был уничтожен. Водрузили красный флаг над школой, разбросали листовки: “Везде фашистов

всюду настигнет, и под Москвой им осталось быть считанные дни. Смерть немецким оккупантам!” Собрали документы, оружие у врага и ушли так же быстро, как и появились.

Убито фашистов — 68. Из них 10 офицеров. Захватили 70 автоматов и пистолетов, несколько тысяч патронов, продовольствие и обмундирование. Наших потерь нет.

День четвертый — 6 декабря. Минус 23 днем, ночью — 28 градусов. Пасмурно, тихо, снегопад.

Нас разбудила мощная канонада. Били по обороне фашистов тяжелые орудия, минометы, а затем поднялись десятки красноразведанных самолетов и стали бомбить врага.

Началось, видимо, наше контрнаступление. Гитлеровцы бегут в панике, в одних рубахах, некоторые падают в снег и замерзают, и уже никто не знает, как поется в песне, “где могилка моя...”.

Весь день мы вели наблюдение за отступающими войсками и перегруппировкой живой силы и техники. По железной дороге под охраной бронепоездов шли эшелоны — подвозили свежие силы, чтобы закрепить образующуюся брешь в обороне.

В 22 часа 30 минут заминировали мост и железную дорогу. В 23 часа мост под вражеским эшелоном с солдатами и техникой взорвался. Вместе с мостом погибло около сотни фашистов, в реку слетели 10 танков и 21 орудие, три цистерны с бензином. Часовых у моста снимал Федя Сафонов с группой захвата. Минировали мост и подступы к нему пиротехники Феди Кувшинова. Храбрые ребята!

Почти всю ночь уходили на лыжах вглубь леса. И только утром, в тридцати километрах от места диверсии, сделали большой привал.

День пятый — 7 декабря. Минус 18, ночью — 22 градуса. Тихо, слабый снегопад.

На соснах, елках образовались огромные белые шапки снега, многие деревья напоминают сказочных витязей. Сегодня дал отдых всему отряду. Нашли спрятанные в лесу запасы продовольствия из обоза фашистов, разогрели на костре тушенку. По плану мы должны разведать город Верею, по возможности парализовать движение войск через реку Протва — взорвать мост и дать знать местному населению, что советская власть — штука прочная: она в состоянии разгромить фашистские полчища.

День шестой — 8 декабря. Минус 15–18, снегопад, метель во второй половине дня, ветер сильный.

Три разведчика обморозили себе кончики носов. Это первое обморожение. На привале под присмотром Тамары Малыгиной оттирала “троица” щеки и носы снегом. Тамара смазала их мазью, еще раз подробно проинструктировала всех, как уберечься от обморожения.

У Верии полно фашистов. Движение непонятное: одни колонны идут в город, другие из него. Вызываю старшину Сафонова, даю задание группе захвата: достать “языка”, желательнее офицера. Прошло не более двух часов, как Федя привел двух связанных гитлеровских офицеров. Один с рыцарским крестом — оберст, то есть полковник.

Пленные сказали, что в Верее находятся остатки разбитой пехотной дивизии, которая за три дня боев потеряла более восьмидесяти процентов своего состава и всю технику: вместо разбитой дивизии прибывают свежие части, пытаются сдержать наступление русских.

— Ваша проклятая зима нарушила все планы! Но придет весна, и мы свободно займем Москву, дойдем до Урала, — с гонором заявил полковник.

Я приказал Сафонову расстрелять гитлеровцев. Всему отряду объявил тревогу. Надо срочно заметать следы: этих “видных” фашистов немедленно начнут искать.

Более трех часов были в пути. Идти по лесу очень тяжело: снег по пояс, лыжи то и дело слетают с ног, рвутся крепления — они полужесткие. Приходится использовать бинты, ремни, тесемки. Расположились на ночлег. Заминировали подходы, развели костер.

Разработали план, как вывести из строя железнодорожную ветку. Надо срочно помогать своим частям бить фашистов в хвост и в гриву. Бить беспощадно, жестоко, с ненавистью, так, чтобы запомнили на всю жизнь и наказали своим детям...

День седьмой — 9 декабря. Минус 24, ночью — минус 27, метель, ветер северный.

Группа разведчиков ушла к населенному пункту Афанасьево. В селе был слышен лай собак, крики. Сафонов со своими людьми незаметно подошел к крайнему дому, вызвал хозяина. Фашисты прибыли неделю назад: злые, избитые, обмороженные. День и ночь

пьянствуют, гуляют, насилуют женщин, убивают мужчин, вешают захваченных партизан.

— Сколько немцев в селе? — спросил Сафонов.

— Да примерно взвода три. Ждут танки и подкрепление, — ответил крестьянин Михаил Савельев. — А офицеры вон в том доме, что со ставнями, где свет горит. На ночь они ставни закрывают — боятся партизан — и еще двух часовых у дома ставят. Очень трясют! Им сообщили, что в одном гарнизоне партизаны уничтожили всех.

Из калитки соседнего дома вышли два пьяных и перевязанных гитлеровца, направились к избе Савельева. Разведчики в сенях разоружили и скрутили их. Оказалось: унтер-офицер и ефрейтор. Через час “языки” были доставлены в отряд. Они подтвердили все, что сказал Савельев.

Медлить не стали. Отряд был разбит на пять групп: три по десять человек делают налет на село сразу с трех сторон. Первую группу возглавляет старший лейтенант Казанков, вторую — комиссар отряда Ермолаев, третью — старшина Кувшинов. Группой прикрытия командует сержант Задков, которому сказано, чтобы следил за ходом боя и прикрыл отряд, когда он будет отходить в сторону Шустикова. Разведчики, само собой, идут впереди всех и я с ними.

Операцию решено начать в 23.40, закончить в 0.25. Пароль — “Москва”, отзыв — “Штык”. Числовой пропуск — 17. Всем быть в маскхалатах — это основное различие “свой — чужой”.

Бесшумно подошли к селу. Разведчики первым делом взорвали дом, где находились офицеры, предварительно сняв часовых. Взрыв был сигналом к атаке.

В селе поднялось нечто невообразимое. Жители быстро сообразили, что к чему: выскакивали из домов с вилами, топорами и добивали фашистов. Гарнизон был полностью уничтожен. Сельчане просились к нам в отряд. Но взять мы их не могли, а посоветовали, как организовать партизанский отряд.

Убито фашистов — 52, из них 5 офицеров. Более сотни единиц оружия роздано населению. Потерь нет. Обмороженных — двое.

День восьмой — 10 декабря. Минус 27–30, ночью до 45, ветер слабый, лес заиндевелый.

Ночь шли в Шустиково. Очень морозно. Выставили охрану, решили отдохнуть и согреться в пустой сторожке. После обеда и

отдыха совершили переход в Борисово. Шли медленно. Впереди и по бокам — охранение. Встретили крестьян, прятавшихся от фашистов. Сказали, что в Борисове зверствуют гитлеровцы и полицаи.

День девятый — 11 декабря. Минус 26–29, снегопад, тихо.

Весь день двигались в направлении Дорохово — Можайск. Всюду немцы. Их столько, что забиты все дороги. Сотни, тысячи убитых, замерзших.

День десятый — 12 декабря. Минус 28.

На дороге встретили три повозки фашистов, они везли продовольствие и боеприпасы. Уничтожили трех фашистов и одного полицая. Боеприпасы взорвали, продовольствие спрятали в лесу.

День одиннадцатый — 13 декабря. Минус 23–25, малый снегопад.

Совершили переход в Бородино. Встретили легковую машину в сопровождении автоматчиков. Две удачно брошенные противотанковые гранаты — и стрелять было не в кого. Забрали документы и оружие. В машине, где был фашистский полковник, кроме документов взяли портфель с золотыми и серебряными изделиями, награбленными в нашей стране.

Быстро изменили маршрут и направились в Храброво.

День двенадцатый — 14 декабря. Минус 18–20, сильный снегопад.

Совершили переход в Губино. Встретили колонну фашистских танков. Они стояли на заправке. В бой не вступали, удалились в направлении Юрлов.

День тринадцатый — 15 декабря. Минус 17, метель, ветер.

Прибыли в Выселово. Немцы привезли в село много раненых и обмороженных. Бить их не стали, они и так из строя выведены. Вышли в Афанасьево. Разрушили линию связи противника — более трех километров. Сделали засаду, стали ждать немецких связистов. Те прибыли с охраной: шесть автоматчиков. Уничтожили 8 фашистов. Забрали документы и оружие. Направились к Верее.

День четырнадцатый — 16 декабря. Минус 15, ветер сильный.

В километре от Верей три полицая и четвертый в стороне от них преследовали неизвестного человека без верхней одежды. Они в него стреляли, а он все бежал в лес. Трех полицаяев и четвертого, который оказался старостой, схватили. Выяснили, что преследовали они приговоренного к смерти партизана.

Фашистских прихвостней тут же, на месте, уничтожили, а партизану выдали немецкую одежду и отправили в лес. Он очень просился к нам в отряд, но неизвестных людей брать категорически запрещено.

День пятнадцатый — 17 декабря. Минус 25–30, снегопад, ветер умеренный, метель.

Вышли в Симбухово. Изрубили 300 метров кабельной связи врага.

День шестнадцатый — 18 декабря. Минус 24–27, ветер слабый, метель.

Прибыли в Назарьево. Ночью взорвали склад с боеприпасами и сожгли бензохранилище.

Всю ночь шли в Таширово.

День семнадцатый — 19 декабря. Минус 26–29, ветер северо-восточный, метель.

Колесим по лесу. Метель, даже маленькая, нас здорово выручает.

Встретили немецкий обоз в 50 подвод. Его сопровождали три танка и три бронетранспортера. В бой не вступили — не было возможности.

День восемнадцатый — 20 декабря. Минус 30–33, ветер умеренный, метель.

Мерзли сильно. В районе Дорохово — Шаликино пытались совершить железнодорожную диверсию. Не получилось: убили трех гитлеровцев, но подоспело подкрепление. Ушли в лес, заминировали за собой дорогу, ждали преследования. Фашисты очень скоро пытались догнать нас, но подорвались на минах и прекратили преследование.

По пути в Петрищево Федя Сафонов со своей группой захвата добыл “языка”, офицера штаба пехотной дивизии. От него узнали, что наши войска освободили Волоколамск и что разбиты полностью самые отборные гитлеровские армии под Москвой. Он все время повторял: “Гитлер капут! Гитлер капут!”

В Петрищево узнали о казни 29 ноября 1941 года партизанки “Тани”. Дали клятву мстить беспощадно за нашу юную разведчицу, за кровь многих тысяч ни в чем не повинных советских людей. Каждый рвался в бой.

День девятнадцатый — 21 декабря. Минус 27–30, снегопад, метель.

Утром все продрогли до костей, но на душе было радостно: сегодня день рождения товарища Сталина. Миша Задков говорит:

— Надо бы за здоровье Верховного и выпить...

Пришлось разрешить по двести граммов шнапса для обогрева и в знак уважения своего вождя. В бой не вступали.

День двадцатый — 22 декабря. Минус 25–27.

При переходе Колодкино — Петрищево в лесу встретили фашистский обоз. Атаковали внезапно. Убили 7 фашистов, двух взяли в плен. Заполучили десять подвод с продовольствием, боеприпасами, теплой одеждой и обувью.

День двадцать первый — 23 декабря. Минус 18–21, метель, ветер.

Совершили переход в Борисово. Произвели рекогносцировку местности. В бой не вступали.

День двадцать второй — 24 декабря. Минус 20–23, ночью — до 25.

При переходе к Верее встретили колонну автомашин с бочками бензина, они шли для заправки танков и бронетранспортеров. Все восемь автозаправщиков сожгли, сгорели и фашисты. Потерь нет. Отличились в бою Сафонов Федор, Задков Михаил, Грачев Иван, Правдин Виктор, Сосулькин Александр, Маркин Павел, Дубенский Богдан, Бахметьев Лев и другие. Красивый фейерверк устроили в лесу!..

День двадцать третий — 25 декабря. Минус 21–24, ветер слабый.

Вели рекогносцировку местности в районе Афанасьево. Откопали спрятанное продовольствие, отбитое у фашистов две недели назад. В бой не вступали.

День двадцать четвертый — 26 декабря. Минус 20–23, снегопад, ветер слабый, метель.

Вели разведку. В бой не вступали.

День двадцать пятый — 27 декабря. Минус 21–24.

Совершили переход в Шустиково. На дороге убили трех фашистов.

День двадцать шестой — 28 декабря. Минус 22–24, метель.

Вели разведку. В бой не вступали.

День двадцать седьмой — 29 декабря. Минус 21–23, ветер сильный.

Сожгли два бронетранспортера в лесу. При них одиннадцать фашистов — оказали сопротивление. Были уничтожены. Своих потерь нет.

День двадцать восьмой — 30 декабря. Минус 20–24, слабый снегопад, ветер слабый.

Немцы решили под Новый год помыться и попариться в бане. И мы решили поддать им жару. Баню взорвали, а выскочивших голых немцев перестреляли.

День двадцать девятый — 31 декабря. Минус 15–17, сильный снегопад, тихо.

Мы с комиссаром собрали весь личный состав и после завтрака подвели итоги за весь “наш” 1941-й год. Что мы как добровольцы, коммунисты и комсомольцы смогли сделать, как приблизили день Победы над врагом? Все подсчитали. И мы внесли вклад в разгром фашистских оккупантов. Но впереди еще тяжелые и опасные километры.

День тридцатый — 1 января 1942 года. Минус 23–25, во второй половине дня — сильный снегопад.

Вот уже месяц, как мы совершаем рейд по тылам фашистов. Утром мы вместе с комиссаром Анатолием Ермолаевым поздравили весь личный состав с Новым годом, с новым счастьем. Пожелали еще крепче бить фашистов, быть здоровыми и вернуться на Большую землю с победой!

Потерь в отряде по-прежнему нет. Хотя у половины изломались лыжи, маневренность отряда стала ниже. Несколько человек обморозили пальцы ног, рук... Принимаем меры защиты от мороза. По-прежнему в населенные пункты на ночлег не заходим — все ночи проводим в снежной “постели”.

День тридцать первый — 2 января. Минус 21–24, ночью — до 28.

Целый день находились в районе Колодкино и Крюково. Вели наблюдение за войсками противника, за их передвижением. Вечером взяли одного “языка”. Он сообщил, что прибыло подкрепление в зимней одежде и что командование отдало приказ перейти к обороне. Двинулись в Таширово.

День тридцать второй — 3 января. Минус 22, снегопад, ветер западный, слабый.

В Таширово много фашистов. Приближаться опасно. Послал разведку. Через час старшина Сафонов доложил, что немцы выставили КПП и проверяют всех, кто входит в село и выходит из него.

Взяли курс снова в Крюково. Двое разведчиков обморозили пальцы ног, пришлось оттирать снегом и бинтовать. Люди очень устали. Перегрузки страшные. Холод.

День тридцать третий — 4 января. Минус 18–20, ветер сильный.

У Крюково мы в декабре спрятали продовольствие после разгрома вражеского обоза, убили несколько лошадей и засыпали снегом — это был наш НЗ. Продукты, которые несли с собой, на исходе. Отыскали НЗ и устроили пир горой: конина, тушенка, шпик, даже сохранился шнапс для обогрева.

День тридцать четвертый — 5 января. Минус 16–23, сильная метель.

Прибыли снова к Верее, разведали подходы, захватили двух пьяных фашистов. Они показали, что в Верее прибыл полк СС для борьбы с партизанами: командующий группой “Центр” фельдмаршал фон Бок вызвал еще карательный батальон белофиннов из-под Ленинграда для более эффективной борьбы с партизанами.

День тридцать пятый — 6 января. Минус 20–23, слабый снегопад.

Встретили на дороге по пути в Афанасьево две немецкие повозки с грузом. Фашисты оказали сопротивление. Пятерых солдат и офицера уничтожили. Пошли к Вышгороду.

День тридцать шестой — 7 января. Минус 23–25, метель.

Боевых действий не предпринимали. Нашли запасы одежды, боеприпасы, взрывчатые вещества — то, что требовало пополнения.

День тридцать седьмой — 8 января. Минус 25–27, метель.

Разрушили телефонную линию связи противника, уничтожили две повозки. В завязавшейся перестрелке убито пять солдат и два офицера. Наших потерь нет.

День тридцать восьмой — 9 января. Минус 26–29, снегопад.

Из засады застрелили шестерых немецких солдат и офицера, патрулировавших на дороге.

День тридцать девятый — 10 января. Минус 22–25, метель.

Вели разведку. Пополнили боеприпасы и продовольствие. Подошли к Борисово.

День сороковой — 11 января. Минус 22–24, метель, ветер сильный.

Атаковали вражеский обоз в 100 подвод. Огнем из автоматов и винтовок убили 45 фашистов. Подожгли два фургона с боеприпасами. Наших потерь нет.

Впервые за весь рейд некоторым фашистам удалось бежать. Надо ожидать преследования.

День сорок первый — 12 января. Минус 21–24, снег, метель.

Вырезали два пролета кабельной связи, в другом месте разрушили линию связи на протяжении 600 метров. Убили трех немецких солдат и офицера. Заминировали несколько участков дороги.

Работать приходится все труднее. После диверсии ушли в лес. Подступы к лагерю заминировали, начали ужинать. В это время раздался взрыв — взорвались наши мины.

Сафонов с ребятами обнаружили два трупа гитлеровцев, остальные бежали.

Итак, за нами идут по следу. Но пока фашисты боятся входить глубже в лес.

Вечером направились в Ахматово. Переход трудный. У восьмидесяти процентов состава лыжи изломаны. Завтра возвращаемся на Большую землю. Потерь пока нет.

День сорок второй — 13 января. Минус 23–25, метель.

Встали рано — готовились к переходу через линию фронта. Я построил отряд, коротко поставил задачу — вырваться из тыла противника. В это время прибежал наблюдатель: немцы идут по лесу на лыжах.

Даю команду: “К бою!” Решили мы их подпустить на 50–60 метров и ударить прицельным залповым огнем. Разглядели карателей: отряд белофиннов и несколько немцев. Более десятка их подорвались сразу на минах, расставленных накануне. Залповым огнем уложили еще более трех десятков. Остальные бежали.

Наскоро собрав документы и оружие, мы поспешно стали отходить.

Не прошли и двух километров, как снова стали нас настигать карательные отряды фашистов. Опять бой. Уничтожили несколько

десятков врагов. Но было ясно: надо оставлять прикрытие и отходить — иначе весь отряд погибнет и пропадут все добытые нами сведения.

Комиссар отряда Анатолий Ермолаев, старшина Федор Сафонов, Федор Кувшинов, старший лейтенант Андрей Казанков добровольно решили прикрыть отряд. Мы распрощались у деревни Ахматово. Я передал им все патроны для пулеметов, автоматов, гранаты. Себе оставил лишь две гранаты и по одному магазину с патронами к автомату и пистолету.

Каждый понимал: прикрывать нас — значит пойти на верную смерть. Силы карателей превышали наши в десятки раз. Натренированные белофинны на лыжах чувствовали себя в лесу как дома. Наши же разведчики измучены и без лыж. Ни малого отдыха не могла нам дать обстановка, после которого мы снова могли бы успешно бить врага.

Мы отходили, а позади были слышны короткие очереди пулеметов, автоматная трескотня, взрывы гранат. Меня ранило в плечо, от потери крови мутилось сознание, но надо было собрать последние силы, сделать рывок и выводить отряд. Каратели бросились на горстку наших оставшихся товарищей.

День сорок третий — 14 января. Минус 21–23, снегопад, метель, ветер сильный.

Шли весь день и почти всю ночь. Измотались в доску. Питание кончилось, боеприпасы — по одной гранате, по 10–12 патронов. Я угодил в большую яму в лесу, она была засыпана снегом. Сам бы я не выбрался — сил не было. Хорошо, Миша Задков заметил. Он отстегнул ремень автомата, кинул один конец мне, и они вместе с Ваней Грачевым вытащили меня. Лежать бы мне в снежной могиле в прямом смысле слова.

Ночью в лесу заметили костры. Посмотрели по карте: эта территория занята гитлеровцами. Послали группу из трех человек разведать, что за люди. Оказалось, наши части заняли уже здесь оборону.

День сорок четвертый — 15 января 1942 года. Минус 20–23.

В три часа ночи нам разрешили подойти к кострам наших войск, а затем направили в штаб дивизии, армии и фронта.

Многие старшие военачальники в штабе фронта не поверили, что возможен был такой рейд. Но у нас были вещественные

доказательства: принесли полный вещмешок жетонов, снятых с убитых фашистов, мешок офицерских и солдатских документов, мешок советских и немецких денег, около 300 металлических и золотых наручных, карманных и других часов, вещмешок золотых и серебряных изделий, отобранных у гитлеровских захватчиков. Вот только после этого нам поверили.

Наши потери: погибли четверо отважных разведчиков и четверо были ранены в последнем бою. Смертью храбрых погибли: комиссар отряда Анатолий Ермолаев, начальник разведки отряда коммунист Андрей Казанков, заместитель командира отряда по военной разведке комсомолец старшина Федор Сафонов, командир взвода пиротехников коммунист старшина Федор Кувшинов».

Необходимо добавить, что все перечисленные в отчете Михаила Филоненко погибшие впоследствии были перезахоронены со всеми воинскими почестями в Москве, рядом с Героями Советского Союза В. В. Талалихиным и Л. В. Доватором.

Рейд отряда «Москва» оказался наиболее результативным по сравнению с рейдами других разведывательно-диверсионных отрядов ОМСБОН, совершенными зимой 1941/42 года. Командир отряда старший лейтенант госбезопасности Михаил Филоненко получил из рук генерала армии Жукова орден Красного Знамени.

В августе 1941 года руководство Особой группы при наркомне НКВД СССР принимало самое непосредственное участие в разработке штатов и положения о Четвертых отделах республиканских и областных НКВД — УНКВД, в задачу которых входили формирование и организация боевой деятельности диверсионных и разведывательных групп, истребительных батальонов, партизанских отрядов.

В качестве примера приведем одно из указаний начальника Особой группы П. А. Судоплатова о характере разведывательной информации, представляемой в Центр, которое было направлено 17 сентября 1941 года управлениям НКВД Украины:

«Обратить особое внимание на получение сведений о мастерских, восстанавливаемых заводах, аэродромах, телеграфно-телефонных линиях, о военных сооружениях, как о строительстве новых укреплений, так и о работах, проводимых немцами с занятыми ими нашими укреплениями, разрушают ли немцы укрепления или

приспосабливают их для боя, каким образом. Данные, получаемые вами по затронутым выше вопросам, срочно сообщайте нам».

Одновременно следует подчеркнуть, что вся военно-стратегическая информация, получаемая Особой группой, незамедлительно направлялась в Генеральный штаб РККА.

С первых дней Великой Отечественной войны видная советская разведчица, капитан госбезопасности Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина была прикомандирована к Особой группе генерала Судоплатова и принимала участие в создании и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, работавшей, кстати, под необычным прикрытием (операция «Послушники»).

Вот как об этом Зоя Ивановна вспоминала в своих мемуарах:

«Я узнала, что в военкомат обратился епископ Василий, в миру — Василий Михайлович Ратмиров, с просьбой направить его на фронт, чтобы “послужить Отечеству и защитить от фашистских супостатов православную церковь”.

Я пригласила епископа к себе на квартиру. Беседовали несколько часов. Василий Михайлович рассказал, что ему 54 года. Сразу же после начала войны он был назначен Житомирским епископом. Но Житомир вскоре был занят немецкими оккупантами, и тогда его назначили епископом в Калинин. Он рвался на фронт и потому обратился в райвоенкомат.

Я спросила его, не согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он “прикроет” их своим саном. Василий Михайлович подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением войсковых частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов.

Епископ согласился:

— Если это дело серьезное, я готов служить Отчизне.

— В качестве кого вы сможете их “прикрыть”?

— В качестве моих помощников. Но для этого им надо основательно подготовиться.

Мы договорились, что я доложу руководству и на следующий день встретимся.

Руководителем группы назначили сотрудника внешней разведки капитана госбезопасности Василия Михайловича Иванова (оперативный псевдоним — “Васько”). Вторым членом группы стал Иван Васильевич Куликов (оперативный псевдоним — “Михась”), 22-летний выпускник авиационного училища, являвшийся с начала войны сержантом госбезопасности истребительного батальона войск НКВД.

Владыка Василий каждый день у меня на квартире обучал их богослужению: молитвы, обряды, порядок облачения. Группа сложилась дружная, удачная. 18 августа 1941 года ее направили в прифронтной Калинин. Службу они начали в Покровской церкви Пресвятой Богородицы, но 14 октября вражеская авиация разбомбила ту церковь, и епископ со своими помощниками перешли в городской собор».

Вскоре немцы заняли Калинин. Владыка Василий обратился к бургомистру с просьбой взять его и помощников на довольствие. Через переводчицу владыка объяснил местному фюреру, что при советской власти был посажен в тюрьму и отбывал наказание на Севере. Он подчеркнул, что его главной заботой является духовная жизнь паствы, ею он крайне озабочен, к этому обязывает его высокий духовный сан.

Молва о владыке Василии, столь ревностно пекущемся о своих прихожанах, быстро распространилась в городе. Жители потянулись к собору. А молодые, статные и красивые, отличавшиеся скромностью и строгостью нравов помощники владыки завоевывали симпатии людей, в особенности девушек.

Разведгруппа оперативно выполняла задания Центра. Разведчики налаживали связи с населением, выявляли пособников оккупантов, собирали материалы о численности и расположении немецких штабов, складов и баз с военным имуществом, вели учет прибывающих пополнений. Собранные сведения немедленно передавались в Центр через заброшенную к ним радистку-шифровальщицу Любовь Бажанову (оперативный псевдоним — «Марта»).

Город находился в руках оккупантов два месяца. После его освобождения к нашему командованию посыпались заявления о «подозрительном» поведении епископа и его служек. СМЕРШ был готов арестовать группу, но Москва приказала взять ее под охрану. И все-таки однажды, когда епископ выходил из собора, откуда-то появившийся милиционер схватил его за руку и, скомандовав: «Пошли

в НКВД», увел его. «Васько» и «Михась» последовали за владыкой. Дежурному по НКВД милиционер заявил, что привел «попов, продавшихся немцам». Неизвестно, чем бы все закончилось, если бы в дело не вмешался заместитель начальника местного управления НКВД Крашенинников — единственный, кто знал о группе «Васько».

Результаты работы разведгруппы были убедительными. Кроме переданных в Центр шифрованных радиодонесений «Васько» и «Михась» выявили две резидентуры и более тридцати агентов, оставленных гестапо в тылу советских войск, составили подробное описание тайных складов оружия.

Патриотический подвиг епископа Василия Ратмирова был высоко оценен. За то, что он проявил мужество и не бросил в трудный час свою паству, решением Синода он был рукоположен в высокий церковный сан архиепископа. Позже по указанию патриарха Алексия владыка Василий был назначен архиепископом Смоленским. От советской разведки Василий Михайлович получил в знак благодарности золотые часы. «Васько», «Михась» и радистка «Марта» были награждены орденами «Знак Почета» и медалями «Партизану Отечественной войны» I степени.

Работая в Особой группе, Воскресенская-Рыбкина стала также одним из создателей первого партизанского отряда, действовавшего в тылу врага.

Первоначально в отряд входили всего четыре человека, которых подбирала и инструктировала сама Зоя Ивановна.

Командиром отряда был назначен Никифор Захарович Каляда — кадровый военный, воевавший с немцами еще в Первую мировую войну. Бывший партизан на Украине, он в 1920-е годы являлся заместителем командующего армией на Дальнем Востоке.

Начальником штаба еще не существовавшего отряда назначили Леонида Васильевича Громова — бывшего начальника геологической экспедиции на острове Врангеля.

В группу были также включены: в качестве специалиста-механика — Самуил Абрамович Вильман, который до войны был резидентом нелегальной резидентуры в Монголии под «крышей» владельца частной авторемонтной мастерской, и лейтенант запаса Константин Павлович Молчанов, как специалист-оружейник.

В задачу группы Каляды входило создание партизанского отряда из местных жителей Вельского, Пречистенского и Батуринаского районов Смоленской области.

8 июля 1941 года группа, официально именовавшаяся отрядом № 1, на грузовой автомашине выехала в северный лесной массив по направлению Москва — Смоленск — Витебск.

Вскоре в отряде было уже более ста человек из десяти районов Смоленской области. В лесу Каляда отпустил бороду, за что партизаны прозвали его Батей. Из истории Великой Отечественной войны хорошо известно легендарное партизанское соединение Бати, которое уже в 1941–1942 годах практически восстановило советскую власть в районе треугольника Смоленск — Витебск — Орша.

Приведенные выше примеры боевой и оперативной деятельности Особой группы НКВД на начальном этапе Великой Отечественной войны, как нам представляется, наглядно свидетельствуют о качественной работе ее руководителей и сотрудников по выполнению задач, поставленных перед органами государственной безопасности руководством страны.

Операция по дезинформации противника

В самом начале Великой Отечественной войны Павлу Судоплатову по распоряжению Берии пришлось принимать непосредственное участие в секретной операции по распространению дезинформации среди дипломатического корпуса в Москве.

Суть операции сводилась к следующему: довести до представителей германского руководства дезинформацию о том, что советская сторона готова начать с немцами мирные переговоры на основе некоторых территориальных уступок, что Германии планируется передать Прибалтику, часть Украины, Бессарабию, Буковину и Карельский перешеек; в случае же немецких претензий на дополнительные территории советское руководство готово пойти на переговоры.

Цель подобной дезинформации — выиграть время для концентрации сил и мобилизации имеющихся резервов. «Для нас, знавших о существовании у немцев проблем со снабжением армии, — отмечал позже Павел Анатольевич, — директива Сталина стоять до конца в 1941 и 1942 годах и любой ценой остановить врага казалась естественной и разумной».

Действовать было решено через болгарского посла в СССР Ивана Стаменова (1893–1976), имевшего выходы на руководство Германии. Остановимся на этом эпизоде, свидетельствующем о деятельности Судоплатова в период Великой Отечественной войны, более подробно.

Стаменов в 1940–1944 годах являлся Чрезвычайным и Полномочным Послом Болгарии в Москве, его жена работала в Институте биохимии Академии наук СССР. Он симпатизировал Советскому Союзу, в частности, был убежден в необходимости прочного союза между Болгарией и СССР и рассматривал нашу страну как единственного гаранта защиты болгарских интересов на Балканах и в европейской политике в целом.

Надо отметить, что контакты Судоплатова со Стаменовым в Москве были официальными, но продуктивными. От болгарского дипломата, учитывая положение его страны — члена прогитлеровской коалиции, поступала достаточно важная политическая информация.

Остановимся на некоторых событиях, связанных с начальным периодом Великой Отечественной войны. Павел Судоплатов был самым непосредственным образом связан с этими событиями, и в дальнейшем они имели для него фатальные последствия.

Ни для кого не секрет, что историки, публицисты, политические и военные мемуаристы по-разному освещают первые дни войны. Особый интерес для исследователей представляют реакция на начало войны и поведение в сложившейся ситуации государственно-политического руководства Советского Союза, и, естественно, в первую очередь И. В. Сталина. Причем в годы, последовавшие за развалом СССР, а подчас и значительно позже, имела место непозволительно свободная, а иногда и просто безответственная трактовка конкретных исторических обстоятельств. В частности, утверждалось, что после нападения Германии на СССР Сталин несколько дней находился в состоянии шока, впал в протрацию, уединился на даче и никого не принимал. Отсюда делается вывод: глава партии и государства в столь ответственный момент бросил народ и страну на произвол судьбы.

К сожалению, повод для столь сенсационного «открытия» дал Н. С. Хрущев. В его мемуарах, впервые опубликованных в Советском Союзе в журнале «Вопросы истории» (1990. № 9), приводятся следующие слова: «Война началась. Но каких-нибудь заявлений Советского правительства или же лично Сталина пока не было... Сейчас-то я знаю, почему Сталин тогда не выступил. Он был совершенно парализован в своих действиях и не собрался с мыслями... Он находился в состоянии шока».

Удивляет элементарная неосведомленность или же целенаправленная «забывчивость» Хрущева.

Во-первых, большинству людей у нас в стране и за рубежом хорошо известно, что 22 июня 1941 года в 12 часов 15 минут по московскому времени по советскому радио выступил с заявлением о нападении Германии на Советский Союз заместитель председателя Совета народных комиссаров, народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов.

Во-вторых, о стремлении Хрущева ввести в заблуждение читателей своих мемуаров говорит и тот факт, что такому крупному партийному и государственному деятелю, каким был Никита

Сергеевич, занимавший в тот период должность первого секретаря ЦК КП(б) Украины, должно было быть достоверно известно, что Сталин после объявления войны находился в своем рабочем кабинете и руководил страной. Ведь Хрущев, как высший партийный функционер на Украине, где происходили ожесточенные приграничные бои с немцами, просто был обязан докладывать Сталину о состоянии дел хотя бы по его служебному телефону.

Кроме того, об активной работе Сталина с первых минут войны свидетельствуют неоднократно публиковавшиеся в открытой печати записи в журнале посетителей его кабинета, сделанные дежурными секретарями за период с 21 по 28 июня 1941 года. Так, 21 июня с 18.27 до 23.00 он принял 13 человек. Берия и Ворошилов находились в кабинете Сталина с 19.05 до 23 часов, Молотов не покидал кабинет Сталина с 18.23 до 23 часов.

22 июня, в первый день войны, Сталин с 5.45 до 16.45 принял 29 человек, среди которых было практически все руководство СССР, а также политические, военные и хозяйственные деятели государства. В частности, в тот день у Сталина побывали Молотов, Берия, нарком обороны маршал Тимошенко, Жуков, Ворошилов, Микоян, Маленков, нарком ВМФ адмирал Кузнецов, начальник Генерального штаба Красной армии маршал Шапошников, начальник Оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал Ватутин, начальник Главного артиллерийского управления Красной армии маршал Кулик, начальник Главного управления ВВС маршал авиации Жигарев, начальник мобилизационно-планового отдела Комитета обороны при СНК СССР Сафронов и другие.

23 июня в 3.20 в рабочий кабинет Сталина вошли Молотов и Ворошилов, через пять минут — Берия, еще через пять минут — Тимошенко. Всего был принят 21 посетитель. Последний вышел в 1.25, то есть уже 24 июня.

В дальнейшем картина повторялась: 24 июня Сталин принял 20 человек, 25 июня — 29, 26 июня — 28, 27 июня — 30 и 28 июня — 21 человека. Как правило, совещания продолжались до глубокой ночи.

Эти факты полностью опровергают вымыслы, что в первые часы войны руководитель Советского государства был растерян и деморализован.

Не удержался от соблазна и ныне покойный бывший генерал-полковник, доктор исторических и философских наук Д. А. Волкогонов. В декабре 1992 года он был научным комментатором фильма «Монстр», в котором речь шла о жизни и деятельности И. В. Сталина. Критически настроенный к генералиссимусу Дмитрий Антонович заявил, что Сталин впал в прострацию, только не в первые часы и дни после агрессии Германии, а после того, как ему стало известно о падении 28 июня 1941 года города Минска. По словам научного комментатора, узнав об этом, Сталин учинил разгон высшему командованию Красной армии, после чего уединился на своей даче под Москвой, не желая никого видеть.

Конечно, можно предположить, что Хрущев, отсутствовавший в Москве в тот период, просто не был осведомлен о существовании в приемной Сталина журнала посетителей, о котором говорилось выше.

Что касается Волкогонова, то, будучи допущен, как он утверждал, в архивные фонды Президента РФ, он, вероятнее всего, ознакомился с журналом посетителей Сталина (кстати, указанные записи были опубликованы в журнале «Известия ЦК КПСС» за июнь 1990 года), но все же предпочел поддержать голословные заявления Хрущева. Только несколько сдвинул события по времени.

Чем же занимался И. В. Сталин в эти два дня? Многочисленные соратники, в частности Молотов и Каганович, свидетельствуют: активно работал. Именно в это время им были подготовлены Директива Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром фашистских захватчиков от 29 июня 1941 года и Постановление Президиума Верховного Совета СССР, СНК СССР и ЦК ВКП(б) об образовании Государственного Комитета Обороны от 30 июня 1941 года.

В эти же дни он готовил текст выступления по радио 3 июля 1941 года. Причем, по мнению специалистов, содержание директивы и текста выступления свидетельствует, что они были написаны лично Сталиным. Поэтому утверждения Волкогонова, что Сталин находился в прострации, мягко говоря, не соответствуют действительности.

Увлечшись развенчанием Сталина, Волкогонов в своих телевизионных комментариях приписал ему и предательские намерения в отношении Советского государства и его народа. В

частности, генерал утверждал, что Сталин вынашивал замыслы капитулировать перед Германией. Данное заявление Волкогонов подкрепил якобы имевшим место приглашением, по указанию Сталина, в Кремль болгарского посла Стаменова, которого Верховный главнокомандующий Вооруженными силами СССР просил связаться с Гитлером и довести до его сведения, что Советский Союз согласен на любые условия капитуляции и значительные территориальные уступки. И только лишь отказ болгарина выполнить просьбу Сталина спас нашу страну от реализации коварных планов вождя по заключению «нового Брестского мира». Правда, и в данном случае Волкогонов не сообщил об источнике этой сенсационной информации. Однако данный факт стал фигурировать в отдельных публикациях, научных статьях и трудах на историческую тематику других авторов.

Откуда же появилась июльская версия сталинского «покушения на предательство» и почему мы об этом говорим в контексте рассказа о деятельности генерала Судоплатова?

Однозначный и аргументированный ответ клеветникам дает в своих мемуарах, увидевших свет в Москве в сентябре 1996 года, сам руководитель 4-го управления НКГБ — НКВД СССР генерал Судоплатов. Он подробно рассказывает о том, что в конце июля 1941 года советское руководство в лице Сталина, Молотова и Берии вынашивало план дезинформации немцев с использованием возможностей болгарского посла в Москве Ивана Стаменова.

Этому предшествовали следующие обстоятельства.

К концу июля 1941 года на советско-германском фронте сложилась сложная для обеих сторон обстановка.

Трагическое поражение Красной армии в Белоруссии и на Украине было для вермахта лишь тактическим успехом. Перед немцами стояла перспектива затяжной войны, для победы в которой у них не было необходимых ресурсов. В частности, у немцев возникли серьезные проблемы со снабжением армии.

В это же время в изнурительных боях под Смоленском была остановлена танковая армия генерала Гудериана, которая понесла тяжелые потери. В германском верховном командовании росло разочарование, вызванное недостаточно быстрыми темпами продвижения немецких войск. Об этом, в частности, сообщал в конце июля 1941 года надежный агент НКВД Арвид Харнак («Корсиканец»).

Одновременно руководство разведки информировало Сталина и Молотова о том, что в германских высших дипломатических кругах высказывается мнение о возможном развитии событий на советско-германском фронте, когда необходимо будет отдать предпочтение урегулированию отношений между Германией и Советским Союзом на основе взаимных уступок. Об этом сообщил первому секретарю советского посольства в Берлине Валентину Бережкову и резиденту НКВД СССР Амаяку Кобулову, вернувшемуся из Берлина после нападения Германии на СССР, барон Ботман, сопровождавший поезд с советскими дипломатами, высланными из Германии.

Проанализировав предоставленные разведкой материалы, Сталин и Молотов решили начать операцию по дезинформации противника, для реализации которой и был привлечен Иван Стаменов.

Как писал в своих мемуарах Судоплатов, 25 июля 1941 года его вызвал Берия и приказал встретиться со Стаменовым. В ходе беседы с послом Судоплатов должен был довести до его сведения, что в дипломатических кругах Москвы якобы циркулируют слухи о возможном мирном урегулировании советско-германской войны на основе взаимных уступок. При этом Берия с ведома Молотова категорически запретил Судоплатову обращаться к послу с просьбой довести эти сведения до болгарского руководства, так как тот мог догадаться, что участвует в дезинформационной операции. Предполагалось, что Стаменов по собственной инициативе расскажет обо всем болгарскому царю Борису, который, будучи тесно связан с немцами, в свою очередь, передаст информацию заинтересованным лицам.

Однажды, находясь в кабинете Берии, Судоплатов стал свидетелем его телефонного разговора с Молотовым. Последний одобрил предстоящую встречу, но категорически запретил Берии самому встречаться со Стаменовым, заявив, что Сталин приказал провести встречу с болгаринном известному ему работнику среднего звена, «чтобы не придавать предстоящему разговору чересчур большого значения в глазах иностранца».

Судоплатов дважды встретился со Стаменовым и, точно придерживаясь инструкции, выполнил указания Берии. Однако, как выяснилось позже, Стаменов не проявил ожидаемой инициативы и не стал сообщать в Софию о беседе с Судоплатовым, так как был твердо

убежден, что Советский Союз в конечном счете одержит победу над Германией.

Так и закончилась в конце июля — начале августа 1941 года вся эта история. Однако тогда никто не мог предположить, что спустя годы она будет иметь трагическое продолжение. В 1953 году, после ареста Берии, а затем и Судоплатова, следователи обвинили Берию в том, что он пытался начать переговоры с Гитлером о сепаратном мире за спиной советского руководства, а Судоплатова — в реализации намерений Берии.

На следствии в августе 1953 года Берия показал, что беседа со Стаменовым была санкционирована Сталиным и Молотовым. Однако эти разъяснения не остановили Н. С. Хрущева: зная истинную подоплеку этой истории, он в своих мемуарах все же решил придерживаться версии, что действия Берии были обусловлены паникой и страхом Сталина.

В одной из последних работ известный российский историк Александр Широкоград подчеркивал: «У нас в течение 25 лет центральное телевидение и другие СМИ ежедневно шельмуют Сталина... Уже полвека русофобы всех мастей утверждают, что Сталин приносил только вред Красной армии в 1941–1945 годах...

К концу Великой Отечественной войны все лидеры союзных государств — Черчилль, Рузвельт, де Голль — высоко оценивали роль Сталина в войне, сквозь зубы им восхищались и ставили в пример Гитлер и Геббельс. Весь мир знает сказанное Черчиллем уже после смерти Иосифа Виссарионовича: “Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой”. Замечу, что к 5 марта 1953 года заканчивалась подготовка к испытанию водородной бомбы (к чему приложило немало усилий подразделение, возглавляемое в то время П. А. Судоплатовым, и о чем речь пойдет дальше. — *В. А.*), взорванной через 4 месяца после смерти вождя, и велись полномасштабные работы над ракетой Р-7, с помощью которой был запущен в космос Юрий Гагарин, а ее модернизации до сих пор запускают все отечественные пилотируемые корабли».

О последствиях непосредственно для Павла Судоплатова операции с привлечением Ивана Стаменова мы подробно расскажем в одной из следующих глав.

Второй отдел НКВД СССР

Затяжной характер войны, оккупация немецко-фашистскими захватчиками большинства стран Европы, в том числе значительной территории европейской части СССР, потребовали от советских органов государственной безопасности более масштабных разведывательных и контрразведывательных мероприятий, а также развертывания диверсионной работы за линией фронта. В связи с этим 3 октября 1941 года вместо Особой группы при наркоме внутренних дел СССР был создан самостоятельный 2-й отдел НКВД СССР. Возглавивший его П. А. Судоплатов по-прежнему продолжал одновременно оставаться заместителем начальника внешней разведки.

«Приказ НКВД СССР № 001435

об организации 2-го отдела НКВД СССР

3 октября 1941 г.

1. Для выполнения специальных оперативных задач сформировать 2-й отдел НКВД СССР с непосредственным подчинением народному комиссару внутренних дел СССР.

2. Назначить начальником 2-го отдела НКВД СССР заместителя начальника 1-го Управления НКВД СССР старшего майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А.

3. Назначить заместителем начальника 2-го отдела НКВД СССР старшего майора государственной безопасности тов. Мельникова Н. Д. [\[12\]](#)

4. Гласные и негласные штаты 2-го отдела НКВД СССР и расстановку личного состава утвердить.

Начальнику 2-го отдела НКВД СССР тов. Судоплатову немедленно приступить к организации работы отдела в соответствии с моими указаниями.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР

Л. Берия».

2-й отдел НКВД СССР состоял из 16 отделений, из них 14 являлись оперативными региональными отделениями, в задачу которых входила организация разведывательно-диверсионной работы за кордоном в районах, непосредственно примыкающих к театру

военных действий, а также в районах возможного нападения противника (Япония, Турция и т. д.).

Для организации активного противодействия подрывной деятельности спецслужб фашистской Германии на советско-германском фронте 10 ноября 1941 года в составе 2-го отдела НКВД СССР было образовано прифронтовое отделение. Это позволило лучше скоординировать зафронтовую работу с Четвертыми отделами, организованными в августе 1941 года в ряде республиканских и областных НКВД — УНКВД для руководства оперативной и боевой деятельностью партизанских отрядов и разведывательно-диверсионных групп в тылу врага.

В октябре — ноябре 1941 года, когда тяжелое положение сложилось непосредственно под Москвой в результате широкого наступления немцев, которые сосредоточили здесь более 50 дивизий, включая 13 танковых, а ресурсы защитников были на исходе, крайне важно было перекрыть наступающим подходы к столице. В «Очерках истории российской внешней разведки» об этом периоде рассказывается:

«На выполнение заградительных работ был брошен сводный отряд ОМСБОНа — боевого спецназа 2-го отдела НКВД СССР. Бойцы отряда минировали шоссейные и грунтовые дороги в районах Можайска, Волоколамска, Каширы, на Ленинградском шоссе в районе Химок и канала Москва — Волга, по реке Сетунь и близ Переделкино, западнее Чертаново на Киевском шоссе, на Пятницком, Рогачевском, Дмитровском шоссе. С 23 октября по 2 ноября 1941 года они установили более 11 тысяч противотанковых и 7 тысяч противопехотных мин, более 160 мощных фугасов, подготовили к взрывам 19 мостов и 2 трубопровода.

Сводный отряд ОМСБОН участвовал в параде на Красной площади 7 ноября 1941 года, после чего двинулся к фронту. В период с 27 ноября по 27 декабря 1941 года, в разгар боев под Москвой, бойцы отряда сумели уничтожить 30 немецких танков, 20 бронемашин, 68 грузовых машин, нанести противнику большие потери в живой силе и технике».

Вторым основным направлением работы 2-го отдела НКВД СССР в тот период являлась подготовка подпольных окружных комитетов в населенных пунктах Московской области на случай оккупации. Из

этих населенных пунктов срочно эвакуировались предприятия и правительственные учреждения.

Одновременно нарком НКВД СССР приказал организовать разведывательную сеть в Москве на случай захвата ее немцами. В соответствии с этим приказом ряд офицеров госбезопасности был переведен на нелегальное положение для руководства сетью агентов-диверсантов и разведчиков в случае оккупации столицы. Подготовка шла в условиях глубокой секретности. Оперативные работники получили документы с вымышленными биографическими данными, поселились на конспиративных квартирах, где находились запасы оружия, взрывчатки, продуктов.

В Москве были созданы три независимые друг от друга разведывательные сети. Одной руководил майор госбезопасности Дроздов, незадолго до этого прибывший в столицу с Украины. В целях конспирации его сделали заместителем начальника аптечного управления Москвы. В случае занятия города противником он должен был поставлять лекарства немецкому командованию и войти к нему в доверие. Второй агентурной сетью должны были руководить Маклярский и Масся. Третья автономная группа должна была уничтожить Гитлера и его окружение, если они появятся в Москве.

Как отмечалось в докладной записке заместителя начальника УНКВД по Москве и Московской области майора госбезопасности А. В. Петрова в НКВД СССР, «в агентурно-осведомительную сеть на 3 ноября 1941 года входило 676 человек. Из них: по городу Москве — 553 человека и по Московской области — 123 человека.

Из общего количества оставшейся агентурно-осведомительной сети озадачены:

- а) по сбору разведывательных сведений — 241 человек;
- б) по совершению диверсионных актов — 201 человек;
- в) по совершению террористических актов — 81 человек;
- г) по распространению провокационных слухов и листовок — 153 человека.

Вся агентурно-осведомительная сеть проинструктирована на самостоятельные действия в случае потери связи.

Оперсостав, переведенный на нелегальное положение, и часть агентуры обеспечены запасом продовольствия на 2–3 месяца.

Для осуществления связи с оперативным составом и агентурно-осведомительной сетью установлены пароли».

В ноябре 1941 года танки Гудериана вплотную подошли к Москве. Началась эвакуация правительственных учреждений в Куйбышев. В столице было введено осадное положение.

Известный московский журналист и публицист Леонид Репин писал: «Эвакуировалось более 500 заводов и фабрик, более миллиона человек в считанные дни покинули город. Заминированы фабрики, на крышах зданий установлены зенитные орудия, в подвалах домов оборудованы пулеметные гнезда. Военные заводы не переставали работать — делали самолеты, оружие, снаряды. Улицы оцетинились противотанковыми ежами. Да, Москва обезлюдела, но сдаваться не собиралась».

Захватчики уже готовились вступить в город. Для поднятия духа в германских войсках были отпечатаны и вовсю раздавались приглашения на участие в триумфальном параде на Красной площади, принимать который должен был сам Гитлер. Министр пропаганды Германии Геббельс направил в Подмосковье транспортный самолет с журналистами и операторами кинохроники, чтобы увековечить победное вступление гитлеровцев в Москву. В это же время в Подмосковье из Германии прибыл эшелон, груженный красным гранитом, из которого предполагалось соорудить памятник победы. (Поспешили, как оказалось. После войны этим гранитом были облицованы первые этажи нескольких домов в столице, в одном из которых некоторое время довелось жить автору книги.)

Советский народ готовился к решающему сражению. Одновременно руководство страны распорядилось готовить диверсионное подполье, чтобы продолжать борьбу даже в захваченной врагом Москве.

Отдел Судоплатова получил приказ: заминировать объекты на подступах к городу и в самой Москве; подготовить разведывательную сеть для работы в условиях оккупации; разработать детальный план ликвидации Гитлера.

Чекисты приступили к подготовке и реализации диверсионного плана на случай взятия города гитлеровскими войсками. Где Гитлер и другие нацистские бонзы могут устроить торжества по случаю падения советской столицы? Либо в Кремле, либо в Большом театре.

Значит, рассудили в ведомстве Берии, надо готовить взрывы этих объектов. При этом в НКВД исходили из того, что Гитлер и другие руководители Третьего рейха, прежде чем реализовать угрозу «сровнять Москву с землей», непременно примут личное участие в намеченных торжественных мероприятиях.

Сотрудникам Особой группы, а к тому времени — 2-го отдела НКВД СССР, предстояло вести тайную войну уже на своей земле.

В самом центре этих оперативных приготовлений оказалась Анна Камаева. В 1939 году она окончила Школу особого назначения (ШОН) и была зачислена в центральный аппарат внешней разведки органов госбезопасности, вела оперативные дела разведчиков-нелегалов, действовавших в Европе. С первых дней войны была включена в состав Особой группы, подчинявшейся непосредственно наркому внутренних дел Берии.

Практической боевой подготовкой чекистов руководил старший майор госбезопасности Яков Серебрянский. В условиях абсолютной секретности создавались диверсионные группы. Часть разведчиков и контрразведчиков перешла на нелегальное положение непосредственно в Москве. Сотрудники госбезопасности минировали малоизвестные штольни и подземные тоннели глубокого залегания в центральной части города, израсходовав для этого несколько вагонов взрывчатки. Мины были заложены в Кремле и под Большим театром. Одного нажатия кнопки минером из НКВД было достаточно, чтобы за несколько секунд превратить эти московские достопримечательности в груды щебня.

Сотрудники внешней разведки и 2-го отдела НКВД СССР разместили в Москве ряд подпольных радиостанций, которые позволили бы поддерживать постоянную связь с Куйбышевым (Самарой), куда эвакуировались правительственные учреждения. Одна из таких радиостанций была размещена в подвале строившегося тогда Театра кукол Сергея Образцова.

Анне Камаевой по личному указанию Берии отводилась ключевая роль — осуществить покушение на самого Гитлера. Отрабатывались различные варианты выполнения задания, однако все они однозначно показывали, что шансов уцелеть у разведчицы не было. Давая такое задание, глава НКВД посылал девушку на верную смерть, но зато был уверен — Камаева приказ выполнит.

К счастью для девушки, этот план так и остался на бумаге. Москва выстояла под натиском вермахта. Войскам Западного фронта под командованием генерала армии Жукова удалось остановить, а затем отбросить гитлеровских захватчиков на несколько сотен километров от столицы.

Из сообщения Совинформбюро о провале немецкого плана окружения и взятия Москвы 11 декабря 1941 года:

«С 16 ноября 1941 года германские войска, развернув против Западного фронта 13 танковых, 33 пехотных и 5 мотопехотных дивизий, начали второе генеральное наступление на Москву.

Противник имел целью путем охвата и одновременного глубокого обхода флангов фронта выйти нам в тыл и окружить и занять Москву. Он имел задачу занять Тулу, Каширу, Рязань и Коломну на юге, далее занять Клин, Солнечногорск, Рогачев, Яхрому, Дмитров на севере и потом ударить на Москву с трех сторон и занять ее...

6 декабря 1941 года войска нашего Западного фронта, измотав противника в предшествующих боях, перешли в контрнаступление против его ударных фланговых группировок. В результате начатого наступления обе эти группировки разбиты и поспешно отходят, бросая технику, вооружение и неся огромные потери...»

«“Тайфун”, так называлась операция по захвату Москвы, у ее стен рухнул и осыпался, — писал Леонид Репин. — Немецкие генералы перед фюрером оправдывались: снега, морозы, русское бездорожье... И сейчас нет-нет да и некоторые историки ссылаются на нашу зиму, сковавшую мощь вермахта, только не там они копают. Нет, не морозом, а силой духа и оружия Москва опрокинула врага. Не успел он отдышаться, как наши войска перешли в контрнаступление, которому суждено было стать поворотным моментом в истории Великой Отечественной войны».

В битве за Москву Анна Камаева снова оказалась в самой гуще событий. В составе разведывательно-диверсионной группы ее забросили в тыл немецких войск в Подмосковье для проведения диверсионных операций. Анна была радистом группы.

Как отмечалось в рапорте командира ОМСБОН полковника Гриднева, «Камаева принимала непосредственное участие в проведении специальных крупномасштабных диверсионных акций против немецко-фашистских войск на ближних подступах к Москве».

В январе 1942 года Анна Камаева была приглашена в штаб командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова для получения награды. В приемной она встретила и познакомилась со своим будущим мужем Михаилом Филоненко. Там он находился, чтобы получить из рук полководца орден за руководство разведывательно-диверсионным отрядом «Москва», совершившим беспрецедентный по своей дерзости рейд по тылам врага в Подмосковье.

После войны молодые люди поженились и длительное время активно работали за рубежом с нелегальных позиций.

В первые месяцы Великой Отечественной войны в битве под Москвой отличились истребительные отряды Особой группы при наркомне НКВД, преобразованные в октябре 1941 года в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения НКВД СССР. Действуя на основных оперативных направлениях, перекрывавших подходы к столице, разрушая коммуникации и дезорганизовывая вражеский тыл, они активно способствовали тому, что немецкие войска уже в ноябре 1941 года утратили свои наступательные возможности.

Бойцы истребительных отрядов, сформированных в первую очередь для ведения диверсионно-разведывательной работы в тылу врага на оккупированной немцами советской территории, в самые тяжелые дни битвы за Москву были брошены в открытый бой с противником. И слова политрука Клочкова «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» стали призывом к действию и для воинов-чекистов.

Одним из ярких примеров активного участия сотрудников госбезопасности в обороне Москвы явилась операция по уничтожению штаба 12-го армейского корпуса вермахта, расположившегося в небольшом районном центре Московской области Угодский Завод (родина четырежды Героя Советского Союза Г. К. Жукова, ныне — поселок Жуково). И не случайно эта операция вписана золотыми буквами в историю подвигов чекистов в период Великой Отечественной войны. К тому же трое из четырех командиров диверсионных отрядов, участвовавших в операции на Угодском Заводе, после войны стали кадровыми сотрудниками советской внешней разведки.

Проведению данной операции предшествовали следующие обстоятельства. 12 октября Государственный Комитет Обороны принял решение о строительстве непосредственно в районе столицы оборонительной линии. В городе она проходила по Окружной железной дороге. События принимали все более напряженный характер. 14 октября пал Калинин, 18 октября были оставлены Можайск и Таруса... 19 октября постановлением ГКО в Москве и прилегающих к городу районах было введено осадное положение. Воины-чекисты приступили к минированию всех магистралей, ведущих с запада к столице. На заложенных минах подорвались многие танки и автомашины с живой силой противника, что серьезно сказалось на темпах наступления немецких войск.

С 15 ноября руководство НКВД начало заброску в оккупированные противником районы Московской области диверсионных отрядов. Их задачи сводились к следующему: истребление живой силы и уничтожение материально-технических средств врага; диверсионные действия на коммуникациях и базах противника; разрушение телефонных и телеграфных линий связи; активное ведение разведки.

Вскоре руководству НКВД стало известно от одного из разведывательно-диверсионных отрядов, действовавших в Угодско-Заводском районе, что в населенном пункте Угодский Завод разместились штаб 12-го немецкого армейского корпуса и около двух тысяч немецких солдат и офицеров с вооружением и техникой. Было принято решение разгромить штаб силами сводного отряда в составе трехсот бойцов. К операции были привлечены диверсионные группы во главе со старшими лейтенантами госбезопасности Н. Ф. Архиповым и Д. К. Каверзневым, а также лейтенантом госбезопасности В. Н. Бабакиным. Руководителем сводного отряда был назначен капитан госбезопасности В. А. Карасев.

19 ноября отряд сосредоточился в двух километрах от хутора Ясная Поляна и приступил к активной разведке. Операция была назначена на 23 ноября. В 23 часа группы вышли на исходную позицию — опушку леса в 500 метрах от города. Группа Бабакина должна была захватить и разрушить телефонную станцию, радиоузел и почту. Группе Каверзнева поручалось уничтожить офицеров, размещенных в здании бывшего райкома ВКП(б), превращенного в

офицерское общежитие. Перед группами Архипова и командира сводного отряда Карасева стояла задача разгромить центральное отделение штаба корпуса и солдатские общежития. Бойцы были вооружены гранатами, пулеметами, автоматами, винтовками, противотанковыми гранатами, бутылками с зажигательной смесью. Штурм всех намеченных объектов начался одновременно.

Внезапность налета буквально ошеломила немцев. В сообщении НКВД СССР № 191/Б председателю ГКО И. В. Сталину от 13 февраля 1942 года отмечалось: «При нападении партизанскими отрядами было истреблено до 450 немецких солдат и офицеров, в том числе один генерал; разгромлено помещение штаба и охранявших его подразделений; сожжены склады горючего и огнеприпасов; уничтожено до 120 автомашин, 4 танка, бронемашина, до 150 строевых лошадей; разрушена связь и захвачены штабные документы.

Успешные действия партизанских отрядов подтверждаются рядом захваченных приказов командования германских армий и соединений».

Потери сводного диверсионного отряда 2-го отдела НКВД СССР составили 12 человек убитыми и три человека ранеными.

При выходе из района проведения операции подразделениями сводного отряда был разгромлен карательный отряд гестапо, потери которого составили более сорока человек убитыми и ранеными.

Информация об успешных действиях сводного диверсионного отряда 29 ноября вошла в вечернее сообщение от Советского информбюро, а на другой день была напечатана во всех центральных советских газетах.

Военным советом Западного фронта были награждены орденами и медалями наиболее отличившиеся бойцы сводного диверсионного отряда и их руководители.

После Великой Отечественной войны Николай Архипов, Дмитрий Каверзнев и Вадим Бабакин успешно работали во внешней разведке.

Виктор Карасев в феврале 1943 года возглавил разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Олимп», который действовал на территории Белоруссии, Украины, в Польше, Чехословакии и Венгрии.

5 ноября 1944 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза. После войны, окончив Военную академию имени Фрунзе, он работал в системе МГБ — КГБ СССР.

К концу 1941 года в районе Рославль — Сухиничи фашисты сосредоточили мощные танковые группировки, которые должны были прорвать оборону Красной армии и во взаимодействии с пехотными соединениями окружить и уничтожить в районах Вязьмы и Брянска основные силы советских войск, прикрывавшие Москву с запада.

Из сообщения НКВД СССР № 2/Б в ГКО о боевой деятельности партизанского отряда под командованием Д. Н. Медведева в районе Рославль — Сухиничи от 1 января 1942 года:

«Командир партизанского отряда НКВД СССР капитан государственной безопасности т. Медведев сообщает:

25 декабря 1941 года четырьмя минами подорван воинский эшелон на железной дороге Рославль — Сухиничи, шедший в сторону фронта. Разбиты паровоз, 15 вагонов, убито до 300 солдат, много раненых. Движение остановлено на много дней. Созданы пробки на станциях Киров, Фаянсовая в сторону Рославля.

Того же числа при вторичном налете на Жиздру окончательно ликвидирована немецкая комендатура полиции, разбита грузовая машина, захвачено пятьсот тысяч рублей, взят живым Львов-Корзухин^[13], ранее перешедший к немцам.

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия».

Нелегальным резидентом НКВД СССР в Одессе был лейтенант государственной безопасности Владимир Александрович Молодцов (оперативный псевдоним — «Бадаев»). В 1935 году он окончил Высшую школу НКВД СССР, с марта 1941 года работал в аппарате внешней разведки, в июле был направлен в Одессу для проведения специальных мероприятий, а затем оставлен в городе для руководства диверсионной и разведывательной работой в тылу врага по линии Особой группы и 2-го отдела НКВД СССР.

В условиях подполья Молодцов создал два партизанских отряда, действовавших в катакомбах Одессы и в районе сел Нерубайское, Усатово, Великий Дальник (Беляевский район). Подрывники отряда уничтожили несколько складов, взорвали плотину Хаджибейского лимана, городскую комендатуру, железнодорожный эшелон. В результате диверсионных актов было уничтожено свыше четырехсот гитлеровцев.

В феврале 1942 года с группой бойцов отряда Молодцов был захвачен фашистами при проведении очередной операции и 12 июля 1942 года расстрелян. 5 ноября 1944 года ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза и звание капитана государственной безопасности.

«Сообщение НКВД СССР № 10/Б

в ГКО и Генеральный штаб Красной Армии о положении в оккупированной противником Одессе

3 января 1942 года

Нелегальный резидент НКВД СССР в Одессе сообщает:

Ночью Одесса патрулируется самолетами. За последние дни в Херсон, Николаев и Одессу прибывают в большом количестве раненые и обмороженные немецкие и румынские солдаты.

Власти приступили к регистрации лиц призывного возраста. Под угрозой смертной казни у населения изымаются противогазы.

Румыны вывозят из Одессы электрооборудование, мебель, антикварные предметы, медицинское оборудование и инструменты, детские игрушки.

Отмечаются массовые случаи смерти пленных красноармейцев от голода. Передачи от населения запрещены. Проезжие крестьяне передают пленным картофель и буряк, которые поедаются в сыром виде.

Народный комиссар внутренних дел СССР Берия».

Одним из активных направлений деятельности сотрудников 2-го отдела НКВД СССР в период битвы за Москву стало проведение радиоигр с противником с использованием захваченных агентов немецкой разведки. К началу 1942 года был уже накоплен определенный опыт и на практике доказана эффективность данного способа дезинформации противника. В качестве примера приведем спецсообщение НКВД СССР «О подготовке немцами разведчиков и агентов из числа военнопленных и о возможности радиоигры с противником» от 28 января 1942 года:

«Совершенно секретно

№ 128/5

Государственный Комитет Обороны

Товарищу Сталину

20 января с. г. после взятия частями Красной Армии города Можайска в особый отдел НКВД 82 стрелковой дивизии 5 армии явились бывшие военнослужащие Красной Армии: бывший зам. политрука 2 батареи 875 противотанкового полка Ольнев М. В., бывший старший сержант 849 стрелкового полка 303 стрелковой дивизии Ревин П. Г., бывший старший ветврач 1300 стрелкового полка 9 стрелковой дивизии Гранкин Н. П. и бывший красноармеец запасного кавалерийского полка Юсупов Х.

На допросе они показали, что, попав в окружение под гор. Ельня, они были взяты в плен немцами и направлены в лагерь для военнопленных в гор. Смоленск. В Смоленске они были немцами завербованы, прошли специальные радиокурсы, были доставлены в Можайск, где и были оставлены немецкой армией 16 января с. г.

Германская военная разведка снабдила их радиостанцией, оборудованной в подвале разрушенного здания Можайского райисполкома, шифрами, оружием, месячным запасом продовольствия и деньгами в сумме 9000 рублей.

На них была возложена задача сообщать германской разведке в течение месяца по радио о положении в гор. Можайске и сведения о частях Красной Армии, после чего вся группа должна возвратиться в расположение немецких войск.

Явившиеся бывшие военнослужащие своим соучастником назвали жителя города Можайска Криницкого Н. Ф. Последний арестован.

Все арестованные доставлены для ведения дальнейшего следствия в НКВД СССР.

В связи с этим представляется целесообразным использовать указанную группу для передачи немцам по радио, в интересах Красной Армии, соответствующих дезинформационных сведений.

Для этой цели один из задержанных, Ревин, 25 января в сопровождении оперативных работников и радиоспециалистов НКВД СССР возвращен в гор. Можайск с задачей передать немцам, что во избежание провала в связи с наведением в городе порядка войсками Красной Армии он просит установить с ним связь через несколько дней.

НКВД СССР просит Вашего указания Генеральному штабу Красной Армии разработать соответствующие дезинформационные

материалы военного характера для передачи немцам по радио.
Народный комиссар внутренних дел СССР
Л. Берия».

Четвертое управление НКВД СССР

Для активизации специальной работы в тылу противника, а также организации и осуществления мероприятий по выводу из строя и уничтожения промышленных предприятий и других важнейших сооружений на территории, оккупированной противником, руководством НКВД СССР было принято решение о преобразовании 2-го отдела НКВД СССР в 4-е управление НКВД СССР (разведка, террор и диверсии в тылу противника). Костяк руководящего состава управления составили кадровые сотрудники внешней разведки.

Приказ НКВД СССР № 00145 о преобразовании 2-го отдела НКВД СССР в 4-е управление НКВД СССР был подписан народным комиссаром внутренних дел СССР Л. Берией 18 января 1942 года. В документе, в частности, указывалось:

- «1. Организовать 4-е управление НКВД СССР.
2. Расформировать 2-й отдел НКВД СССР, обратив его штаты и личный состав на укомплектование 4-го управления НКВД СССР.
3. Передать в 4-е управление НКВД СССР 9-е отделение 4-го спецотдела со всем личным составом и техническим оборудованием.
4. Назначить:
  - а) начальником 4-го управления НКВД СССР — старшего майора государственной безопасности тов. Судоплатова П. А., освободив его от должности начальника 2-го отдела НКВД СССР;
  - б) заместителями начальника 4-го управления НКВД СССР:
старшего майора государственной безопасности тов. Мельникова Н. Д., освободив его от должности заместителя начальника 2-го отдела НКВД СССР;
майора государственной безопасности тов. Какучая В. А., освободив его от должности заместителя начальника 2-го отдела НКВД СССР;
  - в) начальником 1-го отдела 4-го управления НКВД СССР — старшего майора государственной безопасности тов. Мельникова Н. Д. по совместительству;
  - г) начальником 2-го отдела 4-го управления НКВД СССР — майора государственной безопасности тов. Дроздова В. А.;

д) начальником 3-го отдела 4-го управления НКВД СССР — капитана государственной безопасности тов. Осипова В. П.;

е) начальником 4-го отдела 4-го управления НКВД СССР — майора государственной безопасности тов. Филимонова М. П.

[...]

Начальнику 4-го управления НКВД СССР тов. Судоплатову П. А. немедленно приступить к организации работы Управления в соответствии с данными ему указаниями».

На 4-е управление НКВД СССР возлагались следующие задачи:

формирование в крупных населенных пунктах, захваченных противником, нелегальных резидентур и обеспечение надежной связи с ними;

восстановление контакта с ценными и проверенными агентами органов госбезопасности, оставшимися на временно оккупированной советской территории;

внедрение проверенных агентов в создаваемые противником на захваченной территории антисоветские организации, разведывательные и административные органы;

подбор и переброска квалифицированных агентов чекистских органов на оккупированную врагом территорию для их дальнейшего продвижения на территорию Германии и других европейских стран;

направление в оккупированные противником советские районы маршрутных агентов с разведывательными и специальными задачами;

подготовка и переброска в тыл врага разведывательно-диверсионных групп и обеспечение надежной связи с ними;

организация в районах, находящихся под угрозой вторжения противника, резидентур из преданных и проверенных на оперативной работе лиц;

обеспечение разведывательно-диверсионных групп, одиночных агентов, специальных курьеров и маршрутных агентов оружием, боеприпасами, продовольствием, средствами связи и соответствующими документами.

На Четвертые отделы региональных органов НКВД возлагался также допрос пленных, перебежчиков, членов экипажей самолетов и танков, отдельных парашютистов и диверсантов, захваченных органами госбезопасности и советскими войсками.

4-е управление НКВД СССР действовало всю войну и было упразднено только приказом по МГБ 9 октября 1946 года.

Как уже отмечалось, ЦК ВКП(б) в своем специальном постановлении «Об организации борьбы в тылу германских войск», принятом 18 июля 1941 года, возложил на органы государственной безопасности весьма ответственную задачу: «Создавать невыносимые условия для германских интервентов, уничтожать захватчиков и их пособников». Сражаясь с врагами в составе разведывательно-диверсионных групп и партизанских соединений 4-го управления НКВД СССР, чекисты-разведчики активно осуществляли акции возмездия. Приведем лишь несколько примеров такой боевой работы.

Разведчик Николай Кузнецов

Массовые преступления и чудовищные злодеяния, совершавшиеся нацистами в период Великой Отечественной войны против мирного населения на оккупированных территориях, карательные акции и уничтожение тысяч советских деревень и городов требовали справедливого возмездия. Среди тех, кто в годы военного лихолетья выполнял этот священный долг, были сотрудники 4-го управления НКВД СССР. Именно они подготовили и осуществили ряд дерзких боевых операций, в результате которых понесли заслуженную кару более шестидесяти фашистских преступников и их пособников. При этом следует отметить, что акты возмездия планировались и проводились силами разведывательно-диверсионных подразделений 4-го управления не только на оккупированных советских территориях, но и в самой Германии.

Особое место в ряду народных мстителей военного периода занимает Николай Иванович Кузнецов. Операции по ликвидации, которые проводились Кузнецовым и его товарищами по разведывательно-диверсионному отряду специального назначения «Победители», наводили ужас на гитлеровских бонз и их приспешников.

Большинству читателей хорошо известна биография Николая Кузнецова, напомним лишь, что он окончил лесной техникум, работал лесоустроителем в земельном управлении города Кудымкар Коми-

Пермяцкого национального округа, стал сотрудничать с местными чекистами. С 1934 года, переехав в Свердловск, он по линии местного управления НКВД изучал возможные связи работавших на местных предприятиях немецких специалистов с гитлеровской разведкой. В 1938 году Кузнецова пригласили на работу в Москву. Совместно с сотрудниками отдела контрразведки центрального аппарата НКВД он участвовал в разработке немецких дипломатов.

Незадолго до начала войны Николай Кузнецов начал готовиться к работе за границей с нелегальных позиций.

В первые дни войны Кузнецов подал рапорт руководству НКВД с просьбой использовать его в «активной борьбе против германского фашизма на фронте или в тылу вторгшихся на нашу землю немецких войск». На фронт Кузнецов не попал. Руководство внешней разведки справедливо посчитало, что человек с блестящим знанием немецкого языка и типичной арийской внешностью принесет больше пользы в тылу противника. Он был зачислен в спецподразделение 4-го управления НКВД.

Началась интенсивная подготовка Кузнецова к предстоящей миссии. Она была возложена на чекистов, имевших большой опыт работы во внешней разведке. Кузнецов трудился по 15–16 часов в сутки: тщательно отрабатывал легенду-биографию, по которой ему предстояло жить среди врагов, осваивал приемы выявления наружного наблюдения, ориентирования на местности, шифровальное дело, прыжки с парашютом, тренировался в стрельбе из различных видов советского и немецкого личного оружия.

Со специально приглашенными специалистами Главного разведывательного управления Генерального штаба Красной армии Кузнецов изучал организацию и структуру германских вооруженных сил, их уставы, до мельчайших подробностей вникал в порядок официальных и неофициальных взаимоотношений немецких военнослужащих, учился разбираться в наградах, званиях, знаках различия всех родов войск, полиции и СС.

Кузнецова целенаправленно готовили для работы в городе Ровно, избранным гитлеровцами в качестве столицы оккупированной Украины — «рейхскомиссариата Украины». В Ровно размещались почти две с половиной сотни немецких учреждений и штабов

центрального подчинения. Одновременно этот небольшой город был важным центром коммуникаций.

Руководством 4-го управления НКВД было принято решение, что в Ровно Кузнецов отправится в мундире офицера вермахта, получившего тяжелое ранение в боях на Восточном фронте и до полного выздоровления являющегося уполномоченным «хозяйственного командования по использованию материальных ресурсов оккупированных областей СССР в интересах вермахта» («Виртшафтскомmando»). Эта должность позволяла разведчику часто бывать в Ровно, свободно перемещаться по различным оккупированным районам и иметь в своем распоряжении крупные суммы денег.

В конце июля 1942 года специальная подготовка Кузнецова была завершена. Он блестяще сдал труднейший экзамен и был зачислен в разведывательно-диверсионный отряд специального назначения «Победители», которым командовал Д. Н. Медведев и которому предстояло действовать в районе города Ровно. К слову сказать, данный отряд специально был направлен в район Ровно, чтобы обеспечивать боевую работу разведчика-нелегала Кузнецова.

В соответствии с утвержденным руководством 4-го управления НКВД планом вывода разведчика на боевую работу Кузнецов был выброшен с парашютом 25 августа 1942 года в глубоком тылу противника — в Сарненских лесах Ровенской области. В связи с особо важными задачами, поставленными руководством Центра перед Кузнецовым, в отряде Медведева он значился как Николай Васильевич Грачев (оперативный псевдоним — «Пух», им в дальнейшем Грачев подписывал свои донесения в Центр).

В Ровно Николай Кузнецов появился под именем обер-лейтенанта 230-го пехотного полка 76-й пехотной дивизии Зиберта Пауля Вильгельма, кавалера двух Железных крестов и медали «За зимний поход на Восток». Хорошая профессиональная подготовка разведчика, блестящее знание немецкого языка, воля и смелость явились основой для выполнения им сложнейших разведывательно-диверсионных заданий.

Заслуга Николая Кузнецова состояла в первую очередь в том, что он целенаправленно собирал важную для Центра разведывательную информацию. В его задачу входил, в частности, сбор сведений о

передвижении воинских частей, планах и намерениях служб гестапо и СД, поездках высоких чинов рейха, что с успехом использовалось в борьбе с врагом. Порой разведывательной информации о противнике было так много и она была настолько важной, что радистам отряда «Победители» приходилось передавать ее в Москву несколькими сеансами в день.

В ноябре 1942 года в штаб разведывательно-диверсионного отряда специального назначения «Победители» поступила радиограмма из Москвы. Центр сообщал, что по некоторым, пока еще не проверенным сведениям где-то на Украине находится полевая ставка Гитлера. Перед отрядом ставилась задача установить местонахождение ставки, и решить эту задачу было поручено разведчику Николаю Кузнецову.

После внимательного изучения обстановки поиск был ограничен тремя географическими точками: Луцком, Киевом и Винницей. Вскоре из этого списка были исключены Луцк и Киев: ставка не могла находиться в крупном городе, она должна была быть тщательно замаскирована, а ее район надежно охраняться. К тому же еще летом от бежавших из фашистского плена красноармейцев стало известно, что где-то под Винницей немцы вели большое строительство, а из многих тысяч советских военнопленных, отправленных туда, назад в лагерь ни один не вернулся. Основную базу отряда «Победители» от Винницы отделяли почти 500 километров, и засылка туда разведчиков была связана с большим риском.

Сбор данных об объекте начался с изучения украинских газет, издававшихся оккупационными властями. Кстати сказать, анализ местных и немецких газет был для Кузнецова важным направлением в работе.

Вскоре разведчик обратил внимание на заметку в националистической газете «Волянь». В ней говорилось, что в Виннице состоялся концерт артистов Берлинской оперы, на котором присутствовал рейхсмаршал Герман Геринг, второе лицо в Германии. Несколько позже другая газета — «Дойче Украинашице цайтунг» — сообщила, что на постановке оперы Вагнера «Тангейзер» в винницком театре находился генерал-фельдмаршал Кейтель, являвшийся в то время командующим вооруженными силами Германии. Что забыли в маленькой провинциальной Виннице два высших государственных

деятеля Германии? И почему именно туда приезжают с концертами берлинские артисты?

Через некоторое время от своих знакомых, служивших в рейхскомиссариате Украины, находившемся в Ровно, Кузнецов узнал, что близкий друг Гитлера имперский комиссар Украины и гауляйтер Восточной Пруссии Эрих Кох срочно выехал на несколько дней в Винницу. Наконец, в Винницу неожиданно отправился, отложив все дела, хороший знакомый Кузнецова штурмбаннфюрер СС фон Ортель. Перед отъездом он проговорился за рюмкой коньяка о возможной встрече с «рейхсфюрером». Кузнецову было хорошо известно, что звание рейхсфюрера СС в гитлеровской Германии имел только один человек — Генрих Гиммлер. А он мог находиться в Виннице только в том случае, если там находился Гитлер.

Таким образом, стало ясно, что полевая ставка Гитлера расположена либо в Виннице, либо поблизости от нее. Оставалось только получить этому документальное подтверждение. В середине декабря 1942 года на участке шоссе Киев — Львов Кузнецов и его товарищи по отряду блестяще провели дерзкую операцию, захватив штабную автомашину с офицерами связи — майором графом Гааном и имперским советником связи подполковником фон Райсом. Изучив имевшиеся при них карты и допросив арестованных, разведчик получил окончательные данные, что ставка фюрера, имевшая кодовое название «Объект “Вервольф”» («Оборотень»), находится под Винницей, в деревне Якушинцы, что в двух километрах от села Коло-Михайловка, в роще, в двухстах метрах от шоссе Винница — Киев. Подробная информация о местонахождении полевой ставки Гитлера была передана в Центр. Последнее слово в этой истории сказала советская бомбардировочная авиация.

22 декабря 1942 года десять советских бомбардировщиков, сопровождаемых мощным эскортом истребителей, совершили налет на ставку Гитлера и расположенный там же главный штаб сухопутных войск. Во время бомбардировки были разрушены первые три яруса объекта на глубину до 10 метров, а также наземные сооружения противовоздушной обороны, коммуникации, подземные склады, входы, лифты. Объект перестал существовать.

Помимо активной разведывательной работы Николай Кузнецов принимал непосредственное участие в уничтожении гитлеровских

наместников на оккупированной территории.

Действуя под видом немецкого офицера, Николай Кузнецов в центре города Ровно уничтожил руководителя главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины имперского советника доктора Ганса Гелля и его секретаря Винтера, которые прибыли из Берлина с заданием активизировать вывоз в Германию ценностей и продовольствия с Украины.

Через месяц на том же месте он привел в исполнение народный приговор — смертельно ранил первого заместителя наместника Гитлера на Украине Эриха Коха по политическим делам генерала Пауля Даргеля, который отвечал за взаимодействие немецких властей с руководством украинских националистов. В ходе операции Кузнецов намеренно «обронил» бумажник с письмом украинского националиста Ивана Фена, ликвидированного накануне бойцами отряда «Победители». В письме, якобы исходившем от руководства украинских националистов, предлагалось всем боевым группам после уничтожения Даргеля перейти к активным действиям против немцев. Для большей убедительности в бумажник была положена толстая пачка рейхсмарок. Прием с письмом сработал весьма эффективно. Немцы предприняли массовые аресты среди украинских националистов. Только за два дня после акции в Ровно и Луцке гестаповцами были арестованы, а затем расстреляны 180 активных функционеров из числа националистов.

Вместе со своими боевыми товарищами Кузнецов 15 ноября 1943 года осуществил одну из самых дерзких и смелых операций советской разведки в годы Великой Отечественной войны в глубоком тылу врага — похитил и доставил в отряд «Победители» генерал-майора фон Ильгена, командовавшего на Украине войсками особого назначения и широко известного жестокими карательными операциями против партизан и мирного населения, а также личного водителя имперского комиссара Украины Коха гауптмана Пауля Гронау. Боевая операция, получившая кодовое название «Дело Кафра», была успешно завершена получением от фон Ильгена весьма ценных сведений, которые были немедленно доложены в Центр.

Вскоре после этого прямо в здании Верховного суда был ликвидирован жестокий палач — верховный судья на оккупированной

Украине оберфюрер СС Альфред Функ, по приказу которого были расстреляны все заключенные ровенской тюрьмы.

Историк советских подразделений особого назначения Николай Абин в одной из своих публикаций рассказывал:

«Функ являлся одним из любимцев Гитлера. Тот щедро осыпал его чинами и наградами. Ненасытная жадность Функа не знала границ. Он целыми эшелонами отправлял награбленное в родной “фатерлянд”, и не зря операция по его ликвидации получила кодовое название “Насос”...

Функа было решено ликвидировать в самом здании суда, где он выносил свои приговоры. Это был своеобразный акт правосудия и политического возмездия».

За образцовое выполнение специальных боевых заданий в тылу немецко-фашистских захватчиков и проявленные при этом отвагу и мужество Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1943 года Николай Кузнецов был награжден орденом Ленина.

15 декабря 1943 года рейхскомиссар Украины Эрих Кох отдал приказ об эвакуации из Ровно всех немецких учреждений. В Москве было принято решение о передислокации спецотряда Медведева на Запад: двигаться параллельно с гитлеровскими войсками, собирать и передавать в Центр информацию о передвижении немецких эшелонов, а также нарушать их коммуникации.

В начале января 1944 года Кузнецов получил новое задание — развернуть разведывательную работу в городе Львове, куда направлялись из Ровно немецкие учреждения. С ним выехали Иван Белов и Ян Каминский, у которого во Львове были родственники и многочисленные знакомые. Одновременно для обеспечения деятельности группы Кузнецова в район Львова Медведев направил специальный отряд, оснащенный рацией.

9 февраля во Львове группа Кузнецова ликвидировала вице-губернатора Галиции Отто Бауэра и начальника канцелярии губернаторства доктора Генриха Шнайдера.

Обстановка в городе после этого крайне осложнилась. Кузнецову и его боевым товарищам Каминскому и Белову удалось вырваться из Львова. Было принято решение пробираться к линии фронта. В ночь на 9 марта 1944 года они попали в засаду в селе Боратин Львовской области и погибли в неравном бою с украинскими националистами.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года Николаю Ивановичу Кузнецову было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Здесь следует подчеркнуть, что его непосредственный начальник в Москве генерал Судоплатов включил Николая Ивановича в список для представления к званию Героя Советского Союза, еще не зная всех обстоятельств гибели разведчика. Но он был уверен в главном — такие люди, как Кузнецов, уходят из жизни героями.

Операция «Кабанья охота»

Еще одна успешная боевая операция была осуществлена сотрудниками 4-го управления НКВД СССР на территории Белоруссии.

В октябре 1942 года майор госбезопасности Кирилл Орловский был направлен в тыл врага во главе разведывательно-диверсионной группы, которая со временем превратилась в крупный партизанский отряд особого назначения «Соколы», действовавший в районе Беловежской Пущи.

Бойцы отряда участвовали во многих сражениях с немецко-фашистскими захватчиками, провели в тылу у немцев ряд успешных диверсий по уничтожению военно-промышленных объектов и крупных воинских эшелонов противника. В городе Барановичи партизаны отряда «Соколы» ликвидировали несколько видных гитлеровских военных чиновников и захватили важные военные документы.

В феврале 1943 года Орловский лично разработал операцию под кодовым названием «Кабанья охота» по ликвидации заместителя генерального комиссара Белоруссии, руководителя окружной фашистской администрации обергруппенфюрера СС Фридриха Фенса.

Замысел был основан на данных разведки: гитлеровцы хотели развлечь Фенса охотой на кабана. Уже в шесть часов утра бойцы отряда во главе с Орловским находились в засаде. Однако, изучив обстановку, Орловский принял решение напасть на фашистов, когда они будут возвращаться с охоты.

На снегу, на морозе долгих 12 часов ждали партизаны обоз с высоким гитлеровским функционером. И вот он появился. Фенс лежал в санях в медвежьей дохе.

Орловский бросил первую шашку. Готовился метнуть вторую, но шальная пуля попала в детонатор и шашка взорвалась в руке. Командир был тяжело ранен — ему разорвало правую руку и сильно контузило, — но не прекращал руководить операцией до ее полного завершения.

«Кабанья охота» была успешно реализована. В результате операции были уничтожены Фридрих Фенс, сопровождавший его обергруппенфюрер СС Захариус, восемь офицеров и более тридцати охранников.

Испанец Хусто Лопес вынес Орловского из-под огня, перевязал ему раны. Партизанский хирург сделал операцию: ампутировал Орловскому правую руку по плечу, а также четыре пальца левой руки. Не было обезболивающих средств, единственным инструментом была ножовка, но Орловский мужественно перенес операцию.

Через три месяца он радировал в Москву: «Выздоровел. Приступил к командованию отрядом». Но Центр настаивал на возвращении Орловского в Москву. Он согласился лишь с третьего вызова, в конце 1943 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу немецко-фашистских войск и проявленные при этом отвагу и мужество Кирилл Прокофьевич Орловский был удостоен звания Героя Советского Союза. Его боевые заслуги в Великой Отечественной войне были также отмечены тремя орденами Ленина, орденом Красного Знамени, другими боевыми наградами.

Следует также отметить, что в 1944 году «успешный охотник» Орловский вышел в отставку, был избран председателем колхоза «Рассвет» в своем родном селе Мышковичи Могилевской области. 18 января 1958 года за выдающиеся трудовые достижения К. П. Орловскому было присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он был награжден еще двумя орденами Ленина и орденом Трудового Красного Знамени.

Как уже отмечалось, одним из направлений боевой работы разведывательно-диверсионных отрядов и групп 4-го управления НКВД СССР в годы войны являлось уничтожение не только фашистских функционеров, но и предателей. Причем подобные операции проводились как на временно оккупированной советской территории, так и в самой Германии. Ниже пойдет речь об одной из таких успешно реализованных акций возмездия в отношении предателя, бывшего заслуженного артиста РСФСР, руководителя Художественного театра имени Мочалова Всеволода Блюменталь-Тамарина.

Блюменталь-Тамарин до революции был второстепенным актером провинциального театра, после Гражданской войны, благодаря связям среди руководителей пролетарской культуры и знакомству с первым наркомом просвещения РСФСР Анатолием Васильевичем Луначарским, вошел в круг новой театральной номенклатуры.

В октябре 1941 года, когда гитлеровские войска рвались к Москве, Блюменталь-Тамарин, бросив свой театр и актеров, спрятался на даче под Истрой. С приходом немцев он сразу же перешел на их сторону и начал активно отрабатывать «хлеб предателя»: регулярно выступал на немецком радио, обличая и своих бывших покровителей, и руководство Советского Союза. Его речи, звучавшие в эфире, значили немало для гитлеровцев. Одновременно в профашистских газетах стали появляться статьи, написанные Блюменталь-Тамариным, в которых он рассказывал о зверствах большевиков во главе со Сталиным.

В конце 1941 года Военный трибунал Красной армии вынес предателю смертный приговор.

13 августа 1942 года нарком внутренних дел Берия дал указание начальнику 4-го управления НКВД Судоплатову «начать проведение специального мероприятия в отношении Блюменталь-Тамарина».

Историк советских подразделений особого назначения Николай Абин писал:

«Операция по ликвидации предателя получила кодовое название “Ринг”. Столь необычное название было связано с тем, что выполнение задания поручалось племяннику Блюменталь-Тамарина — чемпиону Ленинграда по боксу, начальнику прожекторной станции отдельного прожекторного батальона 189-го зенитно-артиллерийского

полка Ленинградского фронта сержанту Игорю Миклашевскому (оперативный псевдоним — «Ударов»)).

Привлечение Миклашевского к работе в НКВД и его подготовка, включая разработку надежной легенды прикрытия, проходили под личным контролем П. А. Судоплатова.

Перед разведчиком была поставлена сложная задача. Гитлеровские спецслужбы тщательно оберегали предателя. Доступ в охраняемый особняк пособника фашистов мог получить только человек, которому он полностью доверял. И племянник, «порвавший с Советами», мог стать таким человеком.

На специальной базе 4-го управления «Ударов» прошел специальную подготовку к выполнению задания. 22 апреля 1943 года под видом перебежчика он перешел линию фронта в районе деревни Борисовка Смоленской области. Затем последовали долгие и изнурительные допросы в гестапо.

Путь к намеченной цели был для «Ударова» сложным и опасным. Вначале его вместе с другими перебежчиками и военнопленными отправили в смоленский лагерь. Только в конце 1943 года он получил письмо от дяди, который посоветовал ему поступить на службу в Русскую освободительную армию (РОА) и пообещал позже отозвать его в Берлин для пропагандистской работы.

В составе 437-го батальона РОА «Ударов» воевал под Варшавой, а затем во Франции. В начале 1944 года он был отправлен в краткосрочный отпуск в Германию. 27 января 1944 года, находясь проездом в Кёнигсберге, «Ударов» наконец встретился с Блюменталь-Тамариным. Тот довольно прохладно и настороженно встретил племянника и не оставался с ним один на один.

На следующий день «Ударов» покинул Кёнигсберг и возвратился в часть. Вскоре ему было присвоено офицерское звание. В начале июня 1944 года в боях с высадившимися в Нормандии англо-американскими частями он был тяжело ранен, несколько месяцев провел на больничной койке.

Продолжая служить в компании с предателями родины, разведчик упорно ждал новой встречи с родственником. Наконец 23 октября 1944 года он получил письмо от дяди, в котором тот приглашал его к себе. Уже 29 ноября «Ударов» отправился в пригород Берлина

Мюнзинген, где проживал Блюменталь-Тамарин. И вновь начались его проверки сотрудниками гестапо и регулярная слежка.

Лишь в конце апреля 1945 года пуля, выпущенная «Ударовым», поставила точку в биографии предателя.

26 июня 1945 года Игорь Львович Миклашевский возвратился в Москву. Его сложная и полная смертельного риска миссия была успешно завершена. Боевая работа разведчика по выполнению задания Центра была отмечена орденом Красного Знамени.

Помимо решения текущих оперативных задач сотрудники 4-го управления НКВД СССР сыграли ведущую роль в проведении радиоигр с противником, в частности, в реализации оперативной игры «Монастырь».

Операция «Монастырь»

23 января 1942 года заместитель наркома внутренних дел СССР комиссар государственной безопасности 3-го ранга Богдан Кобулов утвердил «План основных оперативных мероприятий по агентурному делу “Монастырь”», представленный ему начальником 4-го управления НКВД СССР старшим майором госбезопасности Павлом Судоплатовым. Активное участие в разработке операции принимал сотрудник 4-го управления капитан госбезопасности Михаил Маклярский.

Оперативная игра с противником под названием «Монастырь» имела важное значение в плане дезинформации разведывательных органов немцев, выявления и пресечения их подрывной деятельности. Она считается одной из наиболее крупных и эффективных радиоигр, проводимых 4-м управлением НКВД СССР.

Начало оперативной игры относится ко времени разгрома немцев под Москвой. С изменением военной обстановки немецкие разведывательные органы стремились получить более полную информацию о Советском Союзе, его вооруженных силах, политическом и экономическом положении. С этой целью они активизировали агентурную разведку не только в прифронтной полосе, но и в глубоком тылу страны.

Чтобы снизить разведывательную активность противника и парализовать его деятельность, НКВД поставил перед собой задачу установить связь с германскими разведывательными органами и использовать эти каналы для дезинформации противника, выявления и пресечения враждебных замыслов фашистской разведки и непосредственного проникновения в их разведывательные органы. Оперативный замысел игры сводился к подставе разведцентру немцев якобы существовавшей в Москве антисоветской церковно-монархической организации.

Легенда базировалась на использовании активно поддерживаемой немецким руководством официальной доктрины фашистской разведки о существовании в СССР «пятой колонны»^[14] и на основании имевшихся в НКВД материалов о намерении поэта-монархиста Бориса

Садовского создать в Москве контрреволюционную церковно-монархическую организацию и связаться с немцами, чтобы оказывать им помощь в борьбе с советской властью.

Монархисты по убеждению, Садовской и его жена в кругу своих близких знакомых проводили антисоветскую пораженческую агитацию. Наблюдение за Садовским осуществлял агент «Старый», бывший дворянин, которому он полностью доверял. На одной из встреч Садовской обратился к агенту с просьбой установить связь с немцами, и тот (по указанию оперативного работника) дал согласие. Садовской поручил «Старому» подбирать лиц для антисоветской работы в Москве, и тогда он представил ему проверенного агента Александра Петровича Демьянова, также выходца из дворян. В наших спецслужбах он имел оперативный псевдоним «Гейне». Садовской, встретившись с «Гейне» несколько раз, поручил ему перейти линию фронта, сообщить немцам о существовании в Москве церковно-монархической организации и получить задание для дальнейшей работы.

Из плана оперативных мероприятий по агентурному делу «Монастырь»

20 января 1942 года

«I

В течение ряда лет в Москве разрабатывается видный монархист, известный русский поэт Борис Садовской и его жена Наталья Ивановна Воскобойникова, в прошлом фрейлина царского двора.

Чета Садовских связана с церковно-монархическими группами старцев (бывших монахов и монахинь), которые, находясь в глубоком подполье, пытаются влиять на массу верующих в антисоветском духе.

Садовские и их окружение пораженчески настроены, с нетерпением ждут немцев.

Летом 1941 года Садовской написал резко антисоветское стихотворение, в котором, обращаясь к немцам как к “братьям”, звал их прийти уничтожить Советскую власть и установить “самодержавие русского царя”...

II

В 1933 году органами НКВД была вскрыта и ликвидирована монархическая группа молодежи, группировавшаяся вокруг Садовского, сам Садовской арестован не был.

Ликвидированная группа уже тогда ориентировалась на германский фашизм.

Вторая группировка, созданная Садовским, была ликвидирована в 1935 году, и, наконец, третья группа (Раздольского) была вскрыта СПУ НКВД СССР в начале 1941 года. Эта группа ставила перед собой задачи террористического порядка.

Несмотря на периодическую ликвидацию антисоветских связей Садовского, он пытается и в настоящее время сколотить вокруг себя контрреволюционные элементы для борьбы с Советской властью.

Установки Садовского в настоящее время сводятся к следующему: "...Сейчас ждать. Быть готовым. Во всем слушаться церкви, а как только падет Советская власть под ударами немцев, выступить с категорическим принятием немецкого руководства на первое время и начать исподволь агитацию за установление монархии..."

Неизвестность относительно "точных" планов Гитлера касательно монархии весьма мучает Садовского.

Садовской интересуется, нельзя ли "как-нибудь получить сведения с той стороны", то есть снестись с немцами.

III

В этой связи целесообразно использовать имя Садовского и его ближайших антисоветских связей для:

а) создания канала, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию;

б) дезинформации немцев о положении в СССР;

в) выяснения круга вопросов, интересующих немцев по СССР.

Для решения этой задачи будут использованы проверенные агенты: "Старый" и его жена "Мир"; "Гейне" и его жена "Борисова".

IV

"Старый" является одним из довереннейших людей Садовского.

"Гейне" был подставлен Садовскому через "Старого". 11.01.1942 года принят Садовским как свой человек и единомышленник.

"Мир" с Садовским знакома и принимается у них в доме как единомышленница.

"Борисова" с Садовским, "Старым" и "Мир" не знакома.

Кроме "Старого" Садовского разрабатывает наш агент "Шорох", однако он к участию в намеченной комбинации не привлекается.

V

Учитывая желание Садовского связаться с немцами, намечаем переброску через линию фронта агента “Гейне” в качестве курьера церковно-монархической группы, возглавляемой Садовским.

Явившись на территорию, захваченную противником, “Гейне” добивается свидания с руководящими лицами из германского командования, которым сообщает, что он послан группой Садовского для установления контакта с германским правительством, выяснения, насколько реальна возможность действительного прихода немцев в Москву, и определения в этой связи задач группы.

Свою переправку “Гейне” объясняет тем, что неожиданный отход германских войск от Москвы дезориентировал Садовского и его окружение, ожидавшего вступления немецких войск в Москву еще во второй половине октября 1941 года.

“Гейне” сообщает немцам, что по указанию “Старого” им лично сконструирован радиопередатчик и приемник, установленный в Москве (адрес “Гейне” не знает, ибо он известен только “Старому”), с помощью которого можно поддерживать регулярную связь с Москвой.

“Гейне” просит немцев передать по радио в Москву условное сообщение о своем благополучном прибытии.

Эти сообщения “Гейне” диктуются следующими соображениями:

1). Вызвать интерес немцев к легендируемой церковно-монархической группе Садовского;

2). Создать условия, при которых немцы, если заинтересуются Садовским и его группой, должны будут или командировать “Гейне” обратно (что нежелательно) с заданиями и шифром для радиосвязи, или же послать своего курьера, а “Гейне” оставить у себя;

3). Подставить немцам наш канал связи;

4). Удостовериться, что “Гейне” действительно установил контакт с немцами.

VI

“Гейне” старается осесть и закрепиться у немцев. В качестве доводов против своего возвращения через линию фронта в Москву он выставляет:

1). Трудность перехода через линию фронта;

2). Боязнь репрессий в отношении его как уклонившегося от явки по месту службы в город Алма-Ата.

Еще до этого “Гейне” рассказывает немцам, что в связи с заданием “Старого” уйти за линию фронта, желая обезопасить свою жену и близких родственников от репрессий Советской власти, он добился командировки в Алма-Ату, с тем чтобы как-то зашифровать свое отсутствие в Москве.

“Гейне” информирует немцев о своей жене “Борисовой”, указывает, что отец ее — старый московский врач, много лет учившийся в Германии и занимающийся частной практикой.

Мать “Борисовой” — из дворян, с отцом развелась, сейчас находится в Одессе, где проживает вместе с одной итальянкой, происходящей, по словам жены, из аристократической семьи, и располагает связями в высших сферах Италии.

“Гейне” просит немцев навести справки, жива ли мать “Борисовой”, и в качестве явки в Москве дает немцам адрес отца “Борисовой”, где можно с “Борисовой” встретиться и через нее установить связь со “Старым”. “Гейне”, однако, предупреждает немцев, что отец “Борисовой” не посвящен в его нелегальную деятельность.

Если немцы потребуют у “Гейне” информацию о Москве, он дает ее согласно разработанной ДЕЗе.

В случае если немцы будут очень настаивать, “Гейне” возвращается обратно в Москву.

VII

Для радиопередатчика, о котором будет говорить “Гейне”, устанавливается специальное расписание, позывные и волны, о чем “Гейне” также сообщает немцам.

“Гейне” — радиоконструктор и по специальной схеме сам построил упрощенный передатчик и приемник.

Начальник отделения 4-го управления НКВД СССР

капитан госбезопасности *Маклярский*

“Согласны”:

Начальник 3-го управления НКВД СССР

ст. майор госбезопасности *Горлинский*

Начальник 4-го управления НКВД СССР

ст. майор госбезопасности *Судоплатов»*.

О том, как тщательно готовили «Гейне» к установлению контакта с представителями германской разведки от имени легендарной организации «Престол», свидетельствуют выдержки из задания 2-го отдела 4-го управления НКВД СССР агенту, подготовленному заместителем начальника 2-го отдела М. Б. Маклярским и утвержденному П. А. Судоплатовым 31 января 1942 года:

«1. В ближайшие дни Вы будете переброшены на одном из участков Западного фронта на временно занятую немцами территорию. Ваша задача: установить связь с германским командованием (разведкой) от имени якобы действующей в Москве антисоветской церковно-монархической группы...

2. После перехода линии фронта при встрече с германскими патрулями Вы должны заявить на немецком языке, что имеете важное сообщение для германского командования и просите немедленно доставить Вас в штаб. Прибыв в штаб, Вы добиваетесь беседы со старшим офицером данного соединения, которому рассказываете, что имеете специальное поручение к германскому правительству, для чего просите организовать Вам свидание с ответственным лицом.

3. Ответственному представителю командования или разведки, с которым Вы будете беседовать, сообщить примерно следующее:

а) Вы являетесь участником антисоветской церковно-монархической группы, по поручению которой посланы: установить контакт с германским правительством, выяснить реальную возможность действительного прихода немецких войск в Москву; определить в этой связи задачи группы;

б) подробно останавливаетесь на организационной структуре группы, ее программных установках...

в) подчеркиваете, что группа имеет тесную связь с катакомбными церковными формированиями, ведущими активную антисоветскую работу;

г) рассказываете об антисоветской деятельности группы на протяжении последних лет, указывая на значительную активизацию контрреволюционной работы в связи с германо-советской войной и поражением Красной Армии.

Свой рассказ Вы строите так, чтобы не вызывать сомнения у немцев в его правдивости. Для этого рекомендуется конкретизировать

отдельные положения, называя некоторые фамилии, отдельные примеры с датами.

Говоря о персональном составе группы, необходимо указать, что, кроме... “Старого” и его жены, а также Вашей жены, Вы других участников группы не знаете. Однако по ряду признаков полагаете, что контрреволюционная группа имеет в своем составе ряд лиц из представителей буржуазной московской интеллигенции, находящейся на различных работах...

4. Рассказывая немцам о себе и жене, отнесите, что на протяжении всего периода существования Советской власти Ваша семья (в лице ее отдельных представителей) непрерывно подвергалась репрессиям со стороны большевиков. Расскажите им об обстоятельствах своего знакомства со “Старым”, а также каким образом Вы были вовлечены в антисоветскую группу, обрисовав это следующим образом: Вы знакомы со “Старым” много лет, бывали у него дома, всячески цените его культуру и идейную непримиримость к Советской власти, очень часто в его присутствии высказывали антисоветские настроения и, когда он убедился в полном совпадении его взглядов с Вашими, он предложил Вам вступить в контрреволюционную группу. Вы дали согласие...

В организации Вы вели работу среди антисоветски настроенной молодежи — выходцев из буржуазно-интеллигентских семей, однако лично никого не вербовали, за исключением жены.

Если немцы потребуют назвать некоторые фамилии из Ваших молодых друзей, которых Вы знаете как антисоветски настроенных, разрешается сообщить 2–3 фамилии из числа действительно антисоветски настроенных, которых Вы по нашему поручению разрабатывали и которые знают Вас как их единомышленника.

5. Объясняя причины, толкнувшие группу на Вашу посылку за линию фронта, Вы заявляете немцам, что еще в октябре 1941 года Вы и “Старый” были вполне уверены в падении Москвы и занятии ее германскими войсками. В этой связи группа выпустила специальную листовку с обращением к жителям г. Москвы. Садовской написал даже специальное стихотворение на русском и немецком языках, обращенное к немцам как к спасителям России от большевизма. Это стихотворение Садовской предполагал отпечатать в виде листовок на следующий день после прихода германских войск в Москву. Листовка,

о которой идет речь, была напечатана в 500 экземплярах на гектографе, который достал “Старый”, используя доступ к печатным аппаратам. Стихотворение на русском и немецком языках Вы заучиваете наизусть и декламируете его немцам.

Неожиданный отход германских войск от Москвы, шумиха, поднятая советской пропагандой в связи с этим, вступление частей Красной Армии в ряд городов, ранее занятых немцами, дезориентировали руководителей церковно-монархической группы, решивших направить эмиссара за линию фронта для установления непосредственного контакта с германским правительством и выяснения действительной обстановки.

Рассказывая изложенное выше, Вы осторожно отмечаете, что одной из причин временных неудач германских войск на Восточном фронте является то, что немцы не установили контакт с действующими на советской территории подпольными антибольшевистскими силами. В частности, Вы указываете, что бросавшиеся над Москвой листовки не вызвали нужного реагирования населения, так как они составлены на материалах, не связанных с советской действительностью.

Закончив свою информацию, Вы заявляете немцам, что представляемая Вами контрреволюционная группа полностью отдает себя в распоряжение германского командования для совместной борьбы с большевизмом, так как считает, что освободить Россию от большевизма может только германская армия, опирающаяся на русские национальные силы.

6. В процессе своих бесед с немцами Вы упоминаете, что являетесь радиоконструктором и незадолго до Вашего ухода за линию фронта по заданию “Старого” сконструировали радиопередатчик и приемник. От “Старого” Вы знаете, что он нашел радиста, на квартире у которого спрятан передатчик, что установлены позывные и расписание и что “Старый” просил Вас известить условным сообщением по радио о Вашем благополучном прибытии к месту назначения.

Если Вас спросят фамилию радиста и его адрес, ответьте, что это Вам неизвестно.

Если Вы почувствуете, что данные о передатчике заинтересовали немцев, проявите некоторую настойчивость по реализации просьбы

“Старого”.

7. Ваше поведение во время пребывания на территории, занятой немцами, должно быть направлено на максимальное завоевание их доверия, исключаящее в то же время возможность Вашей переброски обратно с заданиями прифронтового характера. Мы заинтересованы в том, чтобы Вы осели у немцев прочно.

В качестве доводов против своего возвращения обратно, если это Вам предложат, Вы выставляете опасность перехода через линию фронта и боязнь репрессий при появлении в Москве за неявку к месту службы в город Алма-Ата. В этой связи Вы рассказываете немцам, что, после того как “Старый” предложил Вам отправиться за линию фронта, Вы для того, чтобы зашифровать свое длительное отсутствие в Москве и обезопасить тем самым своих близких родственников, добились командировки в город Алма-Ата, куда по нынешним условиям железнодорожного транспорта долгий и длинный путь.

Появление же Вас в Москве сейчас будет означать, что Вы не были в городе Алма-Ата, то есть уклонились от явки к месту работы, что по нынешним советским законам карается тюремным заключением.

Факт своей командировки в город Алма-Ата подтвердите имеющимися у Вас документами.

Если Ваши доводы немцев не удовлетворят и они будут настаивать на Вашей переброске обратно с заданиями, после некоторого колебания дайте согласие.

8. Когда будете рассказывать биографию своей жены, упомяните о ее матери, которая находится сейчас в Одессе, укажите ее адрес и попросите навести справки, жива ли она.

9. Для немецкого курьера, который может быть послан в Москву с ответом германского командования для “Старого”, Вы даете явку к отцу своей жены, через которого посланный должен связаться с Вашей женой. Посоветуйте посещение квартиры отца Вашей жены зашифровать под видом “визита” к врачу. Немецкий курьер должен сказать Вашему тестю, что он прибыл из города Алма-Ата и имеет поручение от Вас к Вашей жене. При этом Вы предупредите немцев, что Ваш тесть ничего не знает о Вашей нелегальной деятельности.

10. В случае если от Вас потребуют политическую информацию о положении в Москве и Советском Союзе, Вы ее даете в соответствии с

разработанным текстом сведений.

11. Если Вас будут вербовать для сотрудничества в германской разведке, Вам разрешается для закрепления Вашего положения у немцев дать согласие.

Кроме того, Вам разрешается вступить в любые фашистские и белогвардейские формирования, действующие на территории Германии, а также в оккупированных областях.

12. Не следует рассказывать немцам, что Ваш отец погиб во время войны 1914 года.

13. Факт своего освобождения от военной службы объясните участием Вашего тестя, старого московского врача, добившегося через врачебные связи в 1940 году признания Вас больным.

14. В случае отхода немецких войск Вы должны принять все меры к тому, чтобы отходить вместе с ними. Если немцы Вам предложат остаться на покидаемой ими территории для разведывательной работы и обусловят форму связи с Вами и если Вам не удастся отказаться, разрешается дать согласие.

15. После прихода частей Красной Армии в пункт, где Вы будете оставлены немцами, Вы должны конспиративно связаться с особым отделом, где ответственному лицу назовете свой псевдоним и попросите немедленно телеграфно снестись с Москвой. Никаких данных о себе и о том, для чего Вы были посланы, Вы никому не имеете права рассказывать.

16. Находясь на территории, занятой противником, Вы должны помнить, что будете подвергаться самому тщательному наблюдению со стороны немцев, поэтому никому, никогда, ни при каких обстоятельствах Вам нельзя говорить прямо или обиняком о своей связи с НКВД и о подлинных причинах Вашего перехода линии фронта. Вы должны так организовать свое поведение, чтобы все то, что Вы говорили немцам, подтверждалось бы Вашими частными разговорами.

Учтите, что немцы широко применяют специальное подслушивание.

17. В случае Вашего ареста Вы должны твердо помнить, что Вам категорически запрещается давать какие-либо показания о действительных причинах Вашего появления на территории, занятой германскими войсками. Каким бы строгостям во время допроса Вы ни

подвергались, Вы должны говорить только одно — что являетесь представителем контрреволюционной группы... Учтите, что такое поведение в течение определенного срока полностью реабилитирует Вас в глазах немцев.

Будучи в камере, в разговорах с арестованными подчеркивайте то же самое, что говорили следователю, ибо среди арестованных будут лица, специально посаженные для Вашего разоблачения.

Вы не должны ни в коем случае, никогда и ни при каких обстоятельствах, называть фамилии известных Вам сотрудников НКВД, адреса конспиративных квартир, а также все, что Вам известно о методах работы советской разведки.

Связь с Вами, когда Вы будете находиться в тюрьме, будет осуществлена по специальному паролю, и только лицу, назвавшему данный пароль, Вы можете говорить правду.

18. Связь с Вами в Германии и других странах будет осуществляться при помощи специально установленных явок, а также через курьеров, которые будут посылаться за линию фронта...

Зам. начальника 2-го отдела
4-го управления НКВД СССР
Маклярский».

Итак, 17 февраля 1942 года, когда немецкие войска впервые после начала Второй мировой войны потерпели сокрушительное стратегическое поражение в битве под Москвой, к немцам за линию фронта после интенсивной специальной подготовки перешел в качестве эмиссара антисоветской подпольной организации «Престол» надежный и проверенный агент советских органов государственной безопасности «Гейне» — Александр Петрович Демьянов.

Демьянов родился в 1910 году в знатной дворянской семье, в которой все мужчины традиционно были военными. Его прадед Антон Головатый был первым атаманом Кубанского казачьего войска, отец, есаул казачьих войск, умер от ран в Первую мировую войну. Дядя Александра (младший брат отца) в годы Гражданской войны руководил белогвардейской контрразведкой на Северном Кавказе.

Мать Демьянова, выпускница Бестужевских курсов, происходила из знатного княжеского рода, в предреволюционные годы считалась «одной из самых ярких красавиц аристократических гостиных

Петрограда». После Гражданской войны отказалась эмигрировать во Францию.

До 1914 года Демьянов жил за границей, после революции поступил в Петроградский политехнический институт, однако был отчислен «по происхождению». Работал электриком.

В 1929 году Демьянов переехал в Москву и был завербован Секретно-политическим отделом ОГПУ. Использовался контрразведкой для разработки связей оставшихся в Советском Союзе лиц дворянского происхождения с зарубежной эмиграцией.

Александр Демьянов работал в Москве в Главкинопрокате, был знаком со многими известными актерами театра и кино. Он часто бывал на бегах, держал в манеже собственную лошадь и был широко известным человеком среди московской богемы.

Выбор «Гейне» в качестве подставы гитлеровским спецслужбам не был случайным. К моменту нападения фашистской Германии на Советский Союз он уже был опытным агентом.

Из характеристики на секретного сотрудника «Гейне», относящейся к середине 1930-х годов: «Надежный, способный и абсолютно честный во взаимоотношениях с органами госбезопасности работник. Он научился концентрировать волю, отличается активным восприятием жизни, умением глубоко проникать в психологию людей. Обладает великолепной памятью, молниеносной реакцией, способностью самостоятельно принимать решения».

Еще в довоенный период «Гейне» вышел на представителей германской торговой миссии в Москве и в разговоре с ними назвал ряд фамилий русских эмигрантов, поддерживавших контакт с его семьей в предреволюционный период. Германская разведка заинтересовалась «Гейне» и стала вести его разработку. Абвер^[15] присвоил ему кличку «Макс».

В поле зрения органов государственной безопасности в предвоенное время находились некоторые представители русской аристократии: бывший предводитель Дворянского собрания Нижнего Новгорода Глебов, поэт Садовской, член-корреспондент Академии наук СССР Сидоров и некоторые другие. В свое время они учились в Германии, были известны немецким спецслужбам, а в Москве жили на территории Новодевичьего монастыря, где нашли прибежище потомки некогда знаменитых дворянских родов. Немцы проявляли

интерес к этим лицам. Им, в частности, было известно, что поэт Садовской, практически не издававшийся в СССР, написал большую поэму в честь «немецких войск, освободителей Европы». В июле 1941 года руководство 4-го управления НКВД приняло решение создать из этих и других лиц с помощью агентуры легендированную прогерманскую подпольную церковно-монархическую организацию «Престол» и внедрить в нее агента «Гейне» с дальнейшим выводом его в Германию. Операция получила кодовое название «Монастырь».

В середине февраля 1942 года «Гейне» был доставлен на фронт в район Можайска. Войсковая разведка перебросила его на нейтральную полосу, которая, как оказалось позже, была немцами заминирована. С рассветом «Гейне» встал на лыжи и направился к немцам с белым флагом. Только по счастливой случайности он не подорвался на минах.

Сам «Гейне» о переходе нейтральной полосы вспоминал: «Когда я добежал до бруствера, немцы помогли мне перебраться, и один из них, отведя в укрытие, попросил по-русски немного подождать. Затем последовала серия непрерывных допросов, днем и ночью. Я находился под неустанным наблюдением. Меня привели в блиндаж к майору. Тот по-русски спросил меня, почему я предал Родину. Остро резанул его взгляд, полный холодного презрения, взгляд кадрового офицера, типичного тевтонца, гордого своим превосходством. Он демонстративно встал из-за стола, когда капитан усадил меня пить чай, брезгливо бросил реплику “предатель Родины” и вышел. Затем меня увезли в штаб».

Согласно разработанной в Центре легенде «Гейне» рассказал немцам о существовании в Москве монархической организации, которая желает установить связь с немецким командованием и выполнять его задания. Ее цель — борьба с коммунизмом. Гитлеровцы вновь подвергли «Гейне» допросу, затем имитировали его расстрел. Разведчик держался стойко, спокойно отвечал на все вопросы, и немцы сделали вид, что ему поверили.

Однако проверка «Гейне» продолжалась. Он был отправлен в Смоленск. Его поместили в концлагерь вместе с предателями и изменниками Родины. В лагере продолжались допросы «перебежчика». Офицеры абвера постоянно интересовались историей его перехода через линию фронта, проверяли знания в области радио- и электротехники.

Через некоторое время «Гейне» перевели на городскую квартиру в Смоленске, где два инструктора занимались его подготовкой в качестве агента абвера. Под их руководством он изучал тайнопись, шифровальное и радиодело. Впоследствии Александр Демьянов вспоминал, что труднее всего ему было скрывать свое умение бегло работать на телеграфном ключе.

Через некоторое время состоялась встреча «Гейне» с высокопоставленным представителем абвера, который сообщил, что скоро его отправят обратно в Москву с заданием по подрывной работе в столице. Были уточнены некоторые детали задания, способы и время связи. Условились, что курьеры, прибывающие в Москву, будут приходить к его тестю, профессору медицины, практикующему на дому, а тот будет связывать их с «Гейне». После этой беседы «Гейне» переправили в Минск, откуда он должен был вылететь самолетом через линию фронта, прыгнуть с парашютом, а дальше добираться до Москвы.

В Минске агента поселили на частной квартире, в которой проживали несколько соседей, и в течение трех дней не беспокоили, оставив одного. Это тоже был один из элементов проверки разведчика со стороны гитлеровских спецслужб. В частности, под окнами квартиры постоянно прогоняли группы людей, жестоко избивая их при этом. «Соседи» поясняли, что на казнь ведут очередную группу партизан, а сами внимательно следили за его реакцией.

15 марта 1942 года за «Гейне» пришла машина. Его отвезли на аэродром, выдали деньги для организации «Престола» и посадили в самолет.

Приземлился «Гейне» в лесу около районного центра Арефино Ярославской области. Захватившим его в плен красноармейцам он сообщил свой оперативный псевдоним и попросил немедленно связаться с Москвой. Из Москвы поступило распоряжение доставить разведчика в Ярославль. Там он жил некоторое время, затем в сопровождении сотрудников госбезопасности был доставлен в Москву.

Первые две недели потребовались для написания подробного отчета. «Гейне» не выходил из дома, так как было не исключено, что немцы могли проверить, когда он вернулся. А слишком быстрое возвращение могло вызвать подозрение. В это же время активно изучались возможности разведчика для продолжения его работы

против абвера с позиций Москвы и согласовывались детали такой работы с руководством органов государственной безопасности.

Докладная записка начальника 4-го управления НКВД СССР П. А. Судоплатова заместителю народного комиссара внутренних дел СССР о результатах направления в спецорганы противника агента «Гейне» от имени легендированной организации «Престол» от 28 марта 1942 года:

«17 февраля с. г. за линию фронта на Гжатском направлении по агентурному делу “Монастырь” был переброшен агент 4-го управления НКВД СССР “Гейне” под видом курьера существующей в Москве церковно-монархической группы.

Направляя нашего агента к немцам от имени организации, мы имели в виду следующие задачи:

- 1) создать канал, по которому можно будет забрасывать нашу специальную агентуру в Германию и на оккупированную территорию;
- 2) дезинформировать германское командование о положении в СССР;
- 3) выяснить круг вопросов, интересующий германскую разведку в СССР.

Находясь на оккупированной территории в течение месяца, “Гейне” побывал в Гжатске, Смоленске и Минске.

15 марта с. г. “Гейне” с минского аэродрома на самолете был доставлен на нашу территорию и сброшен на парашюте в районе Рыбинска Ярославской области. Вместе с “Гейне” в самолете следовал германский разведчик-радиотехник с рацией под кличкой “Краснов”, прошедший специальную подготовку в Варшавской разведывательной школе.

На основании информации “Гейне” принятыми УНКВД по Ярославской области мерами “Краснов” был обнаружен, арестован и доставлен в Москву.

“Гейне” получил задание Смоленского разведывательного пункта вести на нашей территории активную военно-политическую разведку. Кроме того, он привез указания для монархической группы, заключающиеся в следующем:

- 1) активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, всячески восхваляя гитлеровскую Германию и “новый европейский порядок”;

- 2) вести агитацию за немедленное окончание войны;
- 3) развернуть диверсионную и саботажную деятельность;
- 4) приступить к созданию подпольных ячеек организации в промышленных и областных городах СССР.

Согласно легенде “Гейне” сообщил немцам, что организацией, от имени которой он послан, сконструирован в Москве радиопередатчик, который не может действовать из-за отсутствия кварцев. Перед отъездом немцы вручили “Гейне” кварцы и телеграфный ключ, прося наладить регулярную работу передатчика.

Для того чтобы “Гейне” мог сам работать на передатчике, его в течение двух недель обучали в Смоленске два немецких инструктора-радиста.

Для передачи разведывательных сведений по радио немцы снабдили “Гейне” двумя шифрами и позывными.

Обер-лейтенант из Смоленского разведывательного пункта, который непосредственно работал с “Гейне”, обещал для развертывания диверсионной работы прислать в Москву необходимое оружие, взрывчатые вещества и специальных людей.

В качестве явки для германской агентуры, которая будет направлена в Москву, “Гейне” сообщил немцам заранее подготовленный нами адрес отца его жены.

“Гейне” отмечает большой интерес, проявленный работниками Смоленского разведывательного пункта в отношении формирования кавалерийских частей Красной Армии.

Кроме того, немцы настойчиво просили “Гейне” регулярно информировать их о результатах бомбежки Москвы, точно указывая, где упали и что разрушили германские бомбы.

В Гжатске, Смоленске и Минске “Гейне” собрал заслуживающие внимания военно-политические разведывательные данные.

В связи с тем, что посылка “Гейне” за линию фронта дала положительные результаты, позволяющие рассчитывать на реализацию всех намеченных нами по этой легенде задач, целесообразно дальнейшую игру с германской разведкой продолжать.

В целях укрепления легенды и положения “Гейне” в германских разведывательных органах следовало бы в ближайшие дни начать регулярную передачу немцам дезинформационных материалов.

Начальник 4-го управления НКВД СССР

ст. майор госбезопасности
Судоплатов».

Как видим, разработанная Центром операция «Монастырь» первоначально носила чисто контрразведывательный характер. Ее основная цель состояла в том, чтобы проникнуть в агентурную сеть гитлеровских спецслужб на территории Советского Союза и, естественно, ликвидировать ее. «Однако, — подчеркивал ветеран советской внешней разведки Аркадий Жемчугов, — операция развивалась настолько успешно, что вскоре переросла в дезинформационную радиоигру стратегического характера».

В середине 1942 года радиотехническое обеспечение этой операции было поручено Вильяму Фишеру, ставшему в 1960-е годы известным всему миру как советский разведчик-нелегал Рудольф Абель. Его главная обязанность заключалась в том, чтобы не допустить ни малейшего сбоя в работе советских и, главное, перевербованных немецких радистов, поддерживавших двустороннюю связь с гитлеровским абвером.

Забегая вперед отметим, что Фишер был активно задействован и в реализации радиоигры «Березино», о которой речь пойдет ниже. После успешного завершения этих радиоигр, вошедших в учебники разведок многих стран, Вильям Фишер был назначен начальником службы радиоразведки 4-го управления НКВД СССР, которое возглавлял генерал Судоплатов.

Для продолжения операции «Монастырь» 30 апреля 1942 года «Гейне» вышел в эфир на связь с разведывательным центром противника. В ходе дальнейших сеансов радиосвязи по согласованию со 2-м управлением НКВД СССР и планом дезинформации, подготовленным Генштабом Красной армии, немецко-фашистской разведке были переданы сведения о передвижениях войсковых частей, артиллерии и танков к линии фронта. Одновременно он сообщил немцам, что устроился в Генштаб на должность младшего офицера группы связи.

При этом следует учитывать, что работа агента «Гейне» и участников легендированной организации, использовавшихся в операции втемную, тщательно контролировалась литерными мероприятиями и службой наружного наблюдения.

В течение первых четырех месяцев органы госбезопасности сознательно избегали ставить перед немцами какие-либо вопросы. Только в августе 1942 года им было передано, что имеющийся у организации «Престол» передатчик пришел в негодность и требует замены. Вскоре в Москву пожаловали курьеры абвера. 24 августа 1942 года они пришли к тестю «Гейне», а затем встретились и с ним. Курьерами оказались предатели Станкевич и Шакуров. Они вручили «Гейне» новую рацию, батареи, блокноты для шифрования и деньги. Одеты они были в советскую военную форму и прибыли в Москву для совершения диверсий. К вечеру Эйтингоном был отдан приказ усыпить курьеров. Пока курьеры спали, их сфотографировали, обыскали, заменили патроны в револьверах на холостые. Утром им дали возможность погулять по Москве под плотным наружным наблюдением, а затем одного из них арестовали на вокзале, когда он пытался подсчитать воинские эшелоны. Второй курьер был арестован дома у женщины, с которой успел познакомиться.

«Гейне» сообщил немцам по радиации, что Станкевич и Шакуров благополучно прибыли, но новую рацию не доставили, так как она якобы была повреждена при приземлении. 7 октября 1942 года абвер забросил еще двух курьеров, которые без лишнего шума были арестованы органами госбезопасности. «Гейне» информировал немцев, что и эти курьеры благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем радиоигра с немцами велась по двум линиям: по радиостанции «Гейне» от имени монархической организации «Престол» и по радиации прибывших 7 октября диверсантов, которые были перевербованы органами государственной безопасности. Руководство 4-го управления учитывало тот факт, что прибывшие первыми агенты Станкевич и Шакуров имели указание вернуться назад. Было принято решение скомпрометировать одного из них. «Гейне» сообщил немцам по радио, что Шакуров «трусит, много пьет и становится для нас опасным». Абвер приказал его ликвидировать.

12 октября немцы предложили «Гейне» передать сведения о месте работы членов организации «Престол». Агент ответил, что члены его организации работают в Москве и некоторых других городах. Абвер интересовало наличие членов организации в Ярославле, Муроме и Рязани. Немцы потребовали переслать им адреса и пароли для связи с этими лицами. Чтобы не вызвать подозрений немцев, им было

сообщено, что в названных городах организация «Престол» своих людей не имеет, однако располагает возможностью принять курьеров в Горьком. Немцы запросили адрес явочной квартиры и пароль. Игра с гитлеровской военной разведкой расширялась. Абвер высоко оценил работу «Гейне». 18 декабря «Гейне» была передана шифровка из Берлина о том, что он и Станкевич (к тому времени он был перевербован советской контрразведкой и стал принимать активное участие в операции «Монастырь») награждены немецким Орденом с мечами за храбрость.

Вскоре «Гейне» информировал немцев, что его организация приобрела еще одну явочную квартиру. На самом деле в ней проживал сотрудник НКВД. Курьеры абвера все чаще прибывали в Советский Союз. Их встречали не только в Москве, но и в других городах, в том числе в Горьком, Свердловске, Челябинске, Новосибирске. Одному из курьеров даже разрешили вернуться обратно, чтобы подтвердить, что организация «Престол» работает под контролем абвера.

Радиостанции «Гейне» и Станкевича продолжали передавать «важную стратегическую информацию», которая на самом деле готовилась в Генеральном штабе Красной армии для дезинформации германского военного командования. Среди сведений, передаваемых за линию фронта, были донесения о «важнейших решениях» Ставки, данные о совещаниях у маршала Шапошникова и другая информация. Шифровки «Гейне» высоко ценились в отделе «Иностранные армии Востока» германского генерального штаба и учитывались при планировании операций на Восточном фронте.

«Гейне» активно передавал выгодные советскому командованию сведения о железнодорожных перевозках воинских частей, боеприпасов и военного снаряжения. Для подтверждения фактов о якобы проведенных организацией «Престол» диверсиях чекистами были организованы соответствующие публикации в прессе. Приходилось даже имитировать акты вредительства на железных дорогах страны, в частности под городом Горьким. В отдельных случаях, когда это было выгодно советскому командованию, «Гейне» передавал немцам и достоверную информацию определенного целевого назначения. В ее подготовке принимал непосредственное участие начальник оперативного управления Генерального штаба генерал С. М. Штеменко. Некоторые важные операции Красной армии

на фронте действительно осуществлялись там, где их предсказывал «Гейне», но имели отвлекающее, вспомогательное значение.

Характерными в этом отношении стали дезинформационные мероприятия, проведенные через «Гейне» в преддверии Сталинградской и Орловско-Курской операций.

Так, накануне контрнаступления под Сталинградом Ставка Верховного командования довела до немцев стратегическую дезинформацию относительно направления главного удара Красной армии на Западном фронте. При разработке и подготовке Сталинградского котла Сталин 13 ноября 1942 года пригласил в Кремль членов Политбюро и членов Государственного Комитета Обороны. На этом совещании присутствовали также генералы Василевский и Жуков. При обсуждении плана контрнаступательной операции Жуков и Василевский обратили внимание присутствующих на то, что германское командование может перебросить в район Сталинграда на помощь группировке Паулюса часть своих войск из района Вязьмы. Чтобы этого не случилось, необходимо было дезинформировать германское командование относительно направления удара Красной армии, сделав вид, что наступление на советско-германском фронте планируется осуществить в районе Ржевского выступа.

На Жукова возлагалась задача подготовить наступление Калининского и Западного фронтов, чтобы убедить немцев, что именно здесь наносится главный удар. Действительно, появление Жукова на Западном фронте дезориентировало немецкое военное командование, которое сочло, что именно здесь Красная армия планирует перейти в контр-наступление. Более того, сосредоточение стратегических резервов Красной армии в районе Москвы также укрепило немцев в этой мысли. На самом деле задача Жукова была более скромной — сковать силы немцев на этом участке фронта. Для перехода в контрнаступление у него не было достаточных сил и средств.

Германское командование стало срочно усиливать группировку своих войск в районе Ржевского выступа. Предупрежденные «Гейне», что Красная армия готовит удар именно под Ржевом, немцы предприняли меры по его отражению, а с началом Сталинградской наступательной операции оказались не в состоянии перебросить из-

под Ржева войска на помощь окруженной группировке генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса. Сражение под Ржевом носило ожесточенный и затяжной характер, хотя контрнаступления здесь, как уже отмечалось, не планировалось. В наши дни отдельные средства массовой информации пытаются доказать, что Жуков под Ржевом потерпел поражение. Как мы видим, Жуков сумел блестяще выполнить поставленную перед ним задачу, сковав в районе Ржевского выступа немецкие войска, и тем самым способствовал их разгрому под Сталинградом. Следует отметить, что только под Сталинградом армии фашистского блока потеряли до полутора миллиона человек, то есть четверть всех сил, действовавших тогда на Восточном фронте.

Относительно летней кампании 1943 года «Гейне» информировал немцев о том, что советское командование планировало осуществить военные операции к северу от Курска и на Южном фронте. В результате переход советских войск в районе Курска и Орла к стратегической обороне, а затем к наступлению оказался для немцев неожиданным.

Интересно отметить, что стратегическая дезинформация, передававшаяся советскими разведчиками для гитлеровского командования в ходе операции «Монастырь», подчас возвращалась в органы госбезопасности от их источников в абвере и британской разведке. Так, в 1942 году внешней разведкой в одной из оккупированных немцами стран удалось наладить непродолжительное, но весьма продуктивное сотрудничество с одним из руководителей шифровальной службы абвера полковником Шмитом. До своего провала он успел передать нам ряд ценных разведывательных материалов абвера, полученных из Москвы. При анализе этих материалов было установлено, что они являются «информационными» сообщениями «Гейне».

Кроме того, британская разведка, имевшая свою агентуру в абвере, также получала по своим каналам материалы «Гейне», которые возвращались в Москву в виде агентурных донесений от члена «Кембриджской пятерки» Энтони Бланта. Англичане настолько уверовали в то, что абверу удалось завербовать агента в окружении маршала Шапошникова, что даже Черчилль сообщил Сталину в 1943 году, что в Генштабе Красной армии есть немецкий агент.

До самого конца войны руководство абвера так и не догадалось об истинной роде Демьянова. Так, бывший начальник разведки ФРГ Р. Гелен в своих мемуарах высоко оценил достижения во время войны агента «Макса» (псевдоним Демьянова в абвере).

А шеф внешней разведки Службы имперской безопасности рейха Вальтер Шелленберг в своих мемуарах «Лабиринт» писал, что этот «ценнейший агент служил в штабе офицером связи. Он был настроен антисоветски и ненавидел Сталина за то, что подвергся репрессиям в 1930-х годах и сидел два года в тюрьме».

Объем зашифрованной переписки «Гейне» с абвером, включавший в себя помимо «информационных» материалов множество запросов и ответов по организационно-оперативным вопросам, составил три объемных, ныне архивных тома.

Оперативная игра «Монастырь» продолжалась до конца Великой Отечественной войны. В ходе операции органами государственной безопасности было арестовано более пятидесяти агентов-курьеров абвера и семь пособников противника, а также получено несколько миллионов рублей на деятельность легендированной организации «Престол».

За успешное содействие стратегическим операциям Красной армии руководители операции «Монастырь» Павел Судоплатов и Наум Эйтингон были награждены полководческими орденами Суворова 2-й степени, что в системе органов государственной безопасности было единственным раз. Сам «Гейне» — Александр Петрович Демьянов — получил орден Красной Звезды, его жена, Татьяна Георгиевна Березанцева, и ее отец — медали «За боевые заслуги».

Но эти награждения последовали уже в ноябре 1945 года. А пока наступил 1944 год. Война шла к концу, Красная армия подходила к государственной границе СССР. Близилась к завершению и одна из наиболее удачных операций разведывательных органов государственной безопасности военного периода — операция «Монастырь». Однако на совещании с руководством государственной безопасности, состоявшемся в Кремле 4 апреля 1944 года, Сталин предложил наркому Меркулову и начальнику диверсионно-разведывательного управления НКГБ Судоплатову изучить вопрос о продолжении и расширении радиоигры.

Первоначально чекистами обсуждалась возможность заслать к немцам координатора от «Престола». Прорабатывался также вопрос о повторном направлении «Гейне» за линию фронта. Сам «Гейне» предлагал направить одного из якобы активных членов организации «Престол» в качестве переводчика Красной армии в лагерь немецких военнопленных, чтобы в дальнейшем организовать его «побег» совместно с несколькими немецкими офицерами. Явившись к немцам, этот переводчик должен был создать условия для более активной связи «Гейне» с абвером. Операция «Монастырь» была продолжена. Теперь основные ее усилия были направлены на проведение дезинформационных мероприятий в отношении противника, чтобы достичь стратегических преимуществ на заключительной стадии Отечественной войны.

В начале августа 1944 года «Гейне» был включен в новую оперативную игру с немецким командованием, разработанную органами государственной безопасности и получившую кодовое название «Березино». В очередной шифровке он информировал немецкую разведку, что переведен из группы связи Генштаба Красной армии в технические части с присвоением звания инженер-капитана. В связи с этим ему требовалась еще одна рация для продолжения связи из Москвы, где его функции будет выполнять другой радист, подготовленный организацией «Престол». Свою рацию он берет с собой и свяжется с ними из тех мест, где будет находиться по долгу службы. Таким образом, связь с абвером по линии операции «Монастырь» не прекращалась, а введение «Гейне» в новую оперативную игру обеспечивалось быстрыми темпами.

Но это уже была другая страница истории Великой Отечественной войны и деятельности 4-го управления НКВД СССР.

Командировка на Кавказ

Следует отметить, что Павел Судоплатов в период Великой Отечественной войны руководил разведывательно-диверсионными операциями не только из своего кабинета на Лубянке. Случалось ему бывать и под пулями, на передовой.

Так, в августе — сентябре 1942 года он выезжал в командировку на Северный Кавказ. Сам Судоплатов об этом рассказывал следующее: «В августе 1942 года Берия и Меркулов (при этом разговоре присутствовал также Маленков) поручили мне экипировать всего за двадцать четыре часа 150 альпинистов для ведения боевых действий на Кавказе. Как только альпинисты были готовы к выполнению боевого

задания, Берия приказал мне вместе с ним и Меркуловым несколькими транспортными самолетами вылететь из Москвы на Кавказ. Перелет был очень долгим. В Тбилиси мы летели через Среднюю Азию на “С-47”, самолетах, полученных из Америки по ленд-лизу.

Наши операции должны были остановить продвижение немецких войск на Кавказ накануне решающего сражения под Сталинградом.

Первую посадку мы сделали в Красноводске, затем в Баку, где полковник Штеменко, начальник кавказского направления Оперативного управления Генштаба, доложил об обстановке. На совещании было решено, что наше специальное подразделение попытается блокировать горные дороги и остановить продвижение частей отборных альпийских стрелков противника».

Сразу же вслед за руководящим составом в Тбилиси прибыли группы десантников и альпинистов во главе с одним из заместителей Судоплатова — майором госбезопасности Михаилом Орловым. Они не дали немцам вторгнуться в Кабардино-Балкарию, перед началом готовящегося наступления враг понес тяжелые потери. Кроме того, альпинисты взорвали цистерны с нефтью и уничтожили находившиеся в горах моторизованные части немецкой пехоты. «Наши собственные потери, — отмечал позже Судоплатов, — были также велики, потому что альпинисты были недостаточно подготовлены в военном

отношении. Их преимущество было в профессионализме, знании горной местности, а также в активной поддержке со стороны горцев. Только в Чечне местное население не оказывало им помощи».

Здесь хотелось бы обратить внимание читателя на следующий интересный эпизод, связанный непосредственно с героем книги. На штабных совещаниях в Тбилиси, которые проходили под председательством Берии, Судоплатов, по его словам, испытывал некоторые затруднения, когда речь заходила о чисто военных вопросах. При обсуждении одной из проблем он честно признался в некомпетентности в военной стратегии и тактике и попытался переадресовать ее решение Штеменко. «Надо серьезно изучать военные вопросы, товарищ Судоплатов, — оборвал его Берия. — Не следует говорить, что вы некомпетентны. Вас пошлют на учебу в военную академию после войны». Самое интересное, что после войны Судоплатов действительно был направлен на учебу без отрыва от основной работы в Военно-юридическую академию и окончил ее в мае 1953 года.

Очень тяжелые бои шли на Северном Кавказе в конце августа — начале сентября 1942 года. Тогда одно из диверсионных подразделений НКВД получило приказ подорвать нефтяные скважины и буровые вышки в районе Моздока. При минировании важного стратегического объекта лично присутствовали первый заместитель народного комиссара внутренних дел СССР Всеволод Меркулов и начальник 4-го управления НКВД Павел Судоплатов. Взрыв скважин был произведен в тот момент, когда к ним приблизились немецкие мотоциклисты. Меркулов и Судоплатов, следившие за взрывом, присоединились к диверсионной группе, отходившей в горы, лишь в последний момент. Позже по каналам внешней разведки поступило сообщение из Швеции, что немцы не смогли использовать нефтяные запасы и скважины Северного Кавказа, на которые очень рассчитывали.

Когда Меркулов и Судоплатов вернулись в Тбилиси, Берия сообщил, что Сталин объявил Меркулову выговор за неоправданный риск при выполнении операции по минированию: он подвергал свою жизнь неоправданному риску и мог быть захвачен в плен. Одновременно Берия устроил разнос Судоплатову за то, что он допустил это.

Параллельно Судоплатов решал в командировке и другие вопросы. В частности, довольно реальными были опасения, что Тбилиси может быть захвачен врагом. В этой связи в задачу Судоплатова входило создание подпольной агентурной сети на случай, если Тбилиси окажется под немцами. Было несколько кандидатов на пост руководителя агентурной сети. В конечном итоге руководство НКВД и 4-го управления определило на эту роль Алексея Мачивариани, драматурга с репутацией безукоризненно честного человека, которому можно было доверить крупные суммы денег, а также золотые и серебряные изделия, которые в случае надобности можно было использовать на нужды подполья.

Позже Павел Анатольевич очень гордился медалью «За оборону Кавказа», которой была отмечена его командировка.

Операция «Березино»

В начале августа 1944 года «Гейне» был подключен к проведению новой оперативной игры с немецким военным командованием, разработанной 4-м управлением НКГБ СССР и получившей кодовое название «Березино». А начиналась она так.

Летом 1944 года «Гейне» был командирован в освобожденный Минск. Вскоре он сообщил в Москву, что, по некоторым сведениям, в белорусских лесах скрываются попавшие в окружение разрозненные группы немецких солдат и офицеров. Это соответствовало действительности. После проведения наступательной операции «Багратион» солдаты и офицеры разгромленных немецких частей в массовом порядке выходили на магистральные шоссе, складывали оружие и сдавались в плен.

Это обстоятельство было использовано руководством 4-го управления НКГБ СССР для продолжения радиоигры с немцами. По согласованию с Генштабом было решено довести до немецкого командования информацию о том, что в тылу Красной армии действуют остатки немецких войск, попавшие в окружение. Замысел заключался в том, чтобы ввести германское командование в заблуждение, заставить его использовать свои ресурсы на поддержку этих частей и побудить их сделать серьезную попытку пробиться к своим. В данном случае немцы были бы вынуждены открыть один из участков фронта для прохода «окруженцев», в который можно было бы ввести заранее подготовленное и соответствующим образом экипированное соединение Красной армии.

18 августа 1944 года «Гейне» информировал немцев, что в Белоруссии в районе реки Березины будто бы скрывается крупная немецкая воинская часть численностью более двух тысяч человек, потерявшая связь со своим командованием и испытывающая нужду в продовольствии, медикаментах и боеприпасах. Немецкие солдаты и офицеры якобы стремятся прорваться за линию фронта.

Командование вермахта приняло решение оказать помощь своим военнослужащим, попавшим в беду. Таким образом, операция «Березино» явилась логическим продолжением операции

«Монастырь». Возглавлять комплекс оперативных мероприятий по данной операции, включая координацию действий с белорусскими чекистами, было поручено заместителю начальника диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР полковнику Науму Эйтингону.

По инициативе Эйтингона была сформирована специальная оперативная группа сотрудников 4-го управления НКГБ, которую направили в район Березино. Ей поручили подобрать подходящее место из числа бывших партизанских баз, где якобы укрывается легендируемая немецкая часть. Необходимо было подготовить площадки для приема груза и парашютистов, а также на случай возможного приземления немецких самолетов. Оперативной группе предстояло обеспечить встречу немецких десантников, в том числе и радистов, принимать сброшенные немцами грузы и осуществлять другие мероприятия, связанные с проведением данной операции.

Помимо чекистов в оперативную группу были включены агенты-немцы, бывшие военнопленные, одетые в форму германской армии, 20 автоматчиков Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКГБ СССР и военнопленный немецкой армии подполковник Шерхорн, которому предстояло сыграть роль командира легендированной части.

Из оперативной справки:

«Подполковник Генрих Шерхорн, кадровый офицер, по профессии администратор коммунального имущества. Член НСДАП с 1933 года. Командовал охранным полком одной из дивизий, входивших в состав группы немецких армий “Центр”. Взят в плен 9 июля 1944 года в районе Минска. В период пленения был настроен пессимистично. В победу Германии не верит.

Завербован органами государственной безопасности. Оперативный псевдоним — “Шубин”».

Из материалов оперативного дела на «Шубина» следует, что вербовал его лично начальник диверсионно-разведывательного управления НКГБ СССР генерал-лейтенант Судоплатов.

На роль командира легендированной части Шерхорн был выбран в связи с тем, что его охранный полк и он сам были мало известны в вермахте, что позволяло Центру использовать его в оперативной игре с противником.

Специальная оперативная группа 4-го управления НКГБ оборудовала расположение легендированной немецкой части во главе с Шерхорном на бывшей партизанской базе на восточном берегу озера Песочное, у деревни Глухое Червенского района Минской области.

Ответа из Берлина долго не было. Как стало известно позже, получив телеграмму «Гейне», германское командование дало указание контрразведке тщательно проверить по своим каналам личность подполковника Генриха Шерхорна. В случае положительных результатов планировалось использовать подразделение известного диверсанта Отто Скорцени, который намеревался под видом рабочих батальонов военнопленных передислоцировать свой отряд к линии фронта со стороны советских войск и совместно с отрядом Шерхорна ударить в тыл частям Красной армии. Однако на начальном этапе от этого варианта решили отказаться.

В конечном итоге было принято решение сделать ставку на «окруженцев» как на возможный будущий очаг военных действий в тылу Красной армии в случае, если удастся остановить тотальное советское наступление, а пока использовать их для диверсий на армейских коммуникациях и разнообразных мелких ударов тактического характера.

25 августа 1944 года «Гейне» получил ответную телеграмму:

«Благодарим за ваши сообщения. Просим связаться с этой немецкой частью. Мы намерены сбросить для них различный груз. Мы также могли бы послать радиста, который мог бы оттуда связаться со здешними руководящими органами. Для этого мы должны знать местонахождение этой части, чтобы наш радист мог найти ее, и место, подходящее для сброски груза.

Этой части нужно было бы сообщить о прибытии к ним радиста, чтобы он не был задержан этой частью, так как радист придет в обмундировании Красной Армии.

Пароль — Ганновер».

В тот же день в район озера Песочное для руководства операцией на месте выехала группа из шестнадцати ведущих оперативных сотрудников 4-го управления НКГБ во главе с Эйтингоном. В ее состав входили опытные сотрудники внешней разведки, майоры госбезопасности Михаил Маклярский, Георгий Мордвинов и Яков Серебрянский, а также капитан госбезопасности Вильям Фишер.

Группе были приданы дополнительно десять надежных агентов из числа немцев, которые должны были принимать парашютистов в качестве солдат «части» Шерхорна.

«Гейне» начал действовать. Для абвера он пользовался легендой, что в последнее время был «прикомандирован» к 51-му отдельному дорожно-строительному отряду, расположенному в местечке Березино, что в 100 километрах западнее Могилева. Уже 7 сентября он направил немцам радиogramму об «установлении контакта с воинской частью подполковника Шерхорна», сообщил ее координаты и подтвердил пароль «Ганновер». Одновременно им были переданы некоторые биографические данные на Шерхорна для подтверждения легенды встречи с ним. «Гейне» также информировал Берлин, что для сброски грузов и посадки самолетов «окруженцы» подобрали в районе озера Песочное удобную площадку — бывший партизанский аэродром, о котором немцам было известно в период оккупации Белоруссии.

Об информации «Гейне» было доложено Гитлеру и Герингу, которые дали указание сообщить Шерхорну, что со стороны Берлина будет предпринято все возможное для спасения его отряда, и распорядились оказывать отряду всемерную помощь боеприпасами, продуктами питания и медикаментами.

В ночь на 16 сентября чекистами были задержаны два парашютиста, которые на допросе рассказали, что по приказу штаба группы армий «Центр» были направлены для установления связи с окруженной немецкой воинской частью. В дальнейшем немецкое командование неоднократно забрасывало своих военнослужащих в советский тыл для оказания помощи «немецкой группе в Белоруссии», регулярно направляло ей продовольствие и боеприпасы. Прибывавшие сотрудники абвера перевербовывались чекистами и включались в радиоигру с немецким командованием под контролем сотрудников оперативной группы.

В конце сентября 1944 года командующему группой немецких армий «Центр» генерал-полковнику Рейнгарду была доложена очередная информация, полученная от «Гейне». Согласно содержащимся в ней сведениям, часть подполковника Шерхорна насчитывала более 1500 человек, в том числе 200 русских — бывших полицейских, спасавшихся от возмездия. Отряд Шерхорна якобы был разбит на группы в целях мобильности и скрытности действий.

Группы под командованием майора Дитмана, подполковников Шиффера, Михаэлиса и Эккардта (на самом деле все они были завербованы чекистами) продвигаются к линии фронта для соединения с частями вермахта.

С декабря 1944 года связь с вермахтом осуществлялась уже по трем каналам. Чтобы не допустить посадки немецких самолетов в районе дислокации легендарной части, «Гейне» по заданию Эйтингона направлял германскому командованию сообщения о мнимых боевых столкновениях отряда Шерхорна с подразделениями Красной армии. В начале марта 1945 года «Гейне» радировал в абвер о выходе передовых групп отряда подполковника Шерхорна к границе с Литвой. Для обеспечения продвижения «соотечественников» в Восточную Пруссию командование вермахта направило Шерхорну большую группу своих агентов, состоявшую из поляков, которые по прибытии в СССР были арестованы сотрудниками НКГБ.

Верховное командование германской армии периодически присылало лично Шерхорну, а также солдатам и офицерам его «части» по случаю праздников поздравления с благодарностью за службу. Однажды с грузом боеприпасов были присланы боевые награды — Железные кресты с незаполненными бланками удостоверений к ним. Шерхорну предоставлялось право по своему усмотрению наградить отличившихся.

Как рассказывали позже очевидцы, заместитель руководителя оперативной группы Георгий Мордвинов построил одно из подразделений обеспечения операции в две шеренги и раздал Железные кресты первой из них. Затем отдал команду «кругом» и, когда строй повернулся, приказал шеренге с крестами прикрепить их к штанам впереди стоящих в районе мягкого места.

— До конца дня так и ходить, не снимать! — перед тем как распустить строй, отдал Мордвинов последнее распоряжение.

Присутствовавший при этом Эйтингон, которого Мордвинов не посвятил в свое намерение перед построением, хохотал — не мог остановиться.

28 марта 1945 года подполковник Шерхорн получил телеграмму за подписью начальника штаба немецких сухопутных войск генерал-полковника Гудериана, в которой говорилось, что ему присвоено звание полковника и что он награжден Рыцарским крестом 1-й

степени. Одновременно ему было приказано прорываться со своей частью через линию фронта, а затем следовать в Польшу и Восточную Пруссию. Однако войска Красной армии стремительно продвигались на Запад, и «часть» Шерхорна никак не могла их «догнать» — бои шли уже на территории Германии.

1 мая 1945 года немцы сообщили Шерхорну, что Гитлер погиб, а 5 мая по всем радиостанциям, участвовавшим в оперативной игре «Березино», немцы передали последнюю радиограмму:

«Превосходство сил противника одолело Германию. Готовое к отправке снабжение воздушным флотом доставлено быть не может. С тяжелым сердцем мы вынуждены прекратить оказание вам помощи. На основании создавшегося положения мы не можем также больше поддерживать с вами радиосвязь. Что бы ни принесло нам будущее, наши мысли всегда будут с вами, которым в такой тяжелый момент приходится разочаровываться в своих надеждах».

Это был конец оперативной игры. Из архивной справки по делу «Березино», составленной 8 марта 1947 года:

«Агентурное дело “Березино” заведено в сентябре 1944 года в целях радиоигры с немецкими разведорганами и верховным командованием германской армии о наличии якобы крупных соединений немецко-фашистских войск в районе Березино Белорусской ССР.

Для поддержания морального и боевого духа своих солдат и офицеров в советском тылу германское главное командование систематически перебрасывало в указанный район с самолетов свою агентуру и различные грузы.

Так, с сентября 1944 года по май 1945 года немцами в советский тыл было совершено 39 самолето-вылетов и выброшено 22 германских разведчика, которые были арестованы 4-м управлением НКГБ СССР, 13 радиостанций, 255 мест груза с вооружением, боеприпасами, обмундированием, медикаментами, продовольствием и один миллион семьсот семьдесят семь тысяч рублей советских денег.

Агентурное дело “Березино” состоит из 117 томов и двух альбомов, в которых сосредоточены материалы, относящиеся к этому делу».

В начале 1950-х годов Генрих Шерхорн и его помощники из числа немецких военнопленных были освобождены и выехали на жительство

в ГДР.

Александр Петрович Демьянов, как и до войны, жил в Москве и был связан с кинопрокатом. Скончался в 1978 году и похоронен на Немецком кладбище.

За успешное проведение операции «Березино» Павел Анатольевич Судоплатов был награжден орденом Отечественной войны I степени.

Ялтинская конференция

На полях сражений Великой Отечественной войны советские войска отстаивали свободу и независимость не только своей страны. Это была и борьба за независимость стран, захваченных фашистской Германией. Освободительный характер войны отметил в своем выступлении по радио 3 июля 1941 года И. В. Сталин. Единые цели в борьбе с фашизмом нашли отражение в создании антигитлеровской коалиции — военно-политического союза государств, в который вошли страны с диаметрально противоположными идеологическими и политическими системами^[16].

Следует подчеркнуть, что антигитлеровская коалиция, объединившая в своих рядах коммунистический Советский Союз и западные страны — США и Англию, была уникальным военно-политическим явлением и преследовала в первую очередь необходимость устранения угрозы, которая исходила от германского нацизма и его военной машины. Союз этот был и с той, и с другой стороны вынужденным, рассматривался как нечто противоестественное и временное. Каждая сторона стремилась максимально использовать коалицию в своих интересах, чтобы подготовить выгодные для себя позиции на период после окончания войны.

До сих пор мало известно о том, что в период войны впервые между СССР и Англией, а затем и США устанавливались контакты по линии разведывательных служб. И хотя стороны относились друг к другу настороженно, сам факт такого сотрудничества знаменателен как знак поиска новых форм отношений между членами антифашистской коалиции, несмотря на разделявшие их социальные и политические разногласия.

Первым серьезным шагом к созданию антигитлеровской коалиции было заключение 12 июля 1941 года соглашения между СССР и Великобританией о совместных действиях в войне против фашистской Германии, предусматривавшее оказание взаимной помощи. Соглашение было подписано в Москве в результате

переговоров с представительной правительственной делегацией из Лондона.

А уже в конце июля в развитии этого соглашения английское правительство сделало предложение советскому правительству о налаживании сотрудничества между разведками двух стран в борьбе против нацистских спецслужб.

Первые официальные контакты представителей советской внешней разведки и Управления стратегических служб (УСС) США (внешней разведки этой страны на тот период) начались в декабре 1943 года.

За период Великой Отечественной войны руководители «Большой тройки» — входивших в антигитлеровскую коалицию США, Англии и СССР — встречались три раза.

Первая встреча Рузвельта, Черчилля и Сталина состоялась в Тегеране 28 ноября — 1 декабря 1943 года, когда стратегическая обстановка на советско-германском фронте коренным образом изменилась и наметился явный поворот войны в пользу СССР.

Основными вопросами, обсуждавшимися на Тегеранской конференции, были военные: выработка стратегии борьбы с Германией и странами «оси»^[17], а также вопрос об открытии второго фронта в Европе.

Вторая конференция глав трех союзных держав — СССР, США и Великобритании — состоялась с 4 по 11 февраля 1945 года в Ливадийском дворце в Ялте. «Большую тройку» на Крымской (Ялтинской) конференции также представляли Иосиф Сталин, Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль.

17 июля 1945 года в Потсдаме во дворце Цецилиенхоф открылась очередная, третья конференция «Большой тройки». Она продолжалась свыше двух недель и завершилась 2 августа. На повестку дня конференции были вынесены вопросы послевоенного устройства в Европе.

Переговоры проходили трудно для советской делегации. Положение осложнялось еще и тем, что 12 апреля умер президент США Рузвельт, которого заменил вице-президент Гарри Трумэн, а Черчилля, проигравшего парламентские выборы, 28 июля сменил лидер лейбористов Клемент Эттли, ставший премьер-министром

британского правительства. Сталин знал, что Трумэн и Эттли более чем прохладно относятся к СССР.

В нашем повествовании мы остановимся на вопросах, связанных с проведением Крымской (Ялтинской) конференции глав трех союзных держав — СССР, США и Великобритании. В подготовке этой конференции большую роль сыграли как военная, так и политическая разведка. Активное участие в этой работе принимал и Павел Анатольевич Судоплатов.

Приказом НКВД СССР № 0028 от 8 января 1945 года генералу Судоплатову было поручено координировать работу центральных аппаратов НКВД и НКГБ по обеспечению проведения Крымской (Ялтинской) конференции союзников. В этой связи встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля в Ялте предшествовал ряд неофициальных переговоров в Москве, в которых участвовали: с одной стороны — руководитель советской внешней разведки П. М. Фитин и его заместитель П. А. Судоплатов (под именем Павла Матвеева, помощника В. М. Молотова); посол США в СССР А. Гарриман, глава американской военной миссии в Москве генерал Дж. Р. Дин, контр-адмирал К. Е. Олсен, а также советник английского посольства Д. Робертс — с другой.

Позже генерал Судоплатов вспоминал: «Мы оговаривали возможные подходы к решению спорных вопросов: обмен разведывательной информацией, взаимная выдача провалившейся агентуры и захваченных немецких военных специалистов, деликатные проблемы возможного послевоенного урегулирования в странах Восточной Европы. Гарриман, в частности, не возражал против идеи создания коалиционного правительства в послевоенной Польше, предложенной Сталиным и Молотовым».

Следует отметить, что встречи представителей советской внешней разведки со своими американскими и английскими коллегами накануне Ялтинской конференции как бы подвели итоги сотрудничества спецслужб союзников в годы войны.

Так, в период Великой Отечественной войны советская и британская разведки активно взаимодействовали на территории третьих стран. Наиболее результативным такое взаимодействие оказалось в Афганистане, где резидентуры НКВД и МИ-6 провели успешную совместную операцию по разгрому «Мародеров». Под этим

оперативным псевдонимом в переписке с Москвой и Лондоном проходила агентурная сеть немецкой разведки, действовавшая в военные годы в этой стране. Совместными усилиями были нанесены ощутимые удары по германской, японской и итальянской резидентурам, хозяйничавшим на афганской земле. В результате объединенных действий советской и британской разведок удалось предотвратить подготавливаемый нацистами переворот и введение германских войск в Афганистан.

Высокой оценки центров заслужила также совместная акция по разгрому агентурно-диверсионной сети немецкой и японской разведок в Индии и Бирме.

В рамках соглашения о сотрудничестве представители советской разведки наладили устойчивый деловой контакт с сотрудниками английской разведки, действовавшими при штабе маршала Тито в Югославии.

Хорошо обстояло дело и с обменом информацией о новых технических средствах и методах ведения подрывной работы. Стороны передавали друг другу образцы документов Германии и оккупированных ею стран для оснащения забрасываемой в эти страны агентуры (удостоверения личности, штампы и печати, продовольственные карточки и т. п.), обменивались данными о диверсионном снаряжении и экипировке агентуры, образцами раций и вооружения, различного типа взрывателей и мин.

Английская сторона положительно оценивала полученные от советской разведки образцы диверсионной техники. Со своей стороны 4-е управление НКГБ также высоко оценивало полученные через английскую разведку аналогичные материалы и образцы.

Весьма плодотворным был обмен разведывательной информацией по гитлеровской Германии между УСС и советской разведкой. Только в апреле — мае 1944 года американцы передали нам информационные материалы по различным вопросам положения в Германии и оккупированных ею странах общим объемом свыше двух тысяч листов. По оценке информационного отдела советской внешней разведки, эти материалы представляли «значительный интерес и были ценны как богатый справочный материал».

В октябре — декабре 1944 года от УСС советской разведкой было получено около полутора тысяч страниц материалов по Румынии.

Наибольший интерес для советской разведки представляла информация об обстановке в нацистском руководстве Германии, полученная от источника УСС в Швейцарии и переданная Фитину 31 декабря 1944 года. На основании этих материалов аналитическое подразделение разведки 13 января 1945 года направило Сталину, Молотову и Берии специальное сообщение.

В ходе секретных переговоров накануне Ялтинской конференции была также достигнута договоренность о содействии американских и английских властей в выдаче советскому правительству лидеров и отдельных деятелей антисоветской эмиграции. Одновременно речь шла о выдаче представителей командного состава власовской армии, в первую очередь — Георгия Жиленкова, в обмен на передачу англичанам и американцам интересовавших их немецких генералов и адмиралов. В частности, это касалось находившегося в Москве в плену главнокомандующего в 1935–1943 годах германскими военно-морскими силами гросс-адмирала Эриха Редера. Договоренность была зафиксирована в трех секретных протоколах, подписанных на Ялтинской конференции 11 февраля 1945 года Вячеславом Молотовым, Корделлом Хэллом и Энтони Иденом.

А теперь остановимся на некоторых деталях, связанных с работой Ялтинской конференции.

Здесь необходимо отметить, что в соответствии с достигнутыми на Тегеранской конференции договоренностями между партнерами по антигитлеровской коалиции об открытии второго фронта в мае — июне 1944 года 6 июня войска США и Англии высадилась в Нормандии. Операция «Оверлорд», как обозначалось американо-британское вторжение во Францию, началась.

Однако уже к концу 1944 года американские и британские войска в Европе столкнулись с весьма сложной обстановкой на германском фронте. В середине декабря 1944 года германские войска внезапно нанесли мощный удар в Арденнах, что поставило англо-американских союзников в крайне трудное положение.

Только благодаря Красной армии, которая по просьбе руководителей США и Англии 12 января 1945 года, на две недели раньше намеченного срока, развернула наступление против Германии в Польше, арденнской катастрофы удалось избежать. Германское командование было вынуждено отказаться от наступления в Арденнах

и перебросить освободившиеся дивизии на Восток. Американско-британские войска на Западном фронте были спасены и вскоре возобновили наступление. Всеми миру стало ясно, что война идет к концу и поражение Германии неизбежно.

Назрела настоятельная необходимость в срочном согласовании дальнейших действий стран антигитлеровской коалиции для окончательного разгрома Германии и Японии и завершения Второй мировой войны. Требовали тщательной проработки и проблемы послевоенного устройства в Европе. Представители СССР, США и Великобритании договорились об очередной встрече лидеров «Большой тройки». Местом ее проведения была избрана Ялта, незадолго до этого освобожденная Красной армией от гитлеровской оккупации.

Накануне Ялтинской (Крымской) конференции глав правительств трех держав — участниц антигитлеровской коалиции в Москве прошло представительное совещание руководителей разведок НКГБ, наркоматов обороны и военно-морского флота. В первый день на нем председательствовал начальник Главного разведывательного управления Генштаба Красной армии генерал-лейтенант Филипп Голиков. Второй день совещания проходил под председательством Лаврентия Берии. Обсуждался всего один вопрос: оценка потенциальных возможностей Германии к сопротивлению союзникам.

После тщательного анализа имевшейся информации военной и политической разведок участники совещания сделали вывод: война в Европе продлится не более трех месяцев. Разведслужбы проанализировали также цели и намерения союзников на предстоящей конференции. Участники совещания сошлись во мнении: американцы и англичане на предстоящей конференции пойдут на значительные уступки Советскому Союзу. В своих мемуарах Павел Судоплатов писал: «Мы исходили из достоверной информации о том, что американцы и англичане займут гибкую позицию и пойдут на уступки ввиду заинтересованности быстрейшего вступления Советского Союза в войну с Японией».

Как показали результаты Ялтинской конференции, эти прогнозы сбылись полностью, что уже само по себе означало высокую эффективность работы советской разведки в годы войны, ее умение

добывать нужную секретную информацию и правильно ее анализировать.

22 января 1945 года президент Франклин Делано Рузвельт тайно покинул США и направился в Ялту. Американские правительственные круги подготовили для него специальную «Памятку», содержание которой стало достоянием советской разведки в Вашингтоне. В ней, в частности, говорилось: «Нам необходима поддержка со стороны Советского Союза для разгрома Германии. Мы отчаянно нуждаемся в Советском Союзе для войны с Японией по завершении войны в Европе».

Комитет начальников штабов США накануне Ялтинской конференции подтвердил выводы «Памятки». В его записке на имя президента США, полученной вашингтонской резидентурой и доложенной Центром И. В. Сталину, отмечалось, что «после разгрома Японии только СССР и США останутся мощными военными державами. Хотя США могут перебросить свои вооруженные силы во многие районы мира, тем не менее очевидно, что военная мощь и географическое положение этих двух держав исключают возможность военного поражения в обоюдном конфликте, даже если к одной из них присоединится Великобритания».

Констатация западными экспертами возросшей военно-экономической мощи Советского Союза, превращение его в великую державу с тех пор не давали покоя трубадурам холодной войны, требовавшим в послевоенное время пересмотра Ялтинских соглашений. Этим соглашениям приписывался «раздел» Европы между СССР и США, хотя на самом деле речь шла только о планах послевоенного устройства в Европе и на Дальнем Востоке, а Сталин, как известно, в те времена и не думал о «советизации» Восточной Европы.

Информация советской разведки накануне и в ходе Ялтинской конференции была весьма обширной. Советская делегация была довольно многочисленной. В отличие от Тегеранской конференции, на которой наша страна была представлена всего тремя государственными деятелями (Сталин, Молотов и Ворошилов), официальная советская делегация на Ялтинской конференции насчитывала 53 человека. А союзники направили в Ялту около семи тысяч человек, включая обслуживающий персонал и охрану. Среди

этих лиц были, безусловно, и источники советской внешней разведки. Кроме того, секретная информация о позициях США и Англии по важнейшим вопросам послевоенного устройства в Европе активно поступала из Лондона и Вашингтона: от членов «Кембриджской пятерки», от источников советской разведки в Госдепартаменте США, Управлении стратегических служб и из других американских ведомств. Необходимые советской делегации сведения были также получены накануне Ялтинской конференции из резидентур НКГБ в Стокгольме, Стамбуле, Софии, Тегеране и Китае.

К началу конференции «Большой тройки» войска союзников освободили Париж, значительную часть Франции, Бельгии, вступили на территорию Германии. Советские войска, освободив Польшу, Румынию, Венгрию и Югославию, стояли на подступах к Вене. Война против гитлеровской Германии вступила в завершающую стадию.

Первое официальное заседание Ялтинской конференции открылось 4 февраля в пять часов вечера в Ливадийском дворце. На нем были согласованы заключительные военные действия союзников, которые должна была завершить безоговорочная капитуляция противника. Намечены направления политических усилий стран-победительниц в отношении поверженной Германии, необходимость установления над ней союзного контроля, уничтожения сил милитаризма и фашизма. Участники конференции договорились также разделить Германию и Австрию на четыре оккупационные зоны и согласовали их будущие границы.

Накануне, 27 января 1945 года, внешняя разведка НКГБ доложила Сталину содержание полученной агентурным путем Памятной записки МИДа Великобритании для английской делегации на Ялтинской конференции руководителей трех союзных держав.

В документе подробным образом излагалась позиция Англии на конференции по вопросам, касающимся будущего устройства Германии, отношений с Польшей, поднимался вопрос о репарациях Советскому Союзу. Сталин, зная содержание данного документа, твердо отстаивал интересы СССР и его восточноевропейских союзников, особенно в польском вопросе.

И действительно, на конференции наиболее остро стоял вопрос о будущем Польши. Споры разгорелись о ее границах, особенно западной. Сталин настаивал, чтобы эта граница проходила по рекам

Одере и Нейсе. Англия и США признавали необходимость расширения территории Польши, но не хотели принимать на себя конкретные обязательства.

В конце концов Рузвельт согласился с тем, что западная граница СССР будет проходить по так называемой «линии Керзона», а Польша получит компенсацию за счет восточных и северо-восточных территорий Германии, включая Данциг и Данцигский коридор.

Разногласия между лидерами «Большой тройки» возникли и при обсуждении вопроса о репарационных требованиях к Германии и ее союзникам. Премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль возражал против того, чтобы общий объем репараций с Германии составил 20 миллиардов долларов, несмотря на то, что общие потери СССР от гитлеровской агрессии превышали один триллион довоенных рублей. Черчилль опасался, что эти выплаты ослабят Германию, которую британский премьер рассчитывал использовать после войны для вооруженной борьбы против СССР.

Рузвельт, напротив, поддержал требования советской стороны, понимая, что они являются минимальными. После заседания 5 февраля он в частной беседе с бывшим послом СССР в Лондоне, заместителем наркома иностранных дел Иваном Майским сказал, что удивлен скромностью советской стороны, понесшей такие огромные потери и разрушения. По его мнению, СССР имел право потребовать по крайней мере 50 миллиардов долларов.

Важное значение имели вопросы, связанные с завершением подготовительной работы по созданию Организации Объединенных Наций. Ее устав был в предварительном порядке разработан ранее на совещании представителей внешнеполитических ведомств стран-союзниц в Думбартон-Оксе (США). Однако оставался несогласованным один пункт: порядок голосования постоянных членов Совета Безопасности ООН. Этот вопрос был урегулирован в Крыму: договорились придерживаться принципа единогласия между великими державами при голосовании. Одновременно была достигнута договоренность о включении Украины и Белоруссии в число стран — учредителей ООН. Участники Ялтинской конференции определили, что 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско будет созвана конференция Объединенных Наций, которая утвердит окончательный текст Устава ООН.

В ходе Ялтинской конференции было принято «Соглашение трех великих держав по вопросам Дальнего Востока», предусматривающее вступление Советского Союза в войну против Японии после капитуляции Германии и окончания войны в Европе. В соглашении было зафиксировано, в частности, что по окончании войны СССР будут возвращены южная часть острова Сахалин и все прилегающие к ней острова, а также переданы Курильские острова. Иными словами, западные союзники СССР по антигитлеровской коалиции согласились с необходимостью восстановления прав России на Дальнем Востоке, утраченных в результате вероломного нападения на нее Японии в 1904 году.

В итоговом заявлении по результатам работы Ялтинской конференции лидеры «Большой тройки» специально отметили: «Нашей непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и фашизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира».

По инициативе Сталина президент Рузвельт был ознакомлен с разрушениями, причиненными Ялте и другим городам в период гитлеровской оккупации Крыма. 1 марта, возвратившись в США и выступая в конгрессе с отчетом о Ялтинской конференции, Рузвельт заявил: «Я стал свидетелем иступленной, бессмысленной ярости и ужасающих разрушений, являющихся следствием германского милитаризма. Я читал о Варшаве, Лидице и Роттердаме, но я видел Севастополь и Ялту! И я знаю, что на земле не могут существовать одновременно германский милитаризм и христианское приличие».

Благожелательное отношение президента США к Советскому Союзу в первую очередь диктовалось военными интересами его страны в Европе и на Дальнем Востоке. Это, однако, не устраивало премьер-министра Великобритании Черчилля, опасавшегося, что обе «сверхдержавы» в послевоенный период сумеют договориться между собой и решат, хотя бы частично, свои проблемы за счет Британской империи. Весной 1945 года, когда всем в мире окончательно стало ясно, что Красная армия вскоре вступит в Берлин, враждебность Черчилля к Советскому Союзу еще больше усилилась. Лондонская резидентура НКГБ в тот период направила в Центр следующую информацию:

«По данным “Кембриджской пятерки”, британское правительство будет стремиться к тому, чтобы после разгрома Германии лишить СССР плодов победы и не допустить его участия в решении европейских дел. Лондон глубоко озабочен тем фактом, что Англия может перейти с положения ведущей державы на роль младшего партнера в “Большой тройке”».

Этот документ отражал истинные настроения Черчилля, открыто называвшего себя империалистом и неоднократно публично заявлявшего, что главной его целью в войне является «сохранение Британской империи».

Одновременно резидентурой в Лондоне были получены сведения о секретном приказе Черчилля, который он отдал в марте 1945 года командованию британской армии. В нем предписывалось «тщательно собирать германское оружие и боевую технику и складировать их, чтобы легко можно было снова раздать это вооружение германским частям, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжилось». Фактически это означало, что Вторая мировая война, по замыслам Лондона, должна была плавно перерасти в третью с задачей «тотального поражения Советского Союза и его уничтожения как многонационального сообщества». Сталин еще раз убедился, что после войны о каком-либо сотрудничестве с Лондоном, скорее всего, не может быть и речи.

2 мая 1945 года советские войска штурмом взяли Берлин. 7 мая генерал-полковник Альфред Йодль в Реймсе подписал документ о безоговорочной капитуляции Германии. Со стороны победителей в церемонии участвовали Верховный командующий союзными и экспедиционными силами в Европе генерал армии США Эйзенхауэр и руководитель советской военной миссии при его ставке генерал-майор Сулопаров. Капитулировали все германские вооруженные силы, находившиеся под немецким контролем. Вооруженное сопротивление вермахта прекратилось на Западе, однако продолжилось на Востоке, особенно в районе Курляндии и Куршской косы.

Первоначально Йодль намеревался подписать акт о капитуляции только перед США и Англией и продолжать сопротивление на Востоке. Однако Эйзенхауэр воспротивился этому. Он пригласил Сулопарова также подписать этот акт. Не имея прямой связи с Москвой, последний немедленно отправил телеграмму в Ставку,

однако ответа на нее не последовало. Тогда Сулопаров поставил свою подпись на документе. Вскоре из Москвы пришел ответ, категорически запрещающий это делать. Было решено рассматривать капитуляцию в Реймсе как предварительную.

Окончательный Акт о безоговорочной капитуляции Германии был подписан 8 мая 1945 года в столице поверженного Третьего рейха, в берлинском районе Карлсхорст, наименее пострадавшем от бомбежек. От имени Германии его подписал генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель.

Следует подчеркнуть, что на церемонии в Карлсхорсте присутствовал видный советский разведчик полковник Александр Коротков, которому заместитель наркома НКГБ СССР Иван Серов поручил возглавить группу офицеров по обеспечению безопасности немецкой делегации.

Ровно в полночь с 8 на 9 мая в офицерской столовой военного училища в Карлсхорсте началась церемония подписания Акта о безоговорочной капитуляции германских вооруженных сил. На 43-й минуте Маршал Советского Союза Георгий Жуков сообщил: «Германская делегация может быть свободна».

Теперь для решения исключительно важных вопросов, непосредственно связанных с послевоенным устройством в Европе, необходимо было провести очередную конференцию руководителей союзнических государств, победивших в войне с фашизмом. Представители США, Англии и СССР договорились о проведении такой конференции в Потсдаме с 17 июля 1945 года.

Мы уже отмечали, что поступающая от советской внешней разведки руководству страны в последние месяцы войны информация раскрывала основные направления политики западных держав в отношении СССР на послевоенный период. Разведка заблаговременно предупредила о том, что ожидает нашу страну после окончания войны, какое давление она будет испытывать со стороны своих вчерашних союзников, поставивших своей целью свести к минимуму авторитет и влияние, завоеванные СССР в ходе борьбы с фашизмом.

К концу войны внешняя разведка все чаще стала получать информацию, свидетельствующую об обеспокоенности правящих кругов Англии и США усилением политического веса Советского Союза в результате разгрома гитлеровской Германии.

В одном из добытых разведкой посланий Уинстона Черчилля только что избранному новому президенту США Гарри Трумэну (президент США Франклин Рузвельт скончался 12 апреля 1945 года) британский премьер-министр почти в панических выражениях расписывал опасность, которую якобы представляет для западных демократий продвижение советских войск вглубь Германии, освобождение ими Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии. Он рекомендовал американскому президенту не отводить войска союзников с занимаемых ими позиций за линию разграничения оккупационных зон, установленных на Ялтинской конференции, и занять в отношении русских твердую линию поведения.

В июне 1945 года, незадолго до открытия Потсдамской конференции руководителей союзных держав, Комитет начальников штабов Генерального штаба Великобритании — в то время высшего органа военно-стратегического и военно-политического планирования страны — направил правительству доклад, озаглавленный «Безопасность Британской империи». Внешняя разведка получила изложение этого документа, а затем и весь документ.

Авторы доклада официально объявляли Советский Союз «главным противником Великобритании и всего западного мира в послевоенный период» и призывали британское правительство осуществить серию внешнеполитических и военных мероприятий, направленных против СССР. В частности, британские военные стратеги рекомендовали руководству страны укреплять «особые» отношения с США, чтобы подключить их к обороне Западной Европы с целью создания при активном участии США военно-политических блоков и сети военных баз вокруг СССР. Британские военные указывали также на необходимость изоляции СССР путем создания системы региональных организаций и использования в интересах Запада ООН и других международных организаций.

Таковы были планы западных союзников СССР, полученные разведкой в то время, когда еще не были подведены итоги Второй мировой войны. Это была продуманная на долгое время стратегия и тактика борьбы с Советским Союзом.

Таким образом, все годы Великой Отечественной войны Павел Судоплатов руководил партизанскими и разведывательно-диверсионными операциями в тылу немецко-фашистских войск, а

также работой агентурной сети на территории Германии и ее союзников. Одновременно с этим он с 26 июля 1941 года являлся заместителем начальника Центрального штаба НКВД СССР по ликвидации вражеских парашютных десантов и диверсионных групп.

Так, в постановлении СНК СССР от 24 июня 1941 года «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе», утвержденном в тот же день Политбюро ЦК ВКП(б), указывалось, что на «органы НКВД возложена организация борьбы против парашютных диверсантов на территории Ленинградской области, Мурманской области, Калининской области, Карело-Финской республики, Украины, Белоруссии, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской Автономной республики, Ростовской области, Краснодарского края, западной части Грузинской ССР».

В постановлении предписывалось «при городских, районных и уездных отделах НКВД», дислоцированных на указанных выше территориях, «создать истребительные батальоны численностью 100–200 человек из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием». Начальниками истребительных батальонов назначить надежных оперативных работников НКВД и милиции. Каждый истребительный батальон городского, районного и уездного отдела НКВД вооружить двумя ручными пулеметами, винтовками, револьверами и при возможности гранатами.

Документ обязывал Наркомат обороны выделить необходимое количество оружия для нужд истребительных батальонов по заявкам НКВД. Одновременно подчеркивалось право истребительных батальонов использовать в необходимых случаях все виды местной связи и транспорта.

25 июня 1941 года народный комиссар МВД СССР Л. Берия подписал приказ НКВД СССР № 00804 о назначении начальником Центрального штаба НКВД по ликвидации вражеских парашютных десантов и диверсионных групп начальника Оперативно-разведывательного управления Главного управления пограничных войск НКВД СССР генерал-майора Гавриила Петрова. Несколько позже его заместителем был назначен П. А. Судоплатов.

Здесь следует отметить, что истребительные батальоны, являвшиеся, по сути, военизированными добровольческими формированиями, в годы Великой Отечественной войны стали одной из форм народного ополчения. Подготовкой батальонов и руководством их деятельностью занимались специальные штабы, создаваемые в отделах и управлениях НКВД районов, областей, краев и республик.

К концу июля 1941 года было сформировано 1755 истребительных батальонов (328 тысяч человек). Кроме того, более трехсот тысяч человек состояли в группах содействия истребительным батальонам.

Всего за военное время было сформировано около двух тысяч батальонов, в том числе: 1000 — в РСФСР, 657 — в УССР, 78 — в БССР, 63 — в Молдавской ССР.

В задачи батальонов входили охрана важных народнохозяйственных объектов в тылу советских войск, борьба с разведывательно-диверсионными группами и воздушными десантами врага. Однако многие из истребительных батальонов участвовали в оборонительных боях с немецко-фашистскими войсками, использовались для пополнения частей Красной армии. На базе ряда батальонов были созданы партизанские отряды.

Боевой путь генерал-лейтенанта Судоплатова в годы военного лихолетья был отмечен пятью советскими орденами, многими медалями, нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД» (1942).

Подразделения, которыми руководил в годы Великой Отечественной войны П. А. Судоплатов, в том числе 4-е управление НКВД и его войсковые соединения, выполняли ответственные задания Ставки Верховного главнокомандования (1941–1945), Штаба обороны Москвы (1941 год), командующего Западным фронтом (1941–1943), Штаба обороны Главного Кавказского хребта (1942–1943), командующего Северо-Кавказским фронтом (1942–1943), командующего Закавказским фронтом (1942–1943), командующего Центральным фронтом (1943), командующего 1-м Белорусским фронтом (1943–1944).

Всего за годы Великой Отечественной войны по линии зафронтной работы органов государственной безопасности было подготовлено и заброшено в тыл противника более двух тысяч вооруженных отрядов и групп общей численностью более 15 тысяч

человек. Из них 244 оперативные группы — 4-м управлением, а остальные — 4-ми отделами территориальных органов. 20 опергрупп действовали по заданию военной контрразведки. 23 сотрудника были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них всем известные имена Николая Кузнецова, Дмитрия Медведева, Кирилла Орловского, Станислава Ваупшасова, Виктора Карасева, Александра Шихова, Евгения Мирковского. Более восьми тысяч человек были награждены орденами и медалями. В ходе боевых операций сотрудники и бойцы подразделений, которыми командовал генерал Судоплатов, уничтожили 157 тысяч вражеских солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, обезвредили 2045 агентурных групп противника, уничтожили сотни железнодорожных составов, мостов, складов с боеприпасами и горючим.

Глава восьмая

Судоплатов и атомная бомба

Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе.

*И. В. Сталин на вручении
правительственных наград участникам
советского атомного проекта*

Операция «Энормоз»

Первой страной, попытавшейся создать ядерное оружие, была нацистская Германия. Соответствующие решения об этом были приняты в сентябре 1939 года, а уже в начале 1940 года немецкими учеными была рассчитана критическая масса ядерного заряда. Им удалось освоить технологию производства металлического урана высокой чистоты, создать опытные образцы центрифуг, даже начать сооружать первый ядерный реактор. Но продвинуться дальше в этой области Германия не смогла или не успела. До осуществления цепной реакции дело не дошло. То, что осталось от попыток построить тяжеловодный реактор, было захвачено американскими войсками на юге Германии в 1945 году.

Выдающиеся ученые с мировыми именами (в секретном американском атомном центре в Лос-Аламосе трудились 12 лауреатов Нобелевской премии в области физики из Европы и США), привлечение огромных производственных возможностей Соединенных Штатов, 130 тысяч рабочих, инженеров и военнослужащих и около 200 миллиардов долларов (в нынешних ценах) позволили американцам создать атомную бомбу за три с небольшим года.

Безусловно, путь, по которому пошли Соединенные Штаты, создавая атомное оружие, человечество не забудет. Не забудет оно и решение президента США Гарри Трумэна сбросить атомные бомбы на два японских города: Хиросиму (6 августа) и Нагасаки (9 августа 1945 года). Ведь эти бомбардировки привели к огромным человеческим жертвам: сразу погибло почти 240 тысяч человек.

Закономерным результатом создания и демонстрации американцами ядерного оружия стало ускорение разработки технологии его производства в Советском Союзе.

История советского атомного проекта детально описана в многочисленных публикациях. Ее началом можно считать постановление Государственного Комитета Обороны № 2352 «Об организации работ по урану», подписанное Сталиным 28 сентября 1942 года. Оно обязало Академию наук СССР до 1 апреля 1943 года

представить доклад о возможностях создания атомного оружия или уранового топлива.

Справедливости ради следует отметить, что советская разведка задолго до этого своими материалами и докладными записками пыталась убедить наших ученых и руководство страны в необходимости активизировать работу по изучению зарубежного опыта в создании ядерного оружия.

Проблемой расщепления атомного ядра и получения нового источника энергии европейские и американские ученые начали активно заниматься в 1939 году. Не отставали от них и советские ученые. Еще в 1934 году академик Н. Н. Семенов создал количественную теорию разветвленных химических цепных реакций, за что был удостоен Нобелевской премии. Его идеи применительно к делению атомов урана-235 были использованы в 1940 году ленинградскими физиками Я. Б. Зельдовичем и Ю. Б. Харитоном. Вместе с тем в вероятность создания атомной бомбы в СССР в то время мало кто верил. А начавшаяся Великая Отечественная война и эвакуация научных институтов в Казань прервали экспериментальные работы в ядерной области.

В то же время наличие, в частности, в Германии сильной школы физики вызывало определенную озабоченность возможностью появления у нее атомного оружия. Необходимо было определить, насколько реально создание оружия чудовищной разрушительной силы не только в Германии, но и в других странах.

В центральном аппарате НКВД накануне войны уже существовало специальное подразделение научно-технической разведки, которое возглавлял молодой ученый Леонид Квасников.

Он обратил внимание на внешне незначительный факт: с началом войны имена всех западных ученых, работавших в области расщепления атомного ядра, вдруг исчезли из официальных справочников. Вскоре в резидентуры советской внешней разведки в Скандинавских странах, США и Англии ушли срочные телеграммы, в которых ставились задачи выявления возможной информации по «урановой бомбе».

Уже в сентябре 1941 года лондонская резидентура НКВД получила сведения, что идея создания атомного оружия приобретает в Англии реальные очертания. От агента Джона Кернкросса поступили

документальные данные о том, что английское правительство серьезно прорабатывает вопрос о создании бомбы большой разрушительной силы. Эти сведения содержались в докладе так называемого Уранового комитета от 24 сентября 1941 года, предназначенном для информации британского Кабинета министров о ходе работы по атомной бомбе. В докладе были высказаны рекомендации Объединенного комитета начальников штабов (британский генштаб) о необходимости создания атомной бомбы в течение ближайших двух лет.

Это была одна из первых информации о разработке на Западе атомного оружия, добытая советской внешней разведкой.

В свою очередь нью-йоркская резидентура НКВД в ноябре 1941 года информировала Москву, что из США в Лондон выехала группа американских ученых, работавших над созданием нового мощного взрывчатого вещества. Проверка этого сообщения через лондонскую резидентуру показала, что в Лондоне действительно находились американские профессора Юри, Брагг и Фоулер, которые ознакомились с ходом работ в Англии над созданием атомной бомбы и наметили перспективы сотрудничества с английскими учеными в области ядерных исследований.

В службе внешней разведки НКВД разработали крупномасштабную операцию по проникновению в зарубежные научно-исследовательские центры и на промышленные объекты, завязанные на американский «Манхэттенский проект» (условное наименование работ над атомной бомбой в США) и английский «Тьюб Эллойз» (условное обозначение аналогичных работ в Великобритании). Советская разведывательная операция получила оперативный псевдоним «Энормоз» (в переводе означает «страшный», «чудовищный»).

К выполнению операции «Энормоз» было допущено ограниченное число лиц: в центральном аппарате разведки — ее руководитель Фитин, его заместитель Овакимян, руководитель подразделения научно-технической разведки Квасников и переводчик с английского языка Потапова; в нью-йоркской резидентуре — резидент Зарубин, оперативные работники Семенов, Феклисов и Яцков; в лондонской резидентуре — ее руководитель Горский и его помощник Барковский.

На начальном этапе операции «Энормоз» Павел Судоплатов этой проблемой не занимался.

Между тем уже к середине 1940-х годов Центр располагал достаточным количеством информации о том, что происходило в Великобритании и США в области разработки атомного оружия. Понятно, что страна, находящаяся в состоянии войны, не станет инвестировать ресурсы в исследования, которые в относительно короткий срок не позволят получить преимущество в военных областях народного хозяйства страны. Поэтому задачи добывания атомных секретов в тот период не выделялись в число приоритетов внешней разведки. В частности, они формулировались следующим образом: определить круг стран, ведущих практические работы по созданию атомного оружия; информировать Центр о содержании этих работ; через свои агентурные возможности приобретать необходимую научно-техническую информацию, способную облегчить создание подобного оружия в СССР.

Но жизнь вносила в оперативную работу центрального аппарата Службы и, в частности, в возглавляемое Л. Р. Квасниковым специальное подразделение научно-технической разведки свои коррективы.

В конце 1941 года из Лондона поступила информация, что США и Великобритания решили координировать усилия своих ученых в области атомной энергии. Позднее, 20 июня 1942 года, во время переговоров в Вашингтоне Черчилль и Рузвельт приняли решение строить атомные объекты в США, так как территория Англии подвергалась постоянным бомбардировкам германской авиации.

В начале 1942 года советские фронтовые разведчики при захвате под Таганрогом в качестве «языка» немецкого офицера из инженерных частей обнаружили в его портфеле тетрадь с непонятными записями. Тетрадь была направлена в Наркомат обороны, а оттуда — уполномоченному Государственного Комитета Обороны по науке С. В. Кафтанову. Вскоре было установлено, что в записях идет речь о планах гитлеровцев по использованию атомной энергии в военных целях.

Основываясь на информации, касающейся проекта «Энормоз», научно-техническое подразделение разведки в марте 1942 года подготовило за подписью наркома Берии спецсообщение для Сталина

«О проводимых в Англии, США и Германии интенсивных научно-исследовательских работах по созданию атомной бомбы».

В документе указывалось на реальность появления атомного оружия и предлагалось образовать при Государственном Комитете Оборона СССР совещательный научный орган для организации и координации работы в области создания атомного оружия.

Совершенно секретные материалы разведки, полученные агентурным путем в Англии и приложенные к спецсообщению, сыграли определяющую роль при принятии Сталиным решения о начале в Советском Союзе работ по созданию атомной бомбы. Их возглавил И. В. Курчатов. Куратором от советского правительства был назначен В. М. Молотов. По линии разведки ответственным за обеспечение секретности материалов и реализацию разведывательных данных стал Л. Р. Квасников.

По решению советского правительства в том же 1942 году была создана Специальная лаборатория № 2 (Московская физическая лаборатория) Академии наук СССР, которой поручалось заниматься вопросами атомной энергии и в первую очередь — созданием атомного оружия. Возглавил лабораторию Игорь Васильевич Курчатов. Лично ему без задержки направлялись все полученные разведкой сведения по данной проблеме.

Во второй половине декабря 1942 года из Лондона в Москву поступил добытый резидентурой подробный отчет об исследованиях по «Манхэттенскому проекту», которые велись как в самой Англии, так и в США. Однако получить какие-либо материалы об американских исследовательских работах непосредственно за океаном разведке в то время не удавалось. Это объяснялось в первую очередь тем, что американские спецслужбы создали вокруг ученых, инженеров и техников, работавших непосредственно в американском центре ядерных исследований в Лос-Аламосе, плотную завесу секретности, проникнуть за которую было непросто.

В ноябре 1943 года Центр информировал свою резидентуру в Нью-Йорке, что в США для работы по «Манхэттенскому проекту» выехала группа ведущих английских ученых, среди которых находится надежный источник советской внешней разведки. Разумеется, он не был единственным источником нью-йоркской резидентуры по атомной тематике. Так, летом 1944 года неизвестный человек передал в

советское генеральное консульство в Нью-Йорке пакет. При вскрытии пакета оказалось, что в нем находятся совершенно секретные материалы по «Манхэттенскому проекту». Центр оценил их как «исключительно интересные», однако установить связь с визитером резидентуре так и не удалось.

Важную документальную информацию удалось получить и сотруднику нью-йоркской резидентуры Феклисову. Весьма ценного источника, работавшего непосредственно в Лос-Аламосе, удалось приобрести разведчику-нелегалу Ахмерову.

В связи с расширением задач, стоящих перед советской внешней разведкой, в июле 1943 года в ГКО рассматривался вопрос о состоянии разведывательной работы. Было принято решение о разделении функций и направлений деятельности военной разведки (Главного разведывательного управления Генерального штаба) и внешней разведки (1-го управления НКГБ СССР). Внешней разведке НКГБ отводилась роль головной организации по изучению проблем создания атомного оружия. В соответствии с постановлением ГКО военная разведка должна была передать разведке НКГБ агентуру, работающую по проекту «Энормоз».

Между тем США и Англия продолжали активно работать над созданием атомного оружия. В августе 1943 года в Квебеке состоялась встреча между Рузвельтом и Черчиллем (в оперативной переписке советской разведки — конференция «Сектант»). На ней обсуждались вопросы, связанные с определением сроков открытия «второго фронта» в Европе, о чем было публично объявлено. Однако ни США, ни Англия ни словом не обмолвились о том, что в ходе встречи было подписано соглашение по работам над «Манхэттенским проектом». Соглашение восстанавливало партнерские права Англии над этим проектом, но при ведущей роли в нем США. Партнеры договорились не передавать информацию об этом проекте третьим странам без согласия друг друга. Здесь, разумеется, в первую очередь имелся в виду Советский Союз, хотя в соглашении он не назывался.

Все пять пунктов текста Квебекского соглашения довольно определенно отражали намерение США и Англии держаться вместе, сохраняя союзные отношения, исключая применение нового оружия друг против друга, но предусматривающие по взаимному соглашению его использование против третьих стран. Нигде в

документе не говорилось о Советском Союзе, но весь дух его свидетельствовал об одном: «атомный клуб» носил закрытый характер, его членский состав ограничивался двумя учредителями.

Отдел «С» НКГБ СССР

До сентября 1945 года решение вопросов координации деятельности советских разведывательных служб по атомной проблеме со стороны НКГБ было возложено на подразделение НТР внешней разведки и на первого заместителя руководителя внешней разведки Гайка Овакимяна. В сентябре 1945 года в рамках НКГБ СССР был создан отдел «С» под руководством генерал-лейтенанта Павла Судоплатова, являвшегося одновременно одним из заместителей начальника внешней разведки и продолжавшего возглавлять 4-е управление НКГБ.

С ноября 1945 года Павел Судоплатов по совместительству стал начальником отдела «К» НКГБ СССР, созданного для оперативного обслуживания атомных спецобъектов.

Отдел «С» занимался координацией работы НКГБ и ГРУ по сбору и обработке материалов из США, Канады и Великобритании по проекту «Энормоз». На него же были возложены функции по реализации полученных данных внутри страны. И такое решение оказалось более чем своевременным. Ведь, как утверждают авторы — специалисты в данной области — изданной в 2003 году книги «Укрощение ядра», «в период с 1941 по 1945 год роль разведывательной информации в развитии советского атомного проекта была первостепенной, а в 1946–1949 годах главное значение имели уже собственные усилия и собственные достижения. Границей этих двух периодов является 1945 год, что определяется победой СССР в Великой Отечественной войне и возможностью сосредоточения усилий государства над практическим решением атомной проблемы».

6 июля 1945 года нарком госбезопасности СССР В. Н. Меркулов направил письмо Л. П. Берии, в котором говорилось, что, по данным нескольких достоверных агентурных источников, в США в июле 1945 года назначено проведение первого экспериментального взрыва атомной бомбы. Ожидаемая дата взрыва — июль 1945 года (как известно, взрыв был произведен 16 июля 1945 года). В письме кратко описывались конструкция атомной бомбы и запасы активных материалов, накопленные в США к тому времени. На основании этого

письма сотрудницей НТР внешней разведки, позже активно работавшей в качестве переводчицы в отделе «С», Еленой Потаповой^[18] была подготовлена справка «для устной ориентировки академика И. В. Курчатова».

Более полное описание конструкции атомной бомбы, испытанной в Аламогордо 16 июля 1945 года, было получено И. В. Курчатовым из НКГБ в октябре 1945 года.

20 августа 1945 года И. В. Сталин подписал постановление Государственного Комитета Обороны СССР о создании двух новых государственных структур: Специального комитета при ГКО СССР и Первого главного управления при СНК СССР, призванных руководить всеми работами по использованию атомной энергии.

Специальный комитет при ГКО СССР (до сентября 1945 года; при СНК СССР — до марта 1946 года; при Совете министров СССР — с марта 1946 года), неофициально именовавшийся Специальным комитетом по использованию атомной энергии, был образован, как мы видим, через 14 дней после атомной бомбардировки Хиросимы. Его основная задача: в сжатые сроки обеспечить создание собственного ядерного оружия с целью поддержания паритета между СССР и США.

Руководителем данного проекта был назначен Л. П. Берия. Отметим, что Специальный комитет был ликвидирован сразу после ареста Берии решением президиума ЦК КПСС от 26 июня 1953 года. Личный состав работников, делопроизводство и архив были переданы в Министерство среднего машиностроения.

Другой новой государственной структурой явилось Первое главное управление при СНК СССР (с марта 1946 года — при Совете министров СССР), на которое были возложены задачи по обеспечению советского атомного проекта. Фактически Первое главное управление представляло собой особую отрасль оборонной промышленности, предприятия и аппарат которой позже были преобразованы в Министерство среднего машиностроения СССР.

Руководителем Первого главного управления при СНК СССР был назначен Борис Львович Ванников. Одновременно он являлся заместителем Берии в Специальном комитете при ГКО СССР.

Поскольку Судоплатову пришлось тесно сотрудничать с Ванниковым во вновь созданных государственных структурах,

расскажем чуть подробнее об этом видном советском государственном деятеле.

Борис Львович Ванников родился в 1897 году в Баку в семье рабочего-нефтяника. После окончания начальной школы работал на нефтепромыслах, строил дороги. В 1918 году окончил Бакинское политехническое училище.

В 1918–1919 годах служил в РККА. В 1919 году вступил в РКП(б). До 1920 года находился на подпольной работе в Баку, а затем в Тифлисе.

В 1921 году переехал в Москву. Занимал руководящие должности в Наркомате Рабоче-крестьянской инспекции РСФСР. Одновременно учился в Московском высшем техническом училище имени Н. Э. Баумана, которое окончил в 1926 году. В 1933–1937 годах был директором Тульского оружейного завода, затем — директором машиностроительного завода в Перми. Позже трудился на руководящих постах в оборонной промышленности.

Видный советский ученый-конструктор, участник работ по созданию ракетно-космической отрасли Борис Черток в одной из своих работ так охарактеризовал Б. Л. Ванникова: «Борис Львович был очень колоритной фигурой. Невысокого роста, очень подвижный, типичной еврейской наружности, иногда грубовато циничный, иногда очень резкий, а где надо и доброжелательный, он обладал совершенно незаурядными организаторскими способностями».

С января 1939-го по июнь 1941 года Б. Л. Ванников являлся народным комиссаром вооружения СССР. 7 июня 1941 года был арестован.

Рассказывают, что, когда через несколько месяцев после начала войны обнаружилось сильные перебои с поставками боеприпасов, Сталин поинтересовался у Берии судьбой Ванникова. Последнего срочно привели в приличный вид и с Лубянки, где он содержался, доставили в кабинет вождя. Сталин предложил Ванникову пост наркома боеприпасов и попросил «обиды за случившееся не держать».

С февраля 1942-го по январь 1946 года Б. Л. Ванников являлся народным комиссаром боеприпасов СССР, в кратчайшие сроки организовал обеспечение РККА и ВМФ боеприпасами всех видов и калибров. В конце 1942 года выпуск боеприпасов вдвое превысил их

производство в 1941 году, а в 1943 году производство боеприпасов возросло втрое.

В 1945–1953 годах Ванников играл важную роль в работах по созданию в СССР атомной бомбы, а затем и в производстве ядерного оружия.

Будучи заместителем Берии в Специальном комитете при ГКО СССР, Ванников отвечал за инженерно-технические работы в проекте, одновременно занимая ряд других важных постов.

Один из активных участников атомного проекта, в 1950–1958 годах — первый заместитель И. В. Курчатова, физик-экспериментатор Игорь Головин позднее вспоминал: «Борис Львович Ванников и Игорь Васильевич Курчатов как нельзя лучше дополняли друг друга. Курчатов отвечал за решение научных задач и правильную ориентацию инженеров и работников смежных областей науки, Ванников — за срочное исполнение заказов промышленностью и координацию работ».

Борис Львович являлся одним из первых трижды Героев Социалистического Труда (в 1942 году — за производство боеприпасов; в 1949-м — за руководство при создании атомной бомбы; в 1954-м — за руководство при создании водородной бомбы). Он был награжден шестью орденами Ленина, орденом Суворова I степени и орденом Кутузова I степени, многими медалями. Дважды лауреат Сталинской премии (1951, 1953). Генерал-полковник инженерно-технической службы.

Скончался Борис Львович Ванников 22 февраля 1962 года. Его прах захоронен в Москве в Кремлевской стене.

Постановлением ГКО СССР от 20 августа 1945 года при Специальном комитете был образован Технический совет, председателем которого также стал Б. Л. Ванников, а заместителем председателя вскоре был назначен И. В. Курчатов.

Кроме вышеназванных лиц в состав Технического совета вошли академики А. И. Алиханов (ученый секретарь), А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, В. Г. Хлопин, члены-корреспонденты АН СССР И. Н. Вознесенский, И. К. Кикоин, профессор Ю. Б. Харитон, А. П. Завенягин, В. А. Махнев.

На Технический совет возлагались предварительное рассмотрение научных и технических вопросов, выносимых на обсуждение

Специального комитета при ГКО СССР, рассмотрение планов научно-исследовательских работ и отчетов по ним, а также технических проектов сооружений, конструкций и установок по использованию атомной энергии урана.

Во главе Бюро № 2

28 сентября 1945 года на заседании Специального комитета было принято решение организовать в его составе Бюро № 2 и подчинить его непосредственно председателю Специального комитета. Далее в этом решении было указано:

«3. Возложить на Бюро № 2:

а) перевод и обработку документов и материалов, поступающих в Специальный комитет из разных источников, материалов, публикуемых в заграничной прессе и заграничной технической литературе по вопросам использования внутриатомной энергии;

б) изучение деятельности заграничных научных учреждений, предприятий и фирм, отдельных ученых и специалистов, занимающихся проблемой использования внутриатомной энергии, сбор и изучение материалов, связанных с этой проблемой.

4. Установить, что обработанные в Бюро № 2 материалы должны по указанию председателя Специального комитета передаваться на рассмотрение Технического совета.

Передаваемые на рассмотрение Технического совета материалы докладываются на заседаниях совета сотрудниками Бюро № 2.

5. Утвердить начальником Бюро № 2 т. Судоплатова П. А., заместителями начальника бюро т.т. Сазыкина Н. С., Эйтингона Н. И. и Василевского Л. П.».

Николай Степанович Сазыкин (1910–1985) был опытным руководящим сотрудником советских органов государственной безопасности, начальником 4-го управления МВД СССР, генерал-лейтенантом, доктором технических наук. Генерал-майор Наум Исаакович Эйтингон и полковник Лев Петрович Василевский — опытнейшими сотрудниками внешней разведки НКВД — НКГБ СССР.

Таким образом, можно сказать, что в ведение Специального комитета перешли некоторые функции научно-технической разведки НКГБ. Их стало выполнять Бюро № 2 Специального комитета под руководством Судоплатова и подчиненное непосредственно Берии. По штатному расписанию, как мы видим, основными задачами сотрудников Бюро № 2 являлись перевод и обработка материалов по

проблеме использования атомной энергии, поступавших из различных зарубежных источников. «Но фактически, — считает военный историк, доктор исторических наук Анатолий Родин, — деятельность бюро выходила далеко как за эти функциональные рамки, так и за государственные границы. Сотрудники Бюро № 2 имели высокую научную и инженерно-техническую квалификацию, поскольку разведанные поступали в виде схем, расчетов, чертежей и других документов, требовавших глубокой проработки и всестороннего анализа. Одним из ведущих специалистов, успешно сочетавших научную и сугубо разведывательную работу, являлся доктор физико-математических наук Я. П. Терлецкий^[19]. Активно участвовали в деятельности бюро Амаяк Кобулов, Лев Василевский и Александр Васин».

«Имя этого человека, — писал о Васине в одной из своих работ известный историк отечественных спецслужб Александр Колпакиди, — сейчас незаслуженно забыто. Хотя он до середины 1945 года выступал “связующим звеном” между НКВД — НКГБ, ГРУ и СНК. Через него прошла вся секретная переписка, отражающая взаимодействие этих организаций. В частности, материалы, добытые советской разведкой с 1942 года до середины 1945 года. Так что скромный чиновник из СНК был лучше осведомлен о размахе советского атомного шпионажа, чем руководство Первого управления НКГБ или ГРУ. Но к органам госбезопасности, а тем более к разведке, Александр Иванович Васин никакого отношения не имел, не считая того, что за ним присматривали чекисты — слишком много он знал. Инженер-теплотехник по образованию, он непродолжительное время проработал на производстве, а затем ушел на административную работу в аппарат СНК. Прекрасное техническое образование позволило ему легко разобраться в основах атомной физики. После создания отдела “С” НКГБ — НКВД СССР он продолжал курировать переписку по “атомному проекту” Специального комитета СНК СССР с Лубянкой и “Аквариумом” (неофициальное название ГРУ)».

С созданием Технического совета все добываемые разведкой материалы по атомной проблеме стали рассматриваться на его заседаниях. А Технический совет давал рекомендации, кому направить эти материалы для использования в работе.

В качестве первоочередных задач Технический совет определил следующие: строительство одного предприятия для получения плутония-239 по методу котел «уран — графит»; строительство одного предприятия по получению урана-235 по диффузионному методу.

На заседаниях совета присутствовали и сотрудники Бюро № 2: П. А. Судоплатов, Н. С. Сазыкин, А. И. Васин, Н. И. Коробков.

На заседании совета 15 октября 1945 года первым выступил профессор Ю. Б. Харитон с докладом «О принципах, положенных в основу разработки образцов заводской продукции». По его докладу было принято следующее решение: «Поручить т.т. Ванникову Б. Л., Устинову Д. Ф., Мешику П. Я. и Харитону Ю. Б. подготовить и представить в десятидневный срок на рассмотрение Технического совета предложения по вопросам организации одного или нескольких бюро для проведения более интенсивных исследований, конструирования и изготовления образцов заводской продукции, учитывая при этом необходимость создания условий совершенно закрытого характера этих работ».

В этом и последующих решениях совета под словами «заводская продукция» шифровались слова: «атомная бомба».

На этом же заседании Технического совета были заслушаны и обсуждены три доклада Бюро № 2.

Доклад № 1, с которым выступил доктор физико-математических наук Я. П. Терлецкий, состоял из следующих разделов: «Общее описание атомной бомбы» (7 листов); «Данные о конструкции атомной бомбы» (10 листов); «К вопросу об атомной бомбе» (26 листов).

В решении по этому докладу указывалось:

«1. Поручить т. Курчатову И. В. и т. Харитону Ю. Б. детально ознакомиться с материалами доклада и использовать их в работе по конструированию заводской продукции.

2. Считать необходимым систематизировать основные данные о конструкции заводской продукции».

Два других доклада Бюро № 2 были посвящены методам производства тория, плутония и урана-235, а также изучению их свойств.

22 октября 1945 года совет заслушал доклад № 4, состоящий из двух разделов: «К вопросу об атомной бомбе» (31 лист); «О типах первых испытанных атомных бомбах» (2 листа).

В одном из разделов доклада Терлецкий привел данные об испытанной 16 июля 1945 года в пустыне Аламогордо первой атомной бомбе США, данные об атомных бомбах, сброшенных на Хиросиму и Нагасаки, и обратил внимание членов Технического совета на следующий момент:

«3. Ведутся работы по созданию сверхбомбы, мощность которой может быть доведена до 1 млн тонн тринитротолуола. Принцип сверхбомбы заключается в том, чтобы, применяя небольшое количество урана-235 или же плутония-239 в качестве первоисточника, вызывать цепную ядерную реакцию в каком-нибудь веществе, менее дефицитном».

По данному вопросу Технический совет вынес решение:

«4. Поручить Курчатову И. В., Алиханову В. И. и Харитону Ю. Б. продумать вопрос об организации работ по конструированию заводской продукции с применением менее дефицитных материалов по принципу, высказанному в п. 3 доклада Терлецкого Я. П., и свои соображения представить Техническому совету».

Всего до апреля 1946 года на заседаниях Технического совета при Специальном комитете было заслушано 23 доклада Бюро № 2.

Начало деятельности Бюро № 2 ознаменовалось проведением операции по доставке из США, переводу на русский язык и доведению до советских специалистов официального отчета американских ученых о создании атомной бомбы. В США этот документ был опубликован 12 августа 1945 года. У нас он был быстро переведен и уже 10 ноября сдан в набор. Печатание осуществлялось в экстренном порядке в нескольких типографиях и под личным контролем Берии. Книга Г. Д Смита «Атомная энергия для военных целей. Официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США» вышла в издательстве «Трансжелдориздат» в феврале 1946 года тиражом 30 тысяч экземпляров. По распоряжению Специального комитета 60 процентов тиража выделялось для продажи научным работникам и в библиотеки научно-исследовательских институтов, министерств и ведомств; 20 процентов — для продажи в вузах; остальные 20 процентов поступили в свободную продажу.

Таким же образом Бюро № 2 осуществило в том же 1946 году выпуск сборника статей участников «Манхэттенского проекта». Но в отличие от предыдущего издания сборник предназначался лишь для

служебного пользования. Военный историк Анатолий Родин отмечал: «Быстрое доведение до советских специалистов американских атомных секретов, содержащихся в этих книгах, ускорило работу по всему комплексу атомного проекта. С их изданием несколько смягчился режим секретности в отношении материалов советских физиков-ядерщиков».

Необходимо также отметить, что для получения сведений по интересующим наших ученых вопросам Специальный комитет использовал также межгосударственные контакты. Так, в середине 1946 года на проводившихся в Тихом океане испытаниях американских атомных бомб присутствовали наблюдатели стран — постоянных членов Совета Безопасности ООН. В их числе были три советских представителя, которые после возвращения передали в Специальный комитет подробный отчет с приложением кино- и фотосъемок. Эти материалы затем использовались при создании Семипалатинского испытательного полигона.

Информация научно-технической разведки органов государственной безопасности играла важную роль в практической деятельности советских ученых и созданных для реализации атомного проекта государственных структур. И. В. Курчатов, в частности, неоднократно отмечал, что получаемая разведкой информация «создает технические возможности решения всей проблемы в значительно более короткие сроки».

Главной задачей разведки было информировать советских ученых о реальных результатах ведущихся в США и Англии работ по созданию атомного оружия. И она была успешно решена.

Таким образом, в 1945–1947 годах Павел Анатольевич Судоплатов имел непосредственное отношение к работам по созданию атомного оружия. Возглавляя отдел «С» НКГБ СССР и Бюро № 2 в Специальном комитете при ГКО СССР, он решал важнейшие задачи по ускорению работ, связанных с атомным проектом. И не случайно в 1946 году Судоплатов был удостоен высшей награды Родины — ордена Ленина.

29 августа 1949 года американский самолет-лаборатория «Б-52», совершавший регулярные разведывательные полеты вдоль южных границ СССР, зафиксировал повышенный уровень радиации в атмосфере в районе Семипалатинска. На основании анализа проб

воздуха и содержания в них радиоактивных веществ американские ученые сделали однозначный вывод: в Советском Союзе произведен взрыв атомной бомбы. Американской монополии в данной области пришел конец. Это событие подвело итог напряженным семилетним трудам, в которых участие генерала Судоплатова было незаметным для советской общественности, но достаточно результативным.

Безусловно, ведущая роль в создании советского атомного оружия по праву принадлежит советским ученым. Вместе с тем именно внешняя разведка органов госбезопасности привлекла внимание советского руководства к этой проблеме и своей информацией содействовала ускорению создания первой атомной бомбы в СССР. Ею было получено от ряда источников, многие из которых не раскрыты до сих пор, и передано советским ученым несколько тысяч листов секретной документальной информации по проекту «Энормоз», которые были высоко оценены Курчатовым и его коллегами.

В одном из интервью для российской печати бывший руководитель ПГУ КГБ СССР (1989–1991) Леонид Шебаршин назвал получение советской внешней разведкой атомных секретов США одним из самых выдающихся достижений за всю ее историю.

Глава девятая

Корректировка текущих задач

С одной стороны, есть политическая ситуация, а с другой стороны — оперативная ситуация. И они не всегда совпадают: два государства могут поддерживать хорошие политические отношения и в то же время предаваться упорной борьбе разведок.

Юрий Андропов

Годы холодной войны

Разгром фашистской Германии и милитаристской Японии не привел к улучшению международной обстановки. Правящие круги стран — бывших союзниц СССР не хотели мириться с глобальными переменами. Пытаясь не допустить дальнейшего ослабления своих позиций, они встали на путь ядерного шантажа, холодной войны, сколачивания агрессивных военных блоков и раскручивания гонки вооружений.

Стараниями официальных отечественных и зарубежных историков утвердилось мнение, что холодная война началась в марте 1946 года, когда бывший премьер-министр Англии Уинстон Черчилль в своей знаменитой Фултонской речи заявил, что Европа оказалась разделенной «железным занавесом», и призвал западную цивилизацию объявить «войну коммунизму» (выступление 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже, расположенном в американском городе Фултон, штат Миссури).

Однако фактически холодная война (если рассматривать этот термин как противостояние двух ведущих стран Запада — Великобритании и США с одной стороны и Советской России — с другой) началась еще в середине 20-х годов XX века. Причем до весны 1945 года ведущую роль в ней играл Лондон, а после окончания Второй мировой войны — Вашингтон. Исходя из этого, можно считать, что на время Второй мировой войны Москва, Лондон и Вашингтон заключили некое «перемирие», чтобы совместными усилиями победить Берлин. А сразу же после Победы агрессивная политика со стороны Лондона и Вашингтона против Москвы возобновилась. Об этом свидетельствуют документы, добытые советской разведкой в тот период.

Так, в меморандуме № 329 от 4 сентября 1945 года, то есть на следующий день после официального окончания Второй мировой войны и капитуляции Японии, объединенный разведывательный комитет США поставил целью «отобрать приблизительно 20 наиболее важных целей, пригодных для стратегической атомной бомбардировки в СССР и контролируемой им территории».

А в меморандуме объединенного комитета начальников штабов США № 1518, датированном 9 октября 1945 года, указывалось, что основой превентивной ядерной войны против СССР должно стать уничтожение его военно-стратегического потенциала.

Составленный в 1949 году план «Дропшот» предусматривал уничтожение ста наших городов. И лишь возросшая советская мощь охладила горячие головы в США.

В марте 1946 года последовала очередная реорганизация органов государственной безопасности. 15 марта было образовано Министерство государственной безопасности СССР. 4 мая его возглавил генерал-полковник Виктор Абакумов, являвшийся до этого начальником Главного управления контрразведки СМЕРШ НКО СССР. Внешняя разведка стала Первым главным управлением (ПГУ) МГБ СССР.

Перед советской внешней разведкой были поставлены новые задачи, которые она успешно решала. Объем этих задач значительно возрос, география ее деятельности расширилась и стала охватывать весь мир. В новых условиях значимость добываемой разведкой информации возросла. Крайне важно было вскрыть секретные военно-политические планы США и Англии в отношении Советского Союза, осветить ход англо-американских переговоров, касающихся действий на случай военного столкновения с СССР, разработку планов перевооружения, создания НАТО и других военно-политических блоков. Но главная задача внешней разведки в послевоенные годы состояла в том, чтобы держать в поле зрения подготовку военного нападения на Советский Союз с применением ядерного оружия. А такие планы, как показывает полученная разведкой в те годы информация, активно разрабатывались военными кругами США и Англии.

Наряду с этим ставились задачи по информационному обеспечению текущих вопросов внешней политики Советского государства. Среди них, например, получение сведений о планах западных держав по германскому вопросу, освещение кризисных ситуаций, связанных с проблемами Западного Берлина, Ближнего Востока, распада колониальной системы.

Для решения столь важных задач требовалось совершенствование разведки, ее структуры, организации управления ее деятельностью и

методов ведения работы. В 1947–1953 годах имела место структурная перестройка военной и политической разведок, направленная на повышение эффективности их деятельности и поиск оптимальных форм управления в условиях нарастания конфронтационных тенденций.

Так, 30 мая 1947 года Совет министров СССР принял постановление о создании Комитета информации (КИ) при Совете министров СССР, в который влились внешняя разведка МГБ и Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии. Таким образом, на Комитет информации возлагались задачи политической, военной и научно-технической разведки. Единый орган разведки возглавил В. М. Молотов, бывший в то время заместителем председателя Совета министров СССР и одновременно министром иностранных дел. Его заместителем, который занимался участком внешней разведки, был назначен опытный чекист, в прошлом руководивший работой разведывательных и контрразведывательных подразделений органов госбезопасности Петр Васильевич Федотов.

Для руководства разведывательными аппаратами за рубежом в КИ был введен так называемый институт Главных резидентов, которыми, как правило, назначались послы или посланники. Первым таким Главным резидентом стал бывший сотрудник ИНО НКВД Александр Семенович Панюшкин. С ноября 1947-го по июнь 1952 года он был послом СССР в США, являясь одновременно Главным резидентом внешней разведки в этой стране.

Однако время показало, что объединение столь специфичных по методам деятельности военной и внешнеполитической разведок в рамках одного органа при всех его преимуществах затрудняло процесс управления их работой. Уже в январе 1949 года правительство приняло решение о выведении из Комитета информации военной разведки и возвращении ее в Министерство обороны.

В феврале 1949 года Комитет информации был передан под эгиду МИДа. Его руководителем стал новый министр иностранных дел А. Я. Вышинский, а позднее — заместитель министра иностранных дел В. А. Зорин. Первым заместителем председателя КИ, отвечающим за текущую оперативную работу разведки, стал Сергей Романович Савченко, до этого возглавлявший Министерство госбезопасности Украины. В ноябре 1951 года правительство приняло решение об

объединении внешней разведки и внешней контрразведки под руководством Министерства госбезопасности и создании за границей единых резидентур. Комитет информации при МИДе СССР перестал существовать. Внешняя разведка стала Первым главным управлением Министерства государственной безопасности СССР.

После образования МГБ СССР в марте 1946 года Павел Судоплатов совмещал должности руководителя 4-го управления и отдела «С» министерства. 15 октября 1946 года 4-е управление было расформировано. Приказом министра МГБ СССР от 15 февраля 1947 года на генерал-лейтенанта Судоплатова была возложена организация Службы «ДР» (диверсия и террор), созданной для развертывания в случае войны разведывательно-диверсионной агентурной работы против военно-стратегических баз США и их союзников, расположенных вокруг СССР. 30 мая 1947 года отдел «С» МГБ СССР был расформирован, и Павел Анатольевич полностью сосредоточился на организации Службы «ДР» министерства.

В 1949 году министр госбезопасности Абакумов неожиданно предложил ликвидировать Службу «ДР». «Решение вопроса затянулось, — писал Виктор Степаков. — Только осенью следующего года началась реорганизация Службы. На основании специальных постановлений Политбюро ЦК ВКП(б) приказом МГБ № 00532 от 28 сентября 1950 года было создано Бюро № 1 МГБ СССР (начальник — генерал-лейтенант Павел Анатольевич Судоплатов), а приказом МГБ № 00533 от 28 сентября 1950 года — Бюро № 2 МГБ СССР (начальник — генерал-майор Виктор Александрович Дроздов). Обе структуры действовали на правах управлений и подчинялись непосредственно министру.

На Бюро № 1 возлагались те же функции и задачи, что и на Службу «ДР».

Что касается Бюро № 2, то оно было организовано для выполнения специальных мероприятий внутри Советского Союза».

Согласно секретному постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), Судоплатов совместно со своим заместителем Эйтингеном приступил к разработке боевых операций во Франции, Турции, Иране, Австрии, Норвегии и ряде других зарубежных стран. Однако в силу разного рода причин эти операции так и не были осуществлены.

По свидетельству Эйтингона, министр МГБ Абакумов проявлял определенную нерешительность в отношении активных чекистских мероприятий за границей, опасаясь нежелательных последствий. Случалось, что проведение подобных мероприятий запрещал в последний момент лично Сталин.

Судоплатова, человека активного и решительного, привыкшего за годы войны к проведению дерзких операций, угнетало отсутствие размаха боевых действий.

Впрочем, сидеть вообще без дела Судоплатову не позволяли ни руководители министерства, ни обстоятельства.

Поездка в Чехословакию

В 1948 году Павел Судоплатов выезжал в Прагу с очередным секретным заданием. В поездке его сопровождал бывший резидент внешней разведки НКВД в Чехословакии, а в период Великой Отечественной войны — его подчиненный и старший товарищ Петр Яковлевич Зубов. Задание действительно было секретным и... деликатным: чекисты должны были тайно встретиться с президентом страны Эдуардом Бенешем и убедить его поручить лидеру компартии Чехословакии Клементу Готвальду сформировать правительство. Иными словами — обеспечить бескровную передачу власти в стране коммунистам.

Данной операции предшествовал ряд следующих событий.

Резидент НКВД в Праге Петр Зубов в предвоенные годы поддерживал официальный контакт с президентом Чехословакии Бенешем.

После Мюнхенского сговора^[20] НКВД СССР через возможности своей резидентуры в Праге обеспечил перевозку Бенеша в Лондон.

В том же 1938 году Бенеш обратился к Сталину с просьбой поддержать его действия по свержению правительства Стоядиновича в Белграде, которое проводило враждебную Праге политику. По специальному указанию Сталина на НКВД была возложена задача организовать финансирование сербских офицеров-боевиков, затеявших подготовку антиправительственного переворота в Белграде.

Передать деньги заговорщикам было поручено резиденту НКВД в Праге Петру Зубову. Он выехал в Белград и встретился с руководителями антиправительственного заговора. В ходе беседы с ними Зубов убедился в том, что подобранные чешской разведкой на роль руководителей переворота люди являются авантюристами, не имеющими серьезной опоры ни в армии, ни в обществе. Он отказался выдать им 200 тысяч долларов, выделенных Сталиным, и возвратился в Прагу. В Москву ушла соответствующая шифровка. Ознакомившись с телеграммой, Сталин пришел в ярость. Он приказал отозвать в Москву и арестовать разведчика, который осмелился не выполнить его конфиденциальное поручение. Никакие веские доводы, которые

попыталось выдвинуть руководство разведки, на Сталина, разумеется, не подействовали.

Петр Зубов оказался в тюрьме, где его сразу начали с пристрастием допрашивать. Разведчик полностью отрицал свою вину, объясняя, что задание вождя он выполнил, однако не стал передавать «деньги рабочих и крестьян» шайке авантюристов.

Сразу после начала Великой Отечественной войны по инициативе Судоплатова Зубов был освобожден и назначен начальником германского отделения Особой группы, преобразованной в феврале 1942 года в 4-е управление НКВД СССР.

В годы войны Зубов руководил подготовкой и заброской в тыл врага специальных разведывательных групп. Разведчику довелось также участвовать и в других оперативных мероприятиях, в том числе в операциях «Монастырь» и «Березино».

В 1946 году Петр Яковлевич вышел в отставку по состоянию здоровья. Однако в январе 1948 года о нем вновь вспомнили и направили вместе с Судоплатовым в Прагу.

Накануне отъезда Молотов вызвал Судоплатова в свой кремлевский кабинет. О том, как развивались события дальше, рассказал сам Павел Анатольевич: «Молотов приказал ехать в Прагу и, организовав тайную встречу с Бенешем, предложить ему с достоинством покинуть свой пост, передав власть Готвальду, лидеру компартии Чехословакии».

Для подкрепления этой просьбы Бенешу необходимо было напомнить о его тесных официальных связях с Кремлем и о помощи Кремля в переезде его людей в Великобританию.

«В противном случае, — писал Судоплатов, — мне предписывалось сказать ему, что мы найдем способ организовать утечку слухов об обстоятельствах его бегства из страны, о тайном соглашении о сотрудничестве чешской и советской разведок, подписанном в 1935 году в Москве, секретном договоре о передаче нам Карпатской Украины и об участии самого Бенеша в подготовке политического переворота в Югославии в 1938 году и покушения на премьер-министра этой страны.

Молотов подчеркнул, что я не уполномочен вести какие-либо переговоры по вопросам чешской политики: моя задача заключалась лишь в том, чтобы передать наши условия, предоставив Бенешу право

решать, как он их выполнит. Молотов повторил свои инструкции очень четко, пристально глядя на меня сквозь пенсне. Я ответил, что считаю такое деликатное задание более подходящим для человека, лично знающего Бенеша и непосредственно с ним связанного по прежней работе. Таким человеком был Зубов, наш резидент в Праге в предвоенные годы, которого Сталин и Молотов в свое время посадили в тюрьму за то, что он в 1938 году сообщил о несостоятельности плана Бенеша опереться на сомнительных людей в Белграде и, более того — денег им не дал. Молотов на это сказал, чтобы я лично выполнил поручение с привлечением нужных людей, а как — это уже на мое усмотрение. Было ясно, что он не хотел брать на себя ответственность за то, какими методами я буду действовать: его интересовал только результат. Я должен был покинуть Прагу через двенадцать часов после разговора с Бенешем, не дожидаясь ответа.

Вместе с Зубовым мы приехали в Прагу поездом в январе 1948 года, но остановились не в посольстве, а в скромном отеле, где представились членами советской торговой миссии.

Официальные советские представители и без того оказывали на Бенеша весьма сильный нажим, а тут еще и мы должны были внести свою лепту. Зубов и я провели в Праге целую неделю, и за это время Зубову, который перед войной встречался с Бенешем в присутствии нашего посла Александровского, удалось, используя все свое умение и прошлые связи, на пятнадцать минут встретиться с Бенешем в его резиденции, расположенной в самом центре Праги. Смысл нашего послания он довел до президента, подчеркнув, что в стране произойдут кардинальные перемены независимо от того, сохранится нынешнее руководство или нет, но, по его мнению, Бенеш был единственным, кто мог бы обеспечить плавную и бескровную передачу власти.

В соответствии с инструкциями Зубов сказал Бенешу, что не ожидает от него ответа, а всего-навсего передает ему неофициальное послание. По словам Зубова, Бенеш казался сломленным, больным человеком, который постарается сделать все что можно, с тем чтобы избежать взрыва насилия и беспорядков в Чехословакии.

Выполнив свою миссию, мы сели в поезд Прага — Москва. Как только поезд пересек границу, я сразу же, используя каналы связи местного обкома партии, послал, как мне и было приказано, шифровку

Молотову и ее копию Абакумову, тогдашнему министру госбезопасности: “Лев получил аудиенцию и передал послание” (“Лев” — кодовое имя Зубова). Через месяц Бенеш мирно уступил бразды правления Готвальду».

Командировка во Львов

Одновременно с созданием Службы «ДР» МГБ СССР Судоплатов принимал участие в ликвидации остатков бандитских групп на территории Западной Украины. Его опыт по борьбе с Организацией украинских националистов оказался вновь востребованным.

К концу 1940-х годов остатки вооруженного националистического подполья ОУН под руководством Романа Шухевича продолжали партизанские действия на территории Львовской, Тернопольской и Ивано-Франковской областей. В начале 1950 года Судоплатова направили на Львовщину.

Позднее генерал рассказывал: «В аэропорт я прибыл вместе с Эйтингеном, который провожал меня. Здесь меня уже ждал генерал-лейтенант Селивановский, заместитель Абакумова. Лишь когда мы подлетали к Киеву, он сказал: конечная цель нашего пути — Львов. Однако густой туман помешал самолету приземлиться во Львове, и он вернулся в Киев, откуда мы уже поездом выехали во Львов. По дороге Селивановский рассказал, что товарищ Сталин крайне неудовлетворен работой органов безопасности по борьбе с бандитизмом на Западной Украине. В этой связи мне приказано сосредоточиться на розыске главарей бандеровского подполья и их ликвидации. Это было сказано непререкаемым тоном. Мне стало ясно: мое будущее ставилось в зависимость от выполнения этого задания».

Безусловно, только хорошее знание местной специфики и повадок украинских националистов, с которыми ему приходилось сталкиваться на протяжении многих лет, помогли Судоплатову успешно решить поставленную задачу.

Следует подчеркнуть, что именно Судоплатов явился инициатором приказа от 29 декабря 1949 года, по которому рядовые участники бандформирований освобождались от уголовной ответственности в случае своего покаяния. Этот приказ значительно подорвал движение сопротивления в Западной Украине. После объявления амнистии более десяти тысяч рядовых боевиков добровольно сложили оружие, и никто из них не подвергся репрессиям. А теперь настал черед главарей подполья.

В послевоенный период украинских националистов-террористов, так и не сложивших оружие, возглавлял известный политический и военный деятель, активный член ОУН, являвшийся с августа 1943 года главнокомандующим Украинской повстанческой армией (УПА), генерал-хорунжий Роман Шухевич. Именно он был одним из организаторов массовых убийств поляков и евреев в ходе деятельности УПА в Западной Украине.

Шухевич родился 30 июня 1907 года во Львове. Окончил инженерно-строительный факультет Львовского политехнического института в 1934 году. В 1939–1942 годах активно сотрудничал с нацистской Германией: обучался в секретной школе абвера, служил в военных подразделениях Третьего рейха.

В ходе подпольной деятельности нацистский пособник и военный преступник сменил множество псевдонимов, последний из них — Тарас Чупрынка (1943–1950).

Шухевич являлся активным членом Украинской военной организации (УВО), деятельность которой сводилась к террористическим актам (поджоги, повреждения телефонной и телеграфной связи, закладка бомб), «экспроприации имущества» и политическим убийствам. Соратник и друг Коновальца, после его гибели поддержал Бандеру.

Именно Шухевич в 1945 году стал руководителем подполья ОУН и УПА на территории Западной Украины и Юго-Восточной Польши. В 1946 году ему было присвоено звание генерала-хорунжего УПА.

30 мая 1947 года Шухевич объединил остатки УПА и действующее подполье ОУН. В обращении к оуновцам он подчеркивал: «Не запугивать, а истреблять! Не надо бояться, что люди проклянут нас за жестокость. Пусть из сорока миллионов украинского населения останется половина — ничего ужасного в этом нет».

Вот с таким врагом пришлось столкнуться Судоплатову в 1950 году. Кстати, в операции по уничтожению Шухевича Павел Судоплатов принимал личное участие.

«Во Львове, — вспоминал позже Судоплатов, — я оставался полгода — развязка хоть и была неизбежной, но, как это часто бывает, все равно оказалась неожиданной. Шухевич слишком уж полагался на свои старые связи военного времени и ослабил бдительность».

В начале марта 1950 года органам безопасности удалось установить места, где скрывались связная Шухевича и его помощница. А непосредственно 5 марта сотрудники МГБ во главе с Павлом Судоплатовым установили, что Шухевич находится в помещении кооперативной лавки в селе Белогорща в окрестностях Львова. На задержание выехали около двадцати оперативников МГБ и большая группа военнослужащих 62-й дивизии внутренних войск. Как пишет в своих мемуарах Павел Судоплатов: «...от Шухевича потребовали сложить оружие — в этом случае ему гарантировали жизнь. В ответ прозвучала автоматная очередь. Шухевич, пытаясь прорвать кольцо окружения, бросил из укрытия две ручные гранаты. Завязалась перестрелка, в результате которой Шухевич был убит».

Несколько позже удалось также установить агентурную сеть, созданную Шухевичем, и узнать о некоторых операциях, которые он планировал.

Так, арестованная Дарья Гусяк, связная Шухевича, на допросе 20 мая 1950 года показала, что по заданию своего шефа выезжала в Киев, где ознакомилась с расположением и подходами к памятнику В. И. Ленину, который предполагалось взорвать. С такой же целью она посещала Полтаву, где изучала возможности для взрыва памятника Петру I. Эти взрывы, согласно указанию Шухевича, должны были осуществиться в знак протеста против «москальской» оккупации Украины.

Кроме того, Шухевич готовил теракты и в Москве. Так, в июне 1949 года одна из его террористок, имевшая в своем распоряжении взрывные устройства, некоторое время проживала в Москве, выбирая подходящую мишень для взрыва на Красной площади. Этой акцией ОУН намеревалась подтолкнуть Запад к оказанию организации финансовой поддержки.

В 1951 году при участии Судоплатова органам государственной безопасности удалось нейтрализовать направленное на Украину для активизации антисоветского подпольного движения начальника службы безопасности ОУН Мирона Матвиейко.

После смерти Шухевича и нейтрализации Матвиейко движение сопротивления в Западной Украине пошло на убыль и вскоре затихло.

По словам самого Судоплатова, в 1992 году после раскрытия его настоящего имени и фактов участия в операциях по борьбе с ОУН,

против него на Украине было возбуждено уголовное дело. Эта история закончилась в 1994 году, когда «было установлено, что фашистская террористическая Организация украинских националистов Коновальца — Бандеры официально провозгласила состояние войны с Советской Россией и СССР, продолжавшееся с 1919 по 1991 год».

Глава десятая

Узник Владимирского централа [\[21\]](#)

Тяжелые личные испытания, выпавшие на долю Судоплатова, не убили в нем преданность стране, за которую он был готов отдать жизнь.

Ольга Гарбуз, публицист

Смерть Сталина

В начале 1953 года положение Судоплатова в органах государственной безопасности оставалось стабильным. Об этом, в частности, свидетельствует характеристика на него, подписанная секретарем парткома № 1 МГБ СССР, в которой говорилось (публикуется по книге Александра Севера):

«Грамотный и энергичный чекист-руководитель, способный организатор, требователен к себе и подчиненным. При проведении ответственных оперативных мероприятий принимает острые и продуманные решения и лично участвует в их осуществлении, проявляя при этом смелость, настойчивость и оперативность.

Уделяет большое внимание подбору, расстановке и воспитанию кадров. Следит за ростом молодых работников как в политическом, так и в оперативном отношении, передает свой опыт и знания молодым чекистам, пользуется авторитетом среди коллектива. Морально устойчив, в быту скромнен.

Принимает активное участие в партийной жизни, избран членом партбюро, выступает с докладами по политическим и служебным вопросам. Прислушивается к критическим замечаниям коммунистов и принимает меры к устранению недостатков.

Систематически повышает свою деловую квалификацию и идейно-теоретическую подготовку, в текущем году заканчивает вечернее отделение Военно-Юридической Академии Советской Армии».

5 марта 1953 года умер И. В. Сталин. Для миллионов людей это была огромная трагедия, вся страна оплакивала его. (Что касается столицы, то автор, в то время десятилетний школьник, стоявший в почетном карауле у бюста вождя и дважды проходивший с отцом мимо гроба с его телом в Колонном зале Дома союзов, может это подтвердить.)

А вот что рассказывал сын Судоплатова о том дне: «Вечером позвонил с работы отец и сообщил о смерти Сталина. Стало в доме как-то тихо, отрешенно. Через некоторое время отец приехал домой. Он закрылся в нашей комнате (где спали и занимались мы с братом) и

долго не выходил. Я решил войти. Открыв дверь, я увидел, что отец лежит на одной из кроватей и беззвучно плачет. Я никогда не мог себе представить, чтобы этот закаленный житейскими бурями человек мог лить слезы, как все мы — дети. Я никому из домашних об этом не сказал. Второй раз он так же плакал, когда в больнице умерла мама».

В течение суток с момента смерти Сталина МГБ и МВД были объединены под единым руководством Берии. Внешняя разведка стала именоваться Вторым главным управлением (ВГУ) МВД СССР.

Положение Судоплатова в эти дни становилось все более неопределенным. С одной стороны, заместитель Берии Богдан Кобулов хотел назначить его начальником Контрольной инспекции при МВД СССР. Судоплатова же эта хлопотная должность не устраивала, так как предполагала рутинный разбор кадровых дел и конфликтных ситуаций в этом огромном ведомстве. С другой стороны, первый заместитель Берии Сергей Круглов настаивал, чтобы Судоплатов, имевший огромный оперативный опыт, сохранил свою должность в Бюро по разведке и диверсионной работе. Затем появились варианты с должностями министра внутренних дел Украины и уполномоченного МВД по Германии. Судоплатов от каких-либо переездов из Москвы отказался, ссылаясь на плохое состояние здоровья жены. Берия согласился с тем, что Судоплатову не следует покидать Москву.

Через несколько дней Павел Анатольевич получил назначение на должность начальника нового 9-го отдела МВД с подчинением непосредственно министру. Назначение обрадовало Судоплатова, оно открывало новые перспективы большой и интересной работы. Начался пересмотр главных задач в деятельности органов госбезопасности, которые касались непосредственно 9-го отдела. Этот отдел, более известный как Бюро специальных заданий, должен был иметь в своем подчинении бригаду специальных войск особого назначения для проведения диверсионных операций за рубежом.

«Берия приступил к осуществлению еще одной инициативы, — вспоминал Судоплатов. — На сей раз она касалась моего участка работы. На совещании начальников разведслужб Министерства обороны и МВД он резко критиковал Рясного, последнего начальника зарубежной разведки МГБ, выдвигенца Хрущева, за примитивные и малоэффективные методы. Берия сказал, что сейчас главной задачей является создание мощной базы для проведения разведывательных

операций в Германии, для этого нужно использовать то, что осталось от прежней агентурной сети “Красной капеллы”. В странах, граничащих с Соединенными Штатами Америки, надлежало усилить позиции нелегалов. Необходимо также, продолжал он, подготовить решение правительства, обязывающее МИД, Министерство внешней торговли, ТАСС и другие советские заграничные учреждения расширить поддержку операций советской разведки за рубежом...

Одновременно Берия и Круглов одобрили мое предложение привлечь к активной работе в новой структуре внутренних дел наших специалистов по разведке и партизанским операциям. Василевский, Зарубин и его жена, Серебрянский, Афанасьев, Семенов, уволенные из органов, вновь были возвращены на Лубянку и заняли высокие должности в расширенном 9-м отделе МВД, но через три месяца после моего ареста их снова уволили, а Серебрянского арестовали вскоре после меня, и он скончался в тюрьме».

Между тем в высшем руководстве страны обстановка становилась все более напряженной, о чем Судоплатов, увлеченный новой работой, видимо, не догадывался. Позже он подчеркивал: «В описании событий, связанных с арестом Берии, ряд наших и зарубежных историков упускал из виду, что фактическое руководство страной после смерти Сталина в марте — июне 1953 года было в руках не “тройки” — Маленков, Берия и Молотов, а “четверки” вместе с Хрущевым. Его роль была весьма значимой, ибо решением Пленума ЦК КПСС 5 марта 1953 года именно ему, совместно с Маленковым и Берией, “было поручено привести в порядок все документы в секретариате товарища Сталина”. Положение Хрущева в руководстве ставило его в исключительно выгодную позицию поочередного блокирования с любым влиятельным членом Президиума ЦК. Именно он, почувствовав уязвленность Молотова амбициями Берии во внешней политике, устроил заговор первоначально против Берии, а затем и против Маленкова».

Арест Берии

26 июня 1953 года в кремлевской борьбе за власть была поставлена точка. В этот день на заседании Президиума ЦК был арестован Берия. Он был обвинен в шпионаже в пользу западных держав, попытке ликвидировать Советское государство и установить власть буржуазии.

«Берия, как известно, пробыл во власти после смерти Сталина неполных четыре месяца, — писал известный санкт-петербургский журналист Валерий Нечипоренко. — Однако у него были весьма широкие планы по многим спорным проблемам. В частности, он высказывался за мирное объединение Германии, предлагал отменить существовавший тогда еще сталинский план ликвидации Тито и наладить дружественные отношения с Югославией. После ареста Берии эти его инициативы были расценены как предательство идеалов социализма».

Победу в кремлевской борьбе за власть одержал секретарь ЦК КПСС Хрущев и поддержавшие его Булганин, Маленков и Молотов.

Вскоре стали известны детали победы, одержанной над всемогущим министром МВД. Виктор Степаков, в частности, пишет: «Приказ на арест Лаврентия Павловича был отдан лично Хрущевым, при единодушном одобрении Булганина, Маленкова и Молотова. Выполнение важного задания Президиума ЦК КПСС было поручено группе военных: первому заместителю министра обороны маршалу Жукову, командующему войсками Московского района ПВО генерал-полковнику Москаленко, начальнику штаба генерал-майору Баксову, начальнику штаба ВВС Московского военного округа генерал-майору Батицкому...

Затем группа “захвата” спряталась в помещении рядом с кабинетом Маленкова, где началось заседание Президиума ЦК КПСС. Примерно в 13.00, по условленному сигналу (звонку), группа вошла в кабинет.

— Встать! Вы арестованы!! — подойдя к Берии, что было сил грянул Жуков.

Берия был в шоке. Не давая ему опомниться, Георгий Константинович вывернул арестованному руку, плеснул “леща” и поволок к комнате отдыха, где имелся запасной выход.

В этой комнате Лаврентия Павловича держали до вечера, после чего на ЗИСе вывезли из Кремля. Берию доставили в тюрьму Московского военного округа, где он содержался до конца следствия и суда».

26 июня, в пятницу, возвращаясь с работы на дачу, Судоплатов с удивлением увидел движущуюся колонну танков, заполнившую все шоссе. Первой его мыслью было, что это обычные учения, плохо скоординированные со службой ГАИ.

Автор книги в те дни тоже столкнулся с танками в Москве. Летом 1953 года наша семья жила на даче на Истре, в деревне Вельяминово, что под Павловской Слободой. Для семьи водителя отец снимал в деревне дом, чтобы машина всегда была «под рукой». В субботу 27 июня отец приехал с работы на дачу во второй половине дня. И буквально через пару часов к нам прибыл посыльный из Москвы с приказом для отца в воскресенье явиться на работу. Родители решили сразу же ехать в Москву всей семьей.

В то время мы жили в Москве на Большой Садовой, дом 8. А через несколько домов от нас находился особняк Берии. Так вот, проезжая мимо его дома, мы увидели, что особняк Берии со стороны Большой Садовой окружен танками. Несколько машин стояли полукругом, буквально прижатые борт к борту. Стволы пушек были направлены на здание. В воскресенье 28 июня отец уехал на работу, а мы с мамой пошли прогуляться в сторону особняка. Танков уже не было.

Еще одна маленькая деталь. У входа в сад «Аквариум», что рядом с площадью Маяковского (ныне — Триумфальная площадь), тогда стоял большой киоск «Союзпечать», в котором на протяжении нескольких месяцев продавали цветной фотопортрет нового министра МВД Л. П. Берии. Тогда же, во время воскресной прогулки, киоскер «по секрету» рассказала маме, что все портреты Берии у нее изъяли.

В субботу 27 июня Судоплатов пришел на Лубянку и сразу понял: произошло что-то чрезвычайное. Портрет Берии, висевший у него в приемной, отсутствовал. Примерно через час Судоплатова пригласили в малый конференц-зал, где собрались все руководители

самостоятельных отделов и управлений и все заместители министра, кроме Богдана Кобулова. Сидевший на председательском месте Сергей Круглов сообщил, что «за провокационные антигосударственные действия, предпринятые в последние дни, по распоряжению правительства Берия арестован и содержится под стражей» и что министром внутренних дел назначен он. Круглов обратился к собравшимся с просьбой продолжать спокойно работать и выполнять его приказы.

Выступивший затем первый заместитель министра внутренних дел Иван Серов сообщил, что за преступную связь с Берией арестованы Богдан Кобулов и его брат Амаяк Кобулов, являвшийся с мая 1953 года заместителем начальника Контрольной инспекции при МВД, начальник военной контрразведки Сергей Гоглидзе, министр внутренних дел Украины Павел Мешик, начальник охраны Берии Рафаэль Саркисов и начальник секретариата Берии Борис Людвигов.

Вообще следует подчеркнуть, что арест Берии стал крахом карьеры для многих его сотрудников. Только по линии МГБ — МВД было отправлено в отставку или арестовано и лишено воинских званий более ста генералов и полковников.

Вслед за арестом Берии, 1 июля 1953 года, Г. М. Маленков назначил секретаря ЦК партии Н. Н. Шаталина первым заместителем министра внутренних дел СССР. По сути, в МВД СССР он выполнял роль представителя ЦК партии, как бы чрезвычайного комиссара, без которого не решался ни один вопрос. К слову, после того как Хрущев одержал окончательную победу в борьбе за власть, завершившуюся отставкой 8 февраля 1955 года Маленкова от должности председателя Совета министров СССР, Николай Николаевич был незамедлительно отправлен в политическую ссылку подальше от Москвы. В 1955–1956 годах он являлся секретарем Приморского крайкома КПСС.

15 июля Г. М. Маленков и Н. Н. Шаталин выступили на закрытом собрании партийного актива руководящего состава МВД с объяснением причин ареста Л. П. Берии и исключения его из партии. Шаталин, в частности, говорил, что для усыпления бдительности Л. П. Берии ЦК КПСС сознательно пошел на обман, принимая заведомо ложные решения и отдавая соответствующие неправильные распоряжения, так как «совсем не просто было спланировать и провести арест такого злодея».

По словам генерала Судоплатова, эти объяснения для них, профессионалов, звучали наивно и по-детски беспомощно. Далее Судоплатов продолжал: «Эйтингон, Райхман^[22] и я, сидевшие рядом, обменялись многозначительными взглядами. Мы сразу поняли, что никакого бериевского заговора не существует, был антибериевский заговор в руководстве страны.

Сразу после Шаталина слово взял заместитель министра по кадрам Обручников и назвал Райхмана, Эйтингона и меня лицами, не заслуживающими доверия. Он вовсе не был нашим врагом — он выполнял то, что ему приказали. Обручников обрушился на меня за то, что я окружил себя одиозными и подозрительными личностями вроде Эйтингона, Серебрянского и Василевского, ранее арестовывавшимися и отстраненными от работы в разведке. Все мои попытки ответить на эти обвинения пресекались председательствовавшим Серовым».

Вскоре 9-й отдел МВД СССР был расформирован. Судоплатов продолжал аккуратно появляться на работе, но никаких существенных дел ему не поручали.

А находившийся в тюрьме Берия активно направлял письма на имя Маленкова и Молотова, в которых подчеркивал, что всегда выполнял все задания партии и правительства, и в числе своих заслуг называл кадры, которые он воспитал. Так, в письме на имя Маленкова Берия писал: «Взять хотя бы руководящих работников МВД товарищей Круглова, Кобулова, Серова, Масленникова, Федотова, Стаханова, Питовранова, Короткова, Сазыкина, Горлинского, Гоглидзе, Рясного, Судоплатова, Савченко, Райхмана, Обручникова, Мешика, Зырянова и многих других. Кроме помощи им в работе, требований, чтобы лучше организовать борьбу с врагами Советского государства как внутри страны, так и вне ее, у меня ничего не было. Товарищи работали, как положено настоящим партийцам...»

5 августа 1953 года Павел Анатольевич был вызван в Кремль, где ответил на вопросы руководителей страны по поводу заданий, которые он получал от Берии. В бывшем кабинете Сталина за столом заседаний президиума ЦК сидели Хрущев, Молотов, Маленков, Булганин, Микоян и Ворошилов. Маленков потребовал, чтобы Судоплатов «объяснил свое участие в тайных попытках Берии в первый месяц войны установить контакт с Гитлером, чтобы начать мирные переговоры на основе территориальных уступок».

Судоплатов доложил, что встреча с послом Болгарии Стаменовым проходила с целью проведения операции по дезинформации противника, ее санкционировали Сталин и Молотов.

Когда Судоплатов докладывал о послевоенных акциях своего подразделения, то в каждом случае указывал, кто давал приказы о их проведении и что все действия предпринимались с одобрения не только Сталина, но также Молотова, Хрущева и Булганина. Хрущев тут же поправил Судоплатова и, обратившись к президиуму, заявил, что во всех подобных случаях инициатива исходила от Сталина и зарубежных товарищей.

Хрущев закончил беседу, обратившись к Судоплатову:

— Партия ничего против вас не имеет. Мы вам верим. Продолжайте работать. Скоро мы попросим вас подготовить план ликвидации бандеровского руководства, стоящего во главе украинского фашистского движения в Западной Европе, которое имеет наглость оскорблять руководителей Советского Союза.

«Круглов жестом показал, чтобы я ждал его в приемной, — рассказывал позже Судоплатов. — Я оставался там часа полтора, мое беспокойство постепенно росло. Я не поверил ни одному слову из того, что сказал мне Хрущев в заключение. <...>

Вероятность того, что Круглов выйдет из кабинета с приказом на мой арест, казалась вполне реальной. Наконец он появился и сделал знак следовать за ним. Уже в машине он сказал, чтобы я немедленно представил ему собственноручно написанный рапорт обо всех известных мне случаях ликвидации — как внутри страны, так и за рубежом.

У себя в кабинете я составил перечень всех известных мне специальных акций и передал документ в секретариат Круглова».

Много позже Судоплатов понял, что упоминание в разговоре в Кремле и в рапорте Круглову имен Хрущева, Молотова и Булганина стало его роковой ошибкой.

Арест и следствие

21 августа 1953 года Павел Анатольевич Судоплатов был арестован.

«Это была пятница, — вспоминал Судоплатов. — Я находился у себя в кабинете. В дверях кабинета появился майор Бычков, мой секретарь, и ввел трех офицеров.

Одного из них я знал — это был подполковник Гордеев, начальник службы, отвечавшей за аресты, задержания и обыски в особо важных случаях... Я сразу спросил, есть ли у них ордер на мой арест. Гордеев предъявил его и сказал, что приказ подписан Кругловым, а ордер — Серовым. Тогда я предложил не проходить через приемную, чтобы у сотрудников не вызвать панику, а выйти в другую дверь. Это было грубым нарушением закона, но они согласились. По всем правилам я должен был подписать акт о проведении обыска у себя в кабинете и оставаться на месте, пока он не будет закончен.

Мы спустились вниз с седьмого этажа во внутреннюю тюрьму, находившуюся в подвале Лубянки. Без соблюдения формальностей я заполнил регистрационную карточку и был заперт в тюремной камере как заключенный под номером восемь...

После обеда двое надзирателей вывели меня в административный блок тюрьмы, где и обыскали. У меня отобрали все, включая таблетки от головной боли. Сняли с руки швейцарские часы-хронометр, купленные мной пятнадцать лет назад в Бельгии, и положили в нагрудный карман моего пиджака. Меня провели к закрытой тюремной машине, и в последний момент один из надзирателей выхватил из кармана мои часы. Это мелкое воровство потрясло меня: я не мог себе представить, что надзиратели особо секретной внутренней тюрьмы могут вести себя как карманники. Вот о чем я думал в тот момент, хотя мне становилось все яснее, что я обречен. Потом я вдруг подумал, что, может быть, смогу использовать кражу часов в свою пользу.

Меня доставили в Бутырскую тюрьму, где снова повторили обыск, а затем поместили в одиночную камеру.

Первый допрос состоялся в тот же день, поздно вечером. Допрашивали меня Руденко^[23] и полковник юстиции Цареградский.

Руденко грубым тоном объявил мне, что я арестован как активный участник заговора Берии, целью которого был захват власти, что я доверенное лицо и сообщник Берии в тайных сделках с иностранными державами против интересов советского государства, что я организовал ряд террористических актов против личных врагов Берии и планировал теракты против руководителей советского государства.

Выслушав эти чудовищные обвинения, я стал резко протестовать против незаконных в отношении меня как арестованного действий: я не присутствовал при обыске в своем кабинете, мне не дали опись изъятых при обыске вещей, и в завершение при доставке под конвоем в Бутырскую тюрьму у меня были похищены надзирателем швейцарские наручные часы-хронометр.

Руденко и Цареградский остолбенело уставились на меня, не веря собственным ушам. Наконец Руденко пришел в себя и сказал, что прикажет во всем разобраться...

На следующее утро в камере появился дежурный офицер с описью отобранных у меня при обыске вещей, среди них были часы-хронометр. Я подписал документ».

Позже журналист Валерий Нечипоренко высказал следующую точку зрения о причинах ареста Судоплатова:

«Что касается Судоплатова, то от него рассчитывали получить веские обвинения против Берии. А дабы генерал был сговорчивее, ему инкриминировали, что в 1941 году в сговоре с Берией он планировал взорвать Москву, свергнуть советское правительство, установить сепаратный мир с фашистской Германией. Судоплатов понимал: если он подпишет нужные следствию бумаги, то подведет самого себя под расстрельную статью».

Нельзя сказать, что арест Судоплатова прошел незамеченным для его коллег по работе и близких друзей. Некоторые из них открыто осудили несправедливость, проявленную по отношению к заслуженному чекисту. Среди последних была, в частности, и Зоя Воскресенская-Рыбкина. После окончания войны она некоторое время работала заместителем, а затем — начальником немецкого отдела внешней разведки.

Весной 1953 года, когда полковнику Воскресенской-Рыбкиной до пенсии оставалось немногим более года, умер Сталин. Зоя Ивановна так рассказывала об этих днях:

«После траурных дней стали приоткрываться черные страницы неоднозначной личности “отца народов”. Начались аресты тех, кто участвовал в расправах 1937–1938 годов. На Лубянке поспешно освобождались от старых кадров, увольняли, как это обычно у нас делалось, всех подряд. Под подозрение брали каждого».

Когда арестовали Судоплатова, с которым Воскресенская-Рыбкина долгое время работала в разведке (вспомним: она лично курировала молодого разведчика-нелегала в ходе его первой командировки в Финляндию) и который впоследствии был ее непосредственным начальником в Особой группе в первые месяцы войны, она выступила в защиту своего товарища и сказала о нем добрые слова на отчетно-выборном партийном собрании, где ее выдвигали в партком управления внешней разведки.

На следующий день Воскресенской-Рыбкиной объявили, что она увольняется «по сокращению штатов». В то же время ее должность начальника отдела не была сокращена. До пенсии, как уже отмечалось, Зое Ивановне оставалось проработать около года. Будучи волевым человеком, она стала ходить «по инстанциям», добиваясь справедливого разрешения своего дела. Ее направили в распоряжение ГУЛАГа.

Полковнику Воскресенской-Рыбкиной предложили поехать в Воркутинский лагерь для особо опасных преступников на должность начальника спецотделения, которую занимал старший лейтенант, ожидавший замены. Она дала согласие.

Выше майора по званию в Воркуте никого не было. Рассказывают, что, когда она приехала к новому месту работы, все мужчины-офицеры кинулись скупать одеколон. В свои 48 лет Воскресенская была по-прежнему очень красивой женщиной.

Следует подчеркнуть, что генерал-лейтенант Судоплатов был арестован в ходе второй волны чистки органов государственной безопасности от «пособников предателя». Это, видимо, и спасло ему жизнь.

«По правде говоря, назвать Судоплатова человеком Берии можно было лишь с известной долей натяжки, — подчеркивал Валерий Нечипоренко. — Свою славу умелого организатора диверсионных акций Судоплатов приобрел задолго до знакомства со “злодеем”. Начиная с 1932 года, когда его перевели в Москву, в центральный

аппарат ОГПУ, Судоплатов неоднократно выезжал в качестве нелегала в Финляндию, Германию, Нидерланды, Францию, Испанию. В мае 1938 года он ликвидировал в Роттердаме лидера Организации украинских националистов Коновальца. Берия же появился в Москве позже, и только в ноябре 1938 года был назначен наркомом внутренних дел, в чье ведение входила и госбезопасность...

Важно также отметить, что с марта 1946 года по март 1953 года Берия занимал пост заместителя председателя Совета министров СССР, органами государственной безопасности и разведкой не руководил и не являлся для Судоплатова прямым начальником».

Для Судоплатова потянулись нескончаемые дни следствия. Сменявшие друг друга следственные бригады повторяли один и тот же вопрос: признает ли он свое участие в предательских планах и действиях Берии? И всегда получали отрицательный ответ. Хотя Павел Анатольевич позже признавался в своих мемуарах: «Примерно через полтора месяца мне стало ясно, что признание вовсе не важно для Цареградского. Меня просто подведут под формальное завершение дела и расстреляют как неразоружившегося врага партии и правительства, упорно отрицающего свою вину. <...>

Ознакомившись с некоторыми показаниями против меня других арестованных, я понял, что они просто тянут время. И я решил действовать в духе советов, которые давал мой предшественник и наставник Шпигельглаз своим нелегалам, пойманым с поличным и не имевшим возможности отрицать свою вину: постепенно надо перестать отвечать на вопросы, постепенно перестать есть, без объявления голодовки каждый день выбрасывать часть еды в парашу. Гарантировано, что через две-три недели вы впадете в протрацию, затем полный отказ от пищи. Пройдет еще какое-то время, прежде чем появится тюремный врач и поставит диагноз — истощение; потом госпитализация — и насильственное кормление».

К осени 1953 года Судоплатов начал терять силы. Он перестал отвечать на вопросы, которые ему задавали следователи. Охватившее его отчаяние было столь сильным, что однажды он швырнул алюминиевую миску с тюремной баландой в лицо надзирателю. Вскоре Судоплатов был помещен в психиатрическое отделение санчасти Бутырской тюрьмы, где оставался больше года.

Жене Павла Анатольевича удалось наладить контакт, а затем установить дружеские отношения с медсестрой тюремной больницы, постоянно дежурившей в его палате. Она стала тайно сообщать Судоплатову обо всех важных событиях оригинальным способом, придуманным Эммой Карловной. Свою книгу, которую медсестра обычно читала во время дежурства в палате, она стала оборачивать свежими номерами газеты «Правда», помещая на видное место обложки самые важные правительственные сообщения. Ведь говорить открыто в палате было нельзя: помещение круглосуточно прослушивалось.

Зимой 1955 года Судоплатов был переведен в стационар ленинградской тюремной психиатрической больницы, в котором наблюдался и лечился до 1958 года.

После многолетней активной терапии психиатрическая комиссия сочла Судоплатова здоровым. В апреле 1958 года ему объявили, что, исходя из его состояния здоровья, можно возобновлять следствие. В тюремном «воронке» его привезли на вокзал и отправили в Москву. В столице он вновь очутился в уже знакомой ему Бутырской тюрьме.

Позже Павел Анатольевич рассказывал, что сразу почувствовал, как резко изменилась политическая ситуация в стране. В частности, уже через несколько дней его навестили несколько надзирателей и начальник тюремного корпуса — бывшие офицеры и солдаты Бригады особого назначения, находившейся под его началом в годы войны. Они приходили поприветствовать и поддержать своего командира.

В начале сентября 1958 года Судоплатову официально сообщили, что его дело будет рассматриваться Военной коллегией 12 сентября без участия прокурора и защиты. Он был переведен во внутреннюю тюрьму Лубянки. В здание Верховного суда на улице Воровского его привезли в тюремной машине, без наручников, в сопровождении двух конвоиров КГБ, которым приказали ждать в приемной заместителя председателя Военной коллегии, то есть за пределами зала судебных заседаний. Комната, в которой проходило заседание, представляла собой хорошо обставленный кабинет с письменным столом в углу и длинным столом, предназначенным для совещаний.

Председательствовал на заседании генерал-майор Костромин, представившийся заместителем председателя Военной коллегии. Другими судьями были полковник юстиции Романов и вице-адмирал

Симонов. В комнате присутствовали также два секретаря. Судоплатов сел в торце длинного стола, а на другом конце расположились судьи — все трое.

В ходе заседания, не сдержавшись, Судоплатов заявил членам Военной коллегии: «Вы судите человека, приговоренного к смерти фашистской ОУН, человека, который рисковал своей жизнью ради советского народа! Вы судите меня так же, как ваши предшественники, которые подводили под расстрел героев советской разведки».

Он начал перечислять имена своих погибших друзей и коллег: Артузова, Шпигельглаза, Малли, Серебрянского, Сосновского, Горожанина и других (все они были реабилитированы начиная с 1956 года). Костромин был ошеломлен; вице-адмирал Симонов сидел белый как мел.

После небольшой паузы Костромин взял себя в руки и проговорил: «Никто заранее к смертной казни вас не приговаривал. Мы хотим установить истину».

В тот же день, 12 сентября 1958 года, Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор:

«Секретно

Приговор

именем Союза Советских Социалистических Республик

Военная коллегия Верховного суда Союза ССР <...> рассмотрела дело по обвинению: СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича в преступлении, предусмотренном ст. ст. 17—58-1 “б” УК РСФСР.

Предварительным и судебным следствием установлено, что Судоплатов, находясь длительное время на руководящей работе в центральном аппарате органов государственной безопасности, активно способствовал изменнику Родине Берия и его ближайшим сообщникам в проводимой ими вражеской деятельности.

В 1941 году, в первые дни после вероломного нападения гитлеровской Германии на Советский Союз, втайне от Советского правительства предпринял попытку установить связь с Гитлером. С этой изменнической целью Берия через болгарского посла в СССР Стаменова пытался начать переговоры с Гитлером, предлагая уступить фашистской Германии Белоруссию, Украину, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию и Буковину.

Тайные переговоры о территориальных уступках и порабощении советских людей по поручению Берия вел лично подсудимый Судоплатов.

Выполнение изменнического поручения Берия Судоплатов длительное время скрывал от Советского правительства и лишь в августе 1953 года после его вызова рассказал об этом.

До начала Великой Отечественной войны Судоплатов по поручению Берия создал и возглавил так называемую особую (специальную) группу из числа работников, особо доверенных Берия лиц. В задачу особой группы входило выполнение совершенно секретных заданий Берия, в частности тайно похищать неугодных ему граждан и уничтожать их без суда и следствия.

Установлено, что Берия и его сообщники совершили тяжкие преступления против человечества, испытывая смертоносные, мучительные яды на живых людях. Специальная лаборатория, созданная для производства опытов по проверке действия яда на живом человеке, работала под наблюдением Судоплатова и его заместителя Эйтингона с 1942 по 1946 год, которые от работников лаборатории требовали ядов, только проверенных на людях.

Военная коллегия приговорила: СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича подвергнуть тюремному заключению сроком на пятнадцать (15) лет, с последующим поражением политических прав на три года и с конфискацией в доход государства одной шашки и одного охотничьего ножа.

Судоплатова П. А. лишить правительственных наград, медалей “За оборону Москвы”, “В память 800 лет Москвы”, “За оборону Кавказа”, “За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” и “30 лет Советской Армии и Флота”.

Возбудить ходатайство перед Советом Министров СССР о лишении Судоплатова П. А. воинского звания “генерал-лейтенанта”. Президиум Верховного Совета СССР ставит вопрос о лишении его правительственных наград, орденов и медалей.

Срок наказания Судоплатову П. А. исчислять с 21 августа 1953 года.

Судебные издержки по делу отнести за счет осужденного. Приговор окончательный, в кассационном порядке обжалованию не подлежит.

12 сентября 1958 г.».

Хотелось бы обратить внимание читателя на следующие моменты. У Судоплатова разрыв между арестом и вынесением приговора составил более пяти лет. У его заместителя и товарища Эйтингона следствие длилось почти четыре года. Все это время генералы обращались в высокие судебные инстанции, требуя справедливости. Они не просили выпустить их на свободу. Они просили лишь разобраться в их деле. Они хотели, чтобы по их вопросам были приняты хоть какие-то решения. Но как раз этого Хрущев и его подручные сделать не могли. Ведь у них не было ни оснований, ни документов, ни свидетелей, чтобы обвинить Судоплатова, Эйтингона и других незаконно посаженных в тюрьмы людей. Они тянули время, изобретали предлоги, ловчили, чтобы эти основания сфабриковать.

Дети Наума Эйтингона Муза Малиновская и Леонид Эйтингон в своей книге «На предельной высоте», посвященной родителям, пишут: «Затягивая расследование надолго, подручные Хрущева надеялись только на то, что измученные долгим заключением и желая поскорее положить этому конец, арестованные сотрудники спецслужб начнут оговаривать и себя, и других. Другим соображением было то, что дело Берии, дескать, было давно закрыто и возвращаться к нему незачем; что же касается материалов по этому давно закрытому делу, то они якобы являются надежным свидетельством того, что и Эйтингон, и его начальник Судоплатов выполняли многочисленные приказы Берии, а среди этих приказов неизбежно должны были быть и приказы по ликвидации личных противников Берии. Эти соображения являлись для судей достаточным основанием для обвинения и вынесения приговора. То было воистину новое слово в юриспруденции!»

О том, что Судоплатов и его заместитель Эйтингон оказались жертвами кремлевских «разборок», достаточно красноречиво говорит и такой эпизод, который произошел с ним после объявления приговора:

«Вскоре я уже был во внутренней тюрьме Лубянки. У меня началась страшная головная боль, и надзиратель даже дал мне таблетку. Я все еще не пришел в себя, когда меня неожиданно отвели в кабинет Серова — бывшие владения Берии. Мрачно взглянув на меня, Серов предложил сесть.

— Слушайте внимательно, — начал он. — У вас будет еще много времени обдумать свое положение. Вас отправят во Владимирскую тюрьму. И если там вы вспомните о каких-нибудь подозрительных действиях или преступных приказах Молотова и Маленкова, связанных с теми или иными делами внутри страны или за рубежом, сообщите мне, но не упоминайте Никиту Сергеевича. И если, — заключил он, — вы вспомните то, о чем я вам сказал, вы останетесь живы и мы вас амнистируем.

Несмотря на страшную головную боль, я кивнул, выражая согласие. Больше я никогда его не видел».

Конечно, генерал знал, что обещания Серова стоили недорого.

Владимирская тюрьма

Свой срок Павел Судоплатов отбыл во Владимирской тюрьме, как говорится, «от звонка до звонка».

Владимирская тюрьма — одна из известных тюрем в России. Она была построена по указу императрицы Екатерины II от 5 апреля 1781 года «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях». Уже через два года были согласованы проекты, планы и сметы подобных заведений, а 15 августа 1783 года закончилось строительство «рабочего дома» во Владимире.

Через полвека, в 1838 году, Николай I утвердил «Положение о Владимирской арестантской роте гражданского ведомства». В 1870 году, при Александре II, арестантские роты стали называться «исправительными отделениями». Во Владимир присылали со всей губернии арестантов, способных работать.

После первой русской революции 1905 года здесь была создана каторжная тюрьма, которая с 1906 года стала называться централом (центральной тюрьмой). В ней содержались политические заключенные, в частности, будущий главнокомандующий Красной армией Михаил Фрунзе.

В разгар Гражданской войны во Владимирской тюрьме содержались главным образом противники новой власти. В начале 1921 года Владимирский централ был превращен в губернский изолятор специального назначения (политизолятор). С 1944 года тюрьма находилась в ведении НКВД — МГБ — МВД.

Особое место во Владимирском центре занимали так называемые «номерные узники». Даже тюремный персонал порой не знал их настоящих имен. Они содержались в одиночных камерах, без всякого контакта с другими заключенными и с внешним миром.

После войны во Владимирский централ попали немецкие генералы и деятели фашистской партии. Сидели здесь жена генерал-лейтенанта Крюкова — известная певица Лидия Русланова, а также актриса Зоя Федорова. В послевоенный период Владимирская тюрьма входила в систему «особых лагерей и тюрем», созданную на основе

постановления Совета министров СССР № 416–159 от 21 февраля 1948 года «Об организации лагерей МВД со строгим режимом для содержания особо опасных государственных преступников» для содержания приговоренных к лишению свободы шпионов, диверсантов, террористов, меньшевиков, эсеров, анархистов, националистов, белогвардейцев, и участников других антисоветских организаций, а также лиц, представляющих опасность по своим антисоветским связям и вражеской деятельности. В служебных документах она значилась как «Владимирская тюрьма особого назначения МГБ СССР».

Арестантов Владимирской тюрьмы 1950-х годов позже сменили диссиденты: Буковский, Щаранский, Марченко.

Пребывание Судоплатова во Владимирской тюрьме совпало с недолгим периодом хрущевской либерализации пенитенциарной системы. Ему было разрешено получать до четырех продуктовых передач ежемесячно. Правда, первое время Судоплатова держали в одиночной камере, но все же полностью он не был изолирован: мог получать газеты, слушать радио, пользоваться тюремной библиотекой.

Там же, во Владимирском центральном, находился его боевой заместитель и товарищ генерал-майор Наум Эйтингон, арестованный в 1951 году, «ошибочно и преступно» выпущенный на свободу Берией в 1953 году, в августе того же года вновь арестованный и в 1957 году приговоренный к двенадцати годам лишения свободы. Одно время они даже были сокамерниками.

В тот же период помимо Эйтингона во Владимирской тюрьме сидело немало хорошо известных Судоплатову людей: некто Васильев — сын Сталина Василий, генерал-лейтенант авиации, упрятанный туда на восемь лет Хрущевым; Владимир Брик — племянник Осипа Брика, близкого друга Маяковского; Василий Шульгин — бывший заместитель председателя Государственной думы; профессор Григорий Майрановский — руководитель токсикологической лаборатории НКГБ — МГБ; Степан Мамулов — заместитель министра внутренних дел Берии, отвечавший за золотодобычу; академик Петр Шария, занимавший одно время пост заместителя начальника внешней разведки НКВД — НКГБ; Борис Людвигов — начальник секретариата Берии в МВД, женатый на племяннице Микояна...

В апреле 2000 года дети Эйтингона Муза и Леонид, а также сын Судоплатова Анатолий получили разрешение посетить Владимирский централ. В своей книге «На предельной высоте» они рассказали об этой поездке: «Мы были очень благодарны администрации Владимирского централа за то, что они разрешили нам осмотреть не только музей, но и дали заглянуть в камеру, в которой сидели наши отцы. Для этого пришлось перевести на время в другую камеру сидевших там заключенных. В этой камере долгие годы провели, кроме Эйтингона и Судоплатова, сотрудники МВД Людвигов и Мамулов. Трудно передать словами наше состояние, когда мы оказались в этой маленькой комнатухе, площадью примерно 6 квадратных метров, с полукруглым сводом вместо потолка, с тусклой лампочкой, которая, как нам рассказывал отец, горела и днем и ночью. Окно закрыто стальной ставней с узенькими щелочками. Выражение “небо в крупную клетку” абсолютно сюда не подходило: неба не было видно вообще, щели сделаны так, что неба сквозь них не видно. Кровати узкие, двухъярусные. Из-за низкого сводчатого потолка человек, лежащий на верхней койке, даже не может сесть. Прочая мебель — это узенький металлический столик и тоже узкая, в ладонь шириной, лавочка, стальные ножки которой приделаны к полу. За этим столом долгие годы отец и писал нам письма...

Канализацию сделали в 1965 году, генералы пользовались парашей. Камера была рядом с тюремным лазаретом, и одно это уже делало ее привилегированной. Ведь заключенные были уже немолодыми людьми.

Можно понять нашу горечь и боль после посещения Владимирского централа. Самую сильную боль вызывало сознание того, что эту долгую муку терпели люди, которые ни в чем не были виноваты.

Обидно, особенно после посещения Владимирской тюрьмы, еще и другое: читать опусы некоторых “литераторов” и “историков”, которые утверждают, что Эйтингон и Судоплатов, дескать, находились в “щадящих условиях”, чуть ли не под домашним арестом. В такой камере и десять минут трудно пробыть, а уж двенадцать или пятнадцать лет...

Отец рассказывал, что раз в день, минут на сорок, заключенным разрешалась прогулка. Мы побывали во внутреннем дворике, где

проходили прогулки. Он похож на колодец — огромной высоты стены. Вряд ли заключенные испытывали облегчение, оказавшись на такой прогулке. Для того чтобы не утратить здесь силу воли, жизненные силы, нужно быть очень мужественным человеком...»

Здесь следует подчеркнуть, что, находясь во Владимирском центре, Судоплатов и Эйтингон все же старались не терять времени даром. Они не только много читали, но и занимались иностранными языками, переводили книги по истории, словом, готовились к жизни на свободе. При этом они оставались профессионалами, знатоками своего дела. Узнав, что в США идет формирование войск специального назначения «Зеленые береты», они написали письмо Хрущеву со своими предложениями о возможных способах противодействия спецвойскам США в случае вооруженного конфликта. Их письмо получило одобрение Шелепина, к тому времени ставшего секретарем ЦК и курировавшего вопросы безопасности и деятельность разведки. С письмом ознакомился и генерал-лейтенант Фадейкин, являвшийся в то время начальником 3-го управления (военной контрразведки) КГБ при СМ СССР. Он прислал во Владимир своего подчиненного, который обсудил с заключенными детали их предложения. Так в результате беседы двух арестантов на тюремных нарах в КГБ родился спецназ. Вскоре был создан Учебный центр, подчиненный Первому главному управлению КГБ СССР.

Другим предложением, пришедшим из Владимирской тюрьмы, было предложение Судоплатова и Эйтингона возобновить переговоры с лидером курдского повстанческого движения Мустафой Барзани, чтобы использовать его против иракского диктатора генерала Керима Касема, с которым СССР стало все труднее о чем-либо договариваться. После этого письма Судоплатова и Эйтингона в тюрьме посетил полковник Шевченко, начальник Владимирского областного управления КГБ, и сообщил, что руководство КГБ использует их предложения.

Преклоняясь перед деятельностью осужденных чекистов-профессионалов, приведем еще один подобный пример, касающийся их подчиненного и старшего товарища — замечательного советского разведчика-нелегала Якова Серебрянского, который во второй половине 1930-х годов возглавлял в Париже специальную нелегальную группу, работавшую над реализацией операции «Сынок». В ноябре

1938 года по оговору он был отозван в Москву и арестован. До февраля 1939 года содержался во внутренней тюрьме на Лубянке без санкции прокурора, 7 июля 1941 года был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания — расстрелу. В августе того же года, по настоянию Судоплатова, Серебрянский был выпущен на свободу, восстановлен во всех правах и всю войну успешно работал в 4-м управлении НКВД.

А весь период следствия в 1939 году, находясь в жутких тюремных условиях, Серебрянский активно работал над учебным пособием — «Наставление для резидента по диверсии», в котором рассматривал нелегальную работу как важный участок обороны страны за счет уничтожения главных военных объектов противника в случае его нападения на Советский Союз. Считая этот участок работы очень ответственным, он указывал: «Только тот имеет право посылать товарищей на опасную для их жизни работу, кто сам готов подвергнуть себя этой опасности. Ты должен быть счастлив, что партия тебе доверяет такой ответственный участок работы».

Павел Судоплатов в тюрьме перенес три инфаркта, ослеп на один глаз, получил инвалидность 2-й группы. И все эти тюремные годы шла борьба за его освобождение, которую вели он сам, его жена, многочисленные коллеги и друзья, не бросившие осужденных генералов в беде.

Герои Советского Союза Евгений Мирковский, Станислав Ваупшасов, Кирилл Орловский, приехавший в Москву после двадцатилетнего пребывания в мексиканской тюрьме Рамон Меркадер, ставший в 1960 году Героем Советского Союза, его мать Каридад, отмеченная высшей наградой нашей страны — орденом Ленина, лидер испанских коммунистов Долорес Ибаррури, руководители французской и австрийской компартий, видные советские разведчики Вильям Фишер (Рудольф Иванович Абель), Лев Василевский, Георгий Мордвинов, Зоя Воскресенская-Рыбкина и многие другие писали письма в ЦК, обращались в другие инстанции с просьбами о пересмотре дел Судоплатова и Эйтингона. Но эти письма оставались без ответа. Правда, на одном из писем бывших чекистов руководитель государства Леонид Ильич Брежнев начертал от руки: «Не суйтесь не в свои дела».

Несколько раз писал в ЦК в поддержку Судоплатова и Эйтингона бывший советский разведчик, работавший под началом Эйтингона еще в Китае в середине 1920-х годов, командир полка ОМСБОН в 1941–1942 годах, бывший министр путей сообщения и строительства Болгарии, Герой Социалистического Труда НРБ полковник советской армии и генерал-лейтенант Болгарской народной армии Иван Винаров. Но на одно из его последних писем последовал настолько резкий ответ, что бывший болгарский министр довольно долго «приходил в себя».

И, наконец, на очередное письмо Героя Советского Союза генерал-майора Рамона Меркадера, все-таки пытавшегося добиться реабилитации Судоплатова и Эйтингона, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Михаил Суслов заявил как отрезал: «Мы решили для себя судьбу этих людей раз и навсегда».

Через полгода пребывания во Владимирской тюрьме Павел Анатольевич стал буквально забрасывать Верховный суд СССР и прокуратуру прошениями о пересмотре своего дела. Никакой реакции на них не было. Лишь однажды Судоплатов получил ответ за подписью заместителя председателя Верховного суда СССР Льва Смирнова, в котором говорилось: «Оснований для пересмотра дела нет».

Когда в октябре 1964 года Хрущев был отстранен от власти, у членов семьи Судоплатова, его товарищей и коллег, а также у самого «владимирского сидельца» появилась некоторая надежда на пересмотр дела. Эмма Карловна решила обратиться с заявлением по поводу своего мужа в Президиум Верховного Совета Союза ССР:

«Заявление

В августе месяце 1953-го года был арестован мой муж Павел Анатольевич Судоплатов.

Почти 12 лет Судоплатов находится в тюрьме. Ему сейчас 58 лет. Он тяжело болен стенокардией, совершенно ослеп на один глаз, и болезнь распространилась на другой глаз, он болен пародонтозом, у него появились опухоли, требующие квалифицированного хирургического вмешательства.

Тяжелое состояние здоровья моего мужа побуждает меня обратиться к Вам с просьбой о помиловании.

Я знаю Судоплатова более 30 лет как коммуниста и чекиста, беззаветно преданного Родине и Партии. На самых острых участках

борьбы с контрреволюцией он много раз рисковал своей жизнью, выполняя специальные задания Партии и правительства чрезвычайного государственного значения за границей, находясь на нелегальном положении. Почти 10 лет я работала вместе с Судоплатовым до войны в одном отделении и по долгу службы лично знала о проведенных им делах, при выполнении которых он проявил высокий патриотизм, мужество и стойкость.

Во время Великой Отечественной войны Судоплатов руководил организацией и работой разведывательно-диверсионных групп в тылу немецко-фашистских захватчиков.

В группах, созданных Судоплатовым, действовали прославленные Герои Советского Союза Дмитрий Медведев, Николай Кузнецов и многие другие, которых он лично готовил для работы в тылу врага. Всю войну, не покладая рук, Судоплатов работал для победы над фашизмом.

Работая исключительно в области нашей разведки за границей и в тылу врага, Судоплатов никогда не имел никакого отношения к репрессиям против советских людей в годы культа личности.

За прошедшие 12 лет выросли наши сыновья. Когда был арестован мой муж, им было 10 и 13 лет...

Сейчас оба сына выходят в большую жизнь, а отец их уже стар и так тяжело болен, что ему не под силу выдержать годы заключения в тюрьме. Тяжкая эта трагедия для всей нашей семьи коммунистов. Поэтому я снова обращаюсь к Вам с настоятельной просьбой о помиловании моего мужа и отца моих детей».

Ходатайство Эммы Карловны было рассмотрено и отклонено.

Весной 1966 года, в канун XXIII съезда КПСС и за два года до истечения срока приговора Судоплатову, в его многолетней борьбе за справедливость вроде бы наступил перелом.

Письмо на имя съезда с ходатайством о реабилитации Судоплатова и Эйтингона (Наум Исаакович к тому времени уже вышел на свободу) подписали 32 старших офицера — ветераны внешней разведки и бывшего 4-го управления НКВД.

Из ходатайства о реабилитации П. А. Судоплатова и Н. И. Эйтингона, подписанного ветеранами, в адрес XXIII съезда КПСС в феврале 1966 года:

«ПРЕЗИДИУМУ ХХІІІ СЪЕЗДА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Мы — коммунисты, подписавшие это письмо, обращаемся к Съезду нашей партии с просьбой об организации специальной партийной проверки судебных дел и реабилитации в отношении двух наших товарищей — бывших руководителей, честных и преданных партии и Советскому государству коммунистов товарищей СУДОПЛАТОВА Павла Анатольевича и ЭЙТИНГОНА Наума Исааковича, необоснованно осужденных Военной коллегией Верховного Суда, первый — на 15 лет, а второй на 12 лет строгого тюремного заключения.

По этому вопросу мы в мае и 2 июля 1965 года обращались с письмами в ЦК КПСС на имя Н. М. Шверника и Л. И. Брежнева и также Председателя КГБ тов. В. Е. Семичастного с просьбой о пересмотре этих дел. Наши письма не были доложены руководству ЦК КПСС, а были переданы в отдел административных органов ЦК КПСС. По этим письмам мы получили ответ от работника административного отдела ЦК тов. Белова, что дела СУДОПЛАТОВА и ЭЙТИНГОНА, по заключению Прокуратуры СССР, пересмотру не подлежат, так как они после войны совершили тяжкие контрреволюционные государственные преступления и что в ЦК партии известны их большие заслуги во время войны, за что они были правильно награждены. На наш вопрос, в чем конкретно их вина, тов. Белов не мог объяснить, так как он и сам этого не знает, ввиду того, что дело это, как он сказал, “особо секретно”.

Естественно, что, не получив вразумительного ответа на наши письма, мы обратились за разъяснениями к тов. Эйтингону, освобожденному из тюрьмы после отбытия 12-летнего заключения.

Так, нам стали известны факты, которые заставляют нас вновь поднять этот вопрос и обратиться с этим письмом к Президиуму ХХІІІ съезда КПСС.

Вот о каких фактах идет речь:

Во-первых, мы узнали, что коммунисты СУДОПЛАТОВ П. А. и ЭЙТИНГОН Н. И. виновными себя в предъявленных им обвинениях не признавали и не признают.

Во-вторых, к нашему удивлению, мы узнали, что в приговорах по делам СУДОПЛАТОВА и ЭЙТИНГОНА сказано, что Особая группа

НКВД СССР, ими возглавляемая, по планам, разработанным СУДОПЛАТОВЫМ, якобы занималась уничтожением советских людей, негодных бывшему наркому НКВД Берия. В приговоре и на суде не было приведено ни одного факта — когда, где, кем совершены преступные действия, приписываемые Особой группе. Не названо ни одного имени пострадавших потому, что таких фактов нет.

В приговоре говорится, что эта Особая группа будто бы была создана “из особо доверенных Берия лиц”. Но кто эти лица — не указано ни одного имени. Нам не известен ни один сотрудник Особой группы, который был бы привлечен к судебной ответственности за так называемую преступную деятельность Особой группы, которая инкриминирована СУДОПЛАТОВУ и ЭЙТИНГОНУ.

Зато нам известны сотрудники Особой группы, которые вошли в историю своей героической борьбой с врагами нашей Родины: Герои Советского Союза товарищи — ЛЯГИН, МОЛОДЦОВ, КУДРЯ, КУЗНЕЦОВ, МЕДВЕДЕВ, ГАЛУШКИН, ОЗМИТЕЛЬ, ОРЛОВСКИЙ, АБЕЛЬ и многие другие, как погибшие в борьбе с врагами, так и ныне живущие.

Нам хорошо известно, что Особая группа при Наркоме НКВД СССР (переименована во 2-й отдел в конце 1941 года, а в 1942 году — в 4-е управление) с первых же дней войны и до ее расформирования после войны под руководством начальника Особой группы тов. СУДОПЛАТОВА и его заместителя тов. ЭЙТИНГОНА с честью выполняла поставленные перед ней Партией задачи как на временно оккупированной врагом территории, так и за рубежом.

Это подтверждается документами, хранящимися в архивах МВД — КГБ, а также это могут подтвердить многочисленные непосредственные участники этих дел и в том числе мы, подписавшие это письмо.

Поэтому обвинение СУДОПЛАТОВА и ЭЙТИНГОНА, сформулированное в приговоре, мы рассматриваем как извращение исторической правды, как безответственную клевету на многочисленный коллектив коммунистов, комсомольцев, чекистов Особой группы, как живых, так и погибших. Эти люди не на словах, а на деле доказали свою преданность делу коммунизма (а не лицам, хотя и занимавшим высокие посты) и делу защиты государственной

безопасности нашей Родины, ради чего они не жалели своей крови и жизни.

Относительно того, что Особая группа была создана из “особо доверенных лиц Берия” — это чистейший вымысел.

Нам известно, что Особая группа формировалась не из каких-то “особо доверенных Берия лиц”, а из коммунистов-патриотов.

Нам также известно, что Особая группа была создана по указанию Политбюро ЦК и в ее создании принимали участие товарищи Георгий ДИМИТРОВ, Долорес ИБАРРУРИ, бывший зав. Военным Отделом ЦК ВЛКСМ ШЕЛЕПИН. По указанию этих товарищей были переданы СУДОПЛАТОВУ в Особую группу для использования:

а) все боеспособные политэмигранты, состоявшие на учете в Коминтерне и в том числе участники Интернациональных бригад в Испании;

б) более 700 специально подобранных комсомольцев-добровольцев, выделенных ЦК ВЛКСМ;

в) физкультурный актив страны — свыше 1000 спортсменов и мастеров спорта и в том числе — 400 преподавателей и студентов Института физкультуры;

г) 100 альпинистов;

д) много старых большевиков-подпольщиков и полярников.

В июле 1941 года Особой группой было создано военно-чекистское соединение — Бригада Особого Назначения, которая была укомплектована исключительно из добровольцев и не только из граждан СССР, а и из числа иностранных граждан, членов братских коммунистических партий. Эти люди наряду с кадровыми чекистами и являлись кадрами Особой группы.

Нам известно, что т.т. СУДОПЛАТОВ и ЭЙТИНГОН были лишены прав на защиту своих законных интересов, как обвиняемые на закрытом процессе.

Суд основал свой приговор на данных, которые не рассматривались в судебном заседании.

Кроме того, нам известно, что тов. СУДОПЛАТОВ просил свою жену коммунистку Э. К. Судоплатову добиться в соответствии ст. 81 УПК РСФСР предоставления ему возможности подать свои замечания по протоколу судебного заседания на его неправильность или его неполноту.

Он ходатайствовал об этом 12 сентября 1958 года. Суд обещал удовлетворить его законное ходатайство через трое суток после составления протокола и его подписания, но своего обещания не выполнил.

Нам также известно со слов СУДОПЛАТОВОЙ, что на неоднократно подаваемые жалобы тов. СУДОПЛАТОВ ответа не получал. Им было послано 21 заявление еще до суда в адрес Военной коллегии. В них содержались объяснения и защитительные доводы и аргументы, доказательства невиновности, разные ходатайства. Ни на одно из них не было получено ответа, чем нарушена ст. 334 УПК РСФСР.

Необъективность, допускаемую в проведении предварительного следствия по делам СУДОПЛАТОВА и ЭЙТИНГОНА, подтверждают: полковник Лев Петрович ВАСИЛЕВСКИЙ и полковник Зоя Ивановна РЫБКИНА-ВОСКРЕСЕНСКАЯ, бывшие ответственные работники Особой группы, которые допрашивались в качестве свидетелей.

Нам известно, что П. А. СУДОПЛАТОВ находится в тюрьме 13 лет. Он — очень больной человек. В настоящее время у него тяжелые сердечные приступы, и дальнейшее его пребывание в тюрьме может привести к его гибели. Зная СУДОПЛАТОВА как честного коммуниста и учитывая его большие заслуги перед Партией и государством, мы обращаемся с просьбой о его досрочном освобождении. Мы уверены, что в конце концов он будет реабилитирован не посмертно, а при жизни».

Среди подписавших обращение к съезду партии — Герои Советского Союза Евгений Мирковский и Станислав Ваупшасов, командиры разведывательно-диверсионных отрядов специального назначения периода Великой Отечественной войны Николай Волков и Михаил Филоненко, командир ОМСБОН Михаил Орлов и начальник ее политотдела Лев Студников, ответственные сотрудники Особой группы Лев Василевский и Василий Лебедев, а также многие другие.

Отдел административных органов ЦК КПСС, рассмотрев это письмо, вновь сделал вывод, что оснований для постановки вопроса о реабилитации Судоплатова и Эйтингона не имеется.

В то же время в документе указывалось: «Однако, учитывая, что Судоплатов находится под стражей 13 лет, имеет преклонный возраст (59 лет), является инвалидом второй группы, непригодным к

физическому труду, полагали бы возможным поручить Прокуратуре СССР и Верховному Суду СССР рассмотреть вопрос о досрочном освобождении Судоплатова в порядке помилования и выйти с соответствующим представлением в Президиум Верховного Совета СССР. Эти предложения поддерживают гг. Руденко и Горкин^[24]».

К документу прилагалась справка-характеристика, подготовленная на заключенного Судоплатова администрацией Владимирской тюрьмы и направленная 20 мая 1966 года в Отдел административных органов ЦК КПСС начальником УКГБ при СМ СССР по Владимирской области В. Клыпиным. В ней, в частности, указывалось (текст приводится по книге Судоплатова «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы»):

«Секретно

СПРАВКА

(на заключенного СУДОПЛАТОВА П. А.)

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич 1907 года рождения, уроженец города Мелитополя УССР, с высшим юридическим образованием, осужден 12 сентября 1958 года Военной коллегией Верховного Суда СССР по ст. ст. 17—58-1-б УК РСФСР с применением ст. 51 УК РСФСР к 15 годам тюремного заключения, отбывает наказание во Владимирской тюрьме № 2 с 19 сентября 1958 года.

По прибытии в тюрьму СУДОПЛАТОВ заявил о своем желании трудиться на любой работе. В последующем СУДОПЛАТОВ периодически работал в качестве переплетчика и использовался на других подсобных работах. К труду относился добросовестно, за что по существующим в то время правилам ему было начислено 202 зачетных рабочих дня.

С администрацией тюрьмы и обслуживающим персоналом вел себя корректно, установленных правил режима содержания не нарушал.

За хорошее поведение и добросовестное отношение к труду СУДОПЛАТОВ имеет четыре поощрения, приказами начальника тюрьмы ему было предоставлено право на внеочередное свидание с родственниками и трижды разрешалось получать внеочередную посылку.

Враждебных, политически вредных проявлений и суждений со стороны СУДОПЛАТОВА за период содержания в тюрьме не было.

К оценке своего преступного прошлого СУДОПЛАТОВ подходит с узко субъективных позиций: считает себя необоснованно осужденным, аргументируя это тем, что враждебных устремлений против Советского государства он никогда не имел».

Однако освобождение Судоплатова не состоялось. 19 декабря 1966 года председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный отклонил ходатайство о его помиловании. Узник остался во Владимирском центре еще на полтора года.

21 августа 1968 года, в день вторжения войск Варшавского договора в Чехословакию, Павел Анатольевич Судоплатов вышел на свободу. Ему выдали его швейцарские часы-хронометр (они все еще ходили) и на 80 тысяч рублей облигаций государственного займа, изъятых из сейфа при обыске кабинета. Кстати, в 1975 году Судоплатов получил по ним деньги, сумма была солидной — восемь тысяч рублей.

Вот как один из сыновей Судоплатова рассказывал о выходе отца из тюрьмы: «Мы с мамой приехали во Владимир. Дядя Саша (муж маминой сестры) Комельков, заместитель начальника ГАИ Владимирской области, завел свою “Победу”, и мы на ней поехали к тюрьме.

Ждали около часа. Отец показался в главных дверях улыбающийся, кто-то сзади нес его немудреный багаж узника: вещи, письма за десять лет.

Во всех окнах главного корпуса были видны лица сотрудников.

Мы сели в “Победу” и поехали через город к Владимирскому шоссе.

Мы выехали за город и быстро погнали к Москве.

Отец ехал молча, иногда повторял, глядя на убегающие осенние красоты природы: “Как красиво, как красиво!”

Для него начавшаяся свобода была как второе рождение. Чувствовалось, что он очень взволнован, но это чувство было глубоко запрятано в нем.

Через три часа мы были уже в Москве».

На свободе

«Когда я вернулся из тюрьмы, — рассказывал Павел Анатольевич, — наша квартира заполнилась родственниками. Мне все казалось сном. Свобода — это такая радость, но я с трудом мог спать — привык, чтобы всю ночь горел свет. Ходил по квартире и держал руки за спиной, как требовалось во время прогулок в тюремном дворе. Перейти улицу... Это уже была целая проблема, ведь после пятнадцати лет пребывания в тесной камере открывавшееся пространство казалось огромным и опасным».

Вскоре пришли его поведать старые друзья — Зоя Рыбкина, Раиса Соболев, ставшая известной писательницей Ириной Гуро, Эйтингон. Пришли выразить свое уважение даже люди, с которыми он не был особенно близок: Ильин, Василевский, Семенов и Фитин. Они сразу предложили Судоплатову работу переводчика с немецкого, польского и украинского. Он подписал два договора с издательством «Детская литература» на перевод повестей с немецкого и украинского.

Через некоторое время Ильин, секретарь по организационным вопросам Московского отделения Союза писателей СССР, и Ирина Гуро помогли Судоплатову вступить в секцию переводчиков при Литфонде. После публикации своих переводов и трех книг Павел Анатольевич получил право на пенсию как литератор — 130 рублей в месяц. Это была самая высокая гражданская пенсия.

После месяца свободы Судоплатов перенес еще один инфаркт, но поправился, проведя два месяца в Институте кардиологии.

Литературная работа приобретала для Павла Анатольевича, печатавшегося под псевдонимом Анатолий Андреев, все большее значение, она позволяла бывшему арестанту адаптироваться в обществе. В соавторстве с Ириной Гуро он написал три книги, в том числе «Горизонты» — о Станиславе Косиоре, одном из лидеров довоенной Советской Украины, и «Конь мой бежит...» — о старом революционере Курнатовском. Книги эти выдержали несколько изданий. С учетом же переводных изданий Судоплатов выпустил 14 книг.

Но старого чекиста ни на миг не покидала мысль о защите своего имени. С середины 1970-х годов он возобновил ходатайства о реабилитации. При этом активно использовал справку, подготовленную в недрах Комитета государственной безопасности при Совете министров СССР и направленную председателем КГБ Александром Шелепиным в Комитет партийного контроля, в которой, в частности, отмечалось, что Комитет государственной безопасности «не располагает никакими компрометирующими материалами против Судоплатова и Эйтингона, свидетельствующими о том, что они были причастны к преступлениям, совершенным группой Берии». Но на пути положительного решения вопросов о реабилитации всегда оказывался идеолог партии Михаил Суслов.

Для торжества справедливости Павлу Анатольевичу понадобилось более двадцати лет.

В сентябре 1988 года скончалась Эмма Карловна. Для Судоплатова это была большая трагедия. Но и ради памяти о своей жене, которая долгие годы посвятила борьбе за его реабилитацию, он продолжал бороться.

Только после августовских событий 1991 года и распада СССР, незадолго до ухода в отставку, главный военный прокурор прекратил дела Судоплатова и Эйтингона и заявил: «Если бы я не реабилитировал вас, архивные материалы показали бы, что я еще один соучастник сокрытия правды о тайных пружинах борьбы за власть в Кремле в 1930—1950-х годах».

10 февраля 1992 года Судоплатов был реабилитирован Главной военной прокуратурой Российской Федерации. Полностью.

В справке о реабилитации, выданной 12 февраля 1992 года за № 3—40039—55 помощником Главного военного прокурора полковником юстиции Н. Л. Анисимовым, сообщается:

«Выдана бывшему генерал-лейтенанту НКВД — МВД СССР Судоплатову Павлу Анатольевичу, 1907 года рождения, осужденному 12 сентября 1958 года Военной коллегией Верховного Суда СССР по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ст. ст. 17—58-1 “б” УК РСФСР, к 15 годам лишения свободы (арестован 21 августа 1953 года), в том, что он в соответствии с п. “а” ст. 3 Закона Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий” от 18 октября 1991 года реабилитирован».

После развала Советского Союза Павел Судоплатов отложил все дела и взялся за написание своих мемуаров. Книга «Разведка и Кремль. Записки нежелательного свидетеля» увидела свет в 1994 году и сразу же была переведена на многие языки мира.

Вторая книга воспоминаний, «Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы», была опубликована в 1998 году.

Скончался Павел Анатольевич Судоплатов 24 сентября 1996 года в шесть часов утра на девяностом году жизни.

27 сентября родственники, близкие, товарищи по оружию и коллеги, знакомые и незнакомые люди пришли в госпиталь ФСБ в Пехотном переулке, чтобы проститься с Павлом Анатольевичем. Была племянница Малли. Присутствовали разведчики Рогатнев, Герои Российской Федерации Колесников и Барковский, а также дети Серебрянского, Эйтингона, Малли и Воскресенской. В первом почетном карауле стояли бывший начальник внешней разведки Советского Союза (1989–1991) генерал-лейтенант Шебаршин и ветераны госбезопасности.

В ритуальном зале состоялось последнее прощание. Выступили Герой Российской Федерации Юрий Колесников, генерал-спецназовец и Герой Советского Союза Надежда Троян. Прозвучали залпы военного салюта.

К сороковому дню урны с прахом Павла Анатольевича и Эммы Карловны Судоплатовых были преданы земле Донского монастыря. Над ними встало черное мраморное надгробие с датами рождения и смерти.

А в октябре 1998 года Указом Президента Российской Федерации семье генерал-лейтенанта Судоплатова были возвращены изъятые у него при аресте государственные награды.

Именем Павла Анатольевича Судоплатова названы улицы в городах Смоленск и Гагарин.

На памятнике генерал-лейтенанту Судоплатову, установленном в Смоленске, начертано:

«Верному сыну Отечества, гражданину и патриоту, легендарному советскому разведчику.

Организатору партизанской войны и разведывательно-диверсионной работы в тылу немецко-фашистских войск.

Создателю подразделений специального назначения органов государственной безопасности (ОМСБОН).

Организатору агентурного проникновения в секреты создания США ядерного оружия.

Меч возмездия для предателей Родины».

В год 65-летия ОМСБОН в 2006 году Комиссией по общественным медалям и памятным знакам была учреждена общественная медаль с барельефом Судоплатова. Ею были награждены (посмертно) члены ОМСБОН: Павел Судоплатов, Наум Эйтингон, Зоя Воскресенская, Муза Малиновская, Михаил Батурин, Саул Окунь, Яков Серебрянский, Иосиф Григулевич и другие.

Награды переданы на вечное хранение их детям.

Глава одиннадцатая

О личном...

Жизнь есть жизнь, и она течет по своим, неподвластным нам законам. Мы же должны из прошедшего делать какие-то выводы для себя, постараться осмыслить минувшее время, чтобы второй раз не споткнуться о тот же камень.

Павел Судоплатов

Несмотря на суровый ритм жизни начиная с военного юношества, когда не было ни минуты отдыха, несмотря на невзгоды и удары судьбы, Павел Анатольевич Судоплатов всегда оставался большим оптимистом, никогда не унывал, трезво относился ко всему происходящему. Подлинное утешение он всегда находил в работе, а также в семье и детях.

Эмма Карловна, с которой Судоплатов состоял в гражданском браке с 1928 года, а официально оформил его лишь в 1951 году, была для него не только коллегой, но и настоящей опорой и поддержкой в жизни.

С 1924 года Эмма Карловна работала в контрразведывательных подразделениях органов государственной безопасности нашей страны. Затем с 1936 по 1940 год работала в Иностранном отделе НКВД, выезжала за границу для поддержания связи с разведчиками-нелегалами. С 1940 по 1950 год являлась старшим преподавателем специальных дисциплин в Центральной школе НКВД СССР. Награждена орденами Ленина и Красного Знамени, а также медалями.

Вышла на пенсию в 1951 году в звании подполковника. Скончалась в 1988 году.

По словам членов семьи и близких друзей Судоплатовых, в Эмме Карловне всегда чувствовались аналитический ум, прозорливость, сильная воля, большая внутренняя культура, организованность и знание жизни. Эти качества помогли ей сохранить семью, выжить в

тяжелое время, дать мужу уже в зрелом возрасте путевку в жизнь в новом качестве — писателя, переводчика, публициста. Она стала, по сути дела, редактором и корректором всех его произведений: переводов, публицистики, книг.

Еще один небольшой штрих к портрету боевой подруги Судоплатова: она очень любила цветы. На подмосковной даче в окрестностях Новогорска у деревни Гаврилково, что на Ленинградском шоссе, которая была закреплена за семьей Павла Анатольевича, всегда был большой цветник. Выращивала цветы и ухаживала за ними Эмма Карловна. В цветнике в изобилии росли флоксы, ирисы, нарциссы, пионы, настурции. Цветы были высажены так, что, когда одни отцветали, другие принимались цвести.

В саду были кусты черной, белой и красной смородины, крыжовника, малины; под окнами главного входа в дом росли вишня и слива. Длинная пихтовая аллея начиналась кустами белых роз и, как туннель, вела вглубь участка к большой беседке-ротонде с куполом.

Судоплатовы любили принимать на даче гостей. Всегда бывали родственники, приезжали близкие друзья: Раиса Соболев (Ирина Гуро), семьи Рыбкиных — Зоя Ивановна и Борис Аркадьевич, Зубовых — Анна Васильевна и Петр Яковлевич. Дружба с этими людьми у Судоплатовых действительно была до конца их жизни искренняя и крепкая, испытанная временем.

Еще с довоенной поры рядом с дачей Судоплатовых была дача известного русского революционера, видного советского партийного деятеля Емельяна Михайловича Ярославского, с которым супруги также поддерживали тесные дружеские отношения. К сожалению, знаменитый революционер скончался в декабре 1943 года, но Судоплатовы остались на всю жизнь дружны с его родными, с которыми часто встречались.

Праздничный стол «обеспечивала» бабушка Фаня (Фаина Евсеевна, мать Эммы Карловны). Делала она это искусно, на столе всегда были разные печености, сладости, морсы.

Правда, после ареста Павла Анатольевича круг посетителей сузился, но старые боевые товарищи и друзья генерала и его жены находили время и место для встреч с семьей, помогали, как и чем могли.

В период пребывания Судоплатова в тюрьме семья существовала на военную пенсию Эммы Карловны, а когда пенсия была сокращена Хрущевым наполовину, она научилась шить и скоро стала пользоваться большой популярностью среди своих друзей из мира искусства, что приносило ей дополнительный заработок. Этим она по-прежнему была в состоянии содержать семью и свою мать. Помогали, разумеется, и родственники.

МВД попыталось было отобрать у семьи квартиру в центре Москвы, но сделать это на законных основаниях у ведомства не получилось, поскольку Эмма Карловна была участником войны и получала военную пенсию. К тому же она твердо заявила, что подчинится только решению суда.

В семье Судоплатовых росли два сына: старший (приемный) Андрей, родившийся в 1940 году, и младший Анатолий, он родился 8 марта 1943 года.

Эмма Карловна и Павел Анатольевич вырастили своих сыновей людьми достойными, добившимися определенного положения в обществе. В упоминавшемся выше письме, которое Эмма Карловна направила в Президиум Верховного Совета Союза ССР, она с гордостью писала, что, несмотря на страшное горе, постигшее семью в связи с арестом отца, сыновья выросли коммунистами: «Старший сын Андрей — отличник Советской Армии, принят в члены КПСС армейской партийной организацией. Младший сын Анатолий оканчивает Институт иностранных языков, заместитель секретаря Комитета ВЛКСМ этого института, принят кандидатом в члены КПСС».

Андрей Павлович трудился на производстве.

Анатолий Павлович в 1965 году окончил Институт иностранных языков имени Мориса Тореза, занимался наукой, стал известным российским ученым-демографом, доктором экономических наук, профессором кафедры народонаселения экономического факультета МГУ. В 2003 году ему было присвоено почетное звание заслуженного профессора Московского университета. Именно он помогал отцу готовить к изданию его знаменитые книги воспоминаний.

Скончался Анатолий Павлович 12 февраля 2005 года.

А теперь попробуем составить портрет Судоплатова-человека, основываясь на рассказах о нем членов его семьи.

Павел Анатольевич — невысокий, коренастый человек с красивым лицом, густыми бровями, темно-кариими глазами и ослепительной улыбкой (впоследствии в тюрьме из-за цинги он потерял почти все зубы). Всегда аккуратно одет, при галстукке. Если вечером шел в театр или в гости — обязательно брился второй раз. В форме ходил редко, предпочитал гражданскую одежду, что было вызвано служебной необходимостью...

Дома и на работе он никогда не повышал голоса, был деликатен, даже в простой просьбе к близким принести чай говорил: «Не откажи в любезности, принеси, пожалуйста, чайку мне»...

Начиная с лета 1945 года семья каждый год около месяца отдыхала на Рижском взморье — в Майори под Ригой. Павел Анатольевич был всегда приветлив с местными жителями, с неподдельным уважением относился к пожилым латышам...

До войны Судоплатов пользовался большим черным ЗИСом. Как-то он решил сам сесть за руль и перевернулся в кювет на Ленинградском шоссе. Себе здорово повредил ребра, а Эмме Карловне пришлось зашивать рану на лбу. С тех пор Павел Анатольевич никогда сам за руль не садился, хотя имел водительские права. И ездить на машине быстро не любил...

Мы уже рассказывали, что Судоплатов никогда не пил водки, коньяка. На праздниках дома все это всегда стояло на столе, но для других. Сам же он предпочитал грузинское вино, да и то разбавляя (треть стакана — вино, остальное — лимонад)...

Судоплатов никогда не курил. А вот Эмма Карловна долгое время курила, потом бросила, а привычку затянуться сигареткой заглушала леденцами...

В свободное время Судоплатов постоянно читал. На даче стеллаж с книгами занимал всю стену до самого потолка, много книг было и в квартире в Москве...

Павел Анатольевич очень любил своих родных, друзей, коллег по работе, помогал им, чем мог и когда мог. И они отвечали ему взаимностью. И неудивительно, что действительно много людей прошло мимо его гроба в траурном зале госпиталя ФСБ, приняло участие в поминках, сказав о нем искренние, добрые, хорошие слова.

В день похорон боевого генерала-чекиста одна из московских газет писала: «Павел Анатольевич Судоплатов прожил достойную

жизнь в мире с самим собой, в соответствии со своими идеалами и принципами, верность которым он пронес через все испытания».

Могила Павла Анатольевича Судоплатова и Эммы Карловны на Донском кладбище в Москве окружена могилами их соратников и друзей.

Иосиф Григулевич, Вильям Фишер (Рудольф Абель), Конон Молодой, Яков Серебрянский, Наум Эйтингон, Сергей Шпигельглаз, как и супруги Судоплатовы, являясь Настоящими (с большой буквы) людьми, служили своей стране без страха и упрека. После ухода из жизни они вновь оказались вместе.

Известный польский философ Тадеуш Котарбинский утверждал, что «прошлое, хранящееся в памяти, есть часть настоящего». Перефразировав великого ученого, мы можем с уверенностью сказать, что прошлое этих замечательных советских чекистов остается частью нашего общего настоящего. Так будем же всегда помнить о них.

Основные даты жизни и деятельности П. А. Судоплатова

1907, 7 июля — родился на Украине, в уездном городе Мелитополе Таврической губернии; отец — украинец, разнорабочий; мать Феодосия Терентьевна, в девичестве Палыга, — молдаванка из Тирасполя.

1919, 26 июля — зачислен бойцом Мелитопольского рабочего отряда.

1920, февраль — красноармеец роты связи 123-й стрелковой бригады 41-й дивизии 14-й армии.

1921, январь — телеграфист Особого отдела 44-й дивизии 12-й армии.

1923, март — вступил в комсомол.

Сентябрь — вернулся в Мелитополь, до февраля 1925 года находился на комсомольской работе.

1925, февраль — окружкомом ЛКСМУ направлен на работу в органы ОГПУ. Младший оперативный сотрудник окружного отдела ГПУ Мелитополя.

1927 — переведен на работу в Харьков. Уполномоченный ИНФО ГПУ УССР.

1928, 20 февраля — вручен партийный билет члена ВКП(б) за № 1872162.

Связал свою жизнь с Эммой Карловной Кагановой (официально брак зарегистрирован в 1951 году).

1930, июль — комиссар Прилукской трудовой коммуны ГПУ УССР, село Ладан.

1932, февраль — переведен на работу в Москву, старший инспектор управления кадров центрального аппарата ОГПУ.

1933, апрель — переведен на работу в Иностраннный отдел ОГПУ (внешняя разведка).

1935–1937 — работал с нелегальных позиций в Финляндии, Швеции, Германии, Франции, Австрии.

1938, 23 мая — завершена операция по ликвидации Евгения Коновальца.

2 ноября — 2 декабря — исполняющий обязанности начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР (внешней разведки).

1939, март — приказ Сталина ликвидировать Троцкого, общее руководство операцией возложено на Судоплатова.

Назначен заместителем начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР (внешней разведки).

1940, 20 августа — завершена операция по ликвидации Троцкого.

1941, 3 февраля — назначен заместителем начальника Первого управления НКГБ СССР (внешней разведки).

5 июля — назначен начальником Особой группы НКВД СССР (по совместительству — заместитель начальника внешней разведки).

26 июля — по совместительству назначен заместителем начальника Центрального штаба НКВД СССР по ликвидации вражеских парашютных десантов и диверсионных групп.

3 октября — назначен начальником 2-го отдела НКВД СССР (одновременно — заместитель начальника внешней разведки).

1942, 23 января — возглавил реализацию операции «Монастырь».

Август — сентябрь — участвовал в боевых действиях на Северном Кавказе.

1944, август — возглавил реализацию операции «Березино».

1945, 8 января — назначен координатором работы центрального аппарата НКВД и НКГБ по обеспечению проведения Крымской (Ялтинской) конференции глав трех союзных держав 4—11 февраля 1945 года.

Сентябрь — по совместительству назначен начальником отдела «С» НКВД — НКГБ — МГБ СССР (координация деятельности советских разведывательных служб по созданию атомного оружия).

28 сентября — по совместительству начальник Бюро № 2 (перевод и обработка документов и материалов по атомному оружию) Специального комитета при СНК СССР (с марта 1946 года — при Совете министров СССР) по использованию атомной энергии.

Ноябрь — по совместительству назначен начальником отдела «К» НКГБ СССР, созданного для оперативного обслуживания атомных спецобъектов.

1946, 15 октября — расформировано 4-е управление МГБ СССР.

1947, 15 февраля — начальник Службы «ДР» МГБ СССР (диверсия и террор).

30 мая — расформирован отдел «С» МГБ СССР.

1948, январь — командировка в Чехословакию.

1950, январь — июнь — командировка во Львов.

28 сентября — начальник Бюро № 1 МГБ СССР (диверсионная деятельность за границей).

1953, апрель — начальник 9-го отдела МВД СССР (более известен как Бюро специальных операций).

21 августа — арестован в своем рабочем кабинете.

1958, 12 сентября — Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к тюремному заключению сроком на 15 лет с последующим поражением в политических правах на три года.

1968, 21 августа — освобожден из заключения.

1969 — переводчик, литератор, член Союза писателей СССР (Московское отделение).

1988, сентябрь — скончалась Эмма Карловна Судоплатова.

1992, 10 февраля — полностью реабилитирован Главной военной прокуратурой Российской Федерации.

1996, 24 сентября — скончался в Москве, прах предан земле на кладбище Донского монастыря.

1998, октябрь — Указом Президента Российской Федерации семье Павла Анатольевича Судоплатова возвращены его награды: орден Ленина, три ордена Красного Знамени, ордена Суворова II степени и Отечественной войны I степени, два ордена Красной Звезды, медали «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «XXX лет Советской Армии и Флота», «В память 800-летия Москвы», а также высшая ведомственная награда — нагрудный знак «Заслуженный работник НКВД».

Приложения

Приложение 1

Начальники советской внешней разведки, с которыми работал П. А. Судоплатов

За всю историю советского периода внешней разведки нашего государства высокий и ответственный пост ее руководителя занимали 26 человек. Созданный 20 декабря 1920 года Иностраннный отдел ВЧК возглавил профессиональный революционер и дипломат Яков Христофорович Давыдов (Давтян). В 1930-х годах у руководства внешней разведкой стоял видный политический и военный деятель, один из организаторов советской контрразведки Артур Христианович Артузов. В годы военного лихолетья внешней разведкой руководил Павел Михайлович Фитин, самый молодой из ее начальников, назначенный на этот пост в 31 год.

Одни начальники занимали этот ответственный пост лишь несколько месяцев, другие — несколько лет. Но всех их объединяло одно: это были яркие личности с обостренным чувством долга и преданности делу, талантливые организаторы и руководители, самоотверженные люди.

С девятью начальниками внешней разведки Судоплатов работал весь период пребывания в органах государственной безопасности, выполняя важные и ответственные задания. Из них у пяти руководителей он был одним из заместителей. С ноября по декабрь 1938 года Судоплатов сам руководил внешней разведкой.

В своих мемуарах ветеран разведки генерал-лейтенант Вадим Кирпиченко, который 17 лет был заместителем, из них 12 лет — первым заместителем начальника советской внешней разведки, подчеркивал: «Каждый из них вносил посильную лепту в становление разведки, каждый отдавал себя целиком этому нелегкому делу».

Предлагая читателю краткие биографические сведения начальников советской внешней разведки, с которыми Судоплатову довелось вместе работать, надеемся, что биографии его боевых соратников дадут возможность лучше узнать самого героя книги.

АРТУЗОВ (Фраучи) Артур Христианович. Родился 16 февраля 1891 года в селе Устиново Кашинского уезда Тверской губернии в

семье швейцарца-сыровара, эмигрировавшего в Россию.

В 1909 году с золотой медалью окончил новгородскую мужскую гимназию, поступил на металлургический факультет Петербургского политехнического института. В 1917 году получил диплом инженера-металлурга с отличием и был направлен на Урал, в техническое бюро профессора В. Е. Грум-Гржимайло. Однако вскоре отказался от карьеры инженера и целиком посвятил себя политической деятельности. Свободно владел четырьмя иностранными языками.

В 1918 году работал в комиссии по установлению советской власти в северных районах страны. Принимал участие в боях с английскими интервентами под Архангельском.

С 1919 года в органах госбезопасности — заместитель начальника Особого отдела ВЧК. При поступлении на службу в ВЧК с согласия своих руководителей Дзержинского и Кедрова официально принял фамилию Артузов. В мае 1922 года в связи с окончанием Гражданской войны из Особого отдела был выделен новый — контрразведывательный отдел (КРО), который возглавил Артузов, по праву считавшийся в ВЧК мастером контрразведки высокого класса. На этом посту он принимал непосредственное участие в проведении многих чекистских операций, в частности в ликвидации заговора монархистов-николаевцев, знаменитой операции «Синдикат-2» по выводу в СССР и аресту известного террориста Бориса Савинкова, операции «Трест», завершившейся арестом международного шпиона и заговорщика, британского разведчика Сиднея Рейли, и многих других.

1 августа 1931 года назначен начальником советской внешней разведки и введен в состав коллегии ОГПУ. Под руководством Артузова была проведена коренная реорганизация работы Службы, сочетавшая ведение разведки с «легальных» и нелегальных позиций. На базе нелегальных групп были организованы крупные нелегальные резидентуры, которым поручалось подготовить условия для разведывательной работы на случай войны. Этими резидентурами руководили видные разведчики-нелегалы.

С 1934 года Артузов одновременно являлся заместителем начальника военной разведки. Воинское звание — корпусной комиссар.

Награжден двумя орденами Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

Арестован 13 мая 1937 года как активный участник «антисоветского заговора в НКВД». 21 августа как «шпион польской и других разведок» приговорен тройкой НКВД к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Реабилитирован посмертно 7 марта 1956 года.

СЛУЦКИЙ Абрам Аронович. Родился в июле 1898 года в местечке Парафиевка Борзьянского уезда Черниговской губернии в семье железнодорожного кондуктора. Учился в смешанной гимназии в городе Андижане, куда переехала семья. В 1914–1916 годах работал учеником слесаря, затем — учеником конторщика на хлопковом заводе Потеляхова в Андижане.

В августе 1916 года призван в царскую армию, служил рядовым, затем вольноопределяющимся в 7-м Сибирском стрелковом полку. В августе 1917 года вернулся в Андижан и продолжил учебу в гимназии, которую успешно окончил. В декабре вступил в партию большевиков. Активный участник революционного движения, Октябрьской революции и установления советской власти в Средней Азии. Участник Гражданской войны.

С сентября 1920 года — сотрудник органов ВЧК (Ташкентской ЧК). С 1921 года последовательно занимал должности председателя Пишпекской уездной ЧК, начальника Пишпекского, Скобелевского и Андижанского уездных политбюро ЧК, начальника секретно-оперативной части Ташкентской и Ферганской областных ЧК, а также председателя Судебной коллегии и заместителя председателя Верховного трибунала Туркестанской АССР.

В июне 1923 года был переведен в Москву и назначен на должность председателя военного трибунала 2-го стрелкового корпуса Московского военного округа.

В конце 1929 года с должности помощника начальника Экономического управления ОГПУ переведен на работу во внешнюю разведку и назначен помощником начальника Иностранного отдела. В 1931–1935 годах — заместитель начальника Иностранного отдела. Несмотря на столь высокий пост одновременно являлся главным резидентом ИНО ОГПУ по странам Европы. Действуя под прикрытием должности сотрудника торгпредства СССР в Берлине, неоднократно лично участвовал в специальных операциях, проводимых внешней разведкой в Германии, Испании и Франции.

Выезжал в спецкомандировки в США и Швецию, успешно выполняя задания по линии научно-технической разведки.

В частности, в ходе командировки в Швецию проявил себя как мужественный, находчивый и способный разведчик. Подобрал нужных людей, с их помощью сумел добыть техническую документацию, касающуюся технологии производства шарикоподшипников, остро необходимых в тот период народному хозяйству СССР.

Будучи заместителем начальника Иностранного отдела, курировал направление разведки по добыванию в западных странах информации о новой технике и новейших технологиях. Однако фактически круг деятельности Слуцкого был значительно шире. В частности, он контролировал работу сотрудников внешней разведки с перспективной агентурой в Англии, получившей впоследствии название «Кембриджская пятерка». Активно поддерживал идею привлечения к разведывательной работе в западноевропейских странах близких нам в идеологическом плане перспективных молодых людей в расчете на их внедрение в интересовавшие Москву правительственные объекты и местные спецслужбы.

Обычно Слуцкий принимал у себя на квартире в неофициальной обстановке разведчиков, отправлявшихся за кордон или вернувшихся с особо важных и опасных заданий.

После ликвидации лидера украинских националистов Коновальца Слуцкий пригласил к себе домой своего заместителя Шпигельглаза, непосредственного исполнителя операции Судоплатова, а также возвратившегося в Москву из Берлина разведчика-нелегала Зарубина. Встреча прошла в непринужденной товарищеской обстановке.

После образования 10 июля 1934 года НКВД СССР Слуцкий стал заместителем начальника, а с 21 мая 1935 года — начальником внешней разведки. В ноябре 1935 года ему было присвоено специальное звание комиссара госбезопасности 2-го ранга (генерал-полковник Красной армии).

Комиссар госбезопасности Слуцкий был награжден двумя орденами Красного Знамени, двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ» и именован маузером.

17 февраля 1938 года Абрам Аронович Слуцкий внезапно скончался в кабинете заместителя наркома внутренних дел СССР,

командарма 1-го ранга Михаила Петровича Фриновского во время доклада последнему.

В апреле 1938 года посмертно исключен из партии как «враг народа».

ШПИГЕЛЬГЛАЗ Сергей Михайлович. Родился 29 апреля 1897 года в местечке Мосты Гродненской губернии в семье бухгалтера. Окончил 1-е Варшавское реальное училище, поступил на юридический факультет Московского университета. Свободно владел польским, немецким и французским языками.

Еще учась в Варшаве, а затем и в Москве, Шпигельглаз принимал активное участие в работе революционных кружков, несколько раз арестовывался царской полицией.

В мае 1917 года с третьего курса университета был призван на военную службу в царскую армию. Окончил школу прапорщиков в Петрограде, служил в 42-м запасном полку.

С апреля 1918 года — заведующий финансовой частью Московского губернского военного комиссариата. С января 1919 года работал в органах Военного контроля. В результате слияния Военного контроля с Военным отделом ВЧК и образования Особого отдела (ОО) ВЧК автоматически оказался в рядах чекистов. Как член комиссии Кедрова, фактически выполнявшей задачи военной контрразведки, неоднократно выезжал с оперативными группами в различные города и районы Юга, Запада и Центра России с целью подавления контрреволюционных заговоров и мятежей.

В характеристике, выданной Особым отделом ВЧК в феврале 1920 года, отмечалось: «Тов. Шпигельглаз состоял сотрудником Особого отдела и членом фракции РКП(б), проявив себя честным и заслуживающим доверия работником».

В 1922 году был переведен в Иностранный отдел ОГПУ и направлен по линии внешней разведки в спецкомандировку в Монголию. Находился там до 1926 года, проводил с ее территории активную агентурную работу по Китаю и Японии. Одновременно оказывал содействие монгольским коллегам в работе по разоблачению и пресечению деятельности на территории Монголии белоэмигрантских бандформирований.

Деятельность Шпигельглаза в Монголии была высоко оценена Центром. Возвратился в Москву в сентябре 1926 года, был назначен

помощником начальника внешней разведки. При этом учитывалось его свободное владение несколькими иностранными языками. Проработал в этой должности 10 лет, в сентябре 1936 года выдвинут на пост заместителя начальника внешней разведки. Неоднократно выполнял спецзадания за рубежом (в Китае, Германии, Франции). Под непосредственным руководством Шпигельглаза советская разведка добыла совершенно секретные материалы германского Генерального штаба, касающиеся военной доктрины Германии в отношении СССР.

В период гражданской войны в Испании неоднократно выезжал в эту страну для оказания на месте конкретной оперативной помощи резидентуре НКВД, а также для проведения в тылу германо-итальянских союзников генерала Франко специальных разведывательно-диверсионных операций.

«Летучие отряды» Шпигельглаза, как их называли сами разведчики, наносили врагу чувствительные удары, исчезая с места событий и не оставляя после себя следов.

С февраля по июнь 1938 года Сергей Михайлович Шпигельглаз исполнял обязанности руководителя советской внешней разведки, одновременно преподавал в Школе особого назначения (ШОН) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР.

Полноправным начальником внешней разведки Шпигельглаз так и не стал. Еще в 1937 году нарком внутренних дел Ежов решил устранить этого перспективного руководителя, проявлявшего излишнюю самостоятельность и имевшего право направлять напрямую Сталину разведывательные донесения. 9 июня 1938 года освобожден от занимаемой должности, 2 ноября арестован.

29 января 1940 года за «измену Родине, участие в заговорщической деятельности, шпионаж и связь с врагами народа» приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В ноябре 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ПАССОВ Залман Исаевич. Родился в апреле 1905 года в городе Старая Русса в семье приказчика. Отец умер в 1914 году, мать до 1918 года работала на фабрике вязальщицей трикотажа.

Окончил три класса начальной школы и два класса школы 2-й ступени. В июне 1919 года в возрасте четырнадцати лет вступил в Красную армию. Служил рядовым-курьером 2-й Старо-Русской караульной роты. Но в ноябре того же года был уволен из РККА как несовершеннолетний. Возвратившись домой, решил продолжить учебу. Однако стремление к самостоятельной деятельности взяло верх, и через год он обучение прекратил.

С мая 1920 года работал делопроизводителем военного коменданта, затем — регистратором Управления уездной милиции в городе Старая Русса. С сентября 1921 года являлся секретарем военкома батальона связи 56-й стрелковой дивизии.

В мае 1922 года принят на работу в органы государственной безопасности. Последовательно занимал должности сотрудника аппарата уполномоченного ГПУ по Старо-Русскому уезду, уполномоченного Новгородского, а затем Псковского губернских отделов ОГПУ. В январе 1927 года вступил в члены ВКП(б).

С апреля 1928 года — уполномоченный Особого отдела 16-й стрелковой дивизии. В сентябре направлен на учебу в Высшую пограничную школу (ВПШ) ОГПУ — на годичный спецкурс, на котором готовили оперативных сотрудников для контрразведывательных и особых отделов.

После окончания ВПШ в августе 1929 года распределен на должность уполномоченного Особого отдела дивизии в Ленинградском военном округе. Однако уже в октябре переведен на работу в центральный аппарат ОГПУ, где до 1936 года служил на руководящих должностях в подразделениях Особого отдела (ОО). В 1936–1938 годах — в Контрразведывательном отделе (КРО) ГУГБ НКВД СССР. В период работы в Контрразведывательном и Особом отделах Центра принимал участие в деятельности следственной бригады, которая расследовала обстоятельства убийства члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома партии Сергея Мироновича Кирова.

С июня по ноябрь 1938 года руководил советской внешней разведкой. Старший майор госбезопасности.

Начальником разведки (5-го отдела Первого управления НКВД СССР) Пассов был назначен с должности начальника Контрразведывательного отдела. 29 сентября 1938 года в связи с

реорганизацией структуры Комиссариата внутренних дел возглавил теперь уже 5-й отдел Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР (новое название подразделения внешней разведки).

Награжден орденом Ленина, нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ», именным оружием и золотыми часами.

23 октября 1938 года арестован по обвинению в антисоветской заговорщической деятельности в органах НКВД.

В чем же конкретно обвинялся Пассов, об аресте которого нарком Ежов лично докладывал Сталину? Ответ на этот вопрос можно найти в протоколе его допроса:

«Пассов, вместо живой практической работы по белым, по офицерству, по выявлению направленной РОВСом своей агентуры в СССР, намеренно занимался так называемым легендированием, которое создавало внешнюю видимость работы против белых, чтобы скрыть подлинные их базы на территории страны...»

Обвинения серьезные и... полностью лживые. Сейчас хорошо известно, что именно в 1930-е годы советская разведка добилась значительных успехов в работе по Русскому общевоинскому союзу и белой эмиграции в целом, располагая в этих кругах надежной и проверенной агентурой.

Историк отечественных спецслужб Л. М. Млечин в одной из последних своих работ отмечает: «Пока шло следствие, Пассова привлекли к сотрудничеству с особым бюро при наркомате внутренних дел, которое разрабатывало учебники для Центральной школы НКВД и межкраевых школ ГУГБ НКВД. В результате большого террора был уничтожен практически весь преподавательский состав учебных заведений НКВД, и руководители наркомата разрешили использовать оперативный опыт арестованных чекистов... Арестованный Залман Пассов трудился над учебником закордонной разведки...»

15 февраля 1940 года Пассов был приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В 1957 году постановлением Главной военной прокуратуры признан виновным в применении незаконных методов ведения следствия и фальсификации уголовных дел в период работы в контрразведке. В реабилитации отказано.

ДЕКАНОЗОВ Владимир Георгиевич. Родился в июне 1898 года в Баку в семье контролера Нефтяного управления. Грузин. Окончил пять классов 1-й бакинской гимназии, в 1916 году — 1-ю тифлисскую гимназию. В 1917–1919 годах учился на медицинских факультетах Саратовского, а затем — Бакинского университетов. Обучаясь в Бакинском университете, вступил в марксистский кружок, принимал участие в революционном движении в Закавказье. Работал в бакинском большевистском подполье.

С марта по сентябрь 1918 года являлся рядовым при орудии 6-й легкой горной батареи Кавказской Красной армии. С июня 1919 года — начальник медотряда мусаватистского Минздрава в Баку. С января по апрель 1920 года — практикант экспедиционного отряда Минздрава Азербайджана по оказанию помощи в Гяндже.

В мае 1920 года вступил в партию большевиков. С июня 1920 года — начальник спецотряда 20-й дивизии 11-й армии.

В органах ВЧК — ОГПУ начал служить с июня 1921 года, когда был переведен на работу в отдел по борьбе с бандитизмом Азербайджанской ЧК. Позже занимал должности уполномоченного и заместителя начальника экономического отдела, а также секретаря секретно-оперативной части (СОЧ). В период работы в СОЧ непосредственным начальником Деканозова был Л. П. Берия, с которым он установил дружеские отношения. Благодаря протекции Берии Деканозов сделал в местных органах госбезопасности успешную карьеру.

Осенью 1931 года Берия перешел из ОГПУ на партийную работу и стал Первым секретарем ЦК КП(б) Грузии. Вместе с ним покинул органы госбезопасности и Деканозов. С декабря 1931 года находился на ответственной партийной и государственной работе в Грузинской ССР.

В ноябре 1938 года Берия возглавил НКВД СССР и вызвал в Москву Деканозова. Уже 2 декабря восстановленный в органах госбезопасности Деканозов назначен начальником внешней разведки, ему присвоено специальное звание комиссара госбезопасности 3-го ранга.

Но разведкой Деканозов руководил недолго, через полгода последовало очередное карьерное повышение.

4 мая 1939 года наркомом иностранных дел СССР был назначен В. М. Молотов. Заместителем нового руководителя дипломатического ведомства стал Деканозов.

В ноябре 1940 года Молотов прибыл в Берлин для переговоров с представителями Германии. Сопровождавший его Деканозов неожиданно для всех остался в Берлине в качестве полпреда^[25] СССР.

На этом посту он оставался до начала Великой Отечественной войны. Возвратившись в Москву, вновь занял пост заместителя наркома иностранных дел (с марта 1946 года — заместителя министра иностранных дел).

Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Трудового Красного Знамени Грузинской ССР, Отечественной войны I степени, тремя медалями, а также нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

После смерти Сталина Берия, занимавший пост министра внутренних дел СССР, назначил Деканозова министром внутренних дел Грузинской ССР.

26 июня 1953 года Берия был арестован. 30 июня по так называемому «делу Берии» был арестован Деканозов. 23 декабря 1953 года Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

ФИТИН Павел Михайлович. Родился 28 декабря 1907 года в селе Ожогоино Ялуторовского уезда Тобольской губернии в семье крестьянина. В 1920 году окончил начальную школу и в неполные 13 лет пошел работать в созданную в родном селе сельхозкоммуну. Там же был принят в комсомол.

Получив среднее образование, поступил на инженерный факультет Сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева. Окончил академию в 1932 году, до 1934 года работал заведующим редакцией Сельскохозяйственного государственного издательства. В 1934–1935 годах служил в Красной армии. После демобилизации вновь работал до 1938 года в том же издательстве заместителем главного редактора.

В марте 1938 года по партийному набору направлен на работу в НКВД. После окончания специальных ускоренных курсов в Школе особого назначения НКВД, готовившей кадры для внешней разведки,

стал сотрудником отделения по разработке троцкистов за рубежом. В декабре того же года назначен заместителем начальника внешней разведки. В мае 1939 года последовало новое назначение — начальником внешней разведки. Высокий интеллект и выдающиеся организаторские способности Фитина особенно ярко проявились в военный период.

Возглавляя внешнюю разведку в годы войны, он сумел обеспечить руководство страны важной политической информацией о стратегических замыслах германского командования, сведениями о перспективах открытия «второго фронта» в Европе, документальными материалами о планах союзников СССР по антигитлеровской коалиции в послевоенный период. Ему принадлежал важный вклад в овладении СССР секретами ядерного оружия.

В июне 1946 года генерал-лейтенант Фитин был освобожден от занимаемой должности. В декабре того же года направлен заместителем уполномоченного МГБ в Германию. В дальнейшем занимал посты заместителя начальника управления госбезопасности по Свердловской области и председателя МГБ Казахской ССР.

В 1953 году генерал-лейтенант Фитин уволен из органов государственной безопасности. Работал директором фотокомбината Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами.

За заслуги в деле обеспечения государственной безопасности нашей страны награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Красной Звезды и Красного Знамени Тувы, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД». Его труд также отмечен высокими наградами ряда зарубежных государств.

Скончался 24 декабря 1971 года.

КУБАТКИН Петр Николаевич. Родился в 1907 году в поселке Кольберовский Рудник Успенского уезда Елизаветградской губернии в шахтерской семье.

Окончил четырехклассную начальную сельскую школу в селе Орехово. С 1921 года работал рудокопом, чернорабочим, шахтером-забойщиком на Кольберовском руднике, затем в рабочей кооперации Брянского рудника в Луганском округе. В 1927–1929 годах находился на комсомольской работе.

В сентябре 1929 года призван в армию и направлен в пограничные войска ОГПУ. Служил красноармейцем, затем политруком взвода. С 1930 года — помощник начальника заставы по политчасти 21-го Ямпольского пограничного отряда в Шепетовском округе. В октябре 1930 года вступил в ВКП(б).

После демобилизации остался служить в ОГПУ. С 1932 года работал в подразделениях госбезопасности Одесской области.

В августе 1937 года окончил специальные курсы при Центральной школе НКВД СССР и переведен на руководящую работу в центральный аппарат НКВД. В 1939 году избран секретарем парткома ГУГБ НКВД СССР.

В 1940–1941 годах руководил управлением госбезопасности по Московской области, а также возглавлял 3-й спецотдел НКВД СССР.

С 23 августа 1941 года старший майор госбезопасности Кубаткин являлся начальником УНКВД по Ленинградской области и членом Военного совета Ленинградского фронта. В дни блокады Ленинграда выполнял работу по обеспечению безопасности и порядка в осажденном городе. Возглавляя ленинградских чекистов, в 1945 году одновременно являлся уполномоченным НКВД СССР по 2-му Прибалтийскому фронту.

15 июня 1946 года генерал-лейтенант Кубаткин назначен руководителем советской внешней разведки.

Но едва он начал вникать в дела разведки, как 9 сентября последовал приказ о его освобождении от должности и переводе в резерв Управления кадров МГБ. Начальником разведки Кубаткин проработал менее трех месяцев.

Существует ряд версий неожиданного освобождения Кубаткина от занимаемой должности. Одна из них предполагает, что он сам подал рапорт о переводе на другую работу, не считая возможным возглавлять столь ответственный участок, поскольку не имел опыта зарубежной работы и не знал иностранных языков.

Генерал-лейтенант Кубаткин награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Кутузова I и II степени, Трудового Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также почетным нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

В ноябре 1946 года он был назначен руководителем управления государственной безопасности по Горьковской области. 30 марта 1949 года был уволен из органов государственной безопасности «за невозможностью дальнейшего использования» и назначен заместителем председателя Саратовского облисполкома. В июле 1949 года была получена санкция на его арест по «ленинградскому делу».

27 октября 1950 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян. Полностью реабилитирован 26 мая 1954 года.

РЯСНОЙ Василий Степанович. Родился в 1904 году в Самарканде в семье рабочего-путейца. Окончил четыре класса высшего начального училища.

В 1919 году поступил в Ашхабадское железнодорожное техническое училище, однако через год, в 16 лет, ушел добровольцем в РККА. Служил журналистом-экспедитором политотдела 1-й армии Закаспийского фронта. В конце 1920 года демобилизован по возрасту.

После демобилизации был направлен на комсомольскую работу. В 1921–1922 годах являлся ответственным секретарем уездного комитета КСМ Туркмении. В 1922 году вступил в РКП(б). В 1924–1926 годах возглавлял Орготдел Маревского окружного исполкома.

В 1926 году мобилизован в Красную армию, служил красноармейцем 8-го железнодорожного полка в Ашхабаде. После демобилизации до 1931 года занимал должности заместителя заведующего Орготделом Ашхабадского, Маревского и Керкинского райкомов партии.

В 1931 году поступил на учебу во Всесоюзную промышленную академию имени И. В. Сталина в Москве. В 1933 году направлен ЦК ВКП(б) в Руднянский район Сталинградского края начальником политотдела Лемешкинской МТС. Через два года избран секретарем Лемешкинского райкома ВКП(б).

В феврале 1937 года отозван в распоряжение ЦК ВКП(б) и по партийному набору направлен на работу в НКВД СССР, где быстро сделал успешную карьеру.

С марта 1937-го по март 1941 года прошел путь от стажера до начальника отделения Контрразведывательного отдела. С марта 1941 года отвечал за оперативное обслуживание немецких

представительств в Москве, после начала Великой Отечественной войны — за интернирование немецких дипломатов.

В 1941–1943 годах возглавлял Управление НКВД — НКГБ по Горьковской области. С мая 1943 года являлся наркомом внутренних дел УССР. Принимал активное участие в ликвидации националистического движения на Украине. В 1945 году присвоено воинское звание генерал-лейтенанта.

15 января 1946 года генерал-лейтенант Рясной назначен заместителем наркома внутренних дел Советского Союза. Курировал подразделения по борьбе с бандитизмом и шпионажем, строительство крупнейших гидротехнических сооружений (Волго-Донской канал, Куйбышевская и Сталинградская ГЭС и др.). Одновременно с июня 1947 года являлся членом Бюро по выездам за границу и въездам в СССР Комитета информации при СМ СССР.

С февраля 1952 года — заместитель министра госбезопасности, член Коллегии и начальник Второго главного управления МГБ СССР. В 1952 году на XIX съезде партии избран кандидатом в члены ЦК КПСС.

20 ноября 1952 года введен в состав Комиссии ЦК КПСС по организации Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР.

5 марта 1953 года генерал-лейтенант Василий Степанович Рясной возглавил советскую внешнюю разведку.

Берия, придя после смерти Сталина к руководству МВД, подверг резкой критике деятельность разведки в послевоенные годы и начал энергично заниматься ее перестройкой. По его указанию в Москву на совещание были вызваны резиденты разведки, работавшие в основных европейских странах. Берия поставил перед ними новые конкретные задачи, особое внимание он уделил руководителям представительств госбезопасности в странах народной демократии. Резидентам даже устроили проверку знания иностранных языков: Берия хотел, чтобы они свободно владели языком страны пребывания и могли беседовать с руководителями секретных служб и лидерами государств без переводчиков. В то же время он считал, что советники-чекисты не должны вмешиваться во внутренние дела стран, где они работают, и не должны давать рекомендаций в ситуациях, которые возникают в результате внутренней борьбы в правящих кругах того или иного

государства. Ну а главной задачей разведки того периода, согласно указанию Берии, было ведение разведывательной и контрразведывательной работы против капиталистических стран.

Однако вскоре Берия потерял интерес к Рясному. По мнению историков отечественных спецслужб, причиной явилось резкое негативное отношение Рясного к идее проведения в Москве совещания резидентов, инициатива которой принадлежала первому заместителю Берии Богдану Кобулову. Начальник внешней разведки выступил против проведения такого совещания, ссылаясь на принципы конспирации в работе разведки и опасность «подставить» резидентов противнику. Дело дошло даже до обсуждения этого вопроса в ЦК партии, так как Рясной являлся кандидатом в члены ЦК КПСС.

Однако Берия больше доверял своему первому заместителю Кобулову, который в то время курировал внешнюю разведку. А всеми оперативными делами в разведке руководил один из заместителей Рясного — кадровый и проверенный в сложных операциях генерал-майор Александр Михайлович Коротков. И неудивительно, что уже 28 мая 1953 года Рясной по инициативе Берии был переведен на другую работу.

После освобождения от должности начальника разведки генерал-лейтенант Рясной возглавил Управление МВД по Москве и Московской области. В это время в Москве после бериевской амнистии 1953 года собрались уголовники со всей страны, так что у нового руководителя московской милиции дел было достаточно.

Известный российский писатель, автор ряда сенсационных книг Феликс Чуев в одной из своих работ отмечал: «О работе Рясного в Московском управлении я слышал неплохие отзывы. Один из крупных чекистов более позднего призыва генерал-лейтенант Иван Павлович Абрамов, в то время секретарь комсомольской организации управления, рассказывал: “Я пришел молодой, горячий, критику там навел, так он не то что меня не выгнал или прижал, а еще потом и наградил! Я был так удивлен”».

30 марта 1956 года В. С. Рясной был уволен в запас. Вскоре его вызвали в ЦК КПСС и назначили начальником строительства Волго-Балтийского канала. Этот канал завалили во время войны, и его надо было восстанавливать. Через два года работы были завершены:

появились большие шлюзы, заработали электростанции, в Ленинград из Москвы пошли суда.

В 1958 году Рясной переведен в систему дорожного строительства, и очень долго, до 1988 года, работал управляющим дорожным трестом. В 1988 году в возрасте восьмидесяти четырех лет Рясной вышел на пенсию.

Генерал-лейтенант Рясной награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, орденами Кутузова II степени, Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, а также многими медалями.

Скончался 12 декабря 1995 года.

Приложение 2

Боевые друзья и соратники П. А. Судоплатова

АБЕЛЬ Рудольф Иванович (Иоганнович). Родился 23 сентября 1900 года в Риге в семье трубочиста. Латыш. В 1914 году окончил четыре класса городского училища. Работал рассыльным. В 1915 году переехал в Петроград. Сдал экстерном экзамены за реальное училище.

После революции 1917 года ушел добровольцем на Балтийский флот. В 1918–1919 годах — кочегар на военных транспортах.

В 1920 году окончил классы радистов Балтфлота в Кронштадте. В 1921 году в составе отряда моряков-добровольцев отправился на Дальний Восток. В 1921–1923 годах служил радистом на военных судах. В 1923–1925 годах заведовал радиостанцией на острове Беринга (Командорские острова).

В 1926–1927 годах — комендант советского консульства в Шанхае. С 1927 года — сотрудник ИНО ОГПУ. До сентября 1929 года являлся радистом полпредства СССР в Пекине.

В сентябре 1929 года вступил в члены ВКП(б). С 1929 по 1936 год находился на нелегальной работе за рубежом. Свободно владел немецким, английским и французским языками.

В 1938 году уволен из НКВД в связи с арестом и расстрелом брата Вольдемара — начальника политотдела Балтийского морского пароходства.

В 1941 году восстановлен в разведке НКВД — НКГБ. Занимался подготовкой разведгрупп, действовавших в тылу у немцев по линии подразделений, руководимых Судоплатовым. С августа 1942-го по январь 1943 года — в оперативной группе по обороне Главного Кавказского хребта.

С 27 сентября 1946 года в отставке.

Награжден орденом Красного Знамени, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скоропостижно скончался 17 декабря 1955 года. Похоронен в Москве на Немецком кладбище.

БЕЛКИН Наум Маркович. Родился в 1893 году в городе Жлобине Могилевской губернии в мещанской еврейской семье. Окончил три класса частной гимназии в Гомеле.

Участник Первой мировой войны. В 1914–1918 годах находился в германском плену. По возвращении из плена в Россию в октябре 1918 года вступил в РКП(б). Находился на хозяйственной работе в Саратове и Ташкенте. В 1920–1921 годах — политический комиссар на Западном фронте. После окончания Гражданской войны до 1924 года являлся главным инспектором Рабоче-крестьянской инспекции на железнодорожном транспорте.

В 1924–1931 годах, владея арабским, французским, испанским, английским и немецким языками, работал по линии НКВД и Наркомата торговли СССР в Саудовской Аравии, Йемене и Персии. Активно помогал находившимся в этих странах резидентурам.

В июне 1931 года зачислен в штаты ИНО ОГПУ. До 1935 года находился на нелегальной работе в Болгарии, Югославии и Уругвае. В 1935–1936 годах работал в берлинской резидентуре ИНО. Являлся оператором Арвида Харнака («Корсиканца») — одного из организаторов подпольной антифашистской группы, ставшей впоследствии известной как «Красная капелла».

В сентябре 1936 года переведен в Испанию в качестве заместителя резидента и заместителя официального представителя НКВД СССР при республиканской службе безопасности Александра Орлова. Отвечал за координацию совместной деятельности с представителями испанских контрразведывательных служб всех уровней, успешно консультировал по различным вопросам руководство испанского МВД, осуществлял контроль над интербригадами с целью подбора из их состава объектов разработки и вербовки, руководил особыми отделами республиканской армии.

После бегства Орлова в августе 1938 года отозван в Москву и в начале 1939 года уволен из НКВД «за невозможностью использования». Работал начальником Бюро информации Всесоюзного радиокомитета.

Весной 1941 года на прежней службе был подготовлен материал на его арест как «врага народа». К счастью, этот документ утвержден не был. На нем есть резолюция начальника внешней разведки: «Нарком нашел, что данных недостаточно».

В первые дни Великой Отечественной войны призван в армию и направлен на политработу в Центральный военный госпиталь РККА. В ноябре 1941 года по инициативе старшего майора госбезопасности Судоплатова восстановлен в кадрах НКВД и направлен в распоряжение 4-го управления.

В декабре 1941 года по специальному поручению наркома внутренних дел СССР направлен в Иран для изучения «курдского вопроса», но в марте 1942 года скончался в Тавризе от сыпного тифа.

В 1937 году награжден орденом Красного Знамени.

БЫСТРОЛЕТОВ Дмитрий Александрович. Родился 4 января 1901 года в селе Айборы Евпаторийского района Крыма. Незаконнорожденный сын местной учительницы и графа Александра Николаевича Толстого. В 1904–1914 годах жил в Петербурге, в аристократической семье графини де Корваль, где получил домашнее образование и воспитание.

В 1915–1917 годах обучался в Севастополе в Морском кадетском корпусе. В составе 2-го флотского экипажа принимал участие в десантных операциях на Турецком театре военных действий Первой мировой войны. В 1917 году поступил в мореходную школу в Анапе, летом находился в плавании, а зимой учился. В 1919 году окончил одновременно выпускные классы мореходной школы и анапской гимназии.

В 1921 году в поисках работы нелегально выехал в Турцию и оказался в эмиграции. В Константинополе с отличием окончил колледж для европейцев-христиан. Затем переехал в Чехословакию и поступил на юридический факультет Украинского университета в Праге. Зарабатывал на жизнь грузчиком и плотником. Учась в университете, являлся активным членом «Союза студентов — граждан РСФСР».

На активного студента обратила внимание советская разведка, и в 1925 году он стал сотрудником Иностранного отдела, разведчиком-нелегалом. В период разведывательной работы в Чехословакии провел несколько ценных вербовок.

В середине 1930 года переведен Центром на нелегальную работу в Берлин. Возглавляемая им нелегальная группа разведчиков добыла шифры министерства иностранных дел Англии и ряда других

европейских стран, что позволило советской внешней разведке длительное время получать исключительно ценную информацию.

Оперативная работа Быстролетова получила высокую оценку Центра. Приказом ОГПУ он был награжден боевым оружием. А в представлении к награждению разведчика нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ОГПУ» отмечалось: «Проявил себя как преданный, храбрый, настойчивый и дисциплинированный чекист. Своей исключительной выдержкой и проявленной при этом исключительной настойчивостью провел ряд разработок крупного оперативного значения. Участвуя лично в ряде опасных мероприятий, добился серьезных результатов».

Быстролетов был всесторонне одаренным человеком. Достаточно сказать, что он владел двадцатью (!) иностранными языками, был слушателем Берлинской и Парижской академий художеств, в 1930–1936 годах учился на медицинском факультете Цюрихского университета и получил диплом доктора медицины.

В 1936 году после многолетнего пребывания за рубежом на нелегальной работе приехал в Москву. Работал в центральном аппарате разведки. В 1938 году был необоснованно репрессирован: осужден на 20 лет исправительно-трудовых лагерей, заключение отбывал в северных лагерях.

В 1954 году освобожден из заключения, из лагерей вышел инвалидом. В 1956 году Военная коллегия Верховного суда СССР после повторного рассмотрения его дела вынесла решение: «Приговор от 8 мая 1939 года по вновь открывшимся обстоятельствам отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления».

После реабилитации Быстролетов работал во Всесоюзном НИИ медицинской и медико-технической информации Министерства здравоохранения СССР в качестве научного консультанта. Он сыграл видную роль в деле расширения знаний о достижениях зарубежной медицины.

Дмитрий Быстролетов оставил потомкам богатое литературное наследие: 16 книг и литературный сценарий многосерийного художественного фильма. В 1973 году по его сценарию был снят художественный фильм «Человек в штатском», рассказывающий о работе разведки. В 1974 году журнал «Наш современник» напечатал его повесть «Para bellum» (с латинского — готов к бою). Позже была

опубликована литературная трилогия «Пир бессмертных», в которой Быстролетов рассказал о своей жизни и работе.

Замечательный советский разведчик-нелегал Дмитрий Александрович Быстролетов скончался 3 мая 1975 года. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

ВАСИЛЕВСКИЙ Лев Петрович. Родился в 1904 году в Курске. С четырнадцати лет работал слесарем, электромонтером.

С 1927 года сотрудник Постоянного представительства ОГПУ в Закавказской Федерации, служил в пограничных войсках, окончил авиашколу, курсы усовершенствования комсостава при Военно-воздушной академии имени Н. Е. Жуковского. В 1936 году — командир-комиссар отдельной авиачасти Управления пограничной и внутренней охраны УНКВД Казахской АССР (на границе с Китаем, в районе Синьцзяна). Владел французским и испанским языками.

В 1937–1938 годах — руководитель разведывательно-диверсионных операций резидентуры НКВД СССР в Испании, старший советник Особого отдела Мадридского фронта.

В 1939–1941 годах — резидент внешней разведки в Париже. В этот период участвовал в подготовке и проведении операции по ликвидации Троцкого.

В период Великой Отечественной войны являлся заместителем резидента НКВД в Анкаре, резидентом НКВД — НКГБ в Мексике, заместителем начальника 4-го управления НКВД СССР. С 1945 года руководил отделом научно-технической разведки в центральном аппарате. С апреля 1953 года — помощник начальника 9-го отдела МВД СССР (Служба диверсий за границей).

В июле 1953 года уволен из МВД СССР с лишением звания полковника, в 1954 году исключен из партии по «делу Берии».

В 1959 году добился восстановления в КПСС, полной реабилитации и восстановления в воинском звании.

Награжден орденом Красного Знамени и многими медалями.

Автор многих книг по истории гражданской войны в Испании. В соавторстве с Анатолием Горским (в годы войны — резидент в Англии) перевел и издал на русском языке знаменитую книгу Рафаэля Саббатини «Одиссея капитана Блада».

Скончался в Москве в 1979 году.

ВАУПШАСОВ Станислав Алексеевич. Родился 27 июля 1899 года в деревне Грузджяй Шяуляйского уезда Ковенской губернии (Литва) в семье крестьянина, литовца по национальности.

В детские годы батрачил у помещика. Затем перебрался в Москву и трудился землекопом, арматурщиком. В 1918 году добровольно вступил в Красную армию. Воевал сначала на Южном фронте, потом против банд Дутова и корпуса белочехов.

В 1920–1925 годах находился на подпольной работе в западных областях Белоруссии, оккупированных белополяками, был командиром одного из партизанских отрядов.

После окончания школы командного состава Красной армии в 1937 году направлен в Испанию, руководил разведывательно-диверсионными операциями республиканцев в тылу франкистских войск.

С 1939 года — в органах государственной безопасности. Участвовал в боях с белофиннами, находился на разведывательной работе за границей.

В период Великой Отечественной войны более двух лет возглавлял отряд особого назначения «Местные», действовавший в тылу врага в окрестностях Минска. За 28 месяцев войны бойцы отряда подорвали 187 эшелонов с живой силой, техникой и боеприпасами. В боях и в результате диверсий было уничтожено свыше четырнадцати тысяч немецких солдат и офицеров.

За умелое руководство боевыми операциями по разгрому врага, мужество и отвагу 5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза.

После освобождения Белоруссии некоторое время работал в Москве, в центральном аппарате НКГБ. Затем командирован на Дальний Восток. Во время войны с Японией участвовал в боевых операциях против японских милитаристов, а с наступлением мира руководил группой по очистке тыла в освобожденной Маньчжурии. С декабря 1946 года являлся начальником разведывательного подразделения МГБ Литовской ССР.

Почти из сорока лет, отданных службе в Красной армии и органах государственной безопасности, 22 года провел в окопах, в подполье, в партизанских лесах, в походах и сражениях. Родина высоко оценила заслуги выдающегося разведчика-героя: он награжден четырьмя

орденами Ленина, орденами Красного Знамени, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, многими медалями.

В 1954 году полковник Ваупшасов уволился в запас и занялся литературной деятельностью. Он опубликовал ряд книг, посвященных подвигу партизан в годы Великой Отечественной войны. Наиболее известные из них «На разгневанной земле», «Партизанская хроника», «На тревожных перекрестках».

Скончался 19 ноября 1976 года.

ВИНАРОВ Иван Цолов. Родился 11 января 1896 года в городе Плевен Плевенской области Княжества Болгарии в семье крупного землевладельца. Болгарин.

Участник Первой мировой войны и воинского восстания 1918 года. Член Болгарской социал-демократической рабочей партии с 1916 года. По заданию партии занимался изъятием оружия для ее нужд с военных складов. Осенью 1921 года был арестован, в декабре 1922 года бежал в Россию.

В апреле 1923 года вступил в РКП(б). Учился в Коммунистическом университете имени Свердлова. В составе группы Разведупра Штаба РККА занимался переброской оружия для Болгарской компартии. Прошел трехмесячное обучение в специальной военной школе и находился на нелегальной работе в Болгарии и Австрии.

С января 1926-го по декабрь 1929 года по линии военной разведки находился на нелегальной работе в Китае. В 1930–1933 годах — главный резидент военной разведки в Австрии. В сферу его деятельности также входили Польша, Чехословакия, Румыния, Югославия, Греция, Венгрия, Болгария и Турция. Из характеристики Центра о деятельности Винарова: «Винаров организовал на чешских военных заводах и заводе “Шкода” разведывательные группы. Он получил исчерпывающую информацию о состоянии авиационной промышленности, которая характеризуется как особо ценная... От него были получены исключительно интересные сведения государственного значения от источников в Бухаресте, Белграде, Афинах и Софии...»

В 1936 году окончил с отличием Особый факультет Военной академии имени М. В. Фрунзе. С декабря 1936-го по март 1938 года

руководил разведывательной организацией в Париже, которая оказывала помощь республиканской Испании.

С июня 1940 года работал преподавателем на кафедре общей тактики Военной академии имени М. В. Фрунзе.

В период Великой Отечественной войны занимался подготовкой болгарских политэмигрантов для партизанской войны в Болгарии, был командиром интернационального полка ОМСБОН, неоднократно выполнял задания в тылу врага.

Полковник РККА Винаров награжден орденами Красного Знамени и Кутузова II степени.

С 1944 года жил в Болгарии. Активно участвовал в создании Болгарской народной армии. Генерал-лейтенант БНА.

В 1949–1964 годах являлся министром путей сообщения и строительства, начальником Главного управления путей сообщения при Совете министров НРБ.

В 1964 году Ивану Винарову присвоено звание Героя социалистического труда НРБ.

Скончался 25 июля 1969 года.

ВОСКРЕСЕНСКАЯ-РЫБКИНА Зоя Ивановна. Родилась 28 апреля 1907 года на станции Узловая Бочаровского уезда Тульской губернии в семье железнодорожного служащего, помощника начальника станции. Детство провела в городе Алексине. В октябре 1920 года отец Зои скончался. Она была вынуждена работать, чтобы помочь матери содержать многочисленную семью.

В 1921 году, в 14 лет, начала работать библиотекарем в 42-м батальоне войск ВЧК Смоленской губернии. Затем служила в штабе Частей особого назначения (ЧОН) Смоленской губернии, была политруком-воспитателем в колонии малолетних преступников в селе Старожище под Смоленском, находилась на комсомольской работе. В конце 1928 года переехала в Москву, в августе 1929 года направлена комсомолом на работу в Иностраннный отдел ОГПУ.

В начале 1930 года командирована на разведывательную работу в Харбин. Занимая скромную должность секретаря советского нефтяного синдиката «Союзнефть» в Харбине, в течение двух лет успешно выполняла ответственные задания Центра во время острейшей борьбы на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД).

Позже в образе знатной баронессы, роскошно одетая Воскресенская появлялась на улицах Риги, в городах и поместьях старой Латвии. Затем судьба перебросила Зою Ивановну в Центральную Европу — в Германию и Австрию, через некоторое время на север — в Финляндию и Швецию. В последних двух странах провела большую часть своей закордонной разведывательной жизни.

На работу в Финляндию Воскресенская выехала в 1935 году в качестве заместителя резидента. К этому времени она уже имела значительный опыт разведывательной работы, быстро познакомилась со страной и вошла в дела резидентуры.

В начале 1936 года на должность резидента внешней разведки в Финляндии прибыл Борис Аркадьевич Рыбкин — к тому времени весьма именитый разведчик. Поначалу у нового резидента и его заместителя взаимоотношения не сложились. Но уже через полгода они запросили Центр разрешить им пожениться. Москва дала «добро». Так Зоя Воскресенская стала Рыбкиной. В Финляндии она осуществляла связь с нелегальными сотрудниками советской внешней разведки, в частности с Судоплатовым, а также с агентурой, собирала информацию, в том числе о планах Германии в отношении этой страны. Для решения разведывательных задач неоднократно выезжала в Швецию и Норвегию, где координировала работу нелегальной разведывательной группы. Ее муж по личному указанию Сталина установил секретные контакты и вел весьма деликатные переговоры с высшим руководством Финляндии. Военный конфликт с Финляндией вынудил супругов Рыбкиных покинуть Хельсинки.

После возвращения в Москву в 1939 году Воскресенская-Рыбкина занялась аналитической работой, став одним из основных аналитиков в разведке (специальное аналитическое подразделение в разведке было создано лишь в 1943 году). К ней стекались разведданные от знаменитой «Красной капеллы» — группы антифашистов, действовавшей в гитлеровской Германии. Именно Зоя Ивановна подготовила известную аналитическую записку для Сталина, в которой утверждалось, что нападения Гитлера на Советский Союз можно ожидать в любой момент.

С первых дней Великой Отечественной войны Воскресенская-Рыбкина являлась сотрудницей Особой группы, возглавляемой заместителем начальника внешней разведки генералом Судоплатовым.

Она, в частности, стала одним из создателей первого партизанского отряда, была причастна к созданию и заброске в тыл противника одной из первых разведывательных групп, которая, кстати, работала под необычным, церковным прикрытием. Результаты работы разведгруппы были более чем убедительными.

Борис Рыбкин проходил в это время подготовку для разведывательной работы в Швеции. Он должен был выехать туда советником посольства и резидентом. Руководством разведки было принято решение направить вместе с ним и Зою Ивановну. Так в конце 1941 года супруги оказались в Стокгольме.

Официально Воскресенская-Рыбкина значилась пресс-атташе советского посольства, которое возглавляла знаменитая Александра Коллонтай. По линии разведки она являлась заместителем резидента. Не будет преувеличением сказать, что во многом благодаря усилиям разведчиков Рыбкиных Швеция до конца войны так и осталась нейтральной страной, а Финляндия вышла из гитлеровской коалиции.

В марте 1944 года супруги Рыбкины возвратились в Москву. Борис Аркадьевич курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные немцами страны Восточной Европы, Зоя Ивановна занималась аналитической работой.

После войны Зоя Ивановна Воскресенская-Рыбкина работала начальником немецкого отдела внешней разведки.

27 ноября 1947 года полковник Борис Аркадьевич Рыбкин, начальник одного из ведущих оперативных отделов внешней разведки, погиб под Прагой при исполнении служебных обязанностей.

В 1953 году полковник Воскресенская-Рыбкина выступила на партийном собрании в защиту арестованного генерал-лейтенанта Судоплатова. На следующий день ей объявили, что она увольняется «по сокращению штатов». Была направлена в распоряжение ГУЛАГа.

В 1955 году вышла в отставку и занялась литературной деятельностью. Ее книги были изданы немислимым тиражом: 21 миллион 642 тысячи экземпляров.

Ратный и писательский труд Зои Ивановны Воскресенской-Рыбкиной отмечен высокими наградами: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, многими медалями. В апреле

1940 года она была награждена нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

Скончалась 8 января 1992 года.

ГОРОЖАНИН Валерий Михайлович (Вольф Моисеевич Гамбург). Родился в 1889 году в городе Аккермане (ныне — Белгород-Днестровский) Бессарабской губернии в семье страхового агента.

В трехлетнем возрасте лишился отца, в неполные восемь лет — матери. Воспитывался в многодетной семье двоюродной сестры матери. Кроме него в семье было еще пятеро детей. Особенных средств не было, юный гимназист в возрасте девяти-десяти лет стал давать частные уроки, чтобы заработать на жизнь.

В 1907 году экстерном сдал экзамены за полный курс тираспольской классической гимназии. В том же году вступил в партию эсеров.

В 1909–1912 годах учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе. За активное участие в студенческом революционном движении попал в списки «неблагонадежных» и был отчислен из университета. В 1912 году был арестован, год содержался в одиночной камере, а затем до конца 1914 года отбывал ссылку в Вологодской губернии.

После ссылки находящемуся на «особом счету» у полиции Горожанину работы в России не нашлось: ни в Одессе, ни в Киеве, ни в Москве. Он решил попытать счастья за границей.

В 1914 году уехал в Париж, примкнул к группе большевиков, сблизился с А. В. Луначарским.

Особое место в парижском периоде жизни молодого революционера занимает его общение со многими прогрессивными французскими писателями. В частности, благодаря Луначарскому Горожанин близко знакомится с Роменом Ролланом и Анатолем Франсом. Последний часто принимал у себя молодого русского друга, подолгу с ним беседовал. Уже тогда Горожанин задумал написать книгу о творческой судьбе великого французского писателя.

Как только в Париж пришла весть о Февральской революции в России, Горожанин решил вернуться на родину. Уже в апреле 1917 года он был в Петрограде и с головой окунулся в политическую деятельность партии, сотрудничал в большевистских газетах. Именно тогда он познакомился и подружился с Маяковским.

После Октября направлен на работу в украинскую ЧК, где в полной мере раскрылись его исключительные способности к оперативной деятельности. Он продолжил учебу в Новороссийском университете, в 1919 году вступил в члены РКП(б). Являлся следователем по особо важным делам Одесской Губчека. В период деникинской оккупации был арестован и приговорен к расстрелу. Освобожден Красной армией. Затем снова работал на руководящих должностях в различных подразделениях украинского ГПУ: уполномоченным по борьбе с контрреволюцией и членом коллегии Николаевской Губчека, заместителем начальника киевского губотдела ГПУ.

В мае 1930 года откомандирован на руководящую должность в центральный аппарат ОГПУ СССР. С 1933 года — во внешней разведке (помощник, заместитель начальника ИНО ОГПУ, ИНО ГУГБ НКВД).

Автор книги «Анатоль Франс и Ватикан» и написанного вместе с Маяковским сценария «Инженер Д'Арси».

Награжден орденом Красного Знамени и двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ОГПУ».

19 августа 1937 года арестован по делу «о заговоре в НКВД УССР». 29 августа 1938 года приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

27 июля 1957 года приговор отменен и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

ЗУБОВ Петр Яковлевич. Родился 7 февраля 1898 года в Тифлисе в рабочей семье. В 1915 году окончил тифлисское Михайловское техническое железнодорожное училище. Работал техником-десятиником на Закавказской железной дороге, одновременно учился в Тифлисском народном университете. В 1918 году сделал свой политический выбор и вступил в партию большевиков.

В начале 1920 года после захвата власти в Грузии меньшевиками выехал во Владикавказ и поступил на работу в ЧК Горской республики.

После освобождения Закавказья от английских и турецких интервентов возвратился в Тифлис. В 1921–1927 годах работал на оперативных должностях в Грузинской ЧК, преобразованной

в 1922 году в ГПУ. Участвовал в мероприятиях по разгрому подпольных антисоветских центров, ликвидации повстанческого штаба меньшевиков и нескольких подпольных типографий. Являлся заместителем начальника секретного отдела Грузинского ГПУ, затем возглавил отделение разведки, выявлявшее связи грузинских меньшевиков в Турции. За конкретные результаты в работе был награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)», а также почетным именованным оружием.

Как грамотный чекист, приобретший опыт разведывательной работы, в начале 1928 года направлен в резидентуру ОГПУ в Стамбуле. Однако уже в июле 1930 года в связи с предательством нелегала Агабекова был вынужден вернуться в СССР. За период служебной командировки характеризовался как «один из лучших и ответственных оперативных работников резидентуры, добившийся высоких результатов».

Руководством ОГПУ было принято решение вновь направить Зубова на работу в Закавказское ГПУ. В Закавказье он занимался борьбой с бандитизмом и организованной преступностью, лично принимал участие в ликвидации бандформирований в Грузии и Абхазии. За мужество и героизм, проявленные в боях с бандитами, в 1930 году был повторно награжден почетным именованным оружием, в 1931 году — почетной грамотой коллегии ОГПУ «За беспощадную борьбу с контрреволюцией».

В июле 1931 года направлен в Париж в качестве оперативного работника резидентуры ОГПУ. В Париже занимался разработкой антисоветской грузинской эмиграции. По агентурным каналам им была вскрыта и нейтрализована террористическая группа, созданная грузинскими меньшевиками для совершения покушения на И. В. Сталина.

За успешную работу в парижской резидентуре награжден орденом Красного Знамени.

В мае 1933 года возвратился в Москву, работал в центральном аппарате разведки. В апреле 1937 года назначен резидентом НКВД в Праге. Однако уже в 1938 году под вымышленным предлогом отозван в Москву, арестован и помещен в Лефортовскую тюрьму НКВД. Инициатором отзыва и ареста был Сталин, одно из

распоряжений которого Зубов не выполнил, обосновав его нецелесообразность.

В конце 1939 года был помещен в одну камеру с ранее арестованным бывшим резидентом польской разведки в Берлине полковником Станиславом Сосновским с целью изучения последнего. В конечном итоге Зубов способствовал успешной вербовке Сосновского.

После начала Великой Отечественной войны по инициативе начальника 4-го управления НКВД генерала Судоплатова освобожден из заключения и направлен в распоряжение управления. В качестве начальника германского отделения руководил подготовкой и заброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп.

В годы войны участвовал в операциях «Монастырь» и «Березино». Его личный вклад в Победу отмечен орденами Ленина, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и многими медалями.

В 1946 году уволен в запас по состоянию здоровья. Однако в 1948 году о нем вновь вспомнили. В январе по заданию Молотова он вместе с Судоплатовым выезжал в Прагу. С учетом того, что Зубов в предвоенные годы имел связи с Бенешем, перед ним была поставлена задача убедить чехословацкого президента поручить лидеру компартии Чехословакии Клементу Готвальду сформировать правительство, иными словами, обеспечить бескровную передачу власти в стране коммунистам. Эта задача была разведчиком успешно решена.

Скончался Петр Яковлевич Зубов в 1952 году. Его имя занесено на Мемориальную доску Службы внешней разведки Российской Федерации.

ИЛЬИН Виктор Николаевич. Родился 6 ноября 1904 года в Москве в семье приказчика по найму. Окончил московское реальное училище.

В апреле 1918 года, скрыв свой возраст, записался добровольцем в Красную армию. С сентября 1919 года находился на Восточном фронте. В июне 1922 года окончил курсы кавалерийских командиров в Елисаветграде (с 1939 года — Кировоград, с 16 июля 2016 года — Кропивницкий). Был переведен из войск РККА в войска ОГПУ РСФСР. В 1922–1926 годах служил в кавалерийском дивизионе отряда ОСНАЗ при Коллегии ОГПУ. В 1923–1925 годах — курсант Военно-

политической школы, затем политрук 1-го эскадрона кавалерийского полка ОСНАЗ. В октябре 1925 года принят в члены РКП(б).

В декабре 1926 года демобилизовался по зрению. Находился на хозяйственных должностях. В 1928–1933 годах являлся заместителем начальника управления «Союзкинохроника».

В 1933 году по партийной разрядке переведен на службу в ОГПУ. Работал в Секретно-политическом отделе. В 1941–1943 годах — начальник 2-го отдела 3-го управления НКВД СССР. Комиссар госбезопасности.

3 мая 1943 года арестован сотрудниками СМЕРШа. До марта 1952 года находился под следствием во внутренней тюрьме НКГБ — МГБ. По одной из версий, арест Ильина был связан с проведением операции «Монастырь», активным участником которой он являлся и по которой у НКВД и СМЕРШа имелись разногласия. 3 марта 1952 года приговорен к восьми годам и десяти месяцам тюремного заключения и сразу же выпущен на свободу как отбывший срок. Уволен из органов по болезни. 31 июля 1953 года полностью реабилитирован.

С июня 1955 года работал секретарем по организационным вопросам Московского отделения Союза писателей СССР. С 1977 года находился на пенсии.

Награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Красной Звезды и «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

11 сентября 1990 года погиб, переходя улицу: был сбит на пешеходном переходе. Преступление не раскрыто.

КАМИНСКИЙ Иван Николаевич. Родился 26 января 1896 года в селе Корни Сквирского уезда Киевской губернии в семье крестьянина. С десяти лет работал у помещика в поле, ходил в сельскую школу. С 1911 года жил в Москве, работал рассыльным в издательстве «Агроном», одновременно окончил гимназию.

В 1915 году был призван на военную службу. Окончил Иркутскую школу прапорщиков. Воевал на Румынском фронте, подпоручик 40-го Сибирского стрелкового полка царской армии.

После Октябрьской революции — один из руководителей партизанского движения на Украине в тылу у гетманских, а затем петлюровских войск. Один из организаторов 1-й Воынской

повстанческой революционной дивизии, командир полка Таращанской бригады (44-я дивизия Н. А. Щорса). Был тяжело ранен, находился на излечении в Москве.

В 1920 году вступил в РКП(б), в том же году направлен на работу в Особый отдел МЧК. В 1921–1922 годах — начальник отделения ОО Харьковского военного округа.

В 1922 году переведен на работу в Иностраннный отдел ОГПУ. До 1930 года являлся помощником легального резидента в Польше, помощником резидента в Чехословакии, легальным резидентом в Латвии, резидентом в Италии, резидентом в Финляндии.

В 1930 году направлен в Германию в качестве руководителя нелегальной резидентуры. В сферу его интересов входил весь Польско-Прибалтийский регион. С весны 1934 года — нелегальный резидент в Париже. Работал по эмигрантским террористическим организациям на территории Франции, Бельгии и Швейцарии. Именно Каминский начал оперативную разработку находившегося тогда в Швейцарии лидера ОУН Е. Коновальца.

После возвращения в Москву в конце 1936 года назначен начальником 1-го отделения (Германия, Польша, Венгрия, Чехословакия) ИНО. В конце 1938 года арестован и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. В 1941 году по ходатайству П. А. Судоплатова освобожден из тюрьмы, откомандирован в распоряжение 4-го управления НКВД СССР и направлен на подпольную работу на Украину. По свидетельству Судоплатова, покончил жизнь самоубийством в 1943 году во время ареста органами абвера в Житомире.

Майор государственной безопасности Каминский награжден нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (V)», почетным боевым оружием и медалью «XX лет РККА».

КОЛЕСНИКОВ Юрий Антонович. Родился 17 марта 1922 года в городе Болград Измаильского уезда, Королевство Румыния, в семье портного. Настоящие имя и фамилия — Иойна Товневич Гольдштейн. Окончил начальную школу и румынский лицей Короля Кароля II. Работал в автомобильном гараже немецкой фирмы «Шенкер».

В 1940 году после воссоединения Бессарабии с СССР работал в НКВД в Одессе.

В начале Великой Отечественной войны находился в составе спецгруппы НКВД при штабе Южного фронта. Был заброшен со спецзаданием в Румынию. С августа 1941 года в составе спецгруппы НКВД участвовал в диверсионных рейдах по тылам противника.

В ноябре 1941 года переведен на работу в 4-е управление НКВД и после окончания специальных курсов немецкого языка в марте 1942 года заброшен в глубокий тыл противника.

С ноября 1943 года — в 1-й Украинской партизанской дивизии Ковпака. Вел активную агентурную работу в тылу противника. Участвовал в партизанском рейде на Западную Украину и в Польшу. С небольшим отрядом захватил станцию на линии Минск — Барановичи с тремя эшелонами немецких танков, орудий и автомашин и удерживал ее до подхода передовых частей Красной армии.

С 1946 года на нелегальной работе в Румынии. Оттуда перебрался в Палестину. Создал первую постоянную советскую агентурную сеть на Ближнем Востоке.

В 1980 году вышел в отставку. Полковник. Награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многими медалями.

7 декабря 1995 года Указом Президента Российской Федерации № 1226 Колесникову Юрию Антоновичу присвоено звание Героя России.

Писатель, автор многих книг художественной прозы, член Союзов писателей СССР и России. Являлся заместителем председателя Антисионистского комитета советской общественности.

Скончался 14 августа 2013 года в Москве.

МАЛЛИ Теодор Степанович. Родился в 1894 году в городе Темешваре, входившем в то время в состав Австро-Венгерской империи (ныне город Тимишоара в Румынии), в семье чиновника министерства финансов. Венгр по национальности. По окончании гимназии вступил в католический монашеский орден. Учился на философском и богословском факультетах духовной семинарии, был рукоположен в сан диакона, однако впоследствии порвал с религией.

С началом Первой мировой войны поступил на службу в австро-венгерскую армию в качестве вольноопределяющегося. В декабре 1915 года окончил военное училище. В июле 1916 года подпоручик Малли попал в русский плен. До мая 1918 года содержался в лагерях

для военнопленных в Полтаве, Харькове, Ростове, Пензе, Астрахани, Оренбурге, Челябинске. Являлся активным участником движения военнопленных-интернационалистов.

В 1918 году вступил добровольцем в Красную армию, участвовал в боях с белочехами под Челябинском. В ноябре 1918 года был арестован колчаковской контрразведкой. Содержался в тюрьме в Красноярске, затем в лагере, откуда в декабре 1919 года был освобожден Красной армией. В составе 1-й бригады дивизии имени III Интернационала участвовал в боях с войсками Колчака, Врангеля, Махно. В 1920 году вступил в РКП(б).

В 1921 году направлен на работу в органы ВЧК. До 1926 года служил в органах ЧК — ГПУ Крыма в должностях помощника уполномоченного по борьбе с бандитизмом, следователя по особо важным делам, секретаря секретно-оперативной части, начальника Восточного отдела.

С 1926 года работал в отделе политэмигрантов ЦК МОПР в Москве, а затем в центральном аппарате ОГПУ. В 1930 году являлся оперуполномоченным Особого отдела.

В конце 1932 года переведен на работу во внешнюю разведку и назначен помощником начальника 3-го отделения ИНО ОГПУ (разведка в США и основных странах Европы). В совершенстве владел несколькими иностранными языками. Неоднократно выезжал в спецкомандировки в Германию, Австрию и Францию. Участвовал в Венском восстании 1934 года, тогда познакомился с молодым английским антифашистом Кимом Филби и привлек его к работе в качестве агента Коминтерна.

С июня 1934 года — нелегальный резидент НКВД в Париже. В январе — марте 1935 года находился в Москве, в мае нелегально выезжал в Лондон для завершения разработки завербованного советской разведкой шифровальщика МИДа Великобритании.

С января 1936 года находился на нелегальной работе в Лондоне. В апреле сменил Александра Орлова (Льва Никольского) на посту руководителя лондонской нелегальной резидентуры НКВД. Курировал работу «Кембриджской пятерки».

В июле 1937 года отозван в Москву в связи с предательством Игнатия Порецкого-Рейса и его напарника Вальтера Кривицкого, которые лично знали его и могли выдать. Продолжил работу в

центральном аппарате внешней разведки. Имел специальное звание майора государственной безопасности.

За период работы в органах награжден нагрудным знаком ЦИК Крыма, почетной грамотой и серебряным портсигаром от Коллегии ОГПУ и нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

7 марта 1938 года арестован по ложному навету. Замечательному разведчику-нелегалу предъявили целый «букет» вздорных обвинений: «злостное нарушение конспирации, разглашение государственной тайны, отказ от выполнения приказа в боевой обстановке».

20 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к высшей мере наказания и в тот же день расстрелян.

В апреле 1956 года определением Военной коллегии Верховного суда СССР приговор в отношении Теодора Малли отменен, он полностью реабилитирован.

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Николаевич. Родился 22 августа 1898 года в Бежице, небольшом городке Брянского уезда Орловской губернии, в семье квалифицированного сталелитейщика, работавшего на местном рельсопрокатном заводе. Учился в гимназии, вечерами давал частные уроки, в летние каникулы подрабатывал на том же заводе, где работал отец. В семье было 13 детей, и заработок Дмитрия был существенным для семейного бюджета.

В 16 лет начал помогать старшему брату Александру, члену Брянского окружного комитета РСДРП: расклеивал листовки, прятал оружие. В середине 1918 года добровольно вступил в ряды Красной армии. Принимал участие в боях на Восточном фронте и против армии Юденича. Возвратившись в мае 1920 года в Брянск, был принят на работу в местные органы ВЧК. В декабре вместе с другими добровольцами-чекистами выехал в Донбасс, где в течение двух лет участвовал в ликвидации банд Каменюки, Белокобыльского, «Балабы», «Блохи», являлся председателем ЧК Старобельска. В августе 1922 года переведен в Одессу на должность начальника секретного отдела местного ГПУ. Вместе со своими боевыми товарищами 25-летний, но уже опытный чекист успешно осуществил сложнейшую операцию по уничтожению целой сети подпольных штабов Украинской повстанческой армии, ликвидировал известную в свое время в Одессе банду атамана Заболотного.

Затем работал в Харькове, Днепропетровске, Херсоне, Киеве. За успешную работу в органах ВЧК — ОГПУ награжден золотыми часами, личным боевым оружием с надписью «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и нагрудным знаком «Почетный работник ВЧК — ГПУ (XV)».

Летом 1935 года направлен на учебу в Москву, на Курсы высшего начальствующего состава НКВД. В июле 1937 года освобожден от оперативной работы и уволен в запас в связи с арестом родного брата Александра.

22 июня 1941 года подал рапорт на имя наркома госбезопасности о желании вернуться в строй. В августе 34 сотрудника НКВД во главе с капитаном госбезопасности Медведевым приступили к боевой работе. С августа 1941-го по февраль 1942 года Медведев руководил специальным оперативным отрядом «Митя», действовавшим на территории Смоленской, Орловской и Брянской областей. За успешные действия в тылу врага в феврале 1942 года награжден орденом Ленина.

С июня 1942-го по апрель 1944 года командовал разведывательно-диверсионным отрядом специального назначения «Победители», который вел боевые действия в Ровенской и Львовской областях, его основная база располагалась под Ровно, избранным гитлеровцами в качестве столицы оккупированной Украины.

За время нахождения во вражеском тылу был дважды ранен, получил контузию. В апреле 1944 года оперотряд «Победители» вышел из вражеского тыла на переформирование.

За образцовое выполнение заданий командования в тылу противника и проявленные при этом мужество и героизм полковнику Медведеву Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 ноября 1944 года присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Красного Знамени и многими медалями.

В октябре 1946 года вышел в отставку по состоянию здоровья и занялся литературной деятельностью. Его перу принадлежат произведения, главная тема которых — мужество, стойкость, подвиги советских людей в тылу врага. Широко известны книги писателя «Это было под Ровно», «Сильные духом», «На берегах Южного Буга», посвященные боевым действиям отряда «Победители» и самоотверженной борьбе героического подполья.

Скончался 14 декабря 1954 года.

МИРКОВСКИЙ Евгений Иванович. Родился 31 января 1904 года в Минске в семье мелкого служащего. С 1921 года — слесарь бондарной мастерской, затем бетонщик строительного участка в Минске.

С 1926 года — сотрудник Постоянного представительства ОГПУ по БССР. В 1927 году принят в ряды ВКП(б). В 1927–1941 годах служил в пограничных войсках на западной границе. В 1932 году окончил Минское военное пехотное училище. Участник освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию в 1939 году.

После начала Великой Отечественной войны являлся командиром отряда войск Особой группы (позднее — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения) НКВД СССР. Активный участник обороны Москвы. С марта 1942-го по сентябрь 1944 года — командир специального разведывательно-диверсионного отряда «Ходоки», преобразованного в дальнейшем в специальный партизанский отряд имени Ф. Э. Дзержинского, действовавший на территории Орловской, Житомирской, Черниговской, Гомельской и Брестской областей, а также в Польше.

5 ноября 1944 года полковнику Мирковскому присвоено звание Героя Советского Союза. Он награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, многими медалями.

С 1944 года трудился на руководящих должностях в органах НКВД — НКГБ — МГБ — МВД СССР. С 1953 года являлся советником МВД СССР при Службе безопасности Албании, затем возглавлял один из отделов ПГУ КГБ при СМ СССР.

В конце 1955 года уволен в запас по состоянию здоровья. Жил в Москве. Скончался 10 августа 1992 года.

МОРДВИНОВ Георгий Иванович. Родился 5 мая 1896 года в деревне Бурнашово Верхне-Удинского уезда Забайкальской губернии (ныне — Республика Бурятия) в семье крестьянина-батрака. В раннем детстве остался круглым сиротой. Трудовую деятельность начал в 12 лет на заводе. Через два года уехал в Читту, работал на стройке подручным слесаря. В 1915 году призван в армию и после

трехмесячного обучения направлен на Юго-Западный фронт в команду конных разведчиков. Участвовал в боях, был ранен.

В 1917 году перешел на сторону революции. Принимал участие в ликвидации Верховной ставки генерала Духонина в Могилеве, в борьбе с корниловцами. После демобилизации из армии и возвращения в Читу вступил в Красную гвардию. В 1918 году принят на работу в Забайкальскую ЧК.

В 1920 году командовал 1-й Амурской кавалерийской бригадой и одновременно руководил разведкой фронта. В 1922–1928 годах находился на командных должностях в пограничных войсках и подразделениях ОГПУ.

В 1929 году поступил на китайский факультет Института востоковедения. В начале 1930 года отозван с учебы и командирован по линии внешней разведки на работу сначала в Монголию, а затем в Китай. По возвращении из Китая в 1935 году сдал выпускные экзамены в Институте востоковедения и был направлен на учебу на китайское отделение исторического факультета в Институт красной профессуры.

В 1937 году уволен из органов в связи с рапортом на имя наркома госбезопасности Ежова в защиту арестованного сотрудника внешней разведки. В начале Великой Отечественной войны восстановлен на службе в органах госбезопасности. Работал в 4-м управлении НКВД.

В октябре 1941 года командирован в Турцию, где возглавил стамбульскую резидентуру. В 1942 году арестован турецкими властями и осужден на 16 лет тюремного заключения. На следствии и суде держался мужественно. Досрочно освобожден в 1944 году, возвратился в Москву, работал в центральном аппарате разведки. В январе 1946 года направлен главным резидентом советской разведки в Маньчжурию (Харбин).

В январе 1949 года в связи с болезнью вышел в отставку. Жил в Москве, работал в Институте востоковедения и Институте народов Азии АН СССР. За заслуги перед Родиной полковник Мордвинов награжден орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, многими медалями, а также двумя орденами МНР.

Скончался 7 апреля 1966 года.

ОВАКИМЯН Гайк Бадалович. Родился 11 августа 1898 года в селении Джагры Нахичеванского уезда Эриванской губернии в крестьянской семье. Армянин. В 1917 году окончил среднюю школу, работал на железной дороге. В июне 1920 года за участие в восстании в городе Александрополь (с 1924 года — Ленинакан), установившем там советскую власть, был арестован дашнаками и приговорен к длительному сроку тюремного заключения. В результате повторного вооруженного восстания в ноябре того же года советская власть в городе была восстановлена и началась советизация Армении. Овакимян был освобожден из тюрьмы и назначен секретарем республиканского Совнаркома. В этой должности проработал два года.

В 1922 году поступил в Московское высшее техническое училище. Во время учебы выезжал на стажировку в Италию и Германию. После окончания технического училища год работал на производстве, затем учился в аспирантуре Химико-технологического института имени Д. И. Менделеева, защитил кандидатскую диссертацию. Свободно владел немецким, английским и итальянским языками.

После защиты кандидатской диссертации получил предложение работать в Иностранном отделе ОГПУ — в научно-технической разведке. В феврале 1931 года выехал на разведывательную работу в Берлин.

Руководство внешней разведки не ошиблось в молодом ученом. Образованностью, высокой научной эрудицией, выдержанностью и тактичностью Овакимян привлекал к себе людей. За время работы в Берлине он завербовал четырех агентов, через которых получал ценную научно-техническую информацию.

В середине 1933 года был срочно отозван в Москву и направлен в Нью-Йорк для организации работы «легальной» резидентуры по линии научно-технической разведки.

Прибыл в США в 1934 году под прикрытием сотрудника «Амторга» и аспиранта Нью-Йоркского химического института.

Окончив аспирантуру и защитив докторскую диссертацию, был переведен на должность инженера в аппарат уполномоченного Наркомхимпрома СССР при «Амторге». По линии внешней разведки являлся заместителем руководителя нью-йоркской резидентуры.

В США приобрел ряд новых источников информации, добытые им документальные материалы по проблемам физики, химии, бактериологии неизменно высоко оценивались Центром и повлияли на создание в СССР новых конструкторских бюро и экспериментальных заводов.

В 1938 году возглавил нью-йоркскую резидентуру, однако продолжал активную работу «в поле». В 1940 году за плодотворную работу по линии научно-технической разведки награжден нагрудным знаком «Заслуженный работник НКВД».

К сожалению, американская контрразведка смогла зафиксировать одну из встреч Овакимяна с агентом, которого перевербовала и использовала для захвата разведчика «с поличным». 5 мая 1941 года Овакимян был арестован на встрече с агентом, заключен в тюрьму, а затем выпущен под залог до суда без права выезда из страны. Надеяться разведчику было не на что, дипломатическим иммунитетом он не пользовался. Лишь после нападения Германии на Советский Союз Овакимяну по личному указанию президента США Рузвельта было разрешено выехать на родину.

В сентябре 1941 года Овакимян возвратился в Москву и возглавил один из отделов центрального аппарата внешней разведки.

Через два года, когда значительно увеличился поступающий в Центр поток разведывательной информации по атомной проблематике, был назначен первым заместителем начальника внешней разведки, отвечавшим за разработку дела «Энормоз». Ему принадлежит важная роль в организации получения атомных секретов США и Великобритании и создании ядерного оружия в СССР.

В 1945 году присвоено звание генерал-майора.

В 1947 году при реорганизации разведки, связанной с созданием Комитета информации при СМ СССР, Овакимяну в результате бюрократических проволочек долгое время не могли подобрать соответствующую должность. Утомленный и раздраженный волокитой, он подал рапорт об отставке. После шестнадцати лет работы в разведке 49-летний генерал-майор Овакимян был вычеркнут из ее списков.

Так закончилась карьера замечательного советского разведчика.

Узнав о положении доктора химических наук Овакимяна, министр химической промышленности СССР М. Г. Первухин, который близко

познакомился с ним в период создания советского атомного оружия, немедленно предложил отставному разведчику должность директора научно-исследовательского института — того самого НИИ, который в предвоенные годы оценивал разведданные, добываемые им в Германии и США.

Скончался в 1967 году.

ОРЛОВСКИЙ Кирилл Прокофьевич. Родился 18 января 1895 года в селе Мышковичи Могилевской губернии в крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу, занимался сельским хозяйством, помогая родителям.

В 1915 году был призван на действительную военную службу. В чине унтер-офицера — командира саперного взвода воевал на Западном фронте. После Октябрьской революции принял решение стать на сторону новой власти.

В 1918 году был направлен на работу в ВЧК. До 1925 года, находясь на подпольной работе, командовал партизанскими отрядами в тылу оккупационных немецких войск на территории панской Польши.

В 1930 году окончил Коммунистический университет национальных меньшинств Запада. Затем в течение пяти лет находился на негласной оперативной работе по линии Особого отдела НКВД БССР. В 1936–1938 годах выполнял ответственные задания советской внешней разведки в Испании. За боевые заслуги был награжден орденом Ленина.

В период Великой Отечественной войны командовал крупным отрядом специального назначения «Соколы», действовавшим на территории Белоруссии. Бойцы отряда участвовали во многих сражениях с оккупантами, провели в тылу у немцев ряд успешных диверсий по уничтожению военно-промышленных объектов и воинских эшелонов противника. В городе Барановичи бойцы отряда ликвидировали нескольких видных гитлеровских военных чиновников и захватили важные военные документы.

В одном из боев в феврале 1943 года был тяжело ранен в правую руку и сильно контужен, но не прекратил руководить боевой операцией, пока не вывел партизан в безопасное место.

В сентябре 1943 года за образцовое выполнение боевых заданий командования в тылу противника полковник удостоен звания Героя

Советского Союза. После возвращения на Большую землю продолжил службу в органах государственной безопасности Белоруссии.

В 1944 году вышел в отставку по болезни, был избран председателем колхоза «Рассвет» в своем родном селе.

В 1958 году за выдающиеся трудовые достижения присвоено звание Героя Социалистического Труда. Награжден пятью орденами Ленина, орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени БССР, а также многими медалями.

Скончался в 1968 году.

РЫБКИН Борис Аркадьевич. Родился 19 июня 1899 года в Екатеринославской губернии в семье мелкого ремесленника. Настоящие имя и фамилия — Рывкин Борух Аронович.

В 1909 году окончил четыре класса сельской школы, переехал в Екатеринослав (в 1926–2016 годах — Днепропетровск, с 3 июня 2016 года — Днепр), работал в типографии наборщиком и типографом. Окончил коммерческое училище. После революции, сдав экстерном экзамены за курс средней школы, поступил в Петроградскую горную академию. В 1920–1921 годах служил в РККА.

В середине 1921 года по путевке губкома партии мобилизован на работу в Екатеринославскую ЧК. С 1923 года учился в Центральной школе ОГПУ. В 1924–1931 годах — помощник начальника отделения КРО ОГПУ, помощник начальника Сталинградского окружного отдела ОГПУ.

С 1931 года являлся представителем ИНО в Постоянном представительстве ОГПУ по Средней Азии в Ташкенте. В декабре 1931 года направлен в Персию под прикрытием вице-консула СССР в городе Мешхеде. Приобрел несколько надежных источников информации. Затем находился в командировках во Франции, Болгарии и Австрии. С 1934 года работал в центральном аппарате внешней разведки.

В сентябре 1935 года в качестве легального резидента ИНО прибыл в Хельсинки. Заместителем резидента там работала Зоя Воскресенская, ставшая позже женой и надежным помощником Рыбкина.

В связи с начавшейся советско-финляндской войной в 1939 году Рыбкины вернулись в Москву, где Борис Аркадьевич вскоре стал начальником одного из отделов внешней разведки. В сентябре

1941 года был направлен резидентом в Стокгольм под прикрытием советника посольства СССР в Швеции.

В конце 1943 года возвратился в Москву, был назначен начальником отдела 4-го управления НКГБ СССР. Курировал заброску нелегальной агентуры и разведывательно-диверсионных групп в оккупированные Германией страны Восточной Европы.

С февраля 1947 года работал в отделе «ДР» МГБ СССР под руководством Судоплатова. Выезжал в ряд стран для восстановления связи с нелегальной агентурой на Ближнем Востоке и в Восточной Европе. Во время спецкомандировки в Чехословакию 27 ноября 1947 года погиб в автомобильной катастрофе под Прагой.

Полковник Рыбкин был награжден орденами Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды, «Знак Почета», многими медалями, а также нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ» и «Заслуженный работник НКВД».

Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

СЕРЕБРЯНСКИЙ Яков Исаакович. Родился 29 ноября 1892 года в Минске в семье подмастерья часовых дел мастера. В 1908 году успешно окончил Минское городское училище. С 1907 года являлся членом ученической организации эсеров-максималистов. В мае 1909 года был арестован полицией. В заключении провел год, после чего был административно выслан в Витебск.

В августе 1912 года призван в армию, служил рядовым 122-го Тамбовского полка в Харькове. С июля 1914 года воевал на Западном фронте рядовым 105-го Оренбургского полка. В августе 1914 года, во время Самсоновского прорыва в Восточной Пруссии, был тяжело ранен, почти полгода находился на излечении в госпитале, а затем был демобилизован из армии.

В период революций 1917 года являлся активистом эсеровского движения. В мае 1920 года поступил на службу в центральный аппарат ВЧК. В октябре 1923 года, став кандидатом в члены ВКП(б), перешел во внешнюю разведку и сразу же выехал на нелегальную работу в Палестину.

В 1925–1928 годах возглавлял нелегальные резидентуры в Бельгии и во Франции. После возвращения в Москву в апреле 1929 года был назначен начальником подразделения нелегальной

разведки, одновременно руководил Особой группой при председателе ОГПУ. В июле 1934 года возглавил Спецгруппу особого назначения при наркомвнудел. В 1935–1936 годах находился в спецкомандировке в Китае и Японии.

В период гражданской войны в Испании, будучи на нелегальном положении во Франции, принимал активное участие в организации поставок оружия и военной техники Республиканскому правительству.

Летом 1938 года отозван из Франции, арестован и 7 июля 1941 года приговорен к высшей мере наказания «за шпионскую деятельность в пользу английской и французской разведок». Однако приговор не был приведен в исполнение: уже шла Великая Отечественная война, и разведке были необходимы опытные кадры.

По предложению генерала Судоплатова в августе 1941 года амнистирован и восстановлен в органах и партии. Во время войны занимал руководящие посты в 4-м управлении НКВД — НКГБ СССР. Лично участвовал во многих разведывательных операциях. За период работы в органах госбезопасности полковник Серебрянский был награжден двумя орденами Ленина, двумя орденами Красного Знамени, многими медалями, а также двумя нагрудными знаками «Почетный работник ВЧК — ГПУ».

8 октября 1953 года вновь арестован, теперь уже как участник преступной деятельности Берии. Одновременно было реанимировано дело 1938–1941 годов.

30 марта 1956 года скончался от сердечного приступа в Бутырской тюрьме на допросе у следователя Военной прокуратуры СССР. В мае 1971 года реабилитирован по всем статьям предъявлявшихся ему ранее обвинений. В апреле 1996 года восстановлен в правах на изъятые при аресте награды.

СОБОЛЬ Раиса Романовна. Родилась 6 мая 1904 года в Киеве в семье директора крупного завода. В 1919 году принимала участие в организации кружков красной молодежи. С 1920 года — член КСМ. С 1921 года — член укома КСМ в Белгороде. В 1921 году поступила на юридический факультет Харьковского института народного хозяйства, который окончила в 1924 году.

В 1923–1926 годах — на работе в судебных органах. В 1925 году вступила в ВКП(б). С 1926 года — в органах ОГПУ. Работала в ЭКУ, затем в ИНО. Лейтенант госбезопасности.

В 1938 году арестована по показаниям своего мужа М. Е. Ревзина, с которым прожила 13 лет. На следствии вину не признала. Осуждена на восемь лет по подозрению в шпионаже. Находясь в заключении, написала письмо на имя Л. П. Берии, после чего в сентябре 1941 года была освобождена с прекращением уголовного дела.

С 16 октября 1941-го по 27 июля 1942 года являлась оперуполномоченным Особого отдела Юго-Западного фронта. С августа 1942 года — инструктор разведотряда штаба Северной группы партизанских отрядов.

12 января 1944 года КПК отказал Соболю в восстановлении в партии, разрешив вступить в ВКП(б) на общих основаниях.

В мае 1945 года уволена в запас. Стала писательницей (литературный псевдоним — Ирина Гуро). В 1948 году повторно вступила в ВКП(б). В 1958 году принята в Союз писателей СССР. В 1985 году издала двухтомник избранных произведений. Лауреат премии имени Николая Островского.

Награждена орденом Отечественной войны II степени, двумя медалями «За отвагу», медалями «Партизану Отечественной войны» I степени, «За оборону Москвы», «За победу над Германией».

Скончалась в Москве 29 июня 1988 года.

ФИШЕР Вильям Генрихович (Абель Рудольф Иванович). Родился 11 июля 1903 года в городе Ньюкасле-на-Тайне в Англии, в семье русских политэмигрантов. Отец — уроженец Ярославской губернии, из семьи обрусевших немцев, мать — уроженка Саратова, русская. В 1901 году супруги Фишер за революционную деятельность были высланы из России. В 1920 году возвратились в Москву, все члены семьи стали советскими гражданами.

Вилли был принят на работу переводчиком в отдел международных связей Исполкома Коминтерна. В 1925 году призван на военную службу и зачислен в 1-й радиотелеграфный полк Московского военного округа. В армии получил профессию радиста, сыгравшую в его дальнейшей судьбе важную роль.

В органы госбезопасности зачислен в 1927 году по рекомендации Московского комитета ВЛКСМ. Незаурядные способности Фишера позволили руководству внешней разведки доверить ему выполнение важных заданий по нелегальной линии в двух европейских странах.

Работа Фишера за границей была признана положительной, он получил повышение по службе, ему было присвоено звание лейтенанта госбезопасности. Однако в последний день уходящего 1938 года без объяснения причин он был уволен из органов.

В сентябре 1941 года Фишеру предложили вернуться на работу в НКВД. Он был зачислен во вновь созданное подразделение, занимавшееся засылкой боевых разведывательно-диверсионных групп в тыл врага.

После войны снова становится сотрудником внешней разведки и зачисляется в ее нелегальное подразделение. Руководство принимает решение направить его в США. В октябре 1948 года Фишер выехал в командировку, которая продлилась 14 лет. О качестве его работы в США свидетельствует такой факт: уже в августе 1949 года за конкретные результаты он был награжден орденом Красного Знамени.

В июле 1957 года в результате предательства Фишер был арестован. Чтобы уведомить Центр о своем аресте, он выдал себя за покойного друга и коллегу, назвавшись Рудольфом Ивановичем Абелем. В ходе следствия вел себя мужественно. Был приговорен к тридцати годам каторжной тюрьмы. 10 февраля 1962 года состоялся обмен разведчика на осужденного в СССР американского летчика Фрэнсиса Гарри Пауэрса — пилота разведывательного самолета U-2, сбитого 1 мая 1960 года над Уралом. Вернувшись на Родину, Фишер продолжал работать в центральном аппарате внешней разведки.

Заслуги полковника Фишера отмечены орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, многими медалями, а также нагрудным знаком «Почетный сотрудник госбезопасности».

Скончался 15 ноября 1971 года.

ЯРОСЛАВСКИЙ Емельян Михайлович. Видный российский революционер, советский партийный деятель, идеолог и руководитель антирелигиозной политики в СССР, председатель «Союза воинствующих безбожников» и Антирелигиозной комиссии при ЦК РКП(б) — ЦК ВКП(б), родился 3 марта 1878 года в Чите Забайкальской области Российской империи в семье ссыльнопоселенцев. Настоящие имя и фамилия — Миней Израилевич Губельман.

Член РСДРП с 1898 года. Занимался активной партийной деятельностью: член Читинского комитета РСДРП (1902), Петербургского комитета РСДРП. Организатор стачки текстильщиков в Ярославле (отсюда партийный псевдоним — Ярославский). Участник революции 1905–1907 годов.

В 1907 году был арестован и отправлен на каторгу в Восточную Сибирь. После Февральской революции 1917 года возглавил Якутский совдеп.

С июля 1917 года — член Московской военной организации Московского комитета РСДРП(б). В дни Октябрьской революции — член Московского партийного центра по руководству вооруженным восстанием.

В 1918–1919 годах — уполномоченный ЦК РКП(б) по проведению мобилизации в Красную армию, комиссар Московского военного округа.

Был старостой Общества бывших политкаторжан, с 1931 года — председатель Всесоюзного общества старых большевиков и Общества бывших политкаторжан.

В 1923–1934 годах — член ЦКК. В 1934–1939 годах — член Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б). С 1939 года — член ЦК ВКП(б) и депутат Верховного Совета СССР. С января 1939 года — академик АН СССР по специализации «история».

Скончался 4 декабря 1943 года. Урна с прахом захоронена в Кремлевской стене на Красной площади.

Приложение 3

Организационные формы внешней разведки РСФСР, СССР и РФ

Иностранный отдел (ИНО) ВЧК при СНК РСФСР — 20 декабря 1920 — 6 февраля 1922

Иностранный отдел (ИНО) Государственного политического управления (ГПУ) при НКВД РСФСР — 6 февраля 1922 — 2 ноября 1923

Иностранный отдел (ИНО) Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) при СНК СССР — 2 ноября 1923 — 10 июля 1934

Иностранный отдел (ИНО) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) НКВД СССР — 10 июля 1934 — 25 декабря 1936

7-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР — 25 декабря 1936 — 9 июля 1938

5-й (разведывательный) отдел Первого управления НКВД СССР — 9 июля 1938 — 29 сентября 1938

5-й (разведывательный) отдел ГУГБ НКВД СССР — 29 сентября 1938 — 3 февраля 1941

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР — 3 февраля 1941 — 20 июля 1941

Первое (разведывательное) управление НКВД СССР — 20 июля 1941 — 14 апреля 1943

Первое (разведывательное) управление НКГБ СССР — 14 апреля 1943 — 15 марта 1946

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР — 15 марта 1946 — 30 мая 1947

Комитет информации (КИ) при СМ СССР — 30 мая 1947 — 29 января 1949

Комитет информации (КИ) при МИД СССР — 29 января 1949 — 2 ноября 1951

Первое главное управление (ПГУ) МГБ СССР — 2 ноября 1951 — 5 января 1953

Первое управление Главного разведывательного управления (ГРУ) МГБ СССР — 5 января 1953 — 5 марта 1953

Второе главное управление (ВГУ) МВД СССР — 5 марта 1953 — 13 марта 1954

Первое главное управление (ПГУ) КГБ при СМ СССР — 13 марта 1954 — 5 июля 1978

Первое главное управление (ПГУ) КГБ СССР — 5 июля 1978 — 22 октября 1991

Центральная служба разведки (ЦСР) СССР — 22 октября 1991 — 18 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР) РСФСР — 18–25 декабря 1991

Служба внешней разведки (СВР) Российской Федерации — 25 декабря 1991 по настоящее время

Приложение 4

Спецзвания начальствующего состава органов НКВД — НКГБ СССР и их соответствие воинским званиям начальствующего состава Красной армии (1935–1945)

Сержант госбезопасности — лейтенант

Младший лейтенант госбезопасности — старший лейтенант

Лейтенант госбезопасности — капитан

Старший лейтенант госбезопасности — майор

Капитан госбезопасности — подполковник

Майор госбезопасности — полковник

Старший майор госбезопасности (комиссар госбезопасности) — генерал-майор

Комиссар государственной безопасности 3-го ранга — генерал-лейтенант

Комиссар государственной безопасности 2-го ранга — генерал-полковник

Комиссар государственной безопасности 1-го ранга — генерал армии

Генеральный комиссар государственной безопасности — Маршал Советского Союза

Литература

Андрюшин И. А., Чернышев А. К., Юдин Ю. А. Укрощение ядра. Саров-Саранск: Красный Октябрь, 2003.

Антонов В. С. Начальники советской внешней разведки. М.: Вече, 2015.

Антонов В. С. Сто великих разведчиков России. М.: Вече, 2017.

Антонов В. С., Атаманенко И. Г. Сто великих операций спецслужб. М., 2015.

Антонов В. С., Карпов В. Н. Расстрелянная разведка. М.: Международные отношения, 2017.

Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия. М.: 1985.

Воскресенская З. И. Теперь я могу сказать правду. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Гарбуз О. Чернорабочий революции // Советская Россия. Отечественные записки. 2007. Вып. 134. 3 июля.

Гуро И., Андреев А. Горизонты. М.: Политиздат, 1979.

Дамаскин И. А. Сто великих разведчиков. М.: Вече, 2001.

Дамаскин И. А. Сто великих операций спецслужб. М.: Вече, 2003.

Дегтярев К., Колпакиди А. Внешняя разведка СССР. М.: Яуза; Эксмо, 2009.

Дзякович П. К. Очерк города Мелитополя и его уезда в географическом отношении. Мелитополь: Типография Либермана, 1990.

Дмитриев И. Атомный шпион // Секретные материалы 20 века. СПб., 2000. № 18 (37).

Жемчугов А. А. Шпион в окружении Андропова: Разведка в лицах и событиях. М.: Вече, 2004.

Колпакиди А. Ликвидаторы КГБ. М.: Эксмо, Яуза, 2004.

Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

Колпакиди А., Север А. Разведка в Великой Отечественной войне. М., 2010.

Лубянка-2: Из истории отечественной контрразведки. М.: 1999.

Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002.

Малиновская М., Эйтингон Л. На предельной высоте. Великие Луки, 2009.

Михайлов Б. Д. В бурях революции. Мелитополь: природа, археология, история. Запорожье: Дикое Поле, 2002.

Нечипоренко В. Чекисты-писатели // Секретные материалы 20 века. СПб., 2010. № 20 (302).

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов: В 8 т. М.: Русь, 2000.

Очерки истории российской внешней разведки. М., 1997, 1999. Т. 3, 4.

Ретин Л. Битва за Москву // Комсомольская правда. 2017. № 139. 4 декабря.

Родин А. М. Л. П. Берия в атомном проекте // Военно-исторический журнал. 2012. № 9.

Север А. Волкодав Сталина: Правдивая история Павла Судоплатова. М.: Алгоритм, 2014.

Степаков В. Н. Павел Судоплатов — гений террора. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС; Экслибрис, 2003.

Судоплатов А. П. Тайная жизнь генерала Судоплатова: Правда и вымыслы о моем отце: В 2 кн. М.: Современник; ОЛМА-ПРЕСС, 1998.

Судоплатов П. А. Разведка и Кремль: Записки нежелательного свидетеля. М.: ТОО «Гея», 1996.

Судоплатов П. А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002.

Судоплатов П. А. Победа в тайной войне. 1941–1945 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005.

Троцкий Л. Д. Руководить — значит предвидеть. М.: Центрполиграф, 2014.

Чертопруд С. В. Научно-техническая разведка от Ленина до Горбачева. М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2002.

Чиков В. М. Тайные дела «Энормоз» // Независимое военное обозрение. 1997. № 34 (61). 12 сентября.

Чуев Ф. И. Солдаты империи: Беседы. Воспоминания. Документы. М.: Ковчег, 1998.

Шарапов Э. Судоплатов против Канариса. М.: Яуза; Эксмо, 2004.

Шварев Н. А. Разведчики-нелегалы СССР и России. М.: Родина, 2006.

Широкоград А. Б. Сталин был разным в той войне // Независимое военное обозрение. 2017. № 39. 20–26 октября.

Ядерное нераспространение: Краткая энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009.

---

notes

Примечания

Река Молочная — крупнейшая река северо-западного Приазовья в Запорожской области Украины. Впадает в Молочный лиман Азовского моря. В XVIII–XIX веках реку и ее окрестности нередко называли также «Молочными Водами».

Контрреволюционное буржуазно-националистическое правительство так называемой Украинской народной республики (ноябрь 1918 — ноябрь 1920 года, возглавляли: В. К. Винниченко, с февраля 1919 года — С. В. Петлюра). В январе 1919 года объявила войну Советской России. К апрелю изгнана рабочими и крестьянами с территории Украины. После окончания советско-польской войны 1920 года прекратила существование.

Антанта — империалистический блок Великобритании, Франции и царской России. Оформился в 1904–1907 годах и объединил в ходе Первой мировой войны против германской коалиции более двадцати государств (среди них США, Япония, Италия). Провал организованной империалистическими кругами Антанты антисоветской интервенции (1918–1920) и обострение противоречий между участниками Антанты привели к ее распаду.

Григорьевский мятеж — крупнейшее восстание против советской власти на Украине в мае (7—31) 1919 года, последовавшее за выступлением сформировавшихся в Херсонской губернии частей 6-й Украинской советской дивизии под командованием Никифора Григорьева.

В 1926–2016 годах — Днепропетровск, с 3 июня 2016 года — город Днепр.

Воинское формирование в составе армии Австро-Венгерской империи. Сформировано во время Первой мировой войны по национальному признаку из украинцев, проживавших на территории Австро-Венгрии и придерживавшихся украинофильских воззрений.

Бронислав Перацкий, бригадный генерал Войска польского, министр внутренних дел Польши, был убит боевиком ОУН 15 июня 1934 года по инициативе Бандеры без санкции высшего руководства организации. «Молодые» украинские националисты обвиняли Перацкого в угнетении украинцев в Галичине.

Полковник Вальтер Николаи в 1913–1919 годах возглавлял разведывательную службу Германии. После окончания Первой мировой войны вышел в отставку. Гитлер, придя к власти, назначил Николаи руководителем Института истории новой Германии. На самом деле в 1930-е годы он являлся одним из организаторов немецкой армейской разведки.

Александр Николаевич Поскребышев (1891–1965) — генерал-майор, заведующий Особым сектором ЦК (Секретариат И. В. Сталина).

Биографию Н. И. Эйтингона см.: *Антонов В. С. Эйтингон. М.: Молодая гвардия, 2017.*

Иван Александрович Серов (1905–1990) — в тот период являлся заместителем народного комиссара внутренних дел СССР; *Гавриил Александрович Петров* (1901–1961) — начальник штаба истребительных батальонов, начальник управления Главного управления пограничных войск НКВД СССР; *Аркадий Николаевич Аполлонов* (1907–1978) — начальник Главного управления внутренних войск НКВД СССР.

Николай Дмитриевич Мельников (1905–1944) — кадровый сотрудник внешней разведки. С декабря 1939 года являлся заместителем начальника 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР. Курировал Дальневосточный и Ближневосточный регионы. Одновременно являлся заместителем начальника Особой группы, с 18 января 1942 года — 4-го управления НКВД — НКГБ СССР. Комиссар госбезопасности 3-го ранга. Погиб в апреле 1944 года. Постоянный заместитель Судоплатова Н. И. Эйтингон в период создания и деятельности 2-го отдела НКВД СССР находился в долгосрочной заграничной командировке.

Николай Владимирович Львов-Корзухин (1901–1942) — сын В. Н. Львова, обер-прокурора Синода в буржуазном Временном правительстве. После Октябрьской революции активно боролся против советской власти. В 1919 году был арестован органами ВЧК. После освобождения в 1922 году перешел на нелегальное положение, под фамилией Корзухин работал в различных советских учреждениях. В июле 1941 года мобилизован в Красную армию, в октябре перешел на сторону врага и стал работать следователем Жиздринской городской управы, созданной немцами. 26 декабря захвачен бойцами отряда Медведева и доставлен в Москву. 27 июня 1942 года за измену Родине приговорен к расстрелу.

«Пятая колонна» — наименование агентуры генерала Франко, действовавшей в Испанской республике в период гражданской войны 1936–1939 годов. Термин возник в начале октября 1936 года, когда франкистский генерал Э. Мола заявил по радио, что мятежники ведут наступление на Мадрид четырьмя колоннами, а пятая (агентура франкистских спецслужб в рядах республиканцев) в решающий момент ударит с тыла. «Пятая колонна» сеяла панику, занималась саботажем, шпионажем и диверсиями. Появившийся во время гражданской войны в Испании, этот термин прочно закрепился как нарицательное понятие предательства и стал международным. Так, во время Второй мировой войны 1939–1945 годов «пятой колонной» называли нацистскую агентуру в различных странах, помогавшую захвату этих стран фашистскими войсками.

Абвер — орган военной разведки и контрразведки Веймарской республики и Третьего рейха в 1919–1944 годах. Входил в состав Верховного командования вермахта.

На январь 1942 года антигитлеровская коалиция насчитывала 26 государств. К моменту окончания военных действий с Японией в состоянии войны со странами нацистского блока находилось 53 государства.

Страны «оси» — нацистский блок, гитлеровская коалиция, являвшаяся агрессивным военным союзом Германии, Италии, Японии и ряда других государств, которому противостояла антигитлеровская коалиция.

Елена Михайловна Потапова — майор государственной безопасности. В 1937 году окончила МХТИ. С 1938 года — в НКВД. В 1941–1945 годах — оперуполномоченный отдела НТР внешней разведки. По линии отдела «С» вела весь учет получаемой информации по атомному проекту и готовила ее к использованию. Уволена из МВД СССР в 1953 году.

Яков Петрович Терлецкий (1912–1993) — доктор физико-математических наук. В 1945–1950 годах — заместитель (по науке) начальника отдела «С» НКВД — НКГБ СССР. Лауреат Сталинской (1951) и Ленинской (1972) премий.

Соглашение, составленное в Мюнхене 29 сентября 1938 года и подписанное 30 сентября премьер-министром Великобритании Невиллом Чемберленом, премьер-министром Франции Эдуардом Даладье, рейхсканцлером Германии Адольфом Гитлером и премьер-министром Италии Бенито Муссолини, касалось передачи Чехословакией Германии Судетской области.

Владимирский централ — российская центральная тюрьма для особо опасных преступников во Владимире. Основана в конце XVIII века.

Леонид Федорович Райхман (1908–1990) — сотрудник органов государственной безопасности, генерал-лейтенант. В 1946–1951 годах — заместитель начальника контрразведки МГБ СССР. В 1951 году арестован по обвинению в организации «националистического еврейского заговора». В мае 1953 года освобожден и назначен начальником Контрольной инспекции МВД СССР. В августе вновь арестован. В 1956 году Военной коллегией Верховного суда СССР приговорен к восьми годам лишения свободы. В 1957 году амнистирован.

Роман Андреевич Руденко (1907–1981) — входил в состав особой тройки НКВД СССР. Главный обвинитель от СССР на Нюрнбергском процессе. В 1953 году фактически возглавлял следственную группу по делу Л. П. Берии. В 1953–1981 годах — Генеральный прокурор СССР. Герой Социалистического Труда.

Александр Федорович Горкин (1897–1988) — советский государственный и партийный деятель. В 1957–1972 годах — председатель Верховного суда СССР. Герой Социалистического Труда.

До мая 1941 года дипломатические учреждения СССР за границей назывались полномочными представительствами. С мая 1941 года полпредства стали называться, как принято во всем мире, посольствами.